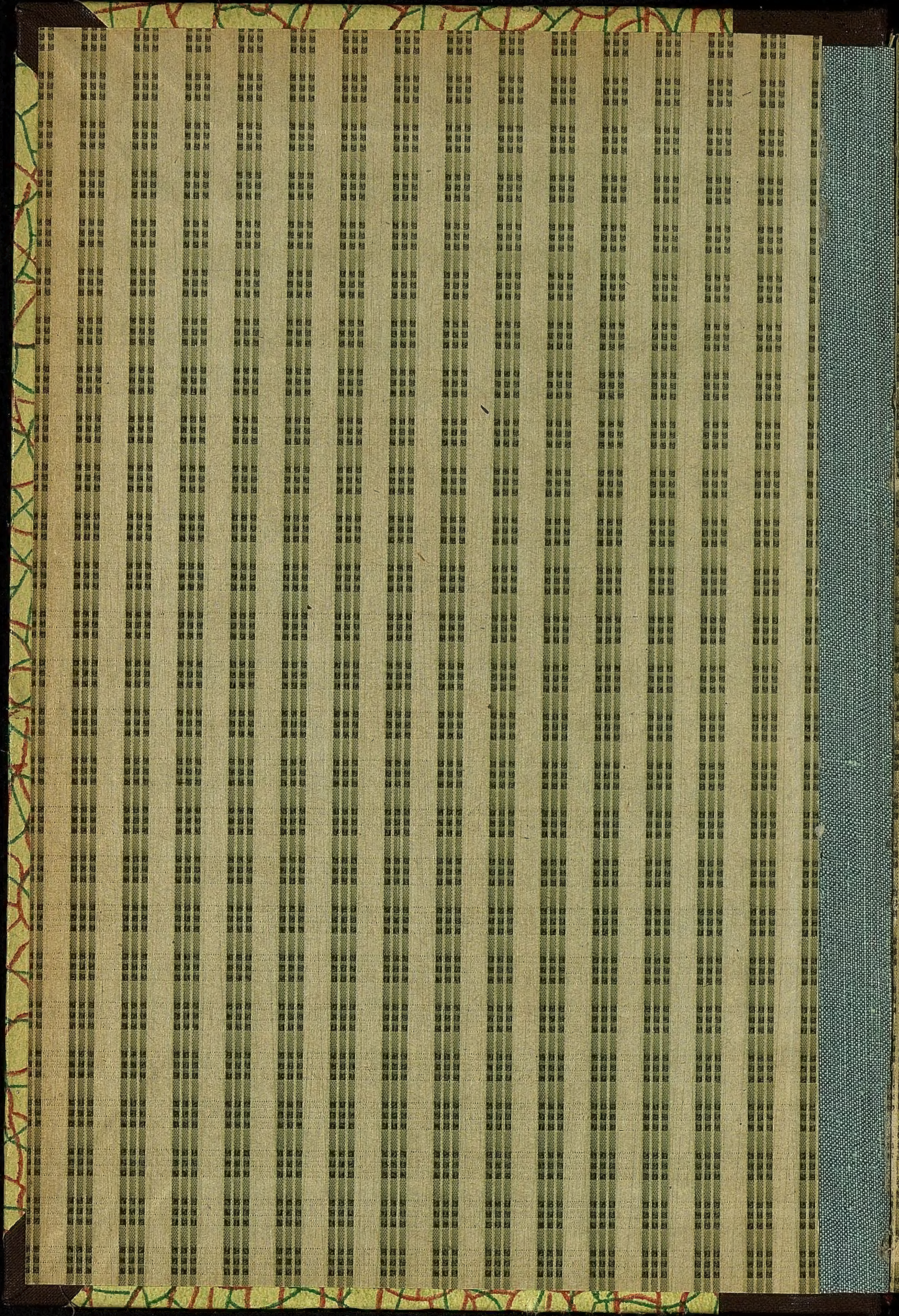
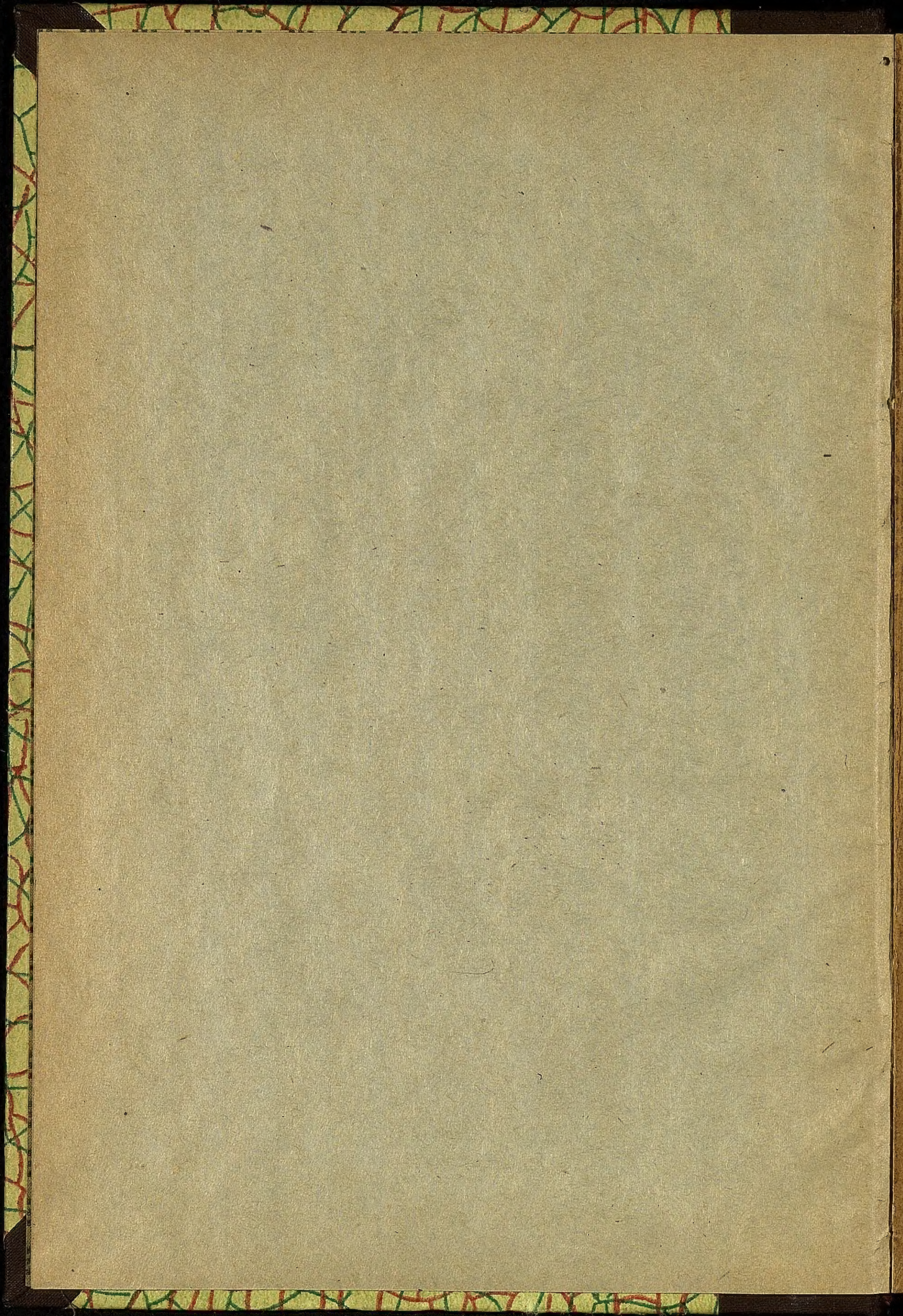

ЛЕКЦІИ

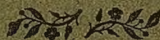
ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА

ординарнаго профессора Императорскаго
Казанскаго Университета

Е. Ѳ. Будде.

Изданіе 2-е,
переработанное и дополненное.

КАЗАНЬ.
Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева.
1914.

ЛЕКЦІИ

ПО

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА

ординарнаго профессора Императорскаго
Казанскаго Университета

Е. Ѳ. Будде.

Изданіе 2-е,

переработанное и дополненное.

КАЗАНЬ.
Изданіе книжнаго магазина М. А. Голубева.
1913.

Типо-литографія Императорскаго Университета.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первое изданіе моихъ „Лекцій по исторіи русскаго языка“ (Каз. 1906 г.) все разошлось. Оно было *первымъ* послѣ извѣстнаго курса *А. И. Соболевскаго*, вышедшаго уже къ тому времени 3-ьимъ изданіемъ. Съ тѣхъ поръ появились: 4-ое изданіе *Соболевскаго* (М. 1907) и краткій конспектъ лекцій *Поржезинскаго*. Курсъ лекцій академика и профессора *А. А. Шахматова*, далеко оставившій позади себя все, изданное по исторіи русскаго языка, къ сожалѣнію, до сихъ поръ извѣстенъ лишь въ литографированномъ видѣ. Я сознаю, что мой курсъ въ первомъ изданіи былъ далеко неудовлетворителенъ: виною этому и спѣшность моей работы, и отсутствіе въ то время надлежащихъ пособій. Мнѣ пришлось для второго изданія совершенно переработать свой курсъ, и я выпускаю его нынѣ въ надеждѣ, что воспользовался въ этомъ второмъ изданіи всѣми указаніями какъ доброжелательной, такъ и недоброжелательной для меня критики, если при этомъ указанія критики, хотя бы и суровой, оказывались дѣльными и пріемлемыми для меня, уже имѣющаго и свой многолѣтній опытъ преподаванія и изученія.

Ординарный профессоръ **Е. Будде.**

Казань. 1913 г.

ВВЕДЕНІЕ.

§ I. Исторія литературы и исторія языка. „Содержаніе и методъ исторіи литературы еще составляютъ *искомое*; исторія литературы должна разработываться съ разныхъ точекъ зрѣнія раньше, чѣмъ можетъ быть достигнуто ея правильное построеніе“. (*Paul.* Grundriss der germanischen Philologie. I Bd. III. Methodenlehre. 6. стр. 215. Изд. 1891 года). Такъ говоритъ авторитетный знатокъ исторіи литературы, германскій филологъ *Пауль* нашего времени. Послѣ долгихъ лѣтъ, потраченныхъ на опредѣленіе задачъ исторіи литературы, какъ науки, установилось, наконецъ, господствующее ея пониманіе, какъ *исторіи идей*, и она вмѣстѣ съ цѣлой серіей наукъ, обнимающихъ *исторію, миѳологію, языкъ, право, народную поэзію* и *литературу* различныхъ народовъ, признается нынѣ наукой *филологической*, т. е. *отдѣломъ филологіи.* Но содержаніе и методъ исторіи литературы, какъ видимъ, не опредѣлены строго и понынѣ. Прежде, чѣмъ стать наукой филологической, исторія литературы прошла цѣлый рядъ этаповъ въ своемъ пониманіи: еще въ XVII—XVIII вѣкѣ понимали исторію литературы, какъ „оглавленіе книгъ, и кто ихъ сложилъ“, какъ „роспись книгамъ“ съ краткими біографіями ихъ авторовъ, на подобіе формулярныхъ списковъ. Затѣмъ стали понимать исторію литературы, какъ *исторію поэзіи.* Такъ, между прочимъ, долгое время понималъ исторію литературы и отецъ нашей критики—Бѣлинскій, который въ своихъ „Литературныхъ мечта-

ніяхъ“ 1834 года открыто заявилъ, что наша литература начинается только съ Пушкина, и что онъ готовъ отдать всю древнюю литературу за одно стихотвореніе Пушкина. Понимая подъ исторіей литературы *исторію поэзіи, какъ искусства*, критика того времени установила эстетическіе принципы, которыми она руководилась при опредѣленіи того, въ чемъ заключалась *поэзія*. Эта эстетическая критика первой половины XIX столѣтія, однако, просуществовала не долго, т. к. вводила собой въ оцѣнку литературныхъ произведеній слишкомъ субъективный элементъ личнаго вкуса при опредѣленіи признаковъ *поэтическаго* произведенія. Кромѣ того, съ точки зрѣнія эстетической критики въ исторію литературы не могли попасть древнія *лѣтописи*, *посланія*, *поученія* и под. прозаическія сочиненія нашей древней литературы. Уже въ сравнительно недавнее время, во второй половинѣ XIX столѣтія, историкъ англійской литературы *Тэнъ* (Taine) выставилъ положеніе, что исторія литературы есть между прочимъ *отраженіе психологическихъ процессовъ жизни общества*; но странно было бы изучать психологію общества по психологіи отдѣльнаго писателя, и потому новѣйшіе историки литературы, психологи и критики, какъ *Геннекенъ* (Hennequin), *Тэнъ-Бринкъ*, *Гюйо*, *Брюнетьеръ* и др., развили положеніе Тэна и справедливо рекомендовали изучать писателя и его творчество въ связи съ общественными и личными условіями его дѣятельности. Требовалось самое подробное изученіе интимной жизни писателя, его среды, условій воспитанія и образованія, его семьи, круга друзей и знакомыхъ, наконецъ, общихъ соціальныхъ условій его времени. (см. *Шаховъ.* „Гете и его время“). Такимъ образомъ, дѣятельность писателя поставлена въ связь съ общими условіями его времени. Съ этой точки зрѣнія справедливо признается древній періодъ нашей литературы до Петра не подлежащимъ *научному* изученію, не составляющимъ науку, т. к. въ этотъ періодъ мы имѣемъ въ большинствѣ случаевъ дѣло съ анонимными авторами или съ авторами, личность которыхъ, за

отсутствіемъ матеріала, не можетъ быть научно изучена, да и самыя условія жизни, связи писателя съ древне-русскимъ обществомъ далеко не полно могутъ быть представлены по тѣмъ же причинамъ. Кромѣ того, самое *время написанія* разныхъ произведеній др. р. литературы остается намъ неизвѣстнымъ, и самыя произведенія дошли до насъ не въ подлинникахъ, а въ позднѣйшихъ спискахъ.

Совсѣмъ не то мы имѣемъ въ *исторіи языка*. Исторія языка покоится на наукѣ, которая называется *сравнительнымъ языковѣдѣніемъ*. Еще въ 1786 году англійскій ученый путешественникъ *Джонсъ* (William Jones), бывшій въ Индіи, выставилъ положеніе, что по его наблюденію языки: древне-индійскій, греческій и латинскій имѣютъ столько между собой общаго, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они происходятъ отъ одного общаго своего родоначальника—отца, т. е. отъ одного языка, который теперь уже, вѣроятно, не существуетъ. Эту мысль можно было высказать только послѣ сравненія языковъ между собою, послѣ того, какъ найдено путемъ сравненія сходство между ними, и опредѣлено по степени сходства ихъ близкое родство. Это близкое родство между названными языками оказалось яснымъ для всякаго филолога какъ въ корняхъ глаголовъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ. Такъ, по сходству корней, означающихъ въ этихъ языкахъ „мать" семейства, мы видимъ, что всѣ эти языки указываютъ согласно своими названіями родственниковъ, составляющихъ членовъ семьи, что уже въ первобытную эпоху индоевропейцевъ у нихъ существовалъ институтъ семьи, родоначальникомъ которой считалась мать—родительница. Названія „сынъ", „дочь" и проч., происходя отъ одного общаго корня въ этихъ языкахъ, указываютъ, что *семья* съ ея членами, какъ особый институтъ, принадлежала эпохѣ языка—отца, который мы будемъ называть *праязыкомъ*, или общимъ *индоевропейскимъ языкомъ*, отъ котораго произошли всѣ родственные языки одной семьи, называемой *индоевропейской*. Къ этой семьѣ языковъ, какъ теперь

доказано, принадлежатъ по своему сходству языки: 1) индійской вѣтви (санскритъ), 2) иранской вѣтви (др. персидскій), 3) армянской вѣтви, 4) албанской вѣтви, 5) греческой вѣтви, 6) италійской вѣтви (латин. яз.), 7) кельтской вѣтви, 8) германской вѣтви, 9) балтійской или литовской вѣтви и 10) славянской вѣтви. Языки славянской вѣтви индоевропейской семьи въ своемъ составѣ имѣютъ: *языки южнославянскіе* (т. е. болгарскій, сербохорватскій и словенскій). Сюда же принадлежитъ тотъ языкъ, на который было переведено въ IX вѣкѣ нашей эры св. Писаніе съ греческаго языка для славянъ. Этотъ языкъ называется *старославянскимъ* и представляетъ собой одно изъ нарѣчій *древне-болгарскаго* языка, именно, нарѣчіе *македонскихъ болгаръ*. Далѣе, въ составъ славянской вѣтви входитъ *языкъ русскій* съ его нарѣчіями и *языки западнославянскіе* (т. е. чешскій, словацкій, лужицкій, польскій, кашубскій и вымершій языкъ *полабскій*).

Но сравнительное языковѣдѣніе еще не выяснитъ намъ отношеній между отдѣльными родственными языками къ общему ихъ родоначальнику, ихъ праязыку, если *сравнительное* языковѣдѣніе не сдѣлается въ то же время *историческимъ*. Отцомъ *сравнительнаго* языковѣдѣнія справедливо считается *Францъ Боппъ*, который въ 1816-мъ году *доказалъ* общее происхожденіе вышеназванныхъ языковъ индоевропейскихъ. Но всетаки *Боппъ* еще не задавался вопросомъ о томъ, каковъ былъ общій индоевропейскій языкъ, и какъ произошли отдѣльные языки индоевр. семьи. Впервые *Шлейхеръ* въ своемъ Compendium'ѣ попытался возстановить формы индоевроп. праязыка и представить древнѣйшую исторію индоевропейской семьи языковъ. Но попытка Шлейхера возможна была только на основахъ исторической школы языкознанія (первое изд. его соч. „Compendium“ 1861 года). Отцомъ же *историческаго* изученія языковъ считается *Яковъ Гриммъ*, написавшій въ 1819-мъ году грамматику всѣхъ германскихъ языковъ. („Deutsche Grammatik“). Гриммъ разсматривалъ отдѣльные языки не только въ ихъ

отношеніяхъ между собою по происхожденію, но также, и притомъ главнымъ образомъ, въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходили въ каждомъ изъ нихъ *съ теченіемъ времени въ историческія эпохи ихъ существованія, т. е. въ эпохи, засвидѣтельствованныя письменными памятниками.* Только послѣ работъ Гримма прочно установилось положеніе, что *одновременно существовать языкъ-отецъ и языкъ-сынъ не могутъ*, что всякій новый языкъ является *изъ стараго* и *на мѣсто стараго* языка даннаго названія. Напр., новый русскій языкъ образовался изъ стараго русскаго языка и на мѣсто стараго русскаго языка. Этотъ принципъ исторіи языка выяснилъ намъ съ помощью сравнительнаго метода не только взаимныя отношенія языковъ одной семьи *по происхожденію*, но и взаимныя отношенія ихъ къ ихъ *праязыку*, родоначальнику, отношенія родственныхъ языковъ одной семьи *по времени.* Такимъ образомъ, *исторія языка есть наука о постоянныхъ видоизмѣненіяхъ языка въ теченіе времени*, или, что то же, *наука о жизни, о движеніи языка во времени.* Какъ видимъ, *методъ* этой науки *сравнительно историческій*, какъ у натуралистовъ.

§ 2. Объемъ науки, ея содержаніе, ея собственное и прикладное значеніе. Методъ и задача ея. *Задача* же исторіи языка прослѣдить судьбы даннаго языка во времени и связать прошлое языка, засвидѣтельствованное памятниками письменности, съ его настоящимъ; уяснить его настоящее изъ его прошлаго. Но, какъ извѣстно, письменные памятники руководятъ историкомъ языка лишь въ періодъ письменности. Такой же періодъ не для всѣхъ народовъ наступаетъ въ одно и то же время: русская письменность, напр., для историка р. языка начинается лишь съ XI вѣка нашей эры, съ 1056—1057 года, отъ котораго сохранился древнѣйшій памятникъ русской письменности, Остромирово Евангеліе, переписанный съ древняго болгарскаго оригинала. Такимъ образомъ, историкъ русскаго языка, дойдя въ изученіи языка по памятникамъ до

XI-го вѣка, т. е. до того времени, отъ котораго *случайно* сохранился памятникъ, остается какъ-бы безпомощнымъ; но въ сущности это не такъ: сравнительное изученіе родственныхъ языковъ, выступая въ качествѣ *метода* для историка языка взамѣнъ *историческаго* изученія, для *доисторическихъ* эпохъ, даетъ языковѣду вѣрное средство возстановить и доисторическое (до письменности) состояніе языка и такимъ образомъ *начать исторію даннаго языка* не съ случайнаго момента или обстоятельства, каковымъ является, именно, то обстоятельство, что до XI вѣка не сохранилось ни одного памятника, написаннаго русскимъ человѣкомъ въ Россіи, а *съ момента выдѣленія русскаго языка изъ общеславянской семьи*, въ которой русскій членъ ея жилъ сначала (приблизительно въ IV—VI в. по Р. Х.), вмѣстѣ со всей семьей (на югъ отъ Нѣмана и на западъ отъ Днѣпра, въ Прикарпатьѣ, въ верховьяхъ Вислы, въ области теперешней Галиціи, г. Кракова и Волынской губерніи), сохраняя однако свои особенности, которыя развились въ немъ впослѣдствіи, уже по выдѣленіи его изъ семьи, приблизительно въ VII—VIII в. по Р. Х. Къ XI-му вѣку наша лѣтопись застаетъ уже русскія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства, разселившимися и усѣвшимися прочно на опредѣленныхъ мѣстахъ. Съ XI-го же вѣка, съ перваго вѣка нашей письменности, мы находимъ въ памятникахъ доказательства того, что въ это время русскій языкъ уже распадался на различныя нарѣчія, образцы которыхъ въ нѣкоторыхъ чертахъ уже попали въ письменность, изобличая собой особенности произношенія того или другого писца въ зависимости отъ мѣстности написанія книги и отъ мѣста рожденія писца. Такимъ образомъ, русская письменность на всемъ пространствѣ съ перваго вѣка своего существованія носитъ на себѣ отпечатокъ *нарѣчій*, или *діалектовъ*, носитъ *діалектическій характеръ*. Если мы сравнимъ особенности древнихъ русскихъ нарѣчій, поскольку они выступаютъ въ древней русской письменности при всей однообраз-

ности ея содержанія и при неблагопріятныхъ условіяхъ возникновенія древняго русскаго литературнаго (письменнаго) языка, съ особенностями *современныхъ* намъ русскихъ нарѣчій, то мы увидимъ, во-первыхъ, что многія древнія особенности діалектическія и *понынѣ* сохранились тамъ же, гдѣ онѣ были извѣстны въ глубокой древности (напр., новгородское произношеніе *ц* вм. *ч* и наоборотъ: *цернецъ*, *чарь*, *улича* и проч.), а, во-вторыхъ, многія діалектическія особенности неизвѣстны по памятникамъ древней письменности, но извѣстны въ современной діалектологіи, т. е. развились въ нарѣчіяхъ русскаго языка съ теченіемъ времени, но уже не попали въ *новую* письменность, т. к. со времени образованія школъ на Руси и развитія *художественной* литературы съ XIX вѣка у насъ установился и *общій типъ* литературнаго языка безъ діалектическихъ примѣсей. Изъ этого видно, что при изученіи исторіи русскаго языка періода письменности необходимо изучать и *русскую діалектологію* для того, чтобы возстановить соотвѣтствіе діалектическихъ особенностей нашего времени особенностямъ того или другого памятника древней письменности и указать его родину. При изученіи же русскаго языка доисторическаго періода необходимо сравнительное изученіе русскаго языка вмѣстѣ съ родственными ему славянскими языками славянской вѣтви. Въ первомъ случаѣ мы изъ сравненія діалектическихъ данныхъ русскаго языка между собою доходимъ до эпохи *общерусскаго* языка (приблизительно IX—X вѣкъ), во второмъ случаѣ путемъ сравненія данныхъ изъ слав. языковъ между собою мы возстановляемъ эпоху *общеславянскаго* языка (приблизительно I—V в.) и узнаемъ, что получилъ русскій языкъ въ наслѣдство изъ этой эпохи, что онъ развилъ у себя въ отдѣльной жизни, до утраты единства, и что развили у себя его нарѣчія уже послѣ XI-го вѣка. Такимъ образомъ, историкъ языка находится лишь *въ извѣстной мѣрѣ въ зависимости отъ памятниковъ письменности, но не безусловно*, и исторія русскаго языка, значитъ, должна

начинаться *задолго до начала письменности на Руси.* (Дѣятельность Кирилла и Меѳодія происходила въ IX вѣкѣ). Кромѣ того, свидѣтельства языка *безпристрастны,* и этимъ языковѣдъ выгодно для себя отличается отъ *чистаго историка,* письменные памятники котораго по самому существу своему всегда *пристрастны. Языкознаніе имѣетъ значеніе* особой науки, когда цѣлью этой науки ставится изученіе языка и при томъ *научное,* а не практическое, т. е. историко-сравнительное изученіе по методу историко-сравнительному. Но языкознаніе можетъ имѣть и *прикладное* значеніе, т. е. быть прикладной наукой, когда намѣчаются вопросы историко-культурные и этнографическіе, которые могутъ быть разрѣшены только путемъ приложенія языкознанія. Такъ, напр., этнографическій составъ русскаго народа также важенъ для историка Россіи, какъ составъ русскаго языка для языковѣда. Наша начальная лѣтопись сохранила до насъ преданіе объ *одиннадцати* русскихъ племенахъ, имѣвшихъ въ древности свои особыя названія, обычаи и вошедшихъ въ составъ русскаго государства путемъ разселенія на территоріи нынѣшней Россіи и путемъ колонизаціи мѣстностей, заселенныхъ первоначально финнами и другими народами. Вотъ, именно, вопросъ о заселеніи русскими племенами нынѣшней Россіи, вопросъ о столкновеніи различныхъ племенъ при колонизаціи чужихъ земель, вопросъ о направленіи, въ которомъ шла русская колонизація изъ южныхъ земель, изъ колыбели общеславянской семьи, а потомъ изъ колыбели общерусской семьи, со средняго Поднѣпровья, гдѣ, какъ нынѣ полагаютъ, помѣщалась первоначально колыбель общерусскаго племени до IX вѣка,— всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только *русской діалектологіей,* которая имѣетъ въ такихъ вопросахъ преимущественное значеніе передъ памятниками исторіи въ виду *непосредственности* показаній самого языка и *субъективнаго показанія историка* о событіяхъ *или письменнаго документа* о событіяхъ.

§ 3. Русская діалектологія и ея отношеніе къ исторіи р. языка. Поэтому русская діалектологія, или наука о современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ въ ихъ исторіи при посредствѣ памятниковъ письменности и при сравнительномъ ихъ изученіи, въ приложеніи къ исторіи русскаго народа, ведетъ къ заключенію о связи между древними русскими племенами нашей лѣтописи и современными русскими нарѣчіями. Зная уже, что особенности діалектическія сохраняются въ теченіе очень долгаго времени, напр., какъ мы видѣли, особенность новгородскаго нарѣчія—говорить *царь*, *цай*, *цудо*, *цёрный* и проч.—сохранилась съ XI вѣка (по памятникамъ) до нашего времени,—мы заключаемъ, что *языкъ вообще консервативенъ*, и что мы, изучивши современныя разнообразія въ произношеніи русскаго народа по нарѣчіямъ и по мѣстностямъ, будемъ имѣть возможность связать каждое изъ нарѣчій, каждый изъ говоровъ древняго русскаго языка съ *опредѣленной мѣстностью* и съ современнымъ его потомкомъ, а при посредствѣ указаній нашей начальной лѣтописи относительно *мѣстъ* поселенія древнихъ русскихъ племенъ, изъ которыхъ каждое, предполагается, говорило *особымъ* нарѣчіемъ, иначе оно не было бы и *особымъ* племенемъ, мы, находя въ древнихъ памятникахъ письменности діалектическія особенности и сравнивая эти особенности съ современными, получаемъ возможность найти родину по языку и для тѣхъ памятниковъ письменности, о которыхъ до насъ не сохранилось свѣдѣній, *гдѣ* они написаны и *кѣмъ* изъ русскихъ людей по происхожденію. Такимъ образомъ, русская діалектологія необходима не только какъ *прикладная* наука, но и какъ *самостоятельная*, для исторіи русскаго языка. Этимъ же способомъ, т. е. слѣдя по району употребленія діалектическихъ особенностей извѣстнаго типа за распространеніемъ извѣстнаго нарѣчія изъ той мѣстности, гдѣ это нарѣчіе или племя помѣщалъ нашъ начальный лѣтописецъ, и откуда сохранился памятникъ съ опредѣленными діалектическими особенностями, сохранившимися до-

нынѣ въ чистомъ или измѣненномъ видѣ, мы узнаемъ и *колонизаціонный путь* того или другого р. племени. Наконецъ русская діалектологія проливаетъ свѣтъ и на самое произношеніе др. русскихъ памятниковъ въ ихъ древней орѳографіи, которая при чтеніи представила бы намъ часто непреодолимыя затрудненія, если бы намъ не помогали живыя русскія современныя нарѣчія. Напр., какъ прочесть др. русское написаніе дєрьгать? Дéргать? Дéрьгать, или еще иначе? Такимъ образомъ современныя русскія нарѣчія, свидѣтельствуя о своемъ происхожденіи отъ разныхъ русскихъ племенъ, восходятъ по памятникамъ письменности въ главнѣйшихъ своихъ особенностяхъ къ XI-му и XII-му вѣку. Особенность памятниковъ нашей письменности та, что почти всѣ они въ древнее время до XVIII вѣка представляютъ собой болѣе или менѣе однообразныя произведенія церковно-богослужебной литературы и по содержанію относятся преимущественно къ области богословскихъ вопросовъ. Кромѣ того, большинство такихъ памятниковъ *переводные* съ древне-болгарскихъ переводовъ съ греч. языка или простыя копіи съ болгарскихъ оригиналовъ, копіи, невольно измѣняющія языкъ оригинала на русскій ладъ. Очень многіе изъ нихъ неизвѣстнаго происхожденія, неизвѣстныхъ авторовъ и безъ указанія времени и мѣста ихъ написанія. Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ необходимыми при изученіи исторіи р. языка постоянныя справки съ данными р. діалектологіи и умаляетъ значеніе письменныхъ памятниковъ для исторіи р. языка, выдвигая значеніе р. діалектологіи въ ея сравнительномъ изученіи. Такимъ образомъ, значеніе письменныхъ памятниковъ для исторіи р. языка древняго періода очень условно и находится въ зависимости отъ содержанія памятника и нашихъ точныхъ свѣдѣній о его происхожденіи и времени написанія. Тѣмъ не менѣе, зная по памятникамъ, что въ древнее время далеко не всѣ діалектическія особенности нашли себѣ выраженіе въ письменности, мы особенно цѣнимъ эти древніе діалектическіе признаки въ памят-

никахъ и съ помощью ихъ можемъ строить *историческую діалектологію,* т. е. рядъ послѣдовательныхъ измѣненій во времени въ жизни извѣстнаго р. нарѣчія.

Литература.

Соболевскій. Опытъ русской діалектологіи. Вып. I. Спб. 1897. Живая Старина 1892 г.

Шахматовъ. Къ вопросу объ образованіи рус. нарѣчій. Р. Ф. В. 1894. № 3. Къ вопросу объ образованіи рус. нарѣчій и рус. народностей. Ж. М. Н. Пр. 1899 № 4.

Будде. Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорус. діалектологіи (Юбил. сборникъ въ честь проф. Миллера. М. 1899 г.).
Отвѣтъ акад. Шахматову и разборъ его послѣдняго мнѣнія объ образованіи рус. нарѣчій Ж. М. Н. Пр. 1899 г. № 9.

Труды Московской діалектологической комиссіи. В. 1908—1910.

Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. I. B. Göttingen 1906. Стр. 3.

Кульбакинъ. Древне-церковно-славянскій языкъ. Харьковъ 1913². Стр. 8—9.

Шахматовъ. Zu den ältesten slavisch—keltischen Beziehungen. Arch. f. sl. Ph. XXXIII B. 1911 г.). Рус. переводъ въ Ученыхъ Зап. Каз. Унив. за августъ 1912 года.

— Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ. I—II. Изв. Ак. наукъ 1911. Спб. 1911.

— Древнія ляшскія поселенія въ Россіи. Журналъ «Славянство» № 4—6—Спб. 1911.

— Къ вопросу о польскомъ вліяніи на древне-русскіе говоры. Р. Ф. В. 1912.

Глава I-ая.

Источники для исторіи р. языка. Два вида русскаго языка въ древней Россіи. Особенности каждаго изъ нихъ.

§. 4. Источники для исторіи р. языка. Способъ пользованія ими. Критика ихъ. Изъ предыдущаго мы можемъ заключить, что *источниками* для исторіи р. языка служатъ: 1) Живыя современныя р. нарѣчія при ихъ сравнительномъ

изученіи. 2) Письменные памятники. Хотя мы знаемъ, что свидѣтельства языка всегда безпристрастны, т. к. о языкѣ намъ говоритъ не постороннее лицо, а *самъ языкъ* въ своихъ формахъ и звукахъ, тѣмъ не менѣе къ письменнымъ памятникамъ нашей древности (да и въ поздній періодъ) нужно языковѣду относиться *очень осторожно*. Это осторожное отношеніе къ памятнику древней р. письменности возникаетъ само собой вслѣдствіе тѣхъ особенностей въ исторіи возникновенія и употребленія нашего письменнаго языка, съ которыми знакомится изслѣдователь. Самое главное, что должно помнить всегда, такъ это то, что наша письменность въ Россіи образовалась путемъ переписки книгъ богослужебнаго характера, приносившихся къ намъ изъ южно-славянскихъ земель, по преимуществу изъ Болгаріи въ первые вѣка (X—XIII в.). Дѣло въ томъ, что славянская азбука Кирилла и Меѳодія, солунскихъ болгаръ по происхожденію, была составлена для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка на языкъ *болгарскій*, который въ то время (въ IX в.) былъ настолько близокъ къ языкамъ прочихъ славянъ (западныхъ славянъ и восточныхъ— русскихъ), что свв. братья Кириллъ и Меѳодій принесли съ собой главнѣйшія богослужебныя книги (Евангеліе, Апостолъ и Псалтырь) изъ Македонскаго города Солуни въ Моравію *въ готовомъ* переводѣ на древне-болгарскомъ нарѣчіи, которое оказалось совершенно понятнымъ и для моравамъ (западныхъ славянъ). Когда стали основываться на Руси церкви (еще при Игорѣ и Ольгѣ въ Кіевской Руси), то понадобились грамотныя духовныя лица и церковныя книги. Естественно, что первыя книги, принесенныя къ намъ первымъ поколѣніемъ нашихъ церковныхъ пастырей, были также *болгарскими*, какъ и сами первые священники—*болгары*. Хотя въ то время болгарскій языкъ и былъ понятенъ русскому человѣку, но, конечно, произношеніе его, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, отличалось отъ русскаго; были отличія, конечно, и въ словахъ. И вотъ первые наши учителя учили русскихъ читать и писать *по болгарскимъ книгамъ*.

При чтеніи (произношеніи) этихъ книгъ первымъ поколѣніемъ нашего духовенства происходило естественное приспособленіе къ произношенію учителей, но въ этомъ произношеніи всетаки, какъ всегда бываетъ, слышался *русскій* оттѣнокъ; а при перепискѣ книгъ *болгарская орѳографія*, приспособленная для передачи *болгарскаго произношенія* того времени (IX—XII в.), получала нерѣдко подъ перомъ *русскаго* человѣка измѣненный видъ, невольно стараясь передать соотвѣтствующее *русское* произношеніе: такъ, написаніе вѣрѫ (чит. „вѣрон“ въ родѣ франц. v'eron) превращалось въ русское *вѣру*; написаніе ꙁємлѧ (чит. „землен“ въ родѣ франц. zemlin) превращалось въ русское *землѧ* (земля) и т. п. Изъ этого выходило то, что переписываемая болгарская книга въ Россіи получала постепенныя наслоенія и видоизмѣненія въ смыслѣ приспособленія къ произношенію русскихъ людей, т. е. болгарскій языкъ постепенно руссифицировался въ Россіи подъ перомъ русскихъ переписчиковъ и получалъ здѣсь возможность такого измѣненія въ книгахъ, при которомъ *невольно* обнаруживалось и русское произношеніе, принадлежавшее въ то время (въ XI в.) *всему русскому народу*, и *русское діалектическое произношеніе*, принадлежавшее данному переписчику, *какъ его родное произношеніе*. Когда переписка книгъ (за отсутствіемъ типографій и опредѣленной системы орѳографіи, которую даетъ только правильно организованная школа) разрослась, то стали появляться книги не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и въ Галицко-Волынской области, и въ Суздальской, и въ Смоленской, и въ Московской и т. д., и вездѣ *невольно* вкрадывались мѣстныя особенности произношенія въ книгахъ, т. к. человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ своего родного произношенія и не можетъ не сдѣлать описокъ, въ особенности при утомленіи, когда приходится переписывать большія толстыя книги, да еще къ спѣху, какъ обыкновенно дѣлалось въ древнее время на Руси, когда практическая нужда въ церковныхъ книгахъ росла быстро по мѣрѣ распространенія христіанства и осно-

ванія церквей, а количество грамотныхъ людей было сравнительно очень невелико. Такимъ образомъ, мы видимъ, что къ намъ былъ занесенъ въ церковныхъ книгахъ *и чужой языкъ и чужая орѳографія.* Вотъ при этихъ всѣхъ соображеніяхъ возникаетъ самъ собой вопросъ, *какъ читать древнія р. книги.* Возникаетъ цѣлая научная дисциплина—*критика источниковъ*, разрабатывающая общія положенія относительно способа пользованія письменными памятниками для данныхъ языка. Само собой разумѣется, что съ теченіемъ времени этотъ чужой языкъ церкви все больше дѣлался русскимъ въ Россіи, а его орѳографія все больше приспособлялась къ потребностямъ русскаго языка. Рядомъ съ этимъ нужно имѣть въ виду, что нашъ литературный языкъ возникъ въ церкви и нашелъ себѣ выраженіе въ церковныхъ, религіозныхъ и богослужебныхъ книгахъ. Все это сдѣлало матеріалъ для сужденія о языкѣ *однообразнымъ* и не *оригинальнымъ.* Чистый русскій матеріалъ, оригинальный, почти безъ примѣси элементовъ церковно-славянской рѣчи, т. е. безъ примѣси древняго болгарскаго нарѣчія въ его церковно-русскомъ отраженіи въ нашихъ церковныхъ книгахъ и пастырскихъ сочиненіяхъ, мы можемъ находить лишь въ *оригинальныхъ* сочиненіяхъ русскаго человѣка, напр., въ р. грамотахъ и дѣловыхъ бумагахъ древняго времени. Такія грамоты составляютъ тоже источникъ для изученія исторіи р. языка, но языкъ ихъ уже другой, а потому въ древней Руси надо отличать языкъ церковныхъ книгъ и дѣловой языкъ, близкій къ разговорному языку того времени. Такимъ образомъ, при чтеніи памятниковъ др. письменности надо имѣть въ виду: 1) общія условія развитія р. письменности; 2) состояніе языка въ каждую данную эпоху, возстановляемое путемъ сравнительно-историческаго изученія р. нарѣчій и 3) содержаніе письменнаго памятника. Если же памятникъ *датированъ,* т. е. на немъ обозначено, *когда, гдѣ,* и *кѣмъ* онъ писанъ, то надо имѣть въ виду и эти данныя. Напр., если мы прочтемъ въ памятникѣ XI—XII в. написа-

ніе *медъ* (медъ), какъ *мё́т*, то это будетъ неправильно, т. к. въ то время, какъ увидимъ дальше изъ исторіи звуковъ р. языка, еще не успѣлъ звукъ *е* перейти въ *ё* (*'о*) въ извѣстномъ фонетическомъ положеніи, равнымъ образомъ конечное *д* не успѣло еще вездѣ перейти въ *т*, какъ это мы видимъ теперь во всемъ великорусско-бѣлорусскомъ произношеніи.

Количество др. р. письменныхъ памятниковъ очень велико, но не всѣ они имѣютъ одинаковое значеніе для исторіи р. языка. Я перечислю здѣсь только извѣстные мнѣ *древнѣйшіе* памятники русской письменности (съ XI в. до XIV-го включительно) и только *датированные* (т. е. имѣющіе хронологическую *дату*, или указаніе *года написанія*, *мѣста написанія*, а иногда и *автора* написанія, переписчика). 1) Древнѣйшій памятникъ, переписанный въ Россіи и сохранившійся до насъ,—это Остромирово Евангеліе, написанное *въ Новгородѣ* дьякономъ *Григоріемъ* для Новгородскаго посадника Остромира въ *1056—1057 году*. Всѣ эти свѣдѣнія указаны въ „Послѣсловіи" этого Евангелія. Нынѣ оно хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. 2) Изборникъ Святослава, написанный дьякомъ Іоанномъ *въ Кіевѣ въ 1073 г.* Нынѣ онъ сохраняется въ Синодальной Библіотекѣ въ Москвѣ. 3) Изборникъ Святослава, написанный *въ Кіевѣ въ 1076 г.* для того же вел. князя Святослава. Нынѣ онъ сохраняется въ Имп. Публ. Библ. въ Петербургѣ. 4) Архангельское Евангеліе, найденное въ Архангельскѣ, написанное въ *1092 г.* По признакамъ языка (см. ниже) это Евангеліе, должно быть, написано на югѣ Россіи, можетъ быть и въ Кіевѣ. Нынѣ оно сохраняется въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ. 5) Минеи-Четьи *1095-го*, *1096-го* и *1097-го* годовъ, написанныя въ *Новгородѣ*. Нынѣ сохраняются въ библіотекѣ Синодальной типографіи въ Москвѣ. 6) Надпись на камнѣ, найденномъ въ Тмуторокани около Керчи, *1068 года*. Вотъ всѣ датированные памятники XI-го вѣка. Объ остальныхъ изъ сохранившихся памятниковъ можно толь-

ко приблизительно сказать по даннымъ языка и внѣшнимъ признакамъ письма, что они относятся *приблизительно* къ XI—XII вѣку, т. к. въ нихъ не сохранилось указаній, подобныхъ выше приведеннымъ.

Къ XII-му вѣку относятся: 1) Мстиславово Евангеліе написанное для Мстислава, сына Мономаха, около *1115* года попомъ Алексою, вѣроятно, въ *Кіевѣ*. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 2) Юрьевское Евангеліе, написанное для Новгородскаго Юрьевскаго Монастыря около *1120* г. какимъ-то „Угринцемъ". Нынѣ находится также въ Синод. б. въ Москвѣ. 3) Галицкое Евангеліе *1144* года. Названо „Галицкимъ" по мѣсту первоначальнаго нахожденія его около южнаго Галича. Нынѣ хранится въ Синод. б. въ Москвѣ. 4) Добрилово Евангеліе *1164* года, названное такъ по имени писца „Добрило". Нынѣ находится въ Рум. Музеѣ въ Москвѣ. Всѣ эти памятники южно-русскаго происхожденія. 5) *Новгородскій* Стихирарь *1157 г.* Нынѣ въ Синод. б. въ Москвѣ и 6) *Новгородскій* же Стихирарь около *1163* г. Нынѣ сохраняется въ Спб. Духовной Академіи. Къ этому вѣку относятся *двѣ грамоты*: 7) Грамота вел. князя Мстислава Владимировича *1130 г.*, вѣроятно *Кіевская* и 8) Вкладная грамота Варлаама Хутынскаго *1192 г.*, *Новгородская*. Къ этому же вѣку относятся нѣсколько надписей, именно: 9) Надпись на *Новгородскомъ* Стерженскомъ крестѣ *1133 г.*; 10) Надпись на чарѣ Черниговскаго князя Владимира Давыдовича *1151 г.*; 11) Надпись на крестѣ Евфросиніи кн. Полоцкой *1161 г.* и 12) Надпись на Рогволодовомъ камнѣ, западно-русскаго происхожденія, *1171 г.*

Къ XIII-му вѣку относятся: 1) *Новгородское* Милятино Евангеліе *1215* года, названо такъ потому, что написано „повелѣніемъ Милятина Лукинича" Нынѣ находится въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 2) *Ростовское* (сѣверное) Житіе Нифонта, написанное въ *1219* году. Нынѣ хранится въ библіотекѣ Троицкой Лавры близъ Москвы. Написано какимъ-

то Кириломъ „въ градѣ Ростовѣ“. (Ярослав. губ.). 3) Апостолъ *1220 г.*, тоже въ *Ростовѣ*. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 4) Тріодь *1226 г. Новгородская*, написана „грѣшнымъ попиномъ Саввою“, а „мирьско имѧ грьцинь“ (вм. „гречинъ“ по новгородскому произношенію *ц* вм. *ч*). По имени списателя называется Саввина Тріодь. Нынѣ хранится въ Спб. Духовной Академіи. 5) Трефолой *1260 г.*, *Новгородскій*. Нынѣ въ Синод. б. въ Москвѣ. 6) Прологъ *1262 г.*, *Новгородскій*. Принадлежалъ библіотекѣ купцовъ Хлудовыхъ въ Москвѣ. Нынѣ хранится въ Никольскомъ Единовѣрческомъ монастырѣ въ Москвѣ. 7) Галицкое Евангеліе *1266 г.*, написано въ Галицко Волынской области. Нынѣ находится въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 8) Евангеліе *1283 г.*, написано въ той же области. Нынѣ въ Рум. Музеѣ въ Москвѣ. (См. объ этихъ двухъ Евангеліяхъ полнѣе и точнѣе у *Грушевскаго* въ его: „Історіи Руси-України“. II. 2. Львовъ. 1905. Стр. 404). 9) *Новгородское* Евангеліе *1270 г.* Нынѣ въ Рум. Музеѣ въ Москвѣ. Написано Георгіемъ, сыномъ попа, „глаголемаго Лотыша съ городища“. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ этомъ Евангеліи есть признаки языка, находимые обыкновенно въ южно-русскихъ рукописяхъ, напр., „И принесоша ѥмоу вся болящаѩ и моляхоутн и да токмо прикосноутьсѧ подолѣ ризъ ѥго“. *Моляхоути и* вм. *моляхоуть и*, т. е. *молили его* („*и*“— вин. п. ед. ч. мѣстоименія 3-го лица: и, ѩ ѥ=современному *онъ*, *она*, *оно*). 10) Паремейникъ *1271 г.*, *Новгородскій*. Нынѣ въ Имп. Публ. б. въ Петербургѣ. 11) Кормчая книга *1282 г.*, *Новгородская*, съ приложеніемъ „Русской Правды“. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 12) *Рязанская* Кормчая *1284 г.* Названа такъ по мѣсту написанія. Писана нѣсколькими писцами и съ признаками не сѣверно-русскаго произношенія. Хранится нынѣ въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 13) Псалтырь *1296 г. Западно-русская по языку*. Хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 14) Пандекты Никона Черногорца *1296 г. Сѣверно-русскаго* происхожденія. Нынѣ хранит-

ся въ Синод. б. въ Москвѣ. Къ этому же вѣку относятся слѣдующіе договоры и грамоты (акты—памятники не *церковнаго*, а *дѣлового* русскаго языка). 15) Два договора Смоленскаго князя съ Ригою („Смоленская Правда") *1229 г.* и *1230 г.* 16) Смоленскія и Рижскія грамоты. 17) Новгородскіе договоры и грамоты съ нѣмцами и къ нѣмцамъ. 18) Первые договоры новгородцевъ съ тверскими князьями и 19) Духовная грамота новгородца Климента *1270 г.* Объ остальныхъ памятникахъ этого времени я не упоминаю, п. ч. *вѣкъ* ихъ можно опредѣлить только *приблизительно* по языку и по даннымъ исторіи, равнымъ образомъ *мѣсто* ихъ написанія не поддается по даннымъ языка точнѣйшему опредѣленію, хотя изъ такихъ памятниковъ многіе въ общемъ очень важны при изученіи др. русскаго языка. Всѣхъ грамотъ XIII-го вѣка сохранилось до насъ *пятнадцать*.

Къ XIV-му вѣку относятся: 1) Поликарпово Евангеліе *1307 г.*, переписанное великороссомъ Поликарпомъ. Нынѣ хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 2) Два *псковскихъ* Апостола: одинъ—*1307 г.*, другой—*1306—1312 г.* 3) *Новгородская* Тріодь *1311 г.* Какъ два Апостола, такъ и Тріодь нынѣ сохраняются въ Синод. библ. въ Москвѣ. 4) Евангеліе *1317 г.* Сохраняется въ библіотекѣ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Писалъ это евангеліе Пантелеймону Мартыновичу „грѣшный рабъ ѥскѧ поповичъ". Ѥскѧ = Іоска = Іосифъ. (Срв. ѥлкѧ—іолка—ёлка—елка въ нашей орѳографіи). По языку въ этомъ евангеліи можно подмѣтить признаки южно-русскаго произношенія. 5) Евангеліе *1339 г. Московское.* Хранится въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ. 6) Евангеліе *1354 г. Переяславское.* Въ Синод. библ. въ Москвѣ. 7) *Новгородское* Евангеліе *1355 г.* Хранится въ Синод. библ. въ Москвѣ. 8) Прологъ *1356 г. Новгородскій.* Нынѣ въ библ. Синод. типографіи въ Москвѣ. 9) Ев. *1357 г.*, Сѣвернаго Галича. Въ настоящее время сохраняется въ Синод. библ. въ Москвѣ. 10) Ев. *1358 г.* Написано въ *Московской* области.

Нынѣ хранится въ Синод. б. въ Москвѣ. 11) Евангеліе до *1362 г. Новгородское*. Нынѣ въ библ. Синодальной типографіи въ Москвѣ. 12) *Суздальскій* списокъ Лѣтописи, сдѣланный монахомъ Лаврентіемъ для сузд. князя Дмитрія Константиновича въ *1377 г.* Въ этомъ спискѣ, называемомъ обыкновенно просто по имени переписчика *Лаврентьевскимъ спискомъ*, находятся три лѣтописи: Несторова часть Начальной Лѣтописи, Кіевская Лѣтопись и Суздальская Лѣтопись. Это—древнѣйшій списокъ нашей лѣтописи съ опредѣленной *датой*, сохранившійся до насъ, и хранится онъ нынѣ въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 13) Паремейникъ *1378 г.* Хранится въ Москов. Публичномъ Музеѣ. 14) Два *псковскихъ* Параклитика *1369* и *1386 г.* Нынѣ въ Синод. библ. въ Москвѣ. 15) Прологъ *1383 г. Псковскій*. Нынѣ въ Типогр. библ. въ Москвѣ. 16) Стихирарь *1380*-го года. Нынѣ въ библ. Троицкой Лавры близъ Москвы. 17) *Московское* Евангеліе *1393 г.* Нынѣ въ Публ. библ. въ Спб. 18) *Кіевская* Псалтырь *1397 г.* Нынѣ въ библ. Общества любителей древней письменности въ Спб. 19) Тактиконъ Никона Черногорца *1397 г. Новгородскій* списокъ съ средне-болгарскаго оригинала. Нынѣ въ Имп. Публ. библ. въ С.-Петербургѣ. 20) Евангеліе *1399 г.* Нынѣ въ Типогр. библ. въ Москвѣ. 81) Служебникъ *1400 г.*, *Новгородскій*. Нынѣ въ Синод. библ. въ Москвѣ. Другіе памятники, хотя и принадлежатъ XIV-му вѣку, но не отмѣчены годомъ. Отъ XIV-го же вѣка сохранилось до 100 штукъ грамотъ, памятниковъ *дѣлового*, юридическаго русскаго языка. Болѣе всѣхъ другихъ грамотъ за это время выпадаетъ на долю Новгорода, затѣмъ Москвы, причемъ древнѣйшая московская грамота—это *духовная* Іоанна Калиты около *1327 г.*, затѣмъ идутъ грамоты *Рязанскія*, *Смоленскія*, *Полоцкія*, *Галицко-Волынскія*, *западно-русскія* и *молдавскія* съ южно-русскими особенностами въ языкѣ. *Двинскія* грамоты относятся къ XIV—XV вѣку и обнимаютъ область нижняго теченія Сѣверной Двины, слѣдовательно, соотвѣтствующіе уѣзды ны-

нѣшней Вологодской губерніи, современный говоръ которой довольно хорошо изученъ въ наше время. Древнія грамоты Двинской области изданы прекрасно и изучены въ лингвистическомъ отношеніи академикомъ *А. А. Шахматовымъ*, благодаря чему удобно становится сравнивать древній русскій говоръ Двинской области и современный русскій говоръ Вологодской губерніи. При сравненіи обнаруживается, что нынѣшній говоръ Вологодской губерніи (Кадниковскаго и Тотемскаго уу. См. изслѣдованіе *Бѣлоруссова* и друг.) очень близокъ къ говору прилегающей части Новгородской губерніи Бѣлозерской округи, а оба эти говора имѣютъ своимъ предкомъ древній русскій двинскій говоръ, который можетъ быть признанъ какъ одинъ изъ говоровъ, принадлежавшихъ племени, колонизовавшему между прочимъ и нынѣшній Вятскій край. Нельзя этого отрицать при изслѣдованіи современнаго вятскаго говора, но изученіе русской діалектологіи въ районѣ нынѣшняго южно-великорусскаго нарѣчія ясно указало, что въ Вятскій край шла колонизація не только съ сѣверо-запада, но и съ юго запада, куда пришли по Окѣ вятичи и откуда были сдвинуты сѣверянами. Въ предѣлахъ нынѣшняго Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи въ древности было населеніе сѣверно-великорусскаго происхожденія.

§ 5. Мы перечислили древнѣйшіе датированные памятники русскаго языка, именно, тѣ, на которые мы по преимуществу будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылаться. Всѣхъ же рукописныхъ *книгъ* съ *XI* по *XIV* вѣкъ включительно сохранилось болѣе 500, а *грамотъ* за это время около 150. Подробности о нихъ, каталоги рукописей и проч. указанія см. въ „Лекціяхъ“ *Соболевскаго* въ соотвѣтствующей главѣ. („Лекціи по исторіи р. языка“. М. 1907[4]. Глава II. Источники. Стр. 5—18). Мы опредѣлимъ общее значеніе перечисленныхъ нами памятниковъ для исторіи русскаго языка.

Русскій литературный языкъ по памятникамъ письменности съ XI — XIV в. включительно представленъ намъ слѣдующимъ матеріаломъ въ перечисленныхъ книгахъ и грамотахъ. Весь матеріалъ, заключающійся въ книгахъ съ XI по XIV в. включительно, по содержанію своему, какъ видно изъ перечня въ § 4, очень однообразенъ: это все церковно-богослужебныя книги или сочиненія по церковному управленію и по религіозно-богословскимъ вопросамъ. Такое однообразіе матеріала не случайно и отражается очень невыгодно на исторіи р. языка. Въ самомъ дѣлѣ, кругъ словъ и понятій нашей древней письменности очень, въ сущности, не великъ, т. к. ограничивается сферой церковной службы и практики, сферой религіозно-богословскихъ интересовъ. Понятно, что большинство этихъ понятій и интересовъ возникло не на русской почвѣ, а на почвѣ византійской, гдѣ процвѣло христіанство съ ея церковью по чину православія и на почвѣ болгарской, культурной посредницѣ нашихъ сношеній съ Византіей. При этихъ условіяхъ возникъ особый языкъ нашей древней письменности, *руссифицированный языкъ древнихъ болгаръ*, который, проникши къ намъ вмѣстѣ съ первыми церковными книгами на древне-болгарскомъ языкѣ и вмѣстѣ сь нашими первыми церковными учителями—болгарами въ X-мъ вѣкѣ, сталъ на первыхъ же порахъ руссифицироваться въ отдѣльныхъ звукахъ и формахъ подъ перомъ русскихъ переписчиковъ и въ устахъ русскихъ священниковъ. Какъ ни старалось первое поколѣніе русскихъ грамотеевъ—священниковъ подражать и въ произношеніи и при перепискѣ книгъ своимъ учителямъ—болгарамъ и своимъ оригиналамъ—др. болгарскимъ книгамъ, но уже древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ, переписанныхъ въ Россіи и русскимъ человѣкомъ, книгъ—Остромирово Евангеліе 1056—1057 года, полна *описокъ*, и сознательныхъ и безсознательныхъ, изобличающихъ въ переписчикѣ Евангелія, дьяконѣ Григоріи, *русскаго* человѣка съ *русскимъ* произношеніемъ. Такія описки *діалектическаго*

(съ точки зрѣнія общеславянскаго языка) характера въ Остр. Евангеліи представляютъ собой *древнѣйшія письменныя доказательства* того, что русскій языкъ уже въ XI вѣкѣ былъ *особымъ отъ другихъ слав. языковъ языкомъ*; эти описки—первые письменные документы исторіи р. языка, и эти документы свидѣтельствуютъ: 1) *что р. языкъ въ XI вѣкѣ уже не имѣлъ носовыхъ гласныхъ звуковъ*, т. к. *дьяконъ Григорій* при перепискѣ съ оригинала буквъ ѫ и ѧ (носовыхъ гласныхъ др. болгарскаго, или старославянскаго языка) *уже не понималъ ихъ звукового значенія и ставилъ вмѣсто нихъ буквы* оу *и* ꙗ *съ русскимъ звуковымъ ихъ значеніемъ* (*а*, *я*, и *у*, *ю*), 2) *что р. языкъ уже въ XI вѣкѣ имѣлъ полногласіе, т. е. сочетанія оро, ере, оло, еле между согласными вмѣсто др. болгарскаго ра, ла, лѣ, рѣ, въ этомъ же положеніи*. Напр., дьяконъ Григорій пишетъ Новѣ*городѣ*, *Воло*димеръ, *пере*гнѫвъ вмѣсто: *градѣ*, *Вла*димиръ, прѣгнѫвъ и проч. Стало быть, уже съ перваго вѣка своего *историческаго* (засвидѣтельствованнаго письменными памятниками) существованія русскій языкъ отличался отъ прочихъ слав. языковъ *отсутствіемъ носовыхъ гласныхъ* и *полногласіемъ*. Эти звуковыя (фонетическія) особенности русскаго языка развились уже въ эпоху отдѣльной отъ прочихъ славянъ жизни русскаго языка, т. е. послѣ выдѣленія р. языка изъ общеславянской семьи, т. к. въ прочихъ славянскихъ языкахъ этихъ особенностей нѣтъ, и, слѣдовательно, *онѣ не могли быть получены р. языкомъ, унаслѣдованы имъ, отъ общеславянской эпохи*. Но мы увидимъ ниже, что въ русскомъ языкѣ XI-го вѣка были еще и такія особенности, которыя унаслѣдованы были русскимъ языкомъ отъ общеславянской эпохи и перешли въ русскій языкъ изъ общеславянскаго, сохранившись въ русскомъ и въ историческую его эпоху, т. е. послѣ появленія письменности. Это тѣ особенности, которыя отличаютъ русскій языкъ *не отъ прочихъ славянскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ прочими славянскими языками*

отъ языковъ не славянскихъ, хотя и принадлежащихъ вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ къ одной болѣе обширной семьѣ родственныхъ языковъ индоевропейскаго происхожденія (см. выше).

§ 6. Русскій языкъ древней нашей письменности (*не литературы*, которую я начинаю съ Петра Великаго, съ XVIII вѣка, когда уже возможно изслѣдовать *личность* писателя и его значеніе, какъ опредѣлялось то и другое въ зависимости отъ общихъ условій и подъ вліяніемъ окружавшей писателя среды и его индивидуальности) представленъ намъ однако, какъ мы уже знаемъ, не только *въ книгахъ* указаннаго выше содержанія, но и въ грамотахъ, юридическихъ актахъ и дѣловыхъ бумагахъ разнаго рода. Это—*языкъ дѣловой* (въ отличіе отъ церковнаго), близкій къ разговорному древнему р. языку. Дѣло въ томъ, что помимо церковныхъ интересовъ въ жизни р. людей складывались и интересы другого рода: *бытовые, юридическіе* (правовые), *общественные*. Тѣ формы взаимоотношеній въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, которыя складывались и укладывались по мѣрѣ развитія общественности и собственности, обнаруживали потребность обозначенія на бумагѣ, нуждались въ закрѣпленіи путемъ договоровъ, законовъ, завѣщаній, грамотъ разнаго рода (вкладныхъ, жалованныхъ, рядныхъ, межевыхъ, дарственныхъ и проч.). Вотъ всѣ эти виды дѣловыхъ бумагъ, отъ кого бы онѣ ни исходили, отъ великаго ли князя, отъ частнаго ли лица, отъ отца къ дѣтямъ, отъ мужа къ женѣ, отъ владѣльца собственника, отъ жертвователя и проч., затрагивали такіе вопросы, которые для своего письменнаго выраженія не могли находить оригинала въ *церковной* или *богослужебной* и *поучительной* литературѣ. Эти бумаги должны были обозначать и формы отношеній и отдѣльные предметы (Напр., „Русская Правда“, Договоры смоленскаго князя съ Ригою, Новгорода съ Тверью, грамоты дарственныя на *вкладъ* въ монастырь, межевыя земельныя грамоты, духовныя завѣщанія, свадебныя (рядныя)

записи и проч., и проч.) тѣми словами и тѣмъ языкомъ (синтаксисомъ), который слышался повседневно, былъ въ быту, въ употребленіи. Это чисто русскій языкъ со всѣми его діалектическими особенностями по мѣстностямъ, со всѣми др. русскими названіями различныхъ предметовъ домашняго быта. Но писать грамоты и дѣловыя бумаги опять таки могли только *грамотеи*, а послѣдніе выучились читать и писать по *церковнымъ* книгамъ, и потому и въ языкѣ грамотъ мы нерѣдко найдемъ тотъ общій фонъ церковно книжнаго языка, который служилъ общимъ фономъ языка всей р. письменности до Петра Великаго. Хотя надо признаться, что примѣсь (невольная, а часто и умышленная у такого лица, которое принадлежало къ духовенству или намѣренно выражалось по книжному, *витіевато*) церковно-славянскаго книжнаго языка въ общемъ въ грамотахъ очень незначительна сравнительно съ церковными и богословскими книгами. Вотъ этотъ *дѣловой языкъ* дьяковъ и подьячихъ былъ бы самымъ богатымъ источникомъ исторіи р. языка, если бы наши грамоты (какъ оффиціальныя—княжескія, такъ и частныя) были вообще сколько-нибудь значительны по объему (какъ напр., Русская Правда) и разнообразны по содержанію, но въ томъ то и бѣда, что всѣ эти дѣловыя бумаги въ общемъ кратки и повторяютъ другъ друга съ несущественными варьяціями въ языкѣ и содержаніи, свидѣтельствуя собой о простотѣ др. русскихъ бытовыхъ и общественныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе всетаки—*памятники дѣловаго русскаго языка* до XIV вѣка и даже гораздо дальше, можно сказать, *служатъ самымъ важнымъ письменнымъ источникомъ исторіи р. языка.*

Глава II-ая.

Какимъ законамъ подчиняются процессы жизни языка. Лингвистическія эпохи. Опредѣленіе понятія „языкъ“. Опредѣленіе понятія „русскій языкъ“.

§ 7. Понятіе о законахъ въ языкѣ. Мы видѣли выше, что языкъ живого народа находится въ постоянномъ движеніи, въ безпрерывномъ видоизмѣненіи въ устахъ говорящихъ лицъ, причемъ сами говорящіе не замѣчаютъ этихъ измѣненій, т. к. эти *измѣненія непроизвольны* и *безсознательны*. Хронологическое разсмотрѣніе видоизмѣненій языка въ теченіе его жизни (употребленія) и составляетъ содержаніе *науки исторіи языка*. Изъ этихъ видоизмѣненій при достаточномъ ихъ накопленіи и въ извѣстный болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени возникаетъ *новый языкъ* на мѣсто и вмѣсто стараго, который перестаетъ существовать при новомъ. Всѣ такія видоизмѣненія совершаются въ языкѣ или во времени (въ его исторіи), или въ пространствѣ его употребленія (по нарѣчіямъ). Напр., было *медъ*, а стало *мёдъ*, (*м'от*), было *жиръ*, а стало *жыр* и проч. Эти видоизмѣненія—*звуковыя*, или *фонетическія, отличающія собой одну эпоху языка русскаго отъ другой*—слѣдующей. Но *московское лѣс* (*л' éс*) при *полтавскомъ ліс* отличаютъ собой *въ одно и то же время* русскій языкъ сѣвера отъ русскаго языка юга, по мѣстностямъ, по пространству его употребленія, т. е. *по нарѣчіямъ* (великорусскому и малорусскому). Эти видоизмѣненія называются *внѣшними*, или *звуковыми*, *фонетическими* и подлежатъ учету, т. е. найдены для нихъ *опредѣленныя условія* (напр., фонетическое положеніе; положеніе даннаго звука, изображаемаго на письмѣ извѣстною буквою, среди другихъ звуковъ—буквъ въ словѣ), *при которыхъ имѣетъ мѣсто опредѣленное звуковое измѣненіе въ данномъ языкѣ или его нарѣчіи, въ данное время.* Та-

кимъ образомъ, *законъ языка, лингвистическій законъ долженъ быть понимаемъ, какъ опредѣленіе тѣхъ условій времени и мѣста употребленія языка, а также условій положенія звука въ словѣ, при которыхъ необходимо наблюдается опредѣленное строго измѣненіе звука или звуковыхъ сочетаній.* Отсюда необходимо слѣдуетъ, что *законы языка мѣняются съ теченіемъ времени и разнообразятся по нарѣчіямъ.* Когда законъ такой пересталъ уже существовать, то обнаруженіе его въ языкѣ уже не замѣчается, и этимъ опредѣляются *эпохи жизни языка, лингвистическія эпохи исторіи языка.* Такимъ образомъ, лингвистическіе законы существенно отличаются отъ законовъ въ естественныхъ и математическихъ наукахъ: законъ всемірнаго тяготѣнія, законъ сохраненія энергіи и под. существуютъ во все время и вездѣ, не измѣняясь, а законы языка ограничены временемъ и мѣстомъ. Но не надо думать поэтому, что законы языка не найдены и не точны: если *законъ языка найденъ, то онъ обязателенъ* въ границахъ времени и пространства и при наличности извѣстныхъ условій (фонетическихъ) *безъ всякихъ исключеній.* Онъ точенъ и ясенъ. Но это не значитъ еще, что всѣ законы языка нами уже найдены: пока не всѣ законы найдены, до тѣхъ поръ мы постоянно наталкиваемся въ языкѣ на противорѣчія фактовъ языка однихъ другимъ, обнятымъ найденнымъ закономъ. Однако эти противорѣчія не суть исключенія изъ законовъ, а *столкновеніе самихъ законовъ*, причемъ одни законы намъ извѣстны, а другіе нѣтъ. И вотъ факты языка, противорѣчащіе нашимъ найденнымъ законамъ, мы *пока* называемъ фактами, происшедшими *по аналогіи* (по сходству, которое распространилось въ своемъ вліяніи и на другія слова), но глубоко убѣждены въ томъ, что сама *аналогія* подчинена какимъ-то пока неизвѣстнымъ намъ, но существующимъ законамъ языка, вѣроятно, обусловленнымъ законами мысли, т. е. законами воздѣйствія *мысли на языкъ*, т. к. языкъ, какъ форма мысли, вызываетъ собой и самую мысль, а содержаніе языка—мысль

постоянно вызываетъ собой и соотвѣтствующую форму—языкъ. Измѣненія въ языкѣ *по аналогіи* мы называемъ *внутренними* измѣненіями, или *психологическими*, въ отличіе отъ вышеназванныхъ *внѣшнихъ*, или *фонетическихъ*, т. е. *физіологическихъ*, въ произносимыхъ звукахъ рѣчи. Напр., наше окончаніе вин. п. именъ сущ. муж. рода—*ъ*, которое было когда-то *гласнымъ звукомъ*, *гласнымъ окончаніемъ*, *глухимъ звукомъ* (иначе оно не изображалось бы *буквою* въ тотъ періодъ нашей письменности, когда орѳографія выражала собой произношеніе, когда *азбука составлялась для изображенія слышавшихся въ рѣчи звуковъ*) есть *законное* соотвѣтствіе звука общеславянскаго языка звуку общаго индоевропейскаго языка въ вин. п. ед. ч. именъ сущ. муж. рода: др. инд. $v\underset{\circ}{r}$kam, лит. vil̃k*am*, лат. lup*um*, греч. *λύκον*, стрсл. вльк*ъ* показываютъ ясно, что во всѣхъ родственныхъ языкахъ окончаніе вин. п. ед. ч. этихъ именъ сущ. было: гласная (*a*, *u*, *o*—*ъ*) + носовая согласная *m* (*n*). Однако мы видимъ, что носовая конечная согласная отпала во всѣхъ славянскихъ языкахъ, т. к. нѣтъ ни одного слав. языка, въ которомъ она въ этой формѣ была бы; но передъ ней сохранился *ъ*, который соотвѣтствуетъ латинскому *u*, греческому *o*, литовскому *a* и др. индійскому *a*. Такъ какъ мы знаемъ, что латинское *u* въ такомъ фонетическомъ положеніи, т. е. въ *закрытомъ* (кончающемся на согласный звукъ) *конечномъ слогѣ слова* образовалось уже на латинской почвѣ изъ болѣе ранняго латинскаго же *o* (equ*u*s изъ болѣе ранняго equ*o*s, ist*u*d, изъ болѣе ранняго ist*o*d, какъ видно изъ латинскихъ надписей) при неударяемости послѣдняго, то мы заключаемъ, что латинское lup*um* изъ болѣе ранняго *lup*o*m, т. е. *o* въ закрытомъ слогѣ само *закрылось*, стало *закрытымъ* (еще болѣе лабіализовалось, см. ниже), т. е. при произношеніи стало примѣнять *губную артикуляцію*, видоизмѣнилось при произношеніи по направленію къ звуку *u*, и тоже мы заключаемъ и объ общеславянскомъ гласномъ *ъ* въ его соотвѣтствіи съ *o*, т. к. *ъ* есть *закрытое o*, какъ показываетъ самъ старсл. языкъ, напр.,

сънъ (лат. somnus, sopor)—*сонъ* и проч. Изъ этихъ данныхъ мы вправѣ заключить, что въ общемъ праязыкѣ былъ на этомъ мѣстѣ такой звукъ, изъ котораго могъ развиться и *a* и *o* (*и*, *ъ*), т. е. a^0—звукъ *a*, склонный при произношеніи къ звуку *o* (срв. соврем. нѣм. Fa°ust). Такимъ образомъ, въ праязыкѣ индоевропейскомъ было *точно и несомнѣнно*—a^0m, т. е. *vr̥ka°m*. Стало быть a^0=*a*, *o*, *и*, ъ. Поэтому мы должны бы были ожидать: yugám, ζυγόν, jugum при праязычномъ *jugá°m—c. слав. и русское *игъ*, но мы имѣемъ иго, какъ въ то, т. е. *иго* имѣетъ *o* не по фонетическому закону, а *по аналогіи* съ мѣстоименіемъ ср. рода *то*; также всѣ имена ср. рода: село, окно, благо, добро и под. Этотъ законъ общеславянской эпохи и аналогія тоже этого же времени. Но въ примѣрѣ *мёдъ* (м'от) изъ *медъ* мы имѣемъ законъ уже исторической эпохи (XIII—XIV вѣка); законъ измѣненія *е* въ *о* (*ё*—буква, означающая собой звукъ *о*, передъ которымъ согласный произносится *мягко*, т. е. прикосновеніемъ языка *къ небу*, это произношеніе называется *небнымъ*, или *палатальнымъ* и приближается къ звуку *і*, который поэтому всегда есть звукъ *палатальный* отъ лат. *palatum*=нёбо. Обозначается звукъ небный согласный *апострофомъ* сверху и съ правой стороны надъ буквой: *м'*, *н'*, *р'*, *с'*.... читай: *мь*, *нь*, *рь*, *сь*.... Сравни: м'от и *мёдъ* въ произношеніи и въ орѳографіи. Изъ этого сравненія видно, какъ отстала орѳографія отъ произношенія, а когда азбука составлялась, тогда она выражала собой произношеніе, и потому старое написаніе *медъ* свидѣтельствуетъ о бывшемъ когда-то произношеніи, которое мы могли бы, согласно орѳографіи и согласно соотвѣтствію звуковъ, найденному сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, условно передать такъ: *medй* (латинскими буквами, причемъ *й* почти не слышалось, какъ во франц. *e* muet: *mère*, *père*, *mérite*.... Или, напр., старославянское (др. болгарское) написаніе влъкъ (лъ между двумя согласными въ др. болгарскомъ языкѣ обозначало *слогообразующій* звукъ л, сонантъ л, слоговой л) мы могли бы передать

для произношенія лат. буквами: v̥lkŭ или v̥lkŏ, гдѣ l̥ означаетъ *слогообразующій* l, л. Срв. выше vr̥kām, со *слогообразующимъ* r, р). Это измѣненіе *е* въ *о* со смягченіемъ предшествующей согласной (обозначается *'о*. См. выше) всегда происходило *въ великорусскомъ нарѣчіи подъ удареніемъ передъ твердымъ звукомъ или слогомъ*. Срв. мёдъ, плёлъ, вёлъ, шолъ, брёлъ, но: пл*еть* и проч. Поэтому, въ словахъ при отсутствіи наличности этихъ условій *е* не измѣняется въ *о* (т. е. не подъ удареніемъ и не передъ твердымъ звукомъ). Вотъ почему мы имѣемъ тво*е́ю*, сво*е́ю*, *мое́ю*, *бре́ю*, *лиле́ю* (у Пушкина) и проч. Но: *семье̋ю*, *свинье̋ю*, *скамье̋ю* и проч. представляютъ противорѣчіе закону, т. к. въ нихъ звукъ *е* находится, хотя и подъ удареніемъ, но *передъ мягкимъ*, а *не передъ твердымъ звукомъ*: семье̋ю=семьjо́jу (т. е. *ё*=jо, если написать *научно*, т. е. передать *слышимые звуки языка*, а не *условныя буквы письменности*; *ю*=jу по той же причинѣ). Звукъ же *j* (іотъ) есть *мягкій* небный звукъ, а потому *по закону* слѣдовало бы: *семье́ю* и проч. Слѣд., *семье̋ю* не по закону фонетики, а *по аналогіи*. Но съ чѣмъ? Съ формами твор. падежа ед. ч. именъ сущ. жен. рода на—*ōю*: *женóю*, *головóю*, *однóю*, *порóю* и проч. Сравни діалектическія (ряз., тамб., орлов...): *твое̋ю*, *свое̋ю*, *мое̋ю* и под. Такъ надо понимать законы языка, и такъ надо различать лингвистическія эпохи.

Такимъ образомъ мы успѣли убѣдиться въ томъ, что языкъ измѣняется во времени и въ пространствѣ; что измѣненія въ звукахъ языка непроизвольны; что эти измѣненія *закономѣрны*, но что есть при этомъ такія измѣненія, которыя не обусловлены найденными наукою звуковыми законами, или фонетическими, а обусловлены законами другого порядка, именно, законами *психологическими*. Изъ этого слѣдуетъ, что измѣненія языка идутъ въ различныхъ, такъ сказать, плоскостяхъ. А потому, стало быть, самая природа языка является двусторонней: съ одной стороны, языкъ состоитъ изъ ряда произносимыхъ нами и слышимыхъ нами звуковъ, а съ

другой,—языкъ, какъ понятное намъ звуковое выраженіе мысли, состоитъ изъ ряда своихъ частей—словъ, имѣющихъ опредѣленное и понятное намъ значеніе. Стало быть, есть какая-то связь между звуками языка и ихъ значеніями. *Безъ значенія нѣтъ словъ:* каждое слово языка имѣетъ значеніе или само по себѣ, т. е. самостоятельное значеніе, или получаетъ это значеніе въ сочетаніи съ другими словами, въ словосочетаніи. Слова, имѣющія самостоятельныя значенія, называются *самостоятельными словами*; а слова, получающія значенія лишь въ сочетаніи съ другими словами, называются *несамостоятельными словами.* Къ послѣднимъ принадлежатъ, напримѣръ, предлоги (префиксы), союзы и под. Срв. напр. значеніе слова „творить" и „растворить" и под. Такимъ образомъ, связь между звукомъ языка и его значеніемъ не подлежитъ сомнѣнію, но эта связь не внѣшняя, а внутренняя, *психологическая*, т. е. такая связь, которая образовалась съ теченіемъ времени между звуками и ихъ значеніями по законамъ *ассоціаціи*, по законамъ психологическимъ. Вслѣдствіе этой связи мы и соединяемъ съ каждымъ словомъ опредѣленное значеніе и не путаемъ этихъ значеній въ языкѣ. Ясно, что жизнь языка можетъ быть изучаема съ точки зрѣнія внѣшнихъ, звуковыхъ, физическихъ измѣненій и съ точки зрѣнія внутреннихъ, психологическихъ измѣненій, измѣненій въ значеніяхъ словъ. Теперь мы можемъ дать опредѣленіе языка. Языкъ есть психо-физическое явленіе нашей природы, служащее органомъ духовнаго общенія. Болѣе точное опредѣленіе человѣческаго языка далъ знаменитый лингвистъ Георгъ фонъ-деръ-Габеленцъ (*Georg von der Gabelentz.* „Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse". Leipzig 1901[2]). Онъ опредѣляетъ человѣческій языкъ такъ: *„языкъ есть членораздѣльное выраженіе мысли при помощи звуковъ"* (Стр. 3). Теперь мы постараемся поглубже изучить процессы жизни языка, вытекающіе изъ его психофизической, двусторонней природы, и вникнемъ въ тѣ про-

цессы, которые довели русскій языкъ до его современнаго состоянія. Т. е. изучимъ *исторію русскаго языка.* Прежде всего—что такое русскій языкъ, какъ терминъ? Какое его содержаніе?

Русскій языкъ, какъ терминъ, употребляется въ двухъ значеніяхъ: 1) Русскій языкъ есть совокупность всѣхъ нарѣчій этого языка, извѣстныхъ намъ въ обширной Россіи и служащихъ органомъ духовнаго общенія русскихъ людей. 2) Русскій языкъ есть литературный языкъ Россіи, въ основѣ котораго лежитъ только одно, именно, *московское* нарѣчіе съ XIV-го вѣка. Этотъ языкъ слышится у образованныхъ москвичей и у всѣхъ, говорящихъ этимъ литературнымъ нарѣчіемъ. Въ своемъ курсѣ по исторіи русскаго языка мы будемъ понимать русскій языкъ въ первомъ значеніи, т. к. литературный языкъ есть частный видъ народнаго языка вообще: его исторія болѣе сложная и особая, а потому исторія русскаго литературнаго языка есть курсъ, или предметъ особый. Литературный языкъ всегда до извѣстной степени—языкъ искусственный: онъ не переживаетъ распаденія своего на нарѣчія, а, напротивъ, служитъ постоянно объединяющимъ началомъ въ безконечномъ разнообразіи стилистическихъ варьянтовъ, затѣмъ онъ необходимо пополняется въ своемъ словарномъ инвентарѣ словами другихъ народовъ, если среди нихъ быстрѣе достигаются успѣхи культуры и проч. Словомъ, исторія русскаго литературнаго языка есть особая дисциплина отъ исторіи русскаго языка вообще [1]).

---

[1]) См. мой трудъ: «Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка». (Энциклопедія слов. филологіи. Изд. отдѣленія р. яз. и слов. Академіи Наукъ. Вып. 12. СПБ. 1908 г.).

Глава III-ья.

Краткія свѣдѣнія по физіологіи звуковъ.

§ 8. **Двѣ стороны языка: Звуки и значенія. Физіологія звуковъ. Качественныя измѣненія звуковъ.** Безспорно, что языкъ служитъ органомъ духовнаго общенія между людьми, но такъ же безспорно, что языкъ не воспринимается нашимъ слухомъ и не усваивается нашими органами умственнаго воспріятія въ отдѣльныхъ звукахъ: онъ воспринимается и усваивается нами *по наслышкѣ* такими своими частями, которыя удобнѣе всего назвать звуковыми комплексами большей или меньшей сложности со всѣми особенностями звуковыхъ сочетаній, составляющихъ въ совокупности звуковую рѣчь большей или меньшей продолжительности: законы ассимиляціи звуковъ, законы редукціи (сокращенія) гласныхъ, законы развитія полушепотныхъ звуковъ изъ звуковъ полнаго образованія по отношенію къ участію голоса и проч. обнаруживаются во всей полнотѣ своей и силѣ при разговорномъ употребленіи даннаго языка въ данное время и въ данной діалектической мѣстности. Но всетаки никогда не слѣдуетъ забывать, что *звуки еще не составляютъ языка, что звуки есть лишь матеріалъ, изъ котораго состоитъ языкъ, но сами по себѣ звуки не есть языкъ.* Само собой разумѣется, что, получивъ общее представленіе о языкѣ, усвоивъ въ общихъ чертахъ тѣ процессы жизни языка, которые постепенно переводятъ языкъ во времени изъ одного состоянія въ другое, которые характеризуютъ движеніе, или жизнь языка во времени, мы должны будемъ познакомиться и съ матеріаломъ, изъ котораго состоитъ языкъ, и со способомъ производства (артикуляціи) звуковъ—этого матеріала, но это наше знакомство, мнѣ кажется, будетъ тѣмъ болѣе глубокимъ, чѣмъ большей площадью своей оно покоится на звуковыхъ представленіяхъ, именуемыхъ *словами* языка, въ ихъ возможно разнообразныхъ и реальныхъ сочетаніяхъ. Прежде всего я

скажу о терминахъ *„физіологія звуковъ“* и *„фонетика“*. Уже въ своей критической статьѣ по поводу книги проф. В. А. Богородицкаго „Общій курсъ русской грамматики“ (Изв. Ак. Наукъ по Отдѣл. рус. яз. и слов. Т. X (1905), кн. 1) я высказалъ, какъ я понимаю эти термины, и какъ они употребляются въ западно-европейской лингвистической литературѣ: напомню, что „физіологія звуковъ“ занимается изученіемъ анатоміи органовъ рѣчи и ихъ функцій, т.-е. вопросомъ о томъ, какими органами рѣчи и какъ артикулируются (производятся) звуки рѣчи въ данномъ языкѣ, нарѣчіи, говорѣ, въ данное время. Далѣе, на основаніи детальнаго изученія функцій органовъ рѣчи классифицируются звуки, слышимые въ данномъ языкѣ (нарѣчіи, говорѣ), а изъ наблюденій надъ работой органовъ рѣчи при воспріятіи слышимаго нами языка мы получаемъ въ результатѣ тѣ свѣдѣнія, которыя объясняютъ намъ условія, въ которыхъ происходятъ акустическія варьяціи и отличія при воспріятіи рѣчи говорящаго и при попыткѣ нашей говорить на данномъ нарѣчіи. Мы, такимъ образомъ, получаемъ связь между акустикой и физіологіей, учитываемъ факторы акустическаго видоизмѣненія слышимой рѣчи и справедливо относимъ различіе въ произношеніи различныхъ лицъ къ различію въ ихъ артикуляціи органовъ рѣчи. Усвоенная съ дѣтства путемъ подражанія окружающимъ и ставшая привычной артикуляція звуковъ рѣчи образуетъ ту систему *привычныхъ укладовъ* органовъ рѣчи, которую мы называемъ *національною* и по которой мы отличаемъ одну націю отъ другой, языкъ одного народа отъ языка другого народа или другой діалектической области. Именно, въ этомъ смыслѣ съ *матеріальной* своей стороны, *языкъ есть вѣрнѣйшій представитель и устойчивѣйшій хранитель національности*: для примѣра возьму хоть слово *п'ат'* (пять), по которому русскій человѣкъ *всегда* узнаетъ, имѣетъ ли онъ дѣло съ представителемъ русской народности, или нѣтъ. Также слово со звукомъ *л* и *ы* („лыко“) и мн. друг. Вотъ почему безъ изученія

физіологіи звуковъ даннаго языка не можетъ быть *научнаго* знанія этого языка, и останутся непонятными тѣ процессы звуковыхъ измѣненій въ языкѣ, которые съ теченіемъ времени способны измѣнить весь звуковой обликъ языка, т.-е. его *звуковую физіономію*, являющуюся *всегда* представительницей національной стихіи въ каждомъ языкѣ. Безъ физіологіи звуковъ даннаго языка невозможна его діалектологія, а безъ діалектологіи его невозможна и его исторія, такъ какъ основной процессъ каждаго языка, принадлежащаго крупному народу, есть процессъ распаденія языка на нарѣчія, на діалектическія группы, а это распаденіе въ матеріальномъ, въ *звуковомъ* смыслѣ, обусловливается возникновеніемъ звуковыхъ разновидностей, различій, воспринимаемыхъ на слухъ, т.-е. образованіемъ новыхъ акустическихъ впечатлѣній, факторомъ которыхъ въ концѣ концовъ является измѣненіе въ привычныхъ укладахъ органовъ рѣчи, перемѣщеніе мѣста артикуляціи работающихъ органовъ рѣчи и физіологическое измѣненіе самой работы этихъ органовъ. Все это даетъ физіологія звуковъ языка. Фонетика же изучаетъ лишь *акустическія* воспріятія, т.-е. готовыя работы органовъ, какъ эти работы въ видѣ слышимыхъ звукосочетаній усваиваются слушающими. Такимъ образомъ, я бы сказалъ, что физіологія звуковъ языка есть описательная наука, изучающая звуки рѣчи на говорящемъ субъектѣ; а фонетика—наука, изучающая звуки рѣчи слушающимъ эту рѣчь, т.-е. наука, изучающая акустическія воспріятія отъ даннаго языка.

Отсюда ясно, что прежде всего надо знать, какіе органы и какъ дѣйствуютъ при изглашеніи, при говорѣ на данномъ языкѣ; а затѣмъ,—какимъ законамъ подвержены звуки и ихъ сочетанія въ данномъ языкѣ при разговорѣ. Эти законы будутъ *фонетическими законами*, и поскольку эти законы обусловлены физіологическими причинами, постольку они обязательны и обнаруживаются въ данномъ языкѣ въ данное время *безъ всякихъ исключеній*. Однако нельзя сказать, чтобы каж-

дому звуку или звуковому сочетанію соотвѣтствовало только одно опредѣленное значеніе въ языкѣ: напр., сочетанію однихъ и тѣхъ же звуковъ въ словѣ „*коса*“ соотвѣтствуютъ совершенно различныя значенія этого слова; именно, „коса“ означаетъ и *землю*, и *волосы*, и *земледѣльческое орудіе* и т. п. Вотъ, именно, то обстоятельство, что въ каждомъ языкѣ, кромѣ звуковъ, слѣдуетъ считаться еще и со смысломъ, съ значеніемъ звуковыхъ словъ, дѣлаетъ языкъ такимъ явленіемъ человѣческой природы, которое мы должны назвать *психофизическимъ явленіемъ, служащимъ въ качествѣ органа духовнаго общенія. Звуки языка—явленіе физики и физіологіи органовъ рѣчи и называются матеріальной, или внѣшней стороной языка, а значенія звуковыхъ словъ и звуковыхъ представленій—явленіе психики человѣка и называются психической, или внутренней стороной языка. Явленія психики, конечно, и живутъ въ языкѣ только въ психической средѣ или обстановкѣ, т.-е. въ сознаніи говорящихъ, и управляются психическими, а не физіологическими законами*, т.-е. управляются законами ассоціаціи представленій. Звуки слова, поскольку эти звуки являются спутниками различныхъ словесныхъ группъ, связанныхъ или разъединенныхъ извѣстными звуковыми отличіями, начинаютъ жить въ сознаніи говорящихъ, какъ факторы образованія извѣстныхъ грамматическихъ категорій, благодаря которымъ вся наличность, весь инвентарь языка, укладывается и легко держится въ памяти говорящихъ лицъ. Послѣ всего, сказаннаго можно остановиться на слѣдующемъ *научномъ* опредѣленіи языка. *Языкъ есть такое психофизическое явленіе человѣческой природы, которое служитъ органомъ духовнаго общенія. Языкъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю, или матеріальную, т.-е. звуки, и внутреннюю, или психическую, т.-е. значеніе звуковыхъ словъ.* Здѣсь, конечно, разумѣется *звуковой языкъ*, а не какой-либо другой, напр., языкъ жестовъ, мимики и под., такъ какъ *лингвистика, какъ наука, имѣетъ дѣло только со звуковымъ языкомъ человѣка.*

Теперь приступимъ къ изученію органовъ человѣческой рѣчи.

I. *Органы рѣчи.* При наблюденіи надъ говорящимъ человѣкомъ мы замѣчаемъ, что его языкъ (въ особенности это замѣтно, если смотрѣть на ротъ беззубаго человѣка во время его разговора) и губы находятся почти въ безпрерывномъ движеніи. Отсюда, даже при поверхностномъ наблюденіи можно вывести, что языкъ и губы—*активные* органы рѣчи. Другіе органы рѣчи, напр., зубы вовсе не двигаются, а потому не они артикулируютъ (производятъ) сами, а активные органы артикулируютъ (принимаютъ извѣстное положеніе при движеніи) относительно пассивныхъ органовъ. Поэтому всѣ органы рѣчи раздѣляются на *активные* и *пассивные.*

II. Активные органы рѣчи суть: 1) *дыхательный аппаратъ*, т.-е. легкія съ своими мускулами; 2) *гортань*, замыкающая собой дыхательное горло и лежащая въ передней части шеи; 3) *мягкое небо*, лежащее въ задней части полости рта, ближе къ горлу; 4) *нижняя челюсть*, которая можетъ двигаться въ вертикальномъ направленіи, то приближаясь къ верхней челюсти, то отодвигаясь отъ нея къ низу и открывая тѣмъ ротъ; 5) *языкъ*, самый активный, самый подвижной органъ, представляющій изъ себя мягкій мясистый органъ, лежащій внутри полости рта и снабженный чрезвычайно сложной системой подвижныхъ мускуловъ и мышцъ и 6) *губы*, которыя представляютъ собой также очень подвижной органъ рѣчи.

III. Пассивные органы рѣчи суть: 1) *полость рта и полость носа*; 2) *твердое небо*, лежащее въ передней части полости рта и сливающееся заднимъ своимъ краемъ съ заднимъ, мягкимъ небомъ, а переднимъ своимъ краемъ доходящее до верхнихъ переднихъ зубовъ; 3) *зубы.*

Вотъ этими органами человѣческаго тѣла образуются звуки человѣческой рѣчи.

IV. *Дѣйствіе органовъ рѣчи.* Для того, чтобы получить звукъ рѣчи, необходимо изъ дыхательнаго аппарата (изъ легкихъ) выпустить черезъ дыхательное горло струю воздуха: эта струя воздуха проходитъ черезъ гортань, чтобы попасть въ полость рта или полость носа и выйти наружу. Однако, прежде чѣмъ звучащая струя воздуха выйдетъ наружу и дойдетъ до слуха слушающаго рѣчь, она попадаетъ въ полость *зѣва* и оттуда уже идетъ или въ полость рта, или въ полость носа. Полость рта отдѣлена отъ полости носа мягкимъ небомъ и твердымъ небомъ. Сообщеніе между этими двумя полостями обусловливается положеніемъ мягкаго, или подвижного, задняго неба: если мягкое, подвижное небо *поднято,* причемъ оно тогда касается задней стѣнки зѣва, то полость носа *разобщена* съ полостью рта. А если мягкое небо *опущено* до спинки языка, то полость носа разобщена съ полостью рта, но сообщеніе полости носа съ полостью зѣва остается свободнымъ. При обыкновенномъ дыханіи всѣ три полости сообщены.

V. *Голосъ, какъ результатъ дѣйствія органовъ рѣчи.* Голосъ образуется въ гортани. *Гортань* есть полый органъ, замыкающій собою дыхательное горло, и состоитъ изъ слизистой оболочки, мускуловъ и хрящей. Спереди гортань окаймляетъ щитообразный хрящъ, а съ задней стороны—кольцеобразный хрящъ. Въ глубинѣ послѣдняго хряща, на заднемъ краѣ его, находятся два подвижныхъ хрящика; отъ этихъ хрящиковъ черезъ полость гортани тянутся двѣ мускульныя эластичныя полосы, соединяющіяся подъ угломъ на щитообразномъ хрящѣ. Эти полосы называются *голосовыми связками,* а щель, образуемая этими связками, называется *голосовой щелью.* Въ зависимости отъ того, расширена ли голосовая щель, или сужена до того, что проходящій черезъ эту щель токъ возду-

ха заставляетъ связки дрожать при своемъ прохожденіи, не получается или получается *голосъ*. При значительно суженной щели *голосовыя связки* отъ проходящаго между ними воздуха *дрожатъ*, и тогда получается *голосъ*. Такимъ образомъ, дрожаніе голосовыхъ связокъ производитъ собой *голосъ*, а положеніе при этомъ органовъ рѣчи обусловливаетъ собой появленіе того или другого *голосового звука человѣческой рѣчи*. При свободномъ выдыханіи воздуха голосовая щель расширена, а голосовыя связки не соприкасаются другъ съ другомъ При *шопотѣ* голосовая щель суживается очень мало, такъ что проходящій черезъ нее токъ воздуха производитъ только *треніе* о края голосовыхъ связокъ. При этомъ потому то и не получается *голосъ*, а получается *шопотъ*. Такимъ образомъ, *шопотные звуки* обусловливаются *треніемъ* воздуха о связки, а *не дрожаніемъ самыхъ связокъ*.

VI. *Классификація звуковъ человѣческой рѣчи*. Въ зависимости отъ того, участвуетъ ли *голосъ* при произнесеніи звуковъ рѣчи, эти послѣдніе называются *голосовыми* или *безголосыми*. Шопотъ и полушопотъ представляются, какъ модификація, разновидности голоса. Въ зависимости же отъ того, *какое положеніе занимаетъ подвижное, мягкое, заднее небо*, звуки видоизмѣняются и бываютъ или *чистыми*, если мягкое небо приподнято и касается задней стѣнки зѣва, или *носовыми*, если мягкое небо опущено, и тѣмъ открытъ доступъ воздуха изъ гортани черезъ полость зѣва въ полость носа. *Получается носовой резонансъ звука. Въ зависимости отъ участія губъ* въ образованіи звуковъ эти послѣдніе называются или *лабіализованными* (при участіи губъ: лат. labium=губа), или *нелабіализованными* (безъ участія губъ). *Въ зависимости отъ положенія нижней челюсти* звуки могутъ быть *узкими* или *закрытыми*, если эта челюсть приподнята къ верхней, и ротъ имѣетъ *узкое* отверстіе между губами, почти *полузакрытъ*; или звуки могутъ быть *широкими*, *открытыми* при оттянутой

къ низу нижней челюсти и при болѣе широко открытомъ ртѣ. Обыкновенно узкое или закрытое произношеніе звука вызываетъ ощущеніе *напряженія* языка, губъ или даже голосовыхъ связокъ; между тѣмъ какъ широкое, или открытое произношеніе звука такого напряженія не вызываетъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется, почему пѣвцамъ труднѣе пѣть голосомъ слова съ узкими гласными (гл.: *i*, *е*), чѣмъ слова съ широкими (ненапряженными) гласными (*а*, *о*, *у*). Наконецъ, *въ зависимости отъ положенія языка* получается специфическая окраска гласныхъ и согласныхъ звуковъ, о которой скажемъ ниже.

VII. *Образованіе звуковъ русской рѣчи.* Мы видѣли, что звуки рѣчи видоизмѣняются отъ того или иного положенія мягкаго неба. Въ этомъ отношеніи звуки могутъ быть *чистыми* или *носовыми*. Но и чистые звуки, при образованіи которыхъ звучащій токъ воздуха проходитъ черезъ полость рта, могутъ отличаться другъ отъ друга по своему *характеру*. *Характеръ звука* человѣческой рѣчи опредѣляется тѣми условіями, которыя встрѣчаетъ токъ воздуха при своемъ прохожденіи черезъ полость рта. Здѣсь, именно, въ полости рта происходятъ различныя комбинаціи работъ органовъ, различныя степени сближенія артикулирующихъ органовъ рѣчи, заложенныхъ въ полости рта, и эти различные способы и сочетанія работъ опредѣляютъ собой характеръ звука, какъ увидимъ подробнѣе ниже. Въ полости рта, какъ мы уже знаемъ, заложенъ самый подвижной, самый активный органъ рѣчи,—*языкъ*: при опредѣленіи звука имѣетъ огромное значеніе различное положеніе языка. Артикулируетъ ли относительно другихъ органовъ рѣчи въ полости рта *кончикъ языка*, или *его передняя часть*, или *задняя часть языка*. Языкъ можетъ занимать различныя положенія *относительно мягкаго неба*, *относительно твердаго неба*, *относительно альвеолъ* (т.-е. тѣхъ мѣстъ на деснахъ, гдѣ выростаютъ въ нихъ зубы) и *относительно зубовъ*. И всѣ эти различныя положенія языка вліяютъ на различіе самихъ зву-

ковъ, воспринимаемыхъ нашимъ ухомъ. Мы сказали, что, кромѣ языка, своей подвижностью отличаются еще губы: въ самомъ дѣлѣ, правда, что далеко не всѣ звуки артикулируются при участіи губъ (такъ же, какъ и при участіи голоса), однако участіе губъ придаетъ особую окраску звуку рѣчи: качество звука видоизмѣняется въ зависимости отъ того, соединены ли губы, или нѣтъ; соприкасается ли нижняя губа съ верхнимъ рядомъ зубовъ, и выдвигаются ли кольцеобразно губы впередъ при произнесеніи звука. (Срв. названія звуковъ: билабіальные-двугубные, губно-зубные, лабіализованные и проч.).

Въ полости рта происходятъ различныя комбинаціи работъ органовъ рѣчи: одна изъ такихъ комбинацій—это *затворъ*, образуемый органами рѣчи при *полномъ* или *неполномъ* соприкосновеніи органовъ въ полости рта: если происходитъ *полное соприкосновеніе*, то для прохожденія черезъ этотъ затворъ органовъ звучащей струи воздуха требуется *уничтоженіе*, *разрывъ этого затвора*, т. е. *взрывъ звука*, сопровождающій собой уничтоженіе преграды, образуемой затворомъ. Такіе звуки называются *взрывными звуками*: *п*, *б*, *т*, *д*, *к*, *г* съ ихъ разновидностями по мѣсту образованія. Если же происходитъ *неполное соприкосновеніе* органовъ рѣчи въ полости рта, т. е. если происходитъ лишь *приближеніе* другъ къ другу этихъ работающихъ органовъ (а какіе, именно, органы работаютъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при образованіи каждаго звука,—это служитъ основаніемъ для дѣленія звуковъ не *по характеру* и *наличности затвора*, а *по органамъ произношенія*, да и въ предѣлахъ этого дѣленія возможны, какъ увидимъ ниже, разновидности звуковъ *по мѣсту артикуляціи* работающихъ органовъ произношенія и *по способу этой артикуляціи* при затворѣ, или безъ него, при участіи голоса, или безъ него, при прохожденіи воздуха черезъ носовую полость, или только черезъ полость рта, при участіи губъ, или безъ нихъ и проч.), то взрыва, конечно, нѣтъ, но *происходитъ треніе* звучащей струи воздуха въ полости рта (не надо смѣши-

вать это треніе съ треніемъ о связки голосовой щели въ гортани при опредѣленіи степени участія *голоса* въ образованіи звука, а не при опредѣленіи характера и качества звука). Это треніе въ полости рта происходитъ при прохожденіи струи воздуха черезъ *преграду въ полости рта*, образуемую приблизившимися другъ къ другу органами произношенія, заложенными въ полости рта. Эти звуки, образуемые *треніемъ*, называются *фрикативными*, отъ лат. слова *fricare*, что значитъ *„тереть"*.

Какъ звуки, образуемые *взрывомъ*, такъ и звуки, образуемые *треніемъ* въ полости рта, при изглашеніи сопровождаются *характернымъ шумомъ*, а потому всѣ эти звуки (взрывные и фрикативные) называются *шумными*.

Такимъ образомъ, *шумные* звуки всѣ характеризуются *затворомъ* органовъ рѣчи въ полости рта; эта ихъ общая особенность позволяетъ намъ всѣ эти шумные звуки назвать *затворными звуками*.

Графически можно удобно представить въ слѣдующей таблицѣ звуки, распредѣленные *по способу образованія ихъ въ полости рта*.

Затворные, или шумные звуки.

Полный затворъ —	взрывные звуки: *п, т, к, б, д, г, н, м.* звукъ *л* — взрыва нѣтъ; звукъ *р* — взрыва нѣтъ.
Неполный затворъ — фрикативные	звуки: *ф, с, ш, х, в, з, ж, j, γ.* звуки: *р, л, м, н.*

Изъ этой таблицы мы видимъ, что звуки *р, л, м, н* физіологически, по способу образованія, помѣщаются заразъ въ двухъ рубрикахъ: заразъ эти звуки принадлежатъ къ первой рубрикѣ — съ полнымъ затворомъ (*н, м*) и взрывомъ, и ко второй рубрикѣ — къ звукамъ, образуемымъ *треніемъ, но при полномъ затворѣ* артикулирующихъ органовъ, а изъ нихъ звуки *р* и *л* образуются *безъ взрыва*, хотя и *при полномъ затворѣ*.

Характерной особенностью этихъ звуковъ (*р*, *л*, *м*, *н*), стало быть, служитъ *полный затворъ*, но при этомъ *безъ взрыва* (*р*, *л*) или *со взрывомъ и одновременно съ этимъ при отсутствіи характернаго шума* (*н*, *м*). Такимъ образомъ, эти звуки (*р*, *л*, *м*, *н*) физiологически не подходятъ безъ оговорки ни подъ одинъ отдѣлъ *шумныхъ звуковъ*, а потому они и не будутъ шумными. О нихъ мы скажемъ нѣсколько ниже.

Кромѣ класса шумныхъ звуковъ, характеризующихся *затворомъ въ полости рта* при взрывѣ или треніи *и шумомъ*, есть еще другой классъ звуковъ, образуемый *при отсутствіи затвора и при отсутствіи связаннаго съ затворомъ шума*. Этотъ классъ звуковъ, въ отличіе отъ класса шумныхъ, мы будемъ называть по особенностямъ его образованія въ полости рта—*классомъ гласныхъ звуковъ*. Тогда классъ шумныхъ придется назвать, въ отличіе отъ класса гласныхъ звуковъ, *классомъ шумныхъ согласныхъ звуковъ*, по особенностямъ ихъ образованія въ полости рта же. Вотъ при какой оговоркѣ и въ какомъ смыслѣ можно сохранить старые, ненаучные (не основанные на физiологіи звуковъ) термины: „*гласный*“ и „*согласный*“ звукъ.

Изъ предыдущаго мы убѣдились, что звуки *р*, *л*, *м*, *н* не подходятъ въ классъ гласныхъ звуковъ, такъ какъ они образуются *затворомъ* въ полости рта; но эти же звуки не подходятъ и въ классъ шумныхъ согласныхъ, такъ какъ при ихъ образованіи или нѣтъ шума (*н*, *м*), или нѣтъ взрыва, при которомъ всегда слышится шумъ (*р*, *л*). Однако если глубже вникнуть въ причину, почему при нихъ нѣтъ взрыва или нѣтъ шума, хотя и есть затворъ, то окажется, что причина этой особенности лежитъ въ томъ, что звучащій голосъ при ихъ образованіи имѣетъ свободный проходъ, не смотря на затворъ, и при этомъ имѣетъ резонансъ *въ полости носа*, при звукахъ *н* и *м*, а при звукахъ *р* и *л*—свободный проходъ и резонансъ *въ полости рта*. Въ частности при образованіи нашего звука *р* звучащая струя воздуха *проходитъ черезъ затворъ*, не взрывая его,

а приводя затворившіеся органы въ дрожаніе („дрожащій" *р*). Вотъ вслѣдствіе этой особенности образованія звуковъ *р*, *л*, *м*, *н*, именно, вслѣдствіе наличности свободнаго прохода звучащей струи воздуха, они по своему образованію подходятъ подъ классъ гласныхъ, а потому особенность ихъ образованія позволяетъ помѣстить ихъ *въ серединѣ между гласными и согласными*.

Свободный проходъ въ полости рта или носа для звучащей струи воздуха при наличности затвора органовъ въ полости рта даетъ возможность этимъ звукамъ (*р*, *л*, *м*, *н*) произноситься съ полнымъ голосомъ имѣющимъ свой свободный выходъ. Вотъ за эту характерную особенность звуковъ *р*, *л*, *м* и *н* сохранять *полноту голоса* они и называются *сонорными* звуками (отъ лат. „sonor"=звукъ). Изъ предыдущаго ясно, что по особенностямъ своего образованія, по способу своего образованія, звуки дѣлятся на три класса:

I. Классъ гласныхъ звуковъ (свободный проходъ звучащей струи воздуха безъ затвора и шума);

II. Классъ сонорныхъ согласныхъ (свободный проходъ звучащей струи воздуха, *не смотря на затворъ*).

III. Классъ шумныхъ согласныхъ (нѣтъ свободнаго прохода; проходъ образуется взрывомъ сомкнутыхъ органовъ или щелью между приблизившимися, но не сомкнувшимися органами. Въ послѣднемъ случаѣ нѣтъ взрыва, но есть треніе).

VIII. *Дѣленіе звуковъ на гласные и согласные.* Если мы положимъ въ основу дѣленія звуковъ *наличность или отсутствіе затвора* органовъ рѣчи, заложенныхъ въ полости рта, то мы получимъ дѣленіе звуковъ на *затворные* и *незатворные*, т. е., по школьной терминологіи, *гласные* и *согласные*: затворные = согласные, незатворные = гласные, т. е. со свободнымъ проходомъ для звучащей струи воздуха.

Нужно имѣть въ виду еще и то, что здѣсь пока разумѣются только тѣ звуки, которые образуются въ полости рта, но не въ полости гортани, такъ какъ есть еще звуки, образуемые, какъ увидимъ ниже, и въ полости гортани.

Промежуточные между гласными и согласными звуками, т. е. звуки, сближающіеся по своему образованію, съ одной стороны, съ гласными, такъ какъ для звучащей струи воздуха остается свободный проходъ, съ другой стороны,—съ согласными, такъ какъ звучащая струя воздуха встрѣчаетъ на своемъ пути затворъ и потому стремится въ обходный путь: или въ полости рта или въ полости носа,—составляютъ *классъ сонорныхъ звуковъ*. Вотъ почему мы часто видимъ во многихъ языкахъ нашей семьи, въ томъ числѣ и въ русскомъ языкѣ, именно, *звуки сонорные въ роли гласныхъ звуковъ*, вѣрнѣе, въ роли звуковъ, способныхъ образовывать слогъ, т. е. въ роли *слогообразующихъ* звуковъ (см. ниже).

IX. *Научное дѣленіе (классификація) звуковъ человѣческой рѣчи.* Классифицировать звуки рѣчи можно *единственно* на основаніи изученія физіологіи звуковъ. Поэтому при классификаціи звуковъ *всегда* въ научныхъ сочиненіяхъ предполагается *физіологическая основа классификаціи*. Всякое дѣленіе звуковъ рѣчи, не покоящееся на физіологіи звуковъ, т. е. не обоснованное физіологически, значитъ, не принимающее въ разсчетъ *способа образованія звуковъ*, *мѣста образованія ихъ*, того, *какіе, именно, органы рѣчи участвуютъ въ образованіи даннаго звука*, а также *наличности или отсутствія голоса при образованіи звука*, будетъ ненаучнымъ, а практическимъ, если это дѣленіе имѣетъ цѣлью удовлетворить потребностямъ практики. Замѣтимъ, что *научная* классификація звуковъ рѣчи должна всегда покоиться на какомъ-нибудь *опредѣленномъ принципѣ*: таковымъ принципомъ является *принципъ физіологіи звуковъ*, *физіологическій принципъ*.

Наша школьная система дѣленія вполнѣ безпринципна, а потому и не научна, и не логична: наше школьное дѣленіе звуковъ на гласные, согласные и полугласные смѣшиваетъ нѣсколько основаній для дѣленія вмѣстѣ: участіе голоса („голосовой“, „гласный“), способность сочетанія звуковъ другъ съ другомъ („согласный“) и простую традицію перевода чужеязычныхъ терминовъ („полугласный“). Срв. оригинальные лат. термины: vocalis (vox=голосъ; vocalis=голосовой, гласный); consonans (con=cum=съ=co; sonans=звучащій, т. е. consonans=„созвучащій“, наше: „согласный“) и semivocalis= „полугласный“. Подъ „полугласными“ наша школьная грамматика разумѣетъ звуки, которые изображаются на письмѣ такъ: ъ, ь и *й*. На самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія принципа современности, т. е. научной грамматики современнаго русскаго литературнаго языка, значитъ, съ точки зрѣнія физіологіи его звуковъ и ихъ исторіи, ъ и ь не звуки русской рѣчи, а старыя буквы безъ всякаго звукового значенія въ наше время: прежде же (см. выше) ъ и ь были *гласными неполнаго образованія въ отношеніи количества* (т. е. нормальной краткости и долготы звука: ъ и ь были звуками въ количественномъ отношеніи *болѣе краткими, чѣмъ нормально-краткіе*. См. ниже) и *гласными неполнаго образованія въ отношеніи качества*, т. е. они не были тождественными по качеству съ гласными звуками *о* и *е*, но приближались по своему качеству къ нимъ. Звукъ же, для котораго имѣется буква *й*, какъ былъ, такъ и остался *звукомъ гласнымъ*, но *неслоговымъ*, т. е. не составлявшимъ и не составляющимъ слога, а примыкавшимъ въ слоговомъ отношеніи къ предыдущему или послѣдующему слоговому (=гласному) звуку, при чемъ въ положеніи передъ слѣдующимъ гласнымъ онъ становился самъ шумнымъ фрикативнымъ согласнымъ *j* и въ старину на письмѣ изображался, какъ *і*, присоединенное къ слѣдующему гласному, напр., ꙗко, ѥже, ꙗньць=jако, jэж’э, jун’эц’

(буквою „э“ я обозначаю звукъ *е*, не смягчающій предшествующую согласную, а надъ исконно мягкой или смягченной согласной ставлю апострофъ). Въ положеніи же непослѣ гласнаго этотъ звукъ оставался *гласнымъ* ĵ *неслоговымъ* и въ старину на письмѣ изображался, какъ ꙇ, напр., раꙇ, краꙇ, своꙇ, ѹнꙇ, костьꙇ, костеꙇ, крꙑꙇ, коѹꙇ и под. Съ Петра же Великаго мы въ гражданской азбукѣ усвоили для этого неслогового ĵ въ такой его функціи письменное изображеніе „*й*“. Такимъ образомъ, ясно видно, что наше школьное дѣленіе звуковъ русской рѣчи ненаучно, нелогично, потому что безпринципно. Значитъ, никакихъ *полугласныхъ* звуковъ мы въ русскомъ языкѣ не наблюдаемъ.

X. *Гортанные звуки, т. е. образуемые въ полости гортани.* Итакъ, научное дѣленіе звуковъ русской (какъ и всякой другой) рѣчи покоится на изученіи образованія этихъ звуковъ и на вытекающемъ изъ этого изученія различеніи мѣста и способа этого образованія звуковъ. Образованіе звуковъ рѣчи, въ свою очередь, чрезвычайно разнообразно. Прежде всего звуки могутъ образовываться въ двухъ мѣстахъ, въ двухъ полостяхъ: а) въ полости гортани, б) въ полости рта.

Далѣе, такъ какъ голосъ образуется въ гортани, то съ точки зрѣнія участія голоса всѣ звуки, какъ *гортанные* по мѣсту образованія, такъ и *ротовые* по мѣсту образованія, могутъ быть или *голосовыми*, или *безголосыми* (шопотными, полушопотными). Само собой разумѣется, что звучащая струя воздуха, заставляющая дрожать голосовыя связки въ гортани, сообщаетъ *голосъ* звуку, а этотъ послѣдній пріобрѣтаетъ уже тѣ или другіе оттѣнки въ полости рта, встрѣчая здѣсь ту или другую артикуляцію активныхъ органовъ рѣчи и самъ направляя уклады ихъ. Такимъ образомъ, *внѣ предѣловъ гортани* голосъ получаетъ ту или другую окраску, самъ же образуется въ гортани. Если голоса въ гортани *не образуется*, то звукъ рѣчи можетъ получать тѣ же оттѣнки въ по

лости рта и носа, что и при голосѣ, но не будетъ голосовымъ, т. е. физіологически,—не будетъ сопровождаться дрожаніемъ голосовыхъ связокъ. Напр., можно говорить шопотомъ на томъ же языкѣ, на которомъ мы говоримъ обыкновенно; слѣдовательно, вся наличность звуковъ даннаго языка будетъ артикулироваться безъ дрожанія голосовыхъ связокъ въ гортани. Собственно гортанныхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ очень немного, но всетаки они есть. Но, какъ гортанные, эти звуки и въ гортани могутъ быть *взрывными* или *фрикативными*, а каждый изъ этихъ классовъ, въ свою очередь, можетъ имѣть *глухіе* и *звонкіе* гортанные звуки. Взрывные гортанные звуки глухіе мы наблюдаемъ въ русской рѣчи при произнесеніи словъ-междометій, начинающихся съ гласной, напр., при произнесеніи: „ахъ", „ухъ", „эй"…. въ началѣ которыхъ мы слышимъ глухой взрывной *гортанный*, который мы можемъ обозначить греч. spiritus lenis (').

Звонкаго взрывного гортаннаго звука въ русскомъ языкѣ пока не наблюдалось.

Что касается *фрикативныхъ* гортанныхъ, то въ нарѣчіяхъ русскаго языка извѣстны и глухіе, и звонкіе: глухой такой мы обозначимъ на письмѣ лат. буквою *h*, а звонкій— лат. буквою h̥, т. е. той же лат. буквой съ ноликомъ подъ нею: h̥. Напр., въ діалектахъ великорусскаго нарѣчія намъ извѣстно произношеніе *коhó* = почти *коб* (срв. нѣм. *h* въ словѣ „hatte"). Звонкій h̥ мы имѣемъ въ такихъ произношеніяхъ, какъ: toh̥dý = почти toγdý, но γ — звукъ *ротовой звонкій фрикативный заднеязычный.* (Срв. діалектич. вологод. „ковдá", „товдá" → „коўдá", „тоўдá" → „колды", „толды", объяснимые физіологически только изъ *фрикативныхъ, звонкихъ*, образуемыхъ во рту по перемѣщеніи изъ гортани).

Такимъ образомъ, *гортанные звуки:*

Взрывные { глухіе: ʼ
звонкіе: —

Фрикативные: { глухіе: h
звонкіе: h̥.

Изъ предыдущаго ясно, что наша школьная грамматика и въ этомъ пунктѣ неправильно, ненаучно называетъ звуки *г*, *к*, *х*, *гортанными*, такъ какъ эти звуки, какъ они звучатъ въ русскомъ литературномъ языкѣ („гора“, „колъ“, „ходъ“...), образуются во рту, а не въ гортани. Гортанные звуки ясно могутъ быть подмѣчены и разслышаны при разговорѣ, напр., армянъ, татаръ и друг. народовъ, имѣющихъ въ своей рѣчи много гортанныхъ звуковъ.

XI. *Ротовые звуки, т. е. образуемые въ полости рта. Гласные.* Какъ звуки гласные, такъ и звуки согласные, при своемъ изглашеніи, проходятъ черезъ одну и ту же среду, прежде, чѣмъ достигнутъ слуха: именно, проходятъ черезъ полость рта или полость носа. Въ полости носа звучащая струя воздуха не встрѣчаетъ на своемъ пути никакихъ преградъ, образуемыхъ какими-либо органами, лежащими внутри полости носа, такъ какъ въ этой полости нѣтъ органовъ рѣчи. Но полость рта, какъ мы знаемъ (см. выше), сама по себѣ служитъ мѣстомъ нахожденія органовъ рѣчи, какъ пассивныхъ, такъ и активныхъ (см. выше); относительно пассивныхъ органовъ активные артикулируютъ, т. е. занимаютъ то или другое положеніе, образуя тѣмъ самымъ въ полости рта различныя преграды для проходящей черезъ эту полость струи воздуха. Въ этихъ условіяхъ, т. е. въ условіяхъ прохожденія звучащей струи воздуха черезъ полость рта, получаются различные оттѣнки звука, гласнаго или согласнаго. Такъ какъ согласный звукъ и обусловливается по преимуществу этими условіями, т. е. артикуля-

ціей органовъ рѣчи во рту, то *участіе органовъ, заложенныхъ въ полости рта, составляетъ самую природу согласнаго звука*; между тѣмъ какъ гласный звукъ, требуя *свободнаго прохода* черезъ полость рта (или носа), хотя и различается *по своимъ оттѣнкамъ* въ зависимости отъ положенія органовъ рѣчи въ полости рта, но *природу гласнаго звука составляютъ не эти органы рѣчи*, какъ при звукѣ согласномъ, когда эти органы рѣчи играютъ главную роль, *а фактъ свободнаго движенія звучащей струи воздуха*. Слѣдовательно, степень участія полости рта съ ея органами обусловливаетъ собой различіе гласнаго и согласнаго звука вообще. Выше (VI) мы видѣли, что *общее* дѣленіе гласныхъ звуковъ обусловлено:

а) *положеніемъ мягкаго неба*, при чемъ могутъ получиться или *чистые* гласные, или *носовые*. Носовые прежде были и въ русскомъ языкѣ, но уже въ памятникахъ XI-го вѣка мы видимъ признаки ихъ исчезновенія изъ произношенія. (Въ Остр. Ев. уже смѣшивается ǫ—ѫ съ оу и ę—ѧ съ ꙗ, ѧ). Въ современномъ произношеніи носовые гласные слышатся, какъ звуки *индивидуальной* рѣчи, напр., кто произноситъ не „кὸнка“, а „кǫка“; носовые звуки извѣстны въ произношеніи французскихъ словъ у нашей старой аристократіи или старой интеллигенціи, учившейся прежде русскаго французскому языку. Срв. произношеніе: „финąсы“, „шąсы“, „кǫкурс“, „балąсы“ и проч. Срв. замѣчанія Пушкина о произношеніи Татьяной Лариной французскаго „*н*“ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“. Въ послѣднемъ случаѣ такое произношеніе, конечно, можно назвать *классовымъ* русскимъ произношеніемъ. (См. мои труды: „Очеркъ исторіи русскаго литературнаго языка“. Энциклопедія слав. фил. Вып. XII. Изданіе Ак. Наукъ. СПб. 1908 г. „Изъ исторіи русскаго литературнаго языка конца XVIII в. и начала XIX-го“. Ж. М. Н. Пр. 1901, № 2 „Опытъ грамматики языка А. С. Пушкина“. Вып. I. Изд. Ак. Наукъ. СПб. 1901 и др.).

б) — *участіемъ губъ.* Въ зависимости отъ участія губъ гласные вообще могутъ быть *лабіализованными: о, у*; или *нелабіализованными: а, е, і.* Бо̀льшее или мѐньшее участіе губъ обусловливаетъ степень лабіализаціи звука (все равно — гласнаго или согласнаго): напр., звукъ *у* требуетъ образованія губной трубы, т. е. выдвиганія губъ впередъ особенно сильно; меньше—при звукѣ *о*; если мы произнесемъ звукъ *і* съ участіемъ губъ, т. е. выдвигая ихъ впередъ, то мы получимъ губные оттѣнки звука *і:ӥ*; напр., въ словѣ „надѣӥсь" и т. п. Если мы произнесемъ съ участіемъ губъ звукъ *е*, то получимъ его губныя разновидности: *ö* и под. Напр., „Гёте" (произн. „Гöте") и проч.

Можно встрѣтить лабіализацію и согласныхъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ. Вообще, можно сказать, что, если мы произносимъ какой-либо звукъ (гласный или согласный—безразлично), приближая укладъ органовъ рѣчи къ произношенію звука *у*, то мы этотъ звукъ *лабіализуемъ*; наоборотъ, если мы произносимъ какой-либо звукъ, приближая укладъ органовъ рѣчи къ произношенію звука *і* (небнаго, палатальнаго), то мы звукъ *палатализуемъ.*

в)—*положеніемъ нижней челюсти.* Въ зависимости отъ положенія нижней челюсти гласные вообще могутъ быть или *узкими, закрытыми, напряженными,* при которыхъ нижняя челюсть приближена къ верхней и образуетъ вмѣстѣ съ послѣдней *узкій растворъ рта,* или *ротъ почти закрытый,* при чемъ при произношеніи звука при такомъ укладѣ чувствуется мускульное напряженіе: напр., звуки: *і, е, ӥ, ö* и проч. Если нижняя челюсть удалена отъ верхней, то ротъ *открытъ,* и тогда звуки получаются *широкіе, открытые* и *ненапряженные,* такъ какъ въ этомъ случаѣ при произношеніи звука почти не чувствуется напряженіе мускуловъ въ этихъ органахъ рѣчи. Напр., звуки: *а*, $о^{а}$, $е^{а}$ и т. д. Этими обозначеніями мы выражаемъ, что звукъ *а* берется здѣсь какъ типичный *открытый* звукъ, хотя и онъ можетъ быть

болѣе или менѣе открытъ въ зависимости отъ условій въ сосѣднихъ звукахъ, а, стало быть, въ самой артикуляціи. Сравнимъ, напр., произношеніе словъ: „мѣра“ и „мѣрить“, и мы на слухъ ясно опредѣлимъ, что звукъ *е* въ первомъ словѣ ближе стоитъ къ *а*, т. е. есть звукъ *е* открытый: e^a, а во второмъ словѣ—онъ ближе къ *і*, т. е. закрытый: e^i.

Такіе оттѣнки гласнаго *е* въ этихъ двухъ словахъ зависятъ отъ слѣдующаго за этимъ *е* согласнаго: въ словѣ „мѣра“ онъ—твердый, а въ словѣ „мѣрить“ мы имѣемъ *р* мягкое, и поэтому, языкъ, приспособляя свое положеніе къ произнесенію *палатальнаго*, *мягкаго*, *небнаго р*, сообщаетъ уже предшествующему гласному *е* болѣе палатальное произношеніе: это, такъ сказать, *предуготовленіе*, *предвосхищеніе* уклада слѣдующаго звука и отраженіе этого уклада на звукѣ предыдущемъ. Это своего рода *антиципація укладовъ*, или *ассимиляція звуковъ* по способу произношенія, — основной законъ звуковъ русской рѣчи, подмѣченный еще въ 50-хъ годахъ XIX-го ст. акад. Я. К. Гротомъ въ статьѣ, перепечатанной въ его „Филологическихъ Разысканіяхъ“. (СПБ. 1876[2] стр. 266). Звукъ *е* въ словѣ „мѣра“ сопровождается и меньшимъ напряженіемъ, чѣмъ звукъ *е* въ словѣ „мѣрить“. Академикъ Шахматовъ наблюдалъ въ Олонецкомъ произношеніи e^i, т. е. *е* закрытое, напряженное, въ положеніи этого *е* передъ твердымъ согласнымъ и слогомъ.

Такое *е* закрытое въ произношеніи Олончанъ соотвѣтствуетъ старому ѣ, откуда можно вывести заключеніе, что въ Олонецкомъ говорѣ еще сохранилось различіе между произношеніемъ *е* и *ѣ*, и это различіе ясно слышится въ положеніи звука *е* (ѣ) передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ или слогомъ: *мѣра*, *мѣлъ*, *пѣла*, *вѣра* и проч. Звукъ *ѣ*, выходитъ, здѣсь=звуку *е* закрытому. Этотъ *законъ ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ* обнаружился еще въ эпоху общерусскаго единства и, какъ я думаю, между прочими факторами обусловилъ отпаденіе русской вѣтви славянства.

Въ силу этой ассимиляціи все слово русскаго языка какъ бы проникается общей идеей приспособленія каждаго звука слова къ его сосѣднему слѣдующему звуку: приспособленіе это въ способѣ артикуляціи звуковъ. Напр., сравните наше произношеніе слова „слѣдствіе“ съ написаніемъ этого слова, и вы услышите, что мы произносимъ: ś'l'èt'ś't'v'ije, т. е. *всѣ звуки мягкіе, палатальные*; палатальность артикуляціи, т. е. приближеніе языка къ твердому переднему небу, обусловлена артикуляціей гласнаго *i*, который сообщилъ этотъ укладъ предшествующему звуку *v*, а этотъ—предшествующему звуку *t*, а этотъ—звуку s и т. д.—всѣ звуки проникнуты сравнительнымъ однообразіемъ артикуляціи. Такого рода ассимиляцію, кажется, надо считать однимъ изъ древнѣйшихъ и основныхъ отличій фонетики восточной славянской вѣтви.

Итакъ, *общее дѣленіе гласныхъ звуковъ*:

а) въ зависимости отъ положенія мягкаго неба: { чистые. / носовые.

б) въ зависимости отъ положенія губъ: { лабіализованные. / нелабіализованные.

в) въ зависимости отъ положенія нижней челюсти: { открытые. / закрытые.

Теперь разсмотримъ, отчего зависитъ *частное дѣленіе гласныхъ звуковъ*, т. е. *специфическую окраску гласныхъ*, по которой эти звуки дѣлятся въ частности, а не вообще. Здѣсь играетъ главную роль самый подвижной органъ рѣчи—*языкъ*: въ зависимости *отъ положенія языка* гласные могутъ артикулироваться либо ближе къ заднему мягкому небу, и тогда они называются *гласные задняго ряда*; либо—ближе къ серединѣ неба, т. е. къ мѣсту соприкосновенія мягкаго и твердаго неба,—*гласные средняго ряда*; либо, наконецъ,—ближе къ переднему, твердому небу: *гласные передняго ряда*.

Итакъ, *частное дѣленіе гласныхъ*, въ зависимости отъ положенія языка:

А. Гласные задняго ряда: *а, о, у* (конечно, они, въ свою очередь, могутъ быть чистыми или носовыми, лабіализованными или нелабіализованными, открытыми или закрытыми. См. выше).

Б. Гласные средняго ряда: *ы* (въ русскомъ языкѣ только *ы* съ его оттѣнками согласно принципу *общаго* дѣленія гласныхъ. См. выше).

В. Гласные передняго ряда: *е, і* (такъ же съ разновидностями согласно принципу *общаго* дѣленія гласныхъ. См. выше).

Само собой разумѣется, что и по положенію языка гласные дѣлятся по существу такъ же, какъ согласные: если языкъ приближается своей спинкой къ заднему небу, то звукъ будетъ—задняго ряда, или заднеязычный, или заднебный, или мягконебный и т. д. Терминомъ „задній рядъ" и проч. мы обозначаемъ лишь то, что *въ природѣ гласнаго звука* главную роль играетъ *не органъ рѣчи*, а мѣсто образованія, а терминомъ „заднеязычный" или „задненебный" мы обозначаемъ, что *въ природѣ согласнаго звука* играетъ главную роль *органъ рѣчи*, относительно котораго артикулируетъ языкъ, или *органъ рѣчи*, артикулирующій своимъ движеніемъ данный звукъ. Различіе въ этихъ терминахъ имѣетъ лишь въ виду научную точность опредѣленія класса гласныхъ и класса согласныхъ звуковъ.

XII. *Ротовые звуки, т. е. образуемые въ полости рта. Согласные.* Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣнные нами факторы: *мѣсто образованія* (гортань и ротъ), *способъ обра-*

зованія (полный и неполный затворъ, т. е. взрывъ и треніе), *участіе голоса* (звонкіе и глухіе звуки), мы и здѣсь будемъ слѣдить *за положеніемъ языка* и при этомъ обратимъ вниманіе *на органы рѣчи*, такъ или иначе комбинирующіе свои работы съ работой языка. Такимъ образомъ, не забывая, что согласные, какъ и гласные, могутъ образовываться и въ гортани, и во рту, мы займемся только *ротовыми*, такъ какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ нѣтъ гортанныхъ согласныхъ (см. однако выше). Далѣе, не забывая, что согласные вообще могутъ быть *взрывными* и *фрикативными*, *звонкими* и *глухими*, мы будемъ теперь разсматривать *согласные по органамъ произношенія во рту* (см. таблицу на стр. 59).

Примѣчаніе I. Въ этой таблицѣ помѣщены звуки не только *литературнаго* русскаго языка, но и діалектическіе для полноты и указанія того, какъ артикуляція звуковъ служитъ факторомъ діалектическаго развитія звуковъ языка. Напр., въ произношеніи: „к этому“, „к избѣ“ мы имѣемъ *к* среднеязычное. Вообще, въ предлогѣ „къ“ передъ слѣдующимъ гласнымъ передняго ряда: это произношеніе литературное. Въ словахъ же: „кинь“, „гибкій“, „верьхи“, „кнејіня“ мы имѣемъ *к*, *г*, *х*, *ј*—переднеязычные—тоже въ литературномъ русскомъ языкѣ. Въ словахъ: тина, день, сѣть, зять, а также въ малорусскомъ произношеніи словъ: жинка, шість мы имѣемъ звуки: *т*, *д*, *с*, *з*, *ш*, *ж*—зубно-небные смягченные.

Согласные по органамъ произношенія.

		Взрывные Глух.	Взрывные Звонк.	Фрикат. Глух.	Фрикат. Звонк.	
А. Язычные:	Заднеязычные:	к,	г,	х,	γ	
	Среднеязычные:	к̇,	г̇,	ẋ,	γ̇	(въ сочетаніи съ гласными передняго ряда).
	Переднеязычные:	к',	г',	х',	j	
	Зубно-небные:	t',	d',	s',	z', ś̌, ź̌	(смягченные).
	Альвеолярные:			ṣ,	ẓ, š, ž	
	Зазубные:	t,	d,	s,	z	
	Межзубные:					
	Церебральные (какуминальные):			ṭ,	ḍ	(въ Тул. Новосильск. у. произношеніи).
Б. Губные:	Губно-губные (билабіальные):	п,	б,	φ,	w	(послѣдніе два діалектически въ свр. и юрв. говорахъ извѣстны).
		Взрывные (п, б, φ, w)				
	Губно-зубные:	ф,	в			
		Фрикативные (ф, в)				

Примѣчаніе II. Въ словахъ же: малор. сила, зима, рус.-литер. шумъ, жукъ и проч. мы имѣемъ звуки альвеолярные. Звуковъ межзубныхъ пока въ рус. яз. не найдено, а звуки церебральные, или какуминальные (лат. cacumen), ṭ и ḍ имѣются въ діалектахъ рус. яз., между прочимъ, звукъ ḍ найденъ мною въ произношеніи γaspaḍin (=почти „ды") въ Тульск. губ., Новосильск. у. Звуки зазубные имѣются въ рус. литер. произношеніи: тонкій, дубъ, самъ, заря и проч.—*т, д, с, з.* Вообще, русскіе *т, д, с, з*—звуки зазубные.

Звуки: зубнонебные, альвеолярные, зазубные, (межзубные), церебральные обозначены въ таблицѣ лат. буквами, такъ какъ они выходятъ изъ области названія „язычные", хотя при нихъ и *артикулируетъ языкъ* или относительно переднихъ верхнихъ зубовъ и соотвѣтствующей, прилегающей части твердаго передняго неба, или относительно альвеолъ, т.-е. той части верхнихъ десенъ, гдѣ вростаютъ передніе зубы, или, наконецъ, относительно зубовъ, къ которымъ съ внутренней стороны прикасается кончикъ языка, или просовывается межъ верхними и нижними зубами, или, наконецъ, загибается кверху передней своей частью („церебральные").

Звуки губные: рус.-литер.: попъ (*п* — глухой взрывной билабіальный), бобъ (*б*—звонкій взрывной билабіальный); діалектическіе звуки билабіальные глухой—*φ*—взрывной и звонкій—w—взрывной обозначены нами греческой буквой (*φ*) и англійской (w) и извѣстны въ рус. говорахъ: *φ*óрост=хворостъ и wдова=почти ўдовá. Наши литературные *ф* и *в*: фунтъ, водка и проч.—имѣютъ губно-зубные *ф* и *в* фрикативные, изъ которыхъ *ф* — глухой, а *в* — звонкій.

Звуки: *γ*, *γ̇* и j обозначены греч. и лат. буквами, такъ какъ въ русскомъ алфавитѣ не имѣется соотвѣтствующихъ буквъ, а между тѣмъ рус.-литер. „благо" имѣетъ *γ* —заднеязычный звонкій фрикативный; рус.-литер. „боги" — *γ* — среднеязычный звонкій фрикативный, а рус.-литер. „jихъ" — j — переднеязычный звонкій фрикативный. Надо также различать три артикуляціи для каждаго изъ звуковъ *к*, *г* и *х* въ русскомъ литературномъ произношеніи: три *к*: *котъ* и под., *к* этому и под. и *кинь* и под. (въ таблицѣ: *к*, *к̇*, *к'*); три *г*: *годъ* и под., „итóг э̇тъва" и под., *гибель* и под. (въ таблицѣ: *г*, *ġ*, *г'*); и три *х*: *холмъ* и под., „*их* э̇ти причуды" и под., *хилый* и под. (въ таблицѣ: *х*, *ẋ*, *х'*).

Разсмотрѣвши эту таблицу ротовыхъ согласныхъ звуковъ, мы видимъ, что малѣйшее перемѣщеніе мѣста артикуляціи или видоизмѣненіе способа артикуляціи вліяетъ на качественное измѣненіе звука: измѣняется качество звука, его характеръ, его окраска. Это же можно видѣть и на другихъ таблицахъ звуковъ и гортанныхъ и гласныхъ звуковъ. А такъ какъ характеръ звука, зависящій отъ его артикуляціи, составляетъ *звуковую физіономію* языка, т.-е. всю его внѣшнюю сторону, то звуковыя различія языковъ въ сущности сводятся къ различію артикуляцій звуковъ. Само собой разумѣется, что мы далеко не всѣ звуки перебрали въ своихъ таблицахъ выше: многіе звуки должны еще найтись въ русскихъ діалектахъ при ихъ дальнѣйшемъ изученіи и наблюденіи, и чѣмъ полнѣе представлена звуковая система языка въ его нарѣчіяхъ, тѣмъ нагляднѣе видны процессы распаденія языка на нарѣчія, нарѣчій на говоры, вліяніе индивидуальныхъ звуковыхъ образованій и, наконецъ, тѣмъ яснѣе представляется неизбѣжность звуковыхъ варьяцій, отражающихъ самую жизнь языка въ устахъ говорящаго на немъ народа. При физіологическомъ изученіи звуковъ

языка становится также понятнымъ то обстоятельство, что, чѣмъ сложнѣе и многолюднѣе племя, нація, общество, общественная группа, тѣмъ болѣе задатковъ своего распаденія носитъ въ себѣ языкъ этого племени-группы, его органъ духовнаго общенія. Наконецъ, при изученіи *въ деталяхъ* самой артикуляціи звуковъ даннаго языка становится понятной связь звуковыхъ сочетаній съ дифференціацией значеній словъ и съ неизбѣжностью самой этой дифференціаціи. Поэтому для уясненія процессовъ жизни языка, для изученія его исторіи во всемъ объемѣ, необходимо прежде всего детально изучить внѣшнюю сторону языка во всемъ разнообразіи его нарѣчій, и тогда представится картина звуковыхъ отношеній даннаго языка къ его потомкамъ, т.-е. къ его нарѣчіямъ, образовавшимся по его распаденіи, и къ его предкамъ, среди которыхъ онъ самъ въ своемъ быломъ единствѣ, до распаденія, представлялъ одно изъ нарѣчій общаго праязыка, напримѣръ, общеславянскаго.

XIII. *Таблицы гласныхъ и согласныхъ звуковъ русскаго языка и знаки для нихъ.* Прежде, чѣмъ изобразить наглядно въ таблицѣ звуки русскаго языка, необходимо сказать, что представленное нами выше какъ *общее* дѣленіе гласныхъ, такъ и *частное* ихъ дѣленіе, имѣло въ виду и въ классѣ гласныхъ, и въ классѣ согласныхъ звуковъ, дать лишь самое общее понятіе о физіологическихъ факторахъ измѣненія звуковъ и намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ мѣста артикуляціи звуковъ. Собственно говоря, звуковъ въ каждомъ живомъ языкѣ такое большое количество, что всѣ ихъ дать въ таблицѣ очень трудно, да и не всѣ можно точно-физіологически опредѣлить; отсюда ясно, что вообще не можетъ быть такой системы буквенныхъ знаковъ (такой азбуки), которая бы могла претендовать на исчерпывающую полноту и точность въ письменномъ изображеніи всѣхъ слышимыхъ звуковъ живого разговорнаго языка со всѣми разновидностями въ произношеніи отдѣльныхъ индивидуумовъ. А между тѣмъ въ процессѣ звукового пере-

рожденія языка во времени и звукового видоизмѣненія на всемъ пространствѣ слышимаго языка даннаго народа играютъ роль, именно, всѣ мельчайшіе оттѣнки въ характерѣ звуковъ, такъ какъ эти оттѣнки уясняютъ намъ способъ образованія звуковъ и дѣлаютъ понятными такіе звуковые переходы, которые безъ изученія всѣхъ звуковыхъ оттѣнковъ остались бы непонятными, какъ прежде, въ періодъ донаучной лингвистики, до физіологическаго и психологическаго изученія языка, и было: довольствовались заявленіемъ, что такой-то звукъ перешелъ въ такой-то, а *какъ* оказался возможенъ этотъ переходъ и *почему* именно, этотъ переходъ могъ оказаться возможнымъ, до этого наука не доходила еще и въ 80-хъ годахъ XIX-го столѣтія. Напр., извѣстная надпись ана ръина (Anna regina) дочери Ярослава Мудраго, бывшей замужемъ за Францискомъ I, на монетѣ, не могла быть осмыслена безъ знанія физіологіи произношенія $g = \gamma$, $\gamma' = j$ и безъ знанія соотношенія между др.-русской графикой и живыми звуками русскаго языка въ его нарѣчіяхъ (въ частности, въ южно-русскомъ нарѣчіи). Срв. древн.-моск. *кнеиня* или современное ю.-в.-р. „поји“= ноги и под.

Равнымъ образомъ, обозначая звуки по рядамъ: задняго ряда, средняго и передняго, мы не вдавались въ подробности, а между тѣмъ скала звуковъ очень велика: между заднимъ и среднимъ рядомъ возможно образованіе *задне-средняго ряда*, если спинка языка приподнимается не въ задней части неба и не въ серединѣ его, а въ промежуточной области, то ближе къ заду: тогда можетъ получиться звукъ *задне-задне-средній*, то ближе къ серединѣ—*средне-средне-задній* и под. И этого мало: мы считаемся *не только съ мѣстомъ* поднятія спинки языка къ небу (мягкому или твердому), *но и со степенью* поднятія: такъ, звукъ можетъ быть *верхнимъ* во всѣхъ рядахъ, *среднимъ* во всѣхъ рядахъ и *низкимъ* во всѣхъ рядахъ въ зависимости отъ того, *насколько* приближена спинка языка къ соотвѣтствующему мѣсту соотвѣтственной части неба.

Таблица глас ныхъ звуковъ.

		Задній рядъ.		Задне-средній рядъ.		Средній рядъ.		Передне-средній рядъ.		Передній рядъ.	
		Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.	Ненапряж.	Напряж.
Нелабіализованные	*Верхнее* приближеніе языка	х[о]рошо́ α	ст[а]рика α̂	шить ы^1	мы́ло ы̂^{1}	сыно́к ы^2	сын ы̂^{2}	сын (укр.) ы^3	шыття́ (укр.) ы̂^{3}	зна́[е]тъ і	си́ла і̂
	Среднее приближеніе языка		мыти (угрорус.) ы̂			шы^{е}я (укр.) ы^е	сляпэ^{ы}й (бѣлор.) э̂^{ы}			э́тотъ вѣ́ра лѣ́с е	э́ти вѣ́рить ле́сть ê
	Низкое приближеніе языка	насъ даръ станъ а	лапа балъ сталъ а̂			да̀нь ба̂тя з'ац' (блр.) а̀	вз'ал м'ал а̀̂			źät' d'äd'a p'ät' } св-влкр. ä	
Лабіализованные	*Верхнее* приближеніе языка	кусо́къ у	лу́къ у́же у̂			станавлю́сь сте́лютъ бью́тъ у̀	чу́чело щу́чій у̀̂			стара́юсь люби́ть ӥ	даю́ть (ювлр.) лю́бишь ӥ̂
	Среднее приближеніе языка	тотъ воскъ носъ о	полъ волъ лобъ о̂			т'о̀мный лиц'о́ (вологод.) о̀	в'о́л о̀̂			'то́тя пьјоть (ювр.) ӧ	мӧ̂ју рӧ̂ју (жиздр.) ӧ̂
	Низкое приближеніе языка	па́^{о}па (петрозав.) а^о								коп'ӧ^{а}к (=копеекъ) (петрозав.) ӧ^а	

Нагляднѣе можно выразиться такъ, что звуки допускаютъ дѣленіе во рту *горизонтальное* (если возьмемъ все протяженіе языка, спокойно лежащаго въ области нижней челюсти и будемъ слѣдить, какая часть языка, задняя-ли, средняя-ли, или передняя, ближайшая къ переднимъ зубамъ, выгибается и приподнимается къ небу) и *вертикальное* (если будемъ слѣдить за степенью выгиба и поднятія языка къ соотвѣтствующей части неба). (См. таблицу на стр. 64—65).

Примѣчаніе. Звуки *ы* съ ихъ оттѣнками вообще образуются въ *среднемъ* ряду при *верхнемъ* приближеніи: это—рус. литературное *ы*. Греческой буквой *α* обозначенъ звукъ *неполнаго* образованія относительно качества послѣ твердой согласной: его мы слышимъ въ первомъ слогѣ слова „*хорошо́*" въ литер. произношеніи. Знакомъ ^ надъ буквой обозначено напряженное произношеніе. Въ рус. языкѣ *напряженные* гласные слѣдующіе: *ê* въ положеніи передъ слѣдующей мягкой согласной; *і*, *ы*, *у*—подъ удареніемъ; *а* и *о* въ положеніи передъ или послѣ *л* твердаго (см. таблицу на стр. 67).

Объясненіе. Въ этой таблицѣ согласныхъ звуковъ русскаго языка необходимы слѣдующія поясненія:

1) Всѣ буквы взяты или изъ лат., или изъ греч., или изъ англійскаго (w) алфавитовъ, такъ какъ изображеніями иностранныхъ буквъ вызываются болѣе точныя произношенія, не сбивающіяся на произношенія привычнаго русскаго литературнаго языка.

2) Апострофами (запятой сверху буквы) обозначены въ таблицѣ смягченныя (палатальныя) произношенія.

3) Такъ какъ въ классахъ зубно - небныхъ и средне-небныхъ звуковъ отъ ихъ палатализаціи за-

Таблица согласныхъ звуковъ (шумныхъ и сонорныхъ).

			Губные		Язычные								Фаукальные	Гортанные
			Губно-губные	Губно-зубные	Межзубные	Зазубные	Альвеолярные	Какуминальные	Зубно-неб. смягч.	Средне-неб. смягч.	Средне-небные несмягч.	Задне-небные		
Шумные	Взрывные	Глухіе	p p'			t		ṭ	t'	k'	k̇	k	t(n) p(m)	'
		Звонкіе	b b'			d		ḍ	d'	g'	ġ	g	d(n) b(m)	
	Фрикативн.	Глухіе	φφ'	f f'		s	š s²	ṣ̌ṣ	s' ś	x'	ẋ	x		h
		Звонкіе	ww'	v v'		z	ž z²	ẓ̌ẓ	z' ź	j	γ̇	γ		h̥
Сонорные	Носовые		mm'			n		(ṇ)		n		n		
	Плавные	Звуки „l“				l ł		(ḷ)						
		Звуки „r“	ψ				r	(ṛ)				r̰		
	Аффрикаты	Глухіе				c	č		c'					
		Звонкіе				ʒ	ǯ		ʒ'					

виситъ перемѣщеніе самаго мѣста образованія звуковъ, какъ показываютъ и самыя названія этихъ классовъ, то въ таблицѣ помѣщены смягченные и несмягченные этихъ классовъ въ разныхъ рубрикахъ.

4) Какуминальные (церебральные) звуки обозначены точкою внизу (см. примѣры выше).

5) Средне-небные звуки обозначены точкою сверху буквы.

6) Знаками: s^2, z^2 обозначены полумягкіе (особые) *s* и *z*. Они извѣстны въ малорусскихъ діалектахъ.

7) Буквою ŋ' и ŋ обозначаются звуки n въ положеніи передъ звуками k' и k (см. выше). См. также XVI.

8) Какуминальные звуки, поставленные въ скобкахъ, не доказаны фактами русскаго языка.

9) Греч. буква *ψ* есть особый губно-губной звукъ „r", который слышится при призывѣ коровы: „ψусѐнь".

10) Буква *ɼ* означаетъ „дрожащій" *r*. См. его физіологію выше.

11) Особаго объясненія требуютъ термины: *фаукальные звуки* и *аффрикаты*.

12) Въ классѣ *гортанныхъ* звуковъ есть *шумный взрывной глухой*, обозначающій слабое придыханіе (spiritus lenis).

XIV. *Фаукальные звуки.* Сочетаніе звуковъ губно-губныхъ шумныхъ взрывныхъ *съ носовыми* этого же класса, а равно сочетаніе зазубныхъ шумныхъ взрывныхъ *съ носовыми* этого же класса при изглашеніи производятъ *взрывъ не въ полости рта, а въ полости зѣва.* Причина этого—опущеніе мягкаго неба (небной занавѣски — velum palati) и, слѣдовательно, разобщеніе полости рта съ полостью носа и полостью зѣва, которыя остаются сообщенными. Такъ какъ *фаукальные*

(лат. faux=зѣвъ) звуки получаются при сочетаніи *съ носовыми* (m или n), то перемѣна направленія звучащей струи воздуха изъ полости рта при губно-губныхъ шумныхъ взрывныхъ и при зазубныхъ шумныхъ взрывныхъ въ полость носа сопровождается взрывомъ по дорогѣ въ полость носа, именно, въ полости зѣва. Вслѣдствіе этой особенности по мѣсту взрыва фаукальные звуки получаютъ особую окраску, и этой особенностью объясняются многія явленія фонетики русскихъ нарѣчій. Напр., извѣстно, что въ бѣлорусскомъ нарѣчіи смягченное *д* пріобрѣтаетъ соотвѣтственный съ точки зрѣнія участія голоса свистящій оттѣнокъ, т.-е. произносится *д'з'*: „дзень" (ʒ'ен'), дзѣло (ʒ'eᵃло) и под. А смягченное *т* соотвѣтственно этому произносится въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ: *т'с'=ц'*, т.-е. получаются *слитные звуки* или *аффрикаты* (см. ниже): *дз* и *ц*. Далѣе, извѣстно (см. выше), что *въ силу закона полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ* форма род. п. ед. ч. „дня" должна произноситься въ русскомъ литературномъ языкѣ съ мягкими согласными *д* и *н*, т.-е. *д'н'а*, такъ какъ род. п. „дня" имѣетъ мягкое *н*, мягкость котораго сообщается и стоящему рядомъ съ „*н'*" звуку *д*. (Мягкость звука „н" въ род. п. „дня" обозначена въ нашей орѳографіи буквою „я", которая, какъ извѣстно, условно изображаетъ мягкость предшествующаго согласнаго, послѣ котораго стоитъ). Соотвѣтственно сказанному выше о діалектической особенности мягкихъ звуковъ *д* и *т* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи мы ожидали бы, на основаніи только что изложеннаго закона ассимиляціи, въ бѣлорусскомъ слышать: ʒ'н'а (д'з'н'а), однако мы этого здѣсь не имѣемъ, а, вопреки закону, звукъ *д* остается твердымъ, хотя слѣдующій за нимъ звукъ *н*—мягкій: дн'а. Такое же произношеніе извѣстно и въ нарѣчіяхъ великорусскаго языка. Мы беремъ однако для примѣра только блр. произношеніе, такъ какъ въ немъ, вслѣдствіе *особаго* характера смягченія *д*, это смягченіе ясно слышится въ *свистящемъ* звукѣ *з'*. Отчего же здѣсь въ формѣ „дня" не происходитъ смягченія звука *д?* Отчего не произносится въ бѣлорусскомъ д'з'н'а? Оттого, что сочетаніе звуковъ

„дн“ произносится съ фаукальной артикуляціей, т.-е. *взрывъ происходитъ до перехода звучащей струи воздуха въ полость носа непосредственно послѣ д, между д и слѣдующимъ н'*: получается какъ бы произношеніе „д*а*н'ă (или: дън'а, или дӹн'а), причемъ буква *а* (греч. альфа, или ъ, или ъ̆) означаетъ промежуточный звукъ неполнаго образованія („Gleitlaut“), облегчающій переходъ одной артикуляціи (ротовой) въ другую (носовую), и появляющійся, въ силу физіологической необходимости, какъ спутникъ такого перехода артикуляціи. То же слѣдуетъ сказать о произношеніи сочетаній: „тн“, „пм“, „бм“; напр., въ словѣ: „обмѣнъ“ произн. какъ бы: ăб*а*м'ѐн, „стóп машы́нă“. „хóт назáт“ и под. Вѣроятно, этимъ же физіологическимъ процессомъ должно объяснить произношеніе сѣверновеликорусскаго „нн“ вм. „дн“, „мм“ вм. „бм“: оннá = однá; лáнно = ладно; оммáн = обманъ; óммŏрŏк = обморокъ и под. Въ этихъ и подобныхъ произношеніяхъ ассимиляція по мѣсту образованія звуковъ и по органамъ произношенія обусловлена стремленіемъ облегчить трудную смѣну разнородныхъ артикуляцій, при которой должны получиться, безъ этого облегченія, *рѣдкіе* вообще въ русскомъ языкѣ *фаукальные* звуки.

XV. *Аффрикаты.* Аффрикатой называется тотъ звукъ, который получается *при соединеніи взрывного съ соотвѣтствующимъ ему по мѣсту образованія фрикативнымъ.* Такимъ образомъ, *аффриката есть слитная согласная*, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ согласныхъ, приведенныхъ въ таблицѣ. (См. таблицу согласныхъ звуковъ). Однако аффрикату, какъ *слитную* согласную, надо отличать отъ группы согласныхъ, такъ какъ аффриката происходитъ вслѣдствіе *сліянія* звуковъ, а не вслѣдствіе сочетанія, которое даетъ лишь группу. Сліяніе же звуковъ, т.-е. аффриката, характеризуется тѣмъ, что первый изъ сливающихся звуковъ, *взрывной, произносится съ ослабленной артикуляціей, т. е. редуцируется относительно силы произношенія.* Аффрикаты въ русскомъ языкѣ слѣдующія: *ц* (въ табл. *c*=t+s) и *ц'* (*c'*): напр.: „ку-

пец“ и діалектически, а также въ древне-русскомъ: „куп’ец’“; коупьць. Далѣе, — *дз* (въ табл. ʒ = d + z) и *д’з’* (ʒ’): напр., млр. дзвін, дзмій, блр. дзвѣ, дзень. Далѣе, — *ч* (въ табл. č = = t + š) и *ч’* (ć): напр., блр. час, казанск. чы́стаǐ (свіяжск.), моск. чяс, ночь. Далѣе,—*дж* (въ табл. ǯ=d+ž) и *д’ж’* (ǯ’): напр., млр. джэрэло́ (=жерло), млр. выходжу, роджу и род’ж’у и проч. Стало быть, аффрикаты русскаго языка суть: ц, дз, ч, дж и ц’, д’з’, ч’, д’ж’, изъ которыхъ въ русскомъ *литературномъ* языкѣ извѣстны только *ц* и *ч*, какъ звуки, способные начинать собою слова въ абсолютномъ началѣ слова; аффрикаты же *дз*, *дж* могутъ появляться въ литературномъ произношеніи лишь въ словосочетаніяхъ: „аве́ц бы́ло мно́го“ въ произношеніи=„ав’е́дз бы̆лӑ мно́гă“; или: „печь была́ здѣсь“=въ произношеніи: „п’ед’ж’ была́ з’д’е́с’“.

XVI. *Дополнительныя замѣчанія о сонорныхъ звукахъ.* Сонорные звуки: r, l, m, n *при отсутствіи голоса* образуютъ шумные, фрикативные, *глухіе* звуки. Такъ, слова: „ро́тмистр“, „мини́стр“, „маги́стр“, „це́нтр“ и под. мы произносимъ съ глухимъ, полушепотнымъ *р* въ концѣ; глухость такого *р* въ индивидуальномъ произношеніи доходитъ до полной *неслышности* его: „ро́тмист“, „мини́ст“, „маги́ст“, „це́нт“ и под. Срв. „цэнтт’а́жьс’т’и—въ индивидуальномъ произношеніи. Такъ же: „дряхл“, „затхл“ и под. произносятся съ глухимъ *л* въ концѣ; „драхм“, „чухн“ (=чухонцевъ—род. п. мн. ч.) имѣютъ въ произношеніи глухіе *м* и *н*. Такимъ образомъ, и сонорные-голосовые звуки въ извѣстномъ положеніи могутъ становиться *безголосыми*. Изъ носовыхъ звуковъ мы различаемъ *четыре*: *задненебное* ŋ, которое требуетъ такой же артикуляціи, какъ при звукахъ *k* и *g*: языкъ принимаетъ положеніе *k* или *g*, а звучащая струя проходитъ въ носовую полость: угрорус. aŋhel, новогруд. žoŋka, индивид. koŋka и проч. *Средненебное* ŋ’: блр. gaŀeŋ’z’o; *зазубное n* съ артикуляціей, какъ при *t* и *d*: nas, nos... *Губное m* съ артикуляціей,

какъ при *p* и *b*: most, mucha, masła... Изъ плавныхъ звуковъ мы различаемъ *три разновидности звука l* и *три разновидности звука r*: веляризованный ł, невеляризованный несмягченный *l* (зап.-европ. *l*) и невеляризованный смягченный *l'*. Веляризованный ł—это тотъ, который мы слышимъ въ словахъ: лапа, лоно, лукъ, лыко, лыжи, лужа, луна, ломъ и под. „Веляризованный", какъ физіологическій терминъ, обозначаетъ произношеніе, въ которомъ участвуетъ мягкое небо своимъ конечнымъ отросткомъ, спускающимся и подымающимся (velum palati=небная занавѣска. См. выше XIV). Артикулируется веляризованный ł такъ: передній край языка образуетъ *полный затворъ* съ соотвѣтствующей частью твердаго неба, а средняя часть языка оттягивается отъ боковыхъ зубовъ и тѣмъ образуетъ свободный боковой проходъ для звучащей струи воздуха. Невеляризованный несмягченный *l* (западноевропейскій) мы имѣемъ діалектически въ украинскихъ говорахъ въ положеніи передъ и послѣ *e*, *i*, *ыⁿ*: ležaty, ližko, bilše, tilko, sylnyj... Также въ ю.-вр. говорахъ Новосильск. у. Тульск. губерніи. Невеляризованный *смягченный l'* мы имѣемъ въ словахъ: лѣсъ, листъ, лютый, соль, лѣнь, ледъ, лесть, лягва и под. Звукъ *l* (всѣхъ видовъ) можетъ быть и *безголосымъ*. тёплъ, рубль. Срв. великор. народное: рупʼ, кора́пʼ, гдѣ безголосое *l'* совсѣмъ не слышно въ произношеніи. (Срв. выше произношенія: „цент", съ безголосымъ, неслышнымъ *r*).

Три разновидности звука *r* слѣдующія: *заднебный r*, называемый по участію въ произношеніи „язычка", т.-е. того отростка мягкаго неба, который обыкновенно спускаясь виситъ и заслоняетъ область зѣва, *„увулярнымъ r"* (лат. uvula = язычекъ, соб. „виноградинка"). Этотъ *r* извѣстенъ въ индивидуальномъ произношеніи: при произношеніи этого *r* спинка языка почти прикасается къ заднему небу, а „язычекъ" дрожитъ. (См. въ табл. *r̥*). *Передненебный r*: спинка языка касается альвеолъ или верхнихъ переднихъ десенъ, а кончикъ языка дрожитъ. Возможенъ *r* и безъ дрожанія кончика языка. *Губ-*

ной r (табл. греч. буква ψ): губы дѣлаютъ затворъ и дрожаніемъ пропускаютъ наружу звучащую струю воздуха; примѣры см. въ „Объясненіи" таблицы—выше.

XVII. *Палатализованные (смягченные) и лабіализованные согласные.* Согласные средненебные, передненебные (зубно-небные) и губные возможны и при поднятіи языка въ его серединѣ къ твердому небу, т.-е. при такомъ положеніи языка, при которомъ произносится гласный *i* и *e*. При этомъ, если звукъ приближается къ *i* (т.-е. укладъ органовъ рѣчи приближается къ укладу при звукѣ *i*), то *смягченіе бываетъ полнымъ*: такъ, палатализованное, смягченное *p*, *t*, *k*, и т. д. *съ полнымъ смягченіемъ* изображается въ фонетическомъ письмѣ (въ фонетической транскрипціи) такъ: p^i, t^i, k^i и т. д., а звукъ палатализованный, но *не съ полнымъ смягченіемъ*—такъ: p^e, t^e, k^e и т. д. Срв. „в э̆тъм", но: „вить"; „к э̆тъму", но: „кинуть" и проч. Такимъ образомъ, *небная* артикуляція вообще называется *палатальной*, отъ лат. palatum=небо. Съ другой стороны, всѣ согласные могутъ сопровождаться кольцеобразнымъ выдвиганіемъ губъ впередъ, такъ, какъ это дѣлается при произношеніи гласныхъ *u* (у) и *o*. Согласные съ такимъ произношеніемъ называются *лабіализованными* (лат. labium = губа). Такимъ образомъ, ясно, что самъ по себѣ укладъ органовъ рѣчи не характеризуетъ гласнаго и согласнаго звука, между которыми *по существу* нѣтъ разницы, такъ какъ и гласные, и согласные могутъ быть палатальными и лабіализованными; гласные и согласные могутъ быть и слоговыми, и неслоговыми. Единственнымъ критеріемъ гласнаго остается *свободный* проходъ звучащей струи воздуха и *минимальное участіе органовъ рѣчи*, заложенныхъ въ полости рта. Въ Московскомъ говорѣ указаны лабіализованные согласные *x* въ сочетаніяхъ: *хо*, *ху*. Въ Вологодской губ., въ Тотем. уѣздѣ извѣстно произношеніе: k^uȯt, dv^uȯr (=котъ, дворъ) съ *k* и *v* лабіализованными. Въ блр. говорѣ и юврю. (Рузскаго у. Моск. губ.) извѣстно p^u и m^u въ про-

изношеніяхъ: p^{u}αłsapošk'i (=полсапóжки), m^{u}αžučok (=мужичекъ).

Глава IV-ая.

§ 9. Количественныя измѣненія звуковъ рѣчи. Тоническія измѣненія. Сила звука въ рѣчи. Звукосочетанія.

XVIII. *Понятіе о количествѣ звука. Звукосочетаніе. Количествомъ* звука мы называемъ *краткость* или *долготу* его въ произношеніи; точнѣе говоря, подъ количествомъ звука рѣчи мы разумѣемъ то время, которое потребно для произнесенія даннаго звука въ данныхъ условіяхъ рѣчи. При этомъ *нормальной единицей времени* служитъ тотъ минимумъ, который необходимъ для *отчетливаго* произнесенія звука рѣчи въ *ударяемомъ* слогѣ *при нормальномъ темпѣ самой рѣчи*. Отсюда ясно, что можетъ быть и замедленная рѣчь противъ нормы, и ускоренная сравнительно съ нормальной. Въ такой рѣчи и темпъ будетъ ускоренъ или замедленъ, а потому и количество ударяемаго звука будетъ уклоняться отъ нормальной единицы времени: ударяемый звукъ будетъ короче или длиннѣе нормальнаго. *Нормальная долгота звука* считается тогда, когда звукъ произносится *въ полтора раза дольше* соотвѣтствующаго ему краткаго звука. Такимъ образомъ, если, примѣрно, нормальный краткій звукъ—ударяемый гласный или неударяемый—произносится въ одну секунду, то нормальный долгій соотвѣтствующій звукъ произносится въ полторы секунды и т. п. *Ударяемый гласный*, требующій минимума времени при отчетливомъ произношеніи и нормальномъ темпѣ рѣчи, *признается краткимъ*. Эти краткіе звуки въ слогахъ слабо ударяемыхъ или вовсе неударяемыхъ, а также при ускоренномъ темпѣ рѣчи, могутъ становиться *полукраткими* и *очень краткими*. Возможна и *полудолгота* звука и *чрезвычайная*

долгота сравнительно съ нормой, указанной выше. *Долгими* могутъ быть и гласные и согласные. *Долгота гласнаго звука или долгота согласнаго звука* (конечно, только фрикативнаго и сонорнаго) *выражается болѣе продолжительнымъ*, сравнительно съ соотвѣтствующимъ краткимъ звукомъ, *звучаніемъ голоса или шума*, а *долгота взрывной согласной* (т.-е. взрывного согласнаго звука) *выражается болѣе продолжительной паузой передъ взрывомъ.* Долгій гласный и долгій согласный мы обозначаемъ соотвѣтствующей буквой со знакомъ долготы надъ ней, а краткій — со знакомъ краткости: ā, s̄, z̄, r̄, l̄ и проч. — долгіе звуки фрикативные и сонорные согласные, а также — гласный и т. п. Знакъ t̄, d̄ и под. означаютъ долгіе взрывные согласные t и d. Такъ, напр., по произношенію такихъ словъ, какъ: „бýдто“, „порýчикъ“, „прóчій“ слышно, что въ нихъ мы произносимъ ударяемые гласные (у, о) *очень кратко*, но зато непосредственно послѣ этихъ краткихъ гласныхъ мы дѣлаемъ болѣе продолжительную паузу передъ самымъ взрывомъ, необходимымъ для произнесенія слѣдующаго t; поэтому акустическое впечатлѣніе получается такое, какъ будто мы произносимъ во всѣхъ этихъ трехъ словахъ двойное t (tt) послѣ ударенія. Дѣйствительно, мы произносимъ: bŭttα (bŭt̄α), parŭt̄šik, prŏt̄šij. Въ данномъ случаѣ, чтобы убѣдиться, что литературное русское произношеніе этихъ словъ дѣйствительно таково, стоитъ только вспомнить наше старое правописаніе, проникавшее даже въ школу черезъ „учебники русскаго языка“ въ 60—70-хъ годахъ XIX-го столѣтія, а равно—обратить вниманіе на наши старыя печатныя книги (журналы, альманахи, сборники и собранія сочиненій нашихъ писателей) конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка: здѣсь вездѣ мы увидимъ начертанія: „*порутчикъ*“ (см. объ этомъ словѣ у *Я. К. Грота*: „Филологич. Разысканія“ и у *Ѳ. И. Буслаева*: „Историческая грамматика“... и „Учебникъ русской грамматики“...), „*протчій*“, „*лутче*“ и проч. Слово „*бутто*“ тоже писалось нерѣдко черезъ два *т*, но здѣсь само собой ясно, что сочетаніе *дт*,

образовавшееся въ рѣчи послѣ исчезновенія ь („будьто"), должно дать въ произношеніи *по ассимиляціи т + т*, т. е. *два т*, или, что то же, *долгое* $\bar{т}$.

XIX. *Понятіе о звукосочетаніи. Слогъ.* Въ рѣчи мы почти никогда не встрѣчаемъ единичныхъ звуковъ: звуки рѣчи такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, всегда воспринимаются нашимъ слухомъ въ такомъ тѣсномъ сочетаніи, что артикуляціи смежныхъ звуковъ взаимно проникаются другъ другомъ, переходя изъ одной въ другую такъ, что артикуляція предыдущаго звука уже видоизмѣняется подготовкой къ артикуляціи послѣдующаго, а потому звукъ, выхваченый изъ сочетанія, изъ связной рѣчи, представляется совсѣмъ другимъ звукомъ и акустически и по физіологической своей природѣ, а этотъ звукъ *въ рѣчи* есть *дѣйствительно живой звукъ живого языка*, между тѣмъ какъ *изолированный* звукъ есть только *теоретическое* представленіе, къ которому приближается звукъ связной рѣчи, но въ который онъ никогда не превращается, пока онъ живетъ жизнью въ процессѣ связной рѣчи. Вотъ почему научно-фонетическая транскрипція рѣчи, претендуя на точное отраженіе на письмѣ акустически воспринимаемыхъ звуковыхъ сочетаній и вызывающая соотвѣтственныя физіологическія работы и уклады органовъ рѣчи, есть тотъ идеалъ, до котораго наука еще не достигла, а между тѣмъ только по такой транскрипціи можно изучить живую рѣчь и только такимъ путемъ получается научное изученіе языковъ, такъ какъ только при такомъ изученіи выясняется родство, преемственность и взаимныя отношенія звуковъ и самыхъ языковъ. Изъ предыдущаго ясно, что *единичные звуки въ рѣчи встрѣчаются крайне рѣдко*, развѣ только въ нѣкоторыхъ междометіяхъ, Напр., $\bar{\check{s}}$! (въ ороографіи обыкновенно: *шш!*), $\bar{s}$! (тоже призывъ къ тишинѣ), $\bar{\psi}$! (остановка лошадей) и под. Даже междометія-вздохи, какъ: а! у!, какъ мы уже видѣли выше, могутъ представлять собой *сочетаніе гортанной взрывной согласной съ глас-*

ной. (См. X и XIII). Значитъ, можно сказать, что *звуки человѣческой рѣчи въ отдѣльномъ употребленіи извѣстны крайне рѣдко: въ большинствѣ случаевъ они извѣстны въ сочетаніи съ другими звуками.*

Такое сочетаніе звуковъ, которое требуетъ *только одного* акта выдыханія воздуха, т.-е. произносится *только однимъ* (а не двумя, тремя...) самостоятельнымъ напоромъ воздуха, *называется слогомъ.* Слогъ можетъ состоять изъ одного звука, изъ двухъ, изъ трехъ, четырехъ и т. д. Напр., слово: „мой" имѣетъ два слога: первый состоитъ изъ двухъ звуковъ, второй—изъ одного; слово: „трóе" состоитъ тоже изъ двухъ слоговъ: первый—изъ трехъ звуковъ, второй—изъ одного звука (или изъ двухъ, если, согласно произношенію, во второмъ слогѣ слышится *jә*: „трójә") и т. д. Для того, чтобы сочетаніе звуковъ могло быть произнесено *однимъ* напоромъ выдыхаемаго воздуха (напр., тро-, стро-, встро-...), *необходимо, чтобы сила выдыхаемаго воздуха сосредоточивалась на одномъ изъ этихъ звуковъ, входящихъ въ сочетаніе, и чтобы остальные звуки слога являлись подчиненными по силѣ этому сильнѣйшему звуку. Сильнѣйшій звукъ слога называется слоговымъ, а остальные звуки этого же слога,* подчиненные по силѣ сильнѣйшему, *неслоговыми.*

Границы между слогами въ словѣ опредѣляются произволомъ говорящихъ или усвоенными пріемами. *Естественныхъ границъ между слогами въ словахъ нѣтъ.* Однако для русскаго языка есть нѣсколько условныхъ правилъ, вошедшихъ въ обычай и ставшихъ обязательными: эти правила, конечно, научнаго значенія не имѣютъ, но вызваны къ жизни указаніями практики и имѣютъ свои практическія удобства. Насколько эти школьныя правила условны и произвольны, видно, между прочимъ, изъ того, что древне-русская графика не знала этихъ правилъ и обходилась безъ нихъ, *не слѣдуя никакимъ правиламъ слогоотдѣленія въ словѣ.* Такъ, напр., въ древнихъ памятникахъ русской письменности писцы нерѣдко писали всѣ

слова подрядъ, не отдѣляя ихъ промежутками, и, съ другой стороны, разсѣкая слова при переносѣ изъ одной строки въ другую въ *любомъ* мѣстѣ, гдѣ приходился край пергамена, бумаги и проч. Мы видимъ, напр., переносы: мо-ѥ, ѥ-го, вн-оуши, плодов-ъ, плод-овъ, въ-скрли, в-скрли и т. п.

XX. *Распредѣленіе силы между звуками въ звукосочетаніяхъ. Русское удареніе и его природа. Связь ударенія съ долготой звука въ русскомъ языкѣ.* Въ предѣлахъ слога замѣчается *распредѣленіе силы* между входящими въ составъ слога звуками. (См. выше о *слоговомъ* звукѣ). Природа самой силы звука въ русскомъ языкѣ двоякая: *непрерывистая* и *прерывистая.* Обычный характеръ слоговъ въ русскомъ языкѣ непрерывистый; прерывистая же сила наблюдается тогда, когда за постепеннымъ ослабленіемъ наступаетъ усиленіе звука, вслѣдствіе чего слогъ имѣетъ какъ бы *двѣ вершины.* Такіе двухъ-вершинные слоги мы наблюдаемъ въ русскихъ „пѣвучихъ" говорахъ; между прочимъ, въ московскомъ мѣщанскомъ говорѣ. *Различіе звуковъ по силѣ выдыханія называется экспираторнымъ. Русское удареніе основано исключительно на силѣ звуковъ и потому оно, по своей природѣ, называется экспираторнымъ.*

Сравнивая произношенія въ нѣм. языкѣ словъ: vȍll, kȁmm и wṓl, kā́m, мы слышимъ, что гласные въ первой парѣ словъ краткіе, а во второй—долгіе; этимъ обусловлено рѣзкое окончаніе слога въ первой парѣ словъ и слабое окончаніе слога—во второй парѣ. Въ русскомъ языкѣ обычно—*слабое окончаніе слога.* Срв. по окончанію слоговъ слова: нѣм. *kamm*, *kam* и рус. *самъ.* Однако при рѣзкомъ утвержденіи въ ударяемомъ открытомъ концѣ слова возможно въ говорахъ русскаго языка, напр., въ вологодскомъ, *рѣзкое окончаніе слога*: напр., „это водȁ"?—„водá"!

Кромѣ этой особенности русскаго ударенія и русскихъ слоговъ, мы имѣемъ въ русскомъ языкѣ еще слѣдующую особенность: *гласные подъ удареніемъ въ русскомъ языкѣ явля-*

ются съ полудолготой. Исключеніе составляютъ ударяемые гласные въ такомъ фонетическомъ положеніи, какъ: бу́дто, пору́чикъ, про́чій и под., т.-е. передъ долгимъ (двойнымъ) взрывнымъ согласнымъ, гдѣ ударяемый гласный является *краткимъ* (XVIII). Намъ, русскимъ, не такъ, можетъ быть, замѣтна нѣкоторая долгота (полудолгота) нашихъ ударяемыхъ гласныхъ, но это наблюденіе надъ нашими ударяемыми гласными сдѣлано многими иностранцами, которые согласно и независимо другъ отъ друга свидѣтельствуютъ объ этомъ. Такъ, англичанинъ Свитъ, еще въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія, изучая московское произношеніе съ точки зрѣнія акустики и физіологіи звуковъ, утверждаетъ, что въ произношеніи москвичей ударяемые гласные являются полудолгими какъ передъ однимъ согласнымъ, такъ и передъ сочетаніями согласныхъ, но не *въ дифтонгахъ одного слога, гдѣ ударяемая гласная является краткою.* Напр., sāt (са́дъ), sāda (са́да), čāstα и проч. Но: davāį и под.[1]). Другой иностранецъ, Олафъ Брокъ, норвежскій профессоръ, пришелъ къ подобному же заключенію, изучая ударяемые гласные въ угрорусскомъ говорѣ и въ сѣверно-великорусскомъ говорѣ Вологодской губ. Тотемскаго уѣзда. Наконецъ, въ 1911-мъ году вышла очень интересная и важная книга шведскаго профессора Лунделя „о русскомъ языкѣ", въ которой шведскій ученый задался цѣлью познакомить своихъ соотечественниковъ съ русскимъ языкомъ, его литературнымъ и діалектическимъ произношеніемъ. Съ этой цѣлью Лундель далъ образецъ фонетической транскрипціи русскихъ звуковъ и словъ и приложилъ цѣлую хрестоматію русскихъ разсказовъ и анекдотовъ для практическаго изученія русскаго языка шведами[2]). Здѣсь мы тоже находимъ въ транскрипціи подтвержденіе того, что для слуха шведа наши ударяемые гласные звучатъ съ нѣ-

---

[1]) *Sweet.* «On Russian Pronunciation» (Transact. of the Philolog. Soc. 1877—1879 г.г.). См. также его: «A Handbook of Phonetics», 1877 г. и «A Primer of Phonetics», 1906 [3].

[2]) *Lundell.* Lärobok i ryska språket. Stockholm. 1911.

которою долготою. Финская транскрипція русскихъ словъ для финновъ, у которыхъ *свои* долгіе гласные изображаются правильно двумя соотвѣтствующими буквами финской азбуки, тоже показываетъ долготу русскихъ ударяемыхъ гласныхъ, воспринимаемую ухомъ финна: ℊoorod = го́родъ, но передъ группой согласныхъ не въ конечномъ слогѣ слова финну слышится краткій ударяемый гласный въ русскомъ словѣ, и потому онъ въ такихъ случаяхъ пишетъ *одну* соотвѣтствующую букву и ставитъ надъ ней удареніе: wílkka=вилка [1]). Русскій ударяемый дифтонгъ одного слога въ ударяемой своей части тоже имѣетъ *краткій* гласный звукъ на слухъ финна: suhŏ́j=сухой. Насколько несомнѣннымъ представляется утвержденіе, что русскій *ударяемый* гласный *полудологъ*, на основаніи цѣлаго ряда вышеприведенныхъ наблюденій, настолько же *несомнѣнную краткость представляютъ неударяемые гласные въ русскомъ языкѣ и ударяемые въ положеніи ихъ передъ долгими согласными* (см. выше): кромѣ указанныхъ выше примѣровъ: bŭ́t̄α и проч., можно указать еще: l'ŏ́k̄oį, bŭ́t̄'e и проч. Выше мы указывали также, что долгіе согласные собственно есть двойные согласные; къ послѣднимъ они почти всегда и восходятъ: такъ, *двойная согласная между гласными* даетъ долгую согласную, какъ это мы видѣли въ словѣ búttα= bút̄α; срв. dažá=дажжá (ряз.), ad̄úł=отдулъ и проч. *Въ гначалѣ слова*—тоже: къ горѣ ḡor'é; съ сердцемъ=s̄'érceт; къ камню=k̄ámn'u и под...

Отъ долгихъ гласныхъ и согласныхъ указаннаго происхожденія (подъ удареніемъ и двойные согласные) надо отличать *долготу при эмфазѣ* какъ въ гласныхъ, такъ и въ согласныхъ. Эмфазой мы называемъ такую артикуляцію звуковъ рѣчи съ тонической ихъ стороны, которая сопровождаетъ собой разнообразныя душевныя настроенія, эмоціи: въ ряз. го-

---

[1]) *Шахматовъ*. Курсъ исторіи русскаго языка. Читанъ въ СПб. Университетѣ въ 1908—9 уч. г.СПб. (Изданіе литографированное). Стр. 77.

ворѣ при субъективномъ утвержденіи и увѣренности слышится долгій *неударяемый* гласный въ закрытомъ конечномъ слогѣ именъ прилагательныхъ муж. р. ед. ч. им. падежа: дóбрāй, л'óχкāй и въ подобныхъ положеніяхъ. Это же мы наблюдаемъ въ говорахъ Тульской, Орловской, Вятской губерній. Согласный звукъ при эмфазѣ способенъ къ *чрезвычайной долготѣ*: r̄as̄! „χ̄at' na minútačku!“ (=ххоть на минуточку!); χar̄óšaj! (= харррóшій!) и под.

Выше (XV и XVI) мы видѣли, что *звуки съ ослабленной артикуляціей*, какъ гласные, такъ и согласные, дѣлаются соотвѣтствующими звуками *полушепотными* (срв. выше: министр̂, центр̂, рубл̂'...). Эти полушепотные звуки, если они гласные, *при болѣе полномъ ослабленіи артикуляціи, могутъ переставать быть гласными, а являться особыми очень краткими голосовыми звуками неполнаго образованія относительно участія голоса и звуками неопредѣленнаго качества*. Такіе звуки неполнаго образованія и неопредѣленнаго качества, при томъ очень краткіе, слѣдовало бы обозначать какимъ-либо особымъ знакомъ: напр., такой звукъ мы слышимъ въ московскомъ произношеніи слова: „переводить“ послѣ „п“. Свитъ обозначаетъ ихъ перевернутой буквой „ʌ“: p'ʌr'evad'it'= переводить.

Такимъ образомъ, мы познакомились съ сильнѣйшими и слабѣйшими звуками русской рѣчи, указали на связь силы съ русскимъ удареніемъ, указали на связь долготы съ тѣмъ же удареніемъ, познакомились съ краткими и долгими звуками различнаго происхожденія, наконецъ, указали на природу русскаго ударенія и на слоговой характеръ сильнѣйшаго гласнаго въ слогѣ. Въ смыслѣ средоточія силы на ударяемомъ гласномъ *всякое слово русскаго языка, какъ звуковая единица, представляетъ собой звуковое единство съ вершиной силы звука на ударяемомъ гласномъ*. Наблюденія же показали, что независимо отъ вліянія ударенія, *звуки русскаго языка сами по себѣ различаются другъ отъ друга между прочимъ по силѣ*.

Кромѣ того, способность стать слоговымъ звукомъ имѣютъ сами по себѣ всѣ звуки, какъ гласные, такъ и согласные (припомнимъ: m̥, n̥, r̥, l̥...), *но одни звуки обладаютъ этой способностью въ большей степени* (гласные), *другіе—въ меньшей* (согласные). Наблюденіями же указано, что *фрикативные* въ сочетаніи съ взрывными *оказываются болѣе сильными*: междометія ps̥t, ts̥, š̥t и проч. имѣютъ s и š болѣе сильные и слоговые. *Сонорные* въ сочетаніи со взрывными и фрикативными *оказываются еще болѣе сильными* и потому въ этихъ сочетаніяхъ становятся слоговыми: серб. вр̥х, нѣм. ħa-bn̥, ħat tn̥ (VIII).

Плавные сильнѣе носовыхъ изъ сонорныхъ: серб. тр̥н (тернъ, търнъ, трънъ), нѣм. wil-l̥n.

Гласные оказываются сильнѣйшими изъ всѣхъ звуковъ (это вполнѣ согласуется съ ихъ преимущественной способностью быть слоговыми звуками...): tor, tro, ras, łba, l'wa, rta и проч.

Внутри области гласныхъ однако тоже подмѣчена градація по ихъ силѣ: такъ, звукъ *а въ одномъ слогѣ* со звукомъ *e*, *i*, *o*, *u* оказывается *носителемъ слога*, т. е. *сильнѣйшимъ* изъ гласныхъ. Само собой разумѣется, что въ такихъ сочетаніяхъ звука *a* съ какимъ-либо изъ прочихъ гласныхъ въ одномъ слогѣ слоговой характеръ сильнѣйшаго звука, т. е. звука *a*, дѣлаетъ каждый изъ остальныхъ гласныхъ звуковъ того же слога *неслоговымъ*. Такъ происходятъ *дифтонги*, т. е. *сочетаніе двухъ гласныхъ одного слога*, при чемъ одинъ гласный является сильнѣйшимъ, слоговымъ, а другой—неслоговымъ, т. е. въ слоговомъ отношеніи примыкаетъ къ слоговому звуку: ai̯, au̯, ae̯, ao̯; или: i̯a, u̯a, e̯a, o̯a.

Гласные *e* и *o*, въ свою очередь, оказываются сильнѣйшими въ сравненіи съ *i* и *u* при ихъ сочетаніи въ одномъ слогѣ: ei̯, oi̯, eu̯, ou̯; или: i̯e, i̯o, u̯e, u̯o. Изъ сказаннаго ясно, что способность звука становиться слоговымъ стоитъ въ прямой зависимости отъ той силы выдыхаемой струи воздуха,

которая, какъ мы видѣли, различна для разныхъ звуковъ: фрикативные обладаютъ бо́льшей силой, чѣмъ взрывные; сонорные—большей силой, чѣмъ фрикативные и взрывные; плавные—большей силой, чѣмъ носовые; гласные—большей силой, чѣмъ согласные; звукъ *а*—большей силой, чѣмъ прочіе гласные; *е* и *о*—большей силой, чѣмъ *і* и *и* и т. д. Однако въ произношеніи, поскольку оно обусловлено не только физіологическими, но и психологическими моментами, возможно, что тотъ или другой звукъ получаютъ *особенную степень силы*, и тогда, противъ нормы, указанной выше, такой звукъ окажется слоговымъ: такъ, напр., въ сочетаніи *іа*, если въ немъ получаетъ въ произношеніи *особенную* силу звукъ *і*, а звукъ *а* остается съ обыкновенной силой, то звукъ *і* окажется *слоговымъ*: ia̯.

Мы уже знаемъ, что *въ русскомъ языкѣ слоговыми звуками вообще являются только гласные звуки*, но въ частности возможно слоговое свойство и для согласныхъ: *въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ исчезновеніе гласной имѣетъ своимъ слѣдствіемъ передачу слогового свойства сонорной согласной или даже, еще рѣже, взрывной согласной*: „on br̥t“, „on gr̥t“ (=онъ, братъ,... онъ, говоритъ,...); или, òn gt̥ bẏł tam (=онъ, говоритъ, былъ тамъ). Срв. выше о слоговыхъ звукахъ.

Слоговой звукъ играетъ особенную роль въ дифтонгахъ; по этому звуку дифтонги классифицируются на два вида: 1) слоговой звукъ стоитъ на первомъ мѣстѣ въ дифтонгѣ и 2) слоговой звукъ стоитъ на второмъ мѣстѣ въ дифтонгѣ. Русскіе дифтонги слѣдующіе: ai̯, oi̯, ei̯, yi̯, ii̯, ui̯, αi̯, εi̯. Греческія буквы α и ε (альфа и эпсилонъ) означаютъ гласные неполнаго образованія (см. выше): α—послѣ твердаго согласнаго, ε—послѣ мягкаго. Дифтонги съ u̯ (неслоговымъ *и*) извѣстны въ свр., ювр., блр. и малорусск. нарѣчіяхъ: γadóu̯, byu̯, pasłau̯, pub’adiu̯, xotiu̯... Въ сѣв.-млр. говорахъ извѣстны еще дифтонги: ua̯, ue̯, uo̯, uu̯, а также: u̯i, u̯e, u̯o, u̯u: завюол, обрюок, руэк, нуочку, Пуольшу, буог, туілько, хті̯е́ла, лі̯е́с, спуой; i̯e и u̯o есть и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи. Въ рус. литер. языкѣ дифтон-

ги: davaį, stoį, b'eį, dobryį, s'in'iį, suį, dobraį, s'in'εį и проч. Большая или меньшая близость неслоговыхъ элементовъ слога къ слоговому гласному обусловливаетъ бо̀льшую или мѐньшую силу. Вообще же, *общее правило*, что *въ одномъ и томъ же слогѣ звукъ, сосѣднiй со слоговымъ звукомъ, имѣетъ наибольшую силу.* На этомъ основанiи въ слогахъ наблюдается то же соотношенiе силы звуковъ, и сохраняется оно въ слогахъ слова такъ же, какъ и въ отдѣльныхъ звукосочетанiяхъ, т.-е. перевѣсъ сонорныхъ надъ фрикативными, фрикативныхъ надъ взрывными и проч. Напр., psa, pla, tra, vra, sla; arf, olt, orb, izb, ezb, ošt... Въ приведенныхъ слогахъ послѣдовательность составляющихъ ихъ звуковъ соотвѣтствуетъ и общему правилу о распредѣленiи силы между звуками слога и физiологической классификацiи звуковъ по ихъ природѣ и характеру затвора: сильнѣйшiй изъ согласныхъ звуковъ стоитъ въ сосѣдствѣ со слоговыми гласными. Иначе: мѣсто звука въ слогѣ соотвѣтствуетъ его силѣ, а сила его соотвѣтствуетъ классу. Но извѣстны и нарушенiя нормальныхъ отношенiй между *неслоговыми* звуками слога, напр., *rta*; если мы разберемъ составъ этого слога (въ данномъ случаѣ и — слова, такъ какъ rta — род. п. ед. ч. отъ сл. rot = ротъ), то намъ будетъ видно, что мѣста составляющихъ этотъ слогъ звуковъ не соотвѣтствуютъ ихъ силѣ: распредѣленiе мѣстъ звуковъ этого слога не соотвѣтствуетъ распредѣленiю силы между составляющими его звуками: такъ, въ слогѣ rta — *сильнѣйшiй* изъ всѣхъ составляющихъ его звуковъ — гласный *a*, онъ же, потому, *и слоговой*; согласно вышеприведенному *общему правилу* сосѣднiй звукъ со слоговымъ долженъ быть сильнѣйшимъ изъ остальныхъ звуковъ слога по своему мѣсту, однако здѣсь въ сосѣдствѣ со слоговымъ гласнымъ (*a*) мы видимъ *взрывной* (*t*), а слѣдующее мѣсто занимаетъ *сонорный* (*r*), но мы знаемъ, что *сонорный сильнѣе взрывного*, слѣд. мѣсто сонорнаго въ слогѣ должно бы быть сосѣднимъ съ гласнымъ слоговымъ, т.-е. нормальныя звуковыя отношенiя въ этомъ слогѣ были бы: „tra“; стало быть,

въ слогѣ „rta" нарушены эти нормальныя отношенія звуковъ по силѣ. Отсюда, конечно, получается затруднительность произношенія такого слога („rta"), и языкъ стремится облегчить эту затруднительность переносомъ сонорнаго звука *r* въ сосѣдство со слоговымъ гласнымъ, или, что то же, постановкой этого *r* рядомъ со слоговымъ гласнымъ; достигнуть этого въ данномъ случаѣ нѣтъ другого способа, какъ путемъ образованія изъ этого слога „rta" *двухъ* слоговъ съ двумя слоговыми гласными въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ каждымъ изъ двухъ составляющихъ этотъ слогъ согласныхъ: *r* и *t*. Въ результатѣ языкъ долженъ дать или два слога такъ: „rota" (срв. народное—род. ед. отъ слова „ротъ"—„рòта", дат. „рòту", твор. „рòтомъ" и т. д.: „раб'öнък рòтъм уан'áит'"—ряз.-скоп. И въ такихъ образованіяхъ физіологическая необходимость поддерживается психологическимъ закономъ ассоціаціи формъ косвенныхъ падежей съ формою именительнаго падежа „ротъ", откуда и прочіе падежи: „рота", „роту" и т. д. Срв. „родъ", „рода", „роду", „родомъ" и т. д. Такъ же древне-русское ровъ, рова, ровоу, ровомъ и т. д., а изъ этого, въ свою очередь, подъ вліяніемъ *психологическаго* фактора—ассоціаціи со старыми формами: рта, ртоу, ртомъ..., гдѣ исчезъ ъ въ слабомъ положеніи изъ: рътъ—рътa—рътоу—рътомъ... (См. выше)—вышло рва, рвоу, рвомъ..., гдѣ однако никогда не было въ коренномъ слогѣ ъ: ровъ—рова и т. д.). Или въ результатѣ выше отмѣченнаго стремленія языка—возстановить нормальныя отношенія звуковъ слога („rta") по силѣ—должны получиться изъ этого одного слога („rta") два слога такъ: „irtà" или „artà", „ortà" и т. п. Хотя при подобномъ исходѣ указаннаго стремленія языка психологическій факторъ ассоціаціи не принимаетъ участія, такъ какъ *не съ чѣмъ* ассоціироваться въ сознаніи говорящихъ такимъ формамъ, какъ: „irtà", „arta"..., тѣмъ не менѣе физіологическій факторъ стихійно беретъ перевѣсъ, и мы слышимъ въ народныхъ говорахъ (равно какъ и въ *дѣтскомъ* языкѣ, что особенно замѣчательно по совпаденію съ народными

говорами: какъ *дѣтскій* языкъ, такъ и языкъ неграмотнаго или малокультурнаго народа, еще не владѣютъ прочно тѣми психологическими ассоціаціями, которыми обогащается языкъ,—стало быть, сознаніе говорящихъ,—по мѣрѣ развитія и упроченія ассоціативныхъ связей и отношеній въ понятіяхъ культурнаго языка) произношенія: „иртà", „артà" и под. (въ южновеликор. говорахъ). Срв. „рожь" (= рош) — род. „иржы̀"; „левъ" (= леф — л'оф) — род. „ил'ва̀"; „вторникъ" (=фтор'ник)—афтŏр'ник и под. Въ послѣднемъ словѣ фрикативный, какъ сильнѣйшій, чѣмъ взрывной, занималъ не свое мѣсто до появленія новаго слога: афтор'ник.

Какъ видимъ, этимъ закономъ распредѣленія звуковъ по силѣ въ слогѣ объясняются многія новообразованія народныхъ говоровъ и дѣтской рѣчи въ русскомъ языкѣ. Этимъ же *закономъ соотношенія силы звуковъ въ слогѣ* объясняются удобно, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ основанія, по которымъ можно *въ опредѣленныхъ мѣстахъ слова дѣлить его на слоги* и оправдывать это дѣленіе научными основаніями. Такъ, въ вышеприведенномъ словѣ „вторникъ" дѣленіе: „втор-ник" имѣетъ слѣдующее основаніе: въ этомъ словѣ два гласныхъ звука слоговыхъ, слѣд., два слога; сонорный *р* долженъ стоять въ первомъ слогѣ на сосѣднемъ мѣстѣ со слоговымъ гласнымъ *о*; слѣд., звукъ *р* долженъ быть отнесенъ къ *первому* слогу этого слова. Ко второму слогу этого слова („ник") звукъ *р* не можетъ быть отнесенъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ *плавный р* („рник") стоялъ бы дальше отъ слогового гласнаго („и"), чѣмъ *носовой н*, а извѣстно, что плавный, какъ сильнѣйшій носового звука, долженъ стоять въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ слоговымъ гласнымъ, слѣд., слогъ „рник" по соотношенію силъ составляющихъ его звуковъ представлялъ бы нарушеніе нормальныхъ звуковыхъ отношеній, а потому звукъ плавный *р* долженъ отходить въ сосѣдство съ другимъ слоговымъ гласнымъ, т.-е. принадлежать составу другого слога этого же слова. Такъ получается въ данномъ случаѣ закономѣрное дѣленіе

слова: (о)в-тор-ник. Еще Буслаевъ въ своемъ „Учебникѣ грамматики“ и въ „Историч. грамматикѣ“ говоритъ о переносѣ словъ и дѣленіи словъ на слоги слѣдующее: „При стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ среди слова должно обращать вниманіе, какимъ согласнымъ начинается это стеченіе, твердымъ или плавнымъ.... если плавнымъ, то этотъ послѣдній относится къ предшествующему слогу; напр., *дол-женъ, вер-ста, кор-митъ*“ [1]).

Другіе примѣры нарушенія нормальныхъ отношеній между неслоговыми звуками по ихъ силѣ мы имѣемъ въ нашемъ литературномъ русскомъ произношеніи въ достаточномъ количествѣ. Всѣ эти примѣры *литературнаго* произношенія объясняются, съ одной стороны, тѣмъ, что всякій литературный языкъ съ его произношеніемъ въ извѣстной степени есть языкъ искусственный, поскольку онъ не пропускаетъ въ свою среду застихійнаго вторженія натуральныхъ силъ и естественныхъ законовъ языка, стараясь подъ воздѣйствіемъ книги и культуры приспособить языкъ въ качествѣ послушнаго орудія для культурной нивелллировки представителей общественной группы. Съ другой стороны, эти литературныя произношенія обоснованы прочными ассоціаціями съ письменной традиціей и грамматическими упрочившимися категоріями (см. ниже). Таковы примѣры: „lgu“, „ržì“, „spa“(-t'i), „sta-jat'“, въ которыхъ бо̀льшую силу получили *тѣ согласные, которые по природѣ своей произносятся съ мѐньшей силой*, между тѣмъ какъ предшествующіе имъ сонорные и фрикативные произносятся съ ослабленной сравнительно съ нормальнымъ ихъ произношеніемъ силой. Вотъ это то обстоятельство и можетъ повести къ распаденію одного слога на два слога „ilgù“ (народное: „илгу̀“), срв. „iržy“, „ilwà“ и проч. выше, хотя рядомъ съ „ильва̀“ мы имѣемъ, какъ и слѣдовало ожидать, и „лёва“, „лё-

---

[1]) *Буслаевъ*. Учебникъ русской грамматики. М. 1874. [4]. § 26. Стр. 23. *Буслаевъ*. Историческая грамматика русскаго языка. М. 1875 [4]. §39. Стр. 82. Объясненіе этого переноса словъ у Буслаева, конечно, *невѣрное*. См. примѣч. 1 къ пункту 2 на стр. 82.

ву“ и т. д. (въ былинахъ: „лёвымъ звѣремъ“), какъ выше: „рдва“, „рдву“ и т. д.

XXI. *Высота звука.* Голосовые звуки могутъ различаться не только по силѣ, не только *величиной колебаній* голосовыхъ связокъ, но и *числомъ этихъ колебаній* въ извѣстный моментъ времени. Числомъ же колебаній звучащаго тѣла въ секунду опредѣляется *высота звука.* Въ звукахъ рѣчи мы тоже наблюдаемъ различную высоту: правда, что очень немного, но всетаки отдѣльные слоги могутъ различаться по степени высоты, а самая высота звука рѣчи можетъ быть троякой: *ровная, восходящая* и *нисходящая.* Поэтому музыкально-высокіе слоги могутъ различаться *по самой природѣ этой высоты.* Различіе между родами высоты въ нѣкоторыхъ языкахъ очень замѣтно. Такъ, здѣсь, кромѣ трехъ видовъ высоты, упомянутыхъ выше, можно еще различать *нисходяще-восходящую высоту* и *восходяще-нисходящую.* Но въ русскомъ языкѣ, какъ мы уже знаемъ, такихъ различій нѣтъ: здѣсь *слоги различаются силой,* и это различіе по силѣ называется *экспираторнымъ,* а потому и *самое удареніе въ русскомъ языкѣ, какъ основанное на силѣ выдыхаемаго воздуха, называется экспираторнымъ.* Однако и въ русскомъ языкѣ *при различныхъ оттѣнкахъ рѣчи можетъ выступать и высота звука:* напр., оказывается, что высоты звука рѣчи даютъ возможность оттѣнить *вопросъ, нерѣшительное утвержденіе* и *рѣшительное утвержденіе.* Въ самомъ дѣлѣ, графически, т.-е. путемъ *общепринятыхъ* орѳографическихъ знаковъ мы не можемъ передать *интонаціи рѣчи,* ея *музыкальныхъ* свойствъ и особенностей, хотя рѣчь наша и состоитъ изъ звуковъ. Такимъ образомъ, интонація рѣчи остается всецѣло принадлежностью говорящаго индивидуума, предоставляется всецѣло произволу говорящаго и читающаго и его психологическимъ качествамъ, а между тѣмъ мы въ рѣчи говорящаго и различаемъ и понимаемъ самые разнообразные оттѣнки душевныхъ настроеній,

поскольку данный человѣкъ вообще способенъ выражать въ звукахъ рѣчи свое настроеніе, такъ сказать, свою душу: мы различаемъ у людей, владѣющихъ вполнѣ даромъ слова, какъ даромъ не только сообщать свои мысли, но и передавать свои настроенія, заражать ими слушателей,—и сомнѣніе, и недоумѣніе, и нерѣшительность, и категоричность, и страхъ, и радость, и злобу и т. п. душевныя эмоціи. Однако эти оттѣнки рѣчи выражаются настолько разнообразно у различныхъ людей, смотря по ихъ темпераменту, по ихъ ораторскимъ дарованіямъ, по ихъ пониманію чувствъ читаемаго автора, наконецъ, по ихъ привычкѣ и умѣнію читать и говорить, что нельзя подмѣтить болѣе или менѣе однообразныхъ и обязательныхъ для всѣхъ говорящихъ людей модуляцій ихъ тона рѣчи, высоты и силы произносимыхъ ими звуковъ. Высота же звука при вопросѣ, нерѣшительномъ и рѣшительномъ утвержденіи позволяетъ сдѣлать выводъ довольно общаго характера изъ наблюденій надъ звуковой стороной рѣчи у многихъ людей; такъ, *при вопросѣ* ударяемый гласный обыкновенно звучитъ *съ восходящей интонаціей*. Если, напр., мы услышимъ мнѣніе, что „нашъ домъ стоитъ въ долинѣ" и, не разслышавши хорошенько, про *чей* домъ идетъ рѣчь, спросимъ: „нашъ"?, то въ фонетической транскрипціи мы должны будемъ изобразить это вопросительное слово такъ: „nāš"; гдѣ знакъ ¯ означаетъ восходящую *долготу* гласнаго, какъ гласнаго *ударяемаго*. *При нерѣшительномъ* (задумчивомъ) *утвержденіи* это же слово будетъ имѣть *ровную высоту* ударяемаго гласнаго: „nāš". *При рѣшительномъ утвержденіи*, наоборотъ, намъ слышится обыкновенно *нисходящая долгота* ударяемаго гласнаго въ этомъ же словѣ: „nāš". Сопоставленіе русскаго языка *съ сербо-хорватскимъ, въ которомъ слоги различаются по высотѣ независимо отъ смысла*, приводитъ къ очень важнымъ заключеніямъ: именно, что *была эпоха въ жизни русскаго языка*, эпоха общерусскаго единства, задолго до распаденія общерусскаго языка, *когда слоги различались не только по силѣ*,

но и по высотѣ. Такимъ образомъ, русское удареніе до той эпохи, пока оно стало экспираторнымъ, было музыкально-экспираторнымъ, какъ и въ сербо-хорватскомъ языкѣ, какъ, стало быть, и въ общеславянскомъ. Музыкальная высота звука распредѣлялась на всѣ неслоговые звонкіе звуки слога: это чрезвычайно важное наблюденіе особенно содѣйствуетъ уясненію процесса образованія русскихъ *полногласныхъ* сочетаній. Въ самомъ дѣлѣ, музыкальная высота звука въ слогѣ, напр., *or*, *ol*, *er*, *el*, распространяясь на звонкіе неслоговые *r*, *l*, дѣлаетъ эти послѣдніе болѣе высокими по тону, и въ этомъ, вѣроятно, лежитъ причина того, что въ эпоху утраты музыкальнаго ударенія въ русской области языка высота плавныхъ неслоговыхъ въ такихъ сочетаніяхъ какъ, *borda..., при усиленіи экспираторнаго элемента ударенія, смѣнилась ихъ долготой, т. е. получилось *bor̄dá, откуда уже: *borrdá—borr̥dá—borodá... Равнымъ образомъ въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „онъ писа̃лъ“? звукъ „л“ получилъ извѣстную высоту, которая препятствовала этому звуку превращаться въ безголосый, полушепотный въ такомъ положеніи: срв. выше: „тёпл̭“, „рубл̭’“ и т. п.

XXII. *Сочетаніе слоговъ. Слово, какъ звуковое цѣлое. Сочетаніе словъ. Предложеніе, какъ звуковое цѣлое.* Выше мы видѣли, что звуки, какъ матеріалъ языка, образуютъ при своемъ сочетаніи слоги, а слоги при своемъ сочетаніи образуютъ понятныя намъ слова. Слѣдуетъ однако выяснить, *какъ происходитъ сочетаніе слоговъ*, какъ звуковыхъ единицъ, другъ съ другомъ, т.-е. какимъ принципамъ подчиняется каждая звуковая единица со своими сильнѣйшими и слабѣйшими звуками и со своими высокими и низкими тонами при сочетаніи съ другими звуковыми единицами, имѣющими свои звуковые элементы. Есть-ли при такихъ сочетаніяхъ, съ звуковой стороны, какіе-либо *принципы звукового объединенія слоговъ въ слова?* Или—слово есть составъ самостоятельныхъ *звуковыхъ* единицъ, не объединяющихся въ одно звуковое цѣлое ни по какому принципу? То же самое и относительно *сочетанія словъ*: представляетъ ли *словосочетаніе*, или *предложеніе*

съ звуковой стороны какое-либо единство, или это—сочетаніе необъединенныхъ звуковыхъ единицъ? Разъясненіе этихъ вопросовъ должно пролить яркій свѣтъ на процессъ образованія звукового языка вообще и на способность звукового языка становиться понятнымъ для слушающаго и стать предметомъ усвоенія для окружающихъ въ періодъ образованія языка и передачи его отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, рѣчь говорящаго представляется для слушателя, у котораго въ сознаніи еще не получили самостоятельной жизни звуки, звукосочетанія и слова слышимой рѣчи, какимъ-то *потокомъ звуковъ*, безпрерывнымъ изглашеніемъ звуковъ до абсолютной паузы, въ которомъ слушающій способенъ различать отдѣльные звуковые моменты по ихъ звуковымъ свойствамъ и качествамъ. Въ этомъ потокѣ звуковъ—гдѣ начинается новая звуковая единица, и гдѣ кончается предыдущая, какъ звуковое слагаемое въ общей суммѣ? Дѣйствительно, если мы слышимъ совершенно неизвѣстный намъ языкъ, то мы затрудняемся расчленить въ слышимой рѣчи ея элементы, ея составныя звуковыя единицы. Въ образованіи языка предшествовало-ли словосочетаніе появленію отдѣльныхъ словъ, или, наоборотъ, отдѣльныя слова, появившись ранѣе, соединялись въ словосочетанія? Такъ какъ мы себѣ не можемъ представить такого состоянія языка, въ которомъ онъ представлялъ бы изъ себя отдѣльные звуки, потому ли, что для насъ является звуковой языкъ во всѣ періоды его существованія *органомъ духовнаго общенія* между единицами одной общественной группы, или потому, что *языкъ не донесъ до насъ отдѣльныхъ звуковъ въ отдѣльномъ ихъ употребленіи* (см. выше), или, наконецъ, потому, что тѣ звуки, которые нами воспринимаются на слухъ въ языкѣ, почти не похожи ни качественно, ни количественно, ни по музыкальнымъ своимъ особенностямъ, на тѣ звуки, которые мы выхватываемъ изъ сочетаній, искусственно изолируя ихъ для нашихъ теоретико-научныхъ построеній (срв. законы sandhi въ санскритскомъ языкѣ и вообще въ старыхъ языкахъ;

подобные законы сочетаній звуковъ — sandhi — существуютъ, конечно, какъ мы видѣли, и въ русскомъ языкѣ и во всѣхъ другихъ языкахъ), то естественнѣе всего предположить, что языкъ начинаетъ свою жизнь, *какъ языкъ, со словосочетаній, т.-е. съ предложеній, какъ простѣйшихъ знаковъ мысли.* Такое простѣйшее предложеніе, словосочетаніе, въ естественномъ состояніи языка отдѣлялось отъ слѣдующаго болѣе или менѣе продолжительной паузой разнообразнаго типа; звуковыя части такой рѣчи представлялись на слухъ отдѣлами звуковыхъ объединеній, а природа этихъ звуковыхъ объединеній допускала расчлененія различнаго рода, такъ что, вѣроятно, слова, какъ члены такого звукового объединенія, могли видоизмѣняться съ теченіемъ времени въ своемъ звуковомъ составѣ, могли имѣть большую или меньшую сложность и окрѣпли въ своихъ формахъ и звуковомъ видѣ лишь постепенно съ теченіемъ вѣковъ: по крайней мѣрѣ, на это мы находимъ указанія въ исторіи образованія падежныхъ формъ, глагольныхъ формъ, въ исторіи употребленія предлоговъ въ различныхъ родственныхъ языкахъ и въ исторіи образованія сложныхъ и простыхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Разсмотримъ процессъ звукового объединенія слоговъ и словосочетаній. Выше мы видѣли, что *въ каждомъ слогѣ* имѣется, во-первыхъ, одинъ звукъ слоговой, это звукъ—гласный въ русскомъ языкѣ; и слоговой характеръ этого гласнаго звука всегда совпадаетъ въ русскомъ языкѣ и съ его наибольшей силой, такъ какъ слоговой гласный въ слогѣ является и сильнѣйшимъ изъ звуковъ этого же слога, звуковъ остальныхъ, неслоговыхъ; такъ какъ въ русскомъ языкѣ удареніе основано на силѣ звука, то ударяемый слоговой гласный слога является одновременно *и сильнѣйшимъ и ударяемымъ*; *удареніе*, мы видѣли, *совпадаетъ въ русскомъ языкѣ*, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ *и съ высотой звука*. Во-вторыхъ, въ отношеніи силы и высоты звуки слога *подчинены* сильнѣйшему ударяемому слоговому *гласному*. Вотъ *это общій законъ соотношенія звуковъ слога по силѣ и вы-*

сотѣ въ русскомъ языкѣ. Тотъ же *принципъ подчиненія слабыхъ и низкихъ звуковъ сильному и высокому господствуетъ въ русскомъ языкѣ и при сочетаніи слоговъ, т.-е. въ словѣ:* подчиненіе слоговъ слова въ отношеніи силы и высоты одному слогу этого слова — ударяемому слогу — является такимъ признакомъ объединенія слоговъ слова, который акустически воспринимается легко, и этотъ акустически воспринимаемый признакъ объединенія слоговъ слова и заключается въ подчиненіи неударяемыхъ слоговъ слова ударяемому, въ подчиненіи въ отношеніи силы и высоты слоговъ. Отсюда ясно, что какъ въ слогѣ звуки группируются около сильнѣйшаго, который въ то же время является и слоговымъ, и гласнымъ, и самымъ высокимъ звукомъ, такъ въ словѣ слоги группируются около сильнѣйшаго и ударяемаго. *Таковъ принципъ сочетанія звуковъ и слоговъ въ русскомъ языкѣ.* Понятно, что ослабленіе неударенныхъ слоговъ и звуковъ, а, вслѣдствіе этого, и качественное ихъ измѣненіе является первымъ и крупнѣйшимъ слѣдствіемъ основного принципа звукосочетаній и слогосочетаній въ русскомъ языкѣ, а потому и весь характеръ произношенія, артикуляціи и интонаціи русской рѣчи, слѣдуя этому основному принципу, существенно отличается отъ характера произношенія, артикуляціи и интонаціи рѣчи французской, нѣмецкой и проч. *Этотъ характеръ рѣчи и есть національный характеръ, устойчивый и неувядаемый признакъ національности языка, носитель національныхъ особенностей уклада органовъ рѣчи и ея интонаціи, а равно надежнѣйшій хранитель звуковой физіономіи этнографической особи въ общественномъ союзѣ, въ племени.* Изъ предыдущаго ясно, что *неударяемые слоги слова являются въ русской рѣчи болѣе слабыми сравнительно съ ударяемымъ, а наиболѣе слабымъ слогомъ является тотъ слогъ, который непосредственно слѣдуетъ за ударяемымъ: ему принадлежитъ наименьшая сила.* Графически это соотношеніе силы слоговъ слова въ русскомъ языкѣ можно изобразить такъ: если мы возьмемъ трехсложное

слово и сильнѣйшій, ударяемый слогъ обозначимъ самой высокой цыфрой изъ трехъ, такъ какъ мы беремъ слово изъ трехъ слоговъ, т.-е. цыфрой „3", то слогъ, непосредственно слѣдующій за ударяемымъ, какъ самый слабый изъ трехъ слоговъ, составляющихъ данное слово, выразится цыфрою „1", а слогъ, непосредственно предшествующій ударяемому — цыфрою „2", третій же слогъ отъ ударенія къ началу слова равенъ по силѣ слогу, непосредственно слѣдующему за ударяемымъ, т.-е. „1". Такъ, въ трехсложномъ словѣ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ мы будемъ имѣть графическое изображеніе отношеній слоговъ слова по силѣ слѣдующее: „1 : 2 : 3". Въ трехсложномъ словѣ съ удареніемъ на центральномъ слогѣ: „2 : 3 : 1". Въ трехсложномъ словѣ съ удареніемъ на первомъ слогѣ: „3 : 1 : 2". Въ четырехсложномъ словѣ съ удареніемъ на третьемъ слогѣ: „1 : 2 : 3 : 1"; слогъ, слѣдующій за ударяемымъ, по силѣ равенъ третьему отъ ударенія къ началу слова. Этотъ законъ формулированъ въ такомъ видѣ еще въ 70-хъ годахъ XIX-го столѣтія покойнымъ профессоромъ Харьковскаго Университета, *А. А. Потебней*. (Формула „3 : 1 : 2" допускаетъ колебанія въ зависимости отъ того, будетъ ли послѣдній слогъ *открытымъ*, т.-е. оканчиваться на гласный звукъ, или — *закрытымъ*, т.-е. оканчиваться на согласный звукъ: въ послѣднемъ случаѣ сила *тоже наименьшая*, т.-е. = „1". Примѣръ:

3 : 1 : 2   3 : 1 : 1   1 : 2 : 3   2 : 3

„вырыта"; „вырытымъ" и под.). Сравни: „старика"; „старикъ";

3 : 1   3 : 1 : 2   3 : 1 : 1   3 : 1 : 2 : 1   1 : 2 : 3

„старость", „староста", „старостой"; „старостами", „водово-

: 1

зомъ" и т. п. Мы видѣли, что экспираторное удареніе русскаго языка служитъ также основнымъ отличіемъ этого языка. Мы видѣли также, что въ былой исторіи русскаго языка долженъ быть констатированъ *періодъ*, на основаніи показаній родственныхъ славянскихъ языковъ, иного ударенія, именно, *экспираторно-музыкальнаго ударенія. Къ языкамъ, допускав-*

шимъ, какъ видно, оба типа ударенія: и музыкальное (основанное на высотѣ), и экспираторное (основанное на силѣ), принадлежалъ общеславянскій праязыкъ и прасербскій языкъ. Но мы видѣли, что языки съ однимъ типомъ ударенія могутъ допускать однако иногда и другой типъ. *Къ языкамъ, которымъ извѣстно по преимуществу одно только музыкальное удареніе*, т.-е. удареніе, основанное на высотѣ звука, *принадлежитъ французскій языкъ*, а изъ мертвыхъ языковъ—*языкъ древне-индійскій и древне-греческій. Въ этихъ языкахъ — музыкальное, или тоническое удареніе.*

Предложеніе, какъ словосочетаніе, какъ и слѣдовало ожидать, тоже въ звуковомъ отношеніи представляетъ звуковое единство, и звуковое объединеніе словъ, входящихъ въ составъ предложенія, происходитъ согласно тому же принципу подчиненія слабыхъ словъ сильному, которое въ предложеніи является носителемъ ударенія предложенія, ударенія, которое называютъ иногда *логическимъ* и которое можетъ не совпадать съ „грамматическимъ", „этимологическимъ" удареніемъ, разсмотрѣннымъ нами выше. Не признавая термина „логическое" удареніе, мы, при изслѣдованіи природы ударенія въ предложеніи, видимъ, что *удареніе предложенія является музыкальнымъ*, т.-е. основаннымъ на высотѣ, которая и сообщаетъ предложенію извѣстную интонацію, служащую спутникомъ оттѣнка рѣчи, оттѣнка, по которому можно отличать *„смыслъ"* рѣчи. Въ общемъ виды удареній въ предложеніяхъ не соотвѣтствуютъ видамъ удареній на отдѣльныхъ словахъ: потому то предложеніе является звуковымъ цѣлымъ, звуковымъ единствомъ другого порядка, чѣмъ звуковое цѣлое, звуковое единство слова и слога. *Экспираторное удареніе отдѣльнаго слова* русскаго языка, при входѣ этого слова въ составъ словосочетанія, т.-е. предложенія, *становится музыкально-экспираторнымъ на этомъ словѣ, если это слово является въ предложеніи носителемъ главнаго ударенія предложенія.* Въ такомъ случаѣ условіемъ звукового единства въ предложеніи является

наличность сильнѣйшаго въ звуковомъ смыслѣ слова и подчиненіе слабѣйшихъ сильнѣйшему, на которомъ оказывается музыкально-экспираторное удареніе. Это музыкально-экспираторное удареніе образовывается, какъ мы видѣли, вслѣдствіе совпаденія музыкальнаго ударенія предложенія съ экспираторнымъ удареніемъ слова. Такое совпаденіе наблюдается однако въ предложеніи постоянно. Примѣръ [1]: „была̀ ли все это пра̀вда̄“?. На словѣ „правда“ въ этомъ вопросительномъ предложеніи знакомъ ↓ показано удареніе предложенія, совпадающее съ удареніемъ этого слова, а конечный слогъ этого слова въ вопросѣ имѣетъ гласный звукъ съ восходящей долготой. Этому слову подчинены всѣ остальныя, а слово „была̀“ имѣетъ на себѣ очень слабое, второстепенное, тоже подчиненное удареніе ударенію всего предложенія.

Глава V-я.

§ 10. Участіе психическихъ факторовъ въ жизненныхъ процессахъ языка.

I. *Звуковыя и незвуковыя представленія. Ихъ взаимныя отношенія.* Въ главѣ III-ьей, въ § 8-мъ, мы указали, что языкъ имѣетъ двѣ стороны: внѣшнюю, звуковую, и внутреннюю, смысловую. Въ III и IV-ой главахъ мы разсмотрѣли звуковую сторону языка. Здѣсь мы разсмотримъ внутреннюю сторону его. Какъ внѣшняя, такъ и внутренняя сторона языка изучается въ тѣхъ измѣненіяхъ языка, которыя составляютъ его жизненный процессъ, по которымъ видно, что языкъ на-

---

[1] Этотъ примѣръ, какъ и многіе другіе, взяты мною изъ курса акад. А. А. Шахматова «Русскій языкъ», читаннаго въ Спб. Университетѣ въ 1908—1909 уч. году.

ходится въ безпрерывномъ измѣненіи, въ постоянномъ движеніи, что *языкъ живетъ* вмѣстѣ съ говорящимъ на немъ народомъ. Эта жизнь языка съ точки зрѣнія составляющихъ ее процессовъ, ея измѣненій въ хронологической послѣдовательности служитъ содержаніемъ науки *исторіи языка. Жизненные процессы языка*, приводящіе его къ данному состоянію въ данный моментъ времени его жизни, *чрезвычайно сложны*. Сложность этихъ процессовъ обусловлена, съ одной стороны, *двусторонней природой человѣка*, а, съ другой,—*назначеніемъ языка, какъ органа духовнаго общенія* людей между собой. Въ каждомъ человѣкѣ мы признаемъ физическій міръ его и психическій міръ; эти два міра такъ проникаются другъ другомъ, что нерѣдко наблюдается зависимость процессовъ психики человѣка отъ его физическихъ процессовъ и, обратно,—вліяніе психики на физическіе процессы организма. Законы этой зависимости еще не изучены во всей полнотѣ, и многое остается для науки еще закрытымъ въ области физіологіи и психологіи и ихъ взаимныхъ отношеній. Тѣмъ болѣе многое остается неизвѣстнымъ въ области физіологіи и психологіи рѣчи и въ области ихъ взаимныхъ отношеній. Постараемся разработать здѣсь тѣ вопросы психологіи рѣчи, которые мы представляемъ себѣ наиболѣе отчетливо въ ихъ взаимной связи съ вопросами физіологіи звуковъ языка. Прежде всего отмѣтимъ важнѣйшее положеніе: *въ языкѣ нѣтъ такого звукосочетанія, такого слова, которое бы не имѣло значенія*. Стало быть, слово становится *словомъ языка* тѣмъ самымъ, что оно *получаетъ значеніе*, а значеніе, какъ элементъ мысли, вступаетъ въ тотъ міръ психики человѣка, который представляетъ изъ себя систему представленій и понятій, связанныхъ особыми связями ассоціацій, дѣлающими этотъ міръ какимъ-то связнымъ цѣлымъ. Слово, вступая своимъ значеніемъ въ этотъ міръ, начинаетъ жить общею съ нимъ жизнью и приспособляться къ психической средѣ говорящаго субъекта. Такимъ образомъ слово попадаетъ въ сферу психическихъ от-

ношеній и начинаетъ жить въ психической средѣ человѣка, т.-е. въ его сознаніи, подчиняясь законамъ психическихъ отношеній, законамъ, которые руководятъ процессами сознанія. Изъ этого мы видимъ, что внутренняя жизнь слова входитъ въ область психическихъ процессовъ жизни человѣка. Психическіе факторы, стало быть, призываютъ къ жизни своимъ дѣйствіемъ физическіе факторы: значеніе слова руководитъ въ культурномъ языкѣ физической его стороной и тѣмъ усложняетъ изученіе внѣшней стороны языка. Рѣчь человѣка есть во всякомъ случаѣ произвольный актъ обнаруженія дѣятельности органовъ его психики, а потому человѣкъ говоритъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ управляющихъ его поступками психическихъ законовъ. Представимъ себѣ такой примѣръ входа въ сознаніе говорящаго индивидуума новаго какого-либо слова; намъ извѣстно, что матеріальная сторона языка получаетъ жизнь только въ психической средѣ, т.-е. въ сознаніи говорящаго индивидуума. Положимъ теперь, что новое слово volontaire вошло въ сознаніе говорящихъ на русскомъ языкѣ (а это было *дѣйствительно* такъ въ эпоху русско-турецкой войны въ 1877—1878 году); здѣсь это слово приняло окраску русскихъ звуковъ, т.-е. *l* веляризовалось, а слово „вӧлантéр" ассоціировалось по закону сходства съ такими словами, бывшими уже въ сознаніи говорящаго, какъ: „полатéр", „мантéръ", „мӑрадéр" и другими и стало жить въ формѣ: „вӧлантéр"; рядомъ съ нимъ однако появилось чисто-русское слово, передававшее мысль *о доброй волѣ,* а не просто *о волѣ* или объ *охотѣ* „волонтера": сочетаніе словъ „добрая воля" породило собой новообразованіе „доброволецъ" по образцу „золоторотецъ", „народоволецъ", а также по этимологическому типу такихъ словъ, какъ: „богомолецъ", „палецъ", „малецъ", „удалецъ" и проч. под. Слово „доброволецъ" мало-по малу вытѣснило собой слово „волонтеръ" и пріобрѣло болѣе широкій смыслъ. Въ послѣднее время „аэронавтики" появились „аэронавты" (срв. „аргонавты" и под.), „аэропланы", „аэродромы" (срв. „иппо-

дромъ" и др.), а также русскія слова: „летунъ" и „летчикъ" (срв. „плясунъ", „счетчикъ", „переплетчикъ", „перебѣжчикъ" и под.). Изъ этихъ примѣровъ мы видимъ, какъ слово, облекаясь въ форму привычныхъ для сознанія и извѣстныхъ языку словъ, получаетъ живую силу и начинаетъ жить общею съ другими однородными словами жизнью въ языкѣ. Такимъ образомъ въ языкѣ получаются путемъ ассоціаціи этимологическихъ и звуковыхъ элементовъ слова группы сходныхъ словъ и распредѣляются въ сознаніи говорящихъ по категоріямъ сходства и смежности. *Психическіе законы*, управляющіе поступками человѣка, *оказываютъ активное и пассивное вліяніе на звуковыя представленія.* Звуковыя представленія надо отличать отъ зрительныхъ: когда я вижу предметъ, я получаю зрительное представленіе этого предмета, а когда я слышу названіе предмета, я получаю звуковое представленіе, которое однако безъ зрительнаго представленія предмета, напр., при усвоеніи языка окружающихъ или чужого языка, т.-е., напримѣръ, въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ или при изученіи иностраннаго языка, останется въ такомъ случаѣ безъ предметнаго содержанія и будетъ храниться въ памяти постольку, поскольку это названіе—слово часто повторяется, часто слышится. *Большинство звуковыхъ представленій, въ особенности* въ періодъ усвоенія языка, въ періодъ образованія языка у индивидуума, словомъ, *въ періодъ предметнаго мышленія*, а не отвлеченнаго, *получается нами одновременно и въ связи по смежности со зрительными представленіями:* я вижу домъ, мнѣ говорятъ слово—названіе того, что я вижу, и въ моемъ сознаніи при каждомъ повторномъ зрительномъ воспріятіи дома, а равно и при каждомъ повторномъ зрительномъ воспріятіи каждаго другого предмета, все болѣе и болѣе крѣпнетъ связь между звуковыми и зрительными представленіями. Эта окрѣпшая связь въ нашемъ сознаніи развивается все время параллельно съ другой крѣпнущей *связью звуковыхъ представленій между собой.* Выше мы видѣли, что звуковое сходство словъ, хотя и безъ

сходства ихъ значеній, способно вызывать въ нашемъ сознаніи цѣлую цѣпь звуковыхъ образовъ и объединять ихъ, что представляетъ собой ограниченіе механической работы памяти: „доброволецъ“, „народоволецъ“, „палецъ“, „малецъ“, „однорядецъ“, „золоторотецъ“ и проч., не смотря на все прочее, всетаки связаны тождествомъ этимологическаго строенія этихъ словъ и звуковымъ тождествомъ этимологическихъ частей (суф. „ец“). Однако *одно звуковое сходство* безъ сходства значеній хотя бы отдѣльныхъ этимологическихъ элементовъ въ словахъ еще не можетъ обусловить группировки этихъ словъ въ нашемъ сознаніи. Такъ, напр., слова: „уродъ“ и „огородъ“, не имѣя сходства въ своихъ значеніяхъ, не смотря на свое звуковое сходство, не входятъ въ одну группу словъ въ нашемъ сознаніи. Это очень понятно: *звуковыя представленія*, ассоціируясь постоянно между собой и съ зрительными представленіями *по сходству и по смежности*, *входятъ въ постоянную связь еще съ незвуковыми представленіями, а незвуковыми представленіями являются значенія словъ*. Выше мы высказали основное положеніе, что *въ языкѣ нѣтъ слова безъ значенія*, т.-е. *всякое слово имѣетъ какое-нибудь опредѣленное значеніе*, а потому теперь мы должны заключить, что слово имѣетъ постоянную и опредѣленную связь со своимъ значеніемъ, т.-е. связь слова со значеніемъ пріобрѣтаетъ характеръ постоянности, а, такъ какъ слово есть звуковое представленіе, а значеніе — незвуковое представленіе, то *связь звукового представленія съ незвуковымъ получаетъ характеръ причинности* и, слѣдовательно, получена ли эта связь при посредствѣ еще зрительнаго представленія, или непосредственно, — она остается постоянной и имѣетъ характеръ причинности. Ясно, что *ассоціація словъ съ ихъ значеніями*, обусловленная психологическимъ закономъ причинности, является самою прочною въ нашемъ сознаніи и *дѣлается привычной ассоціаціей въ сферѣ нашего мышленія*: значеніе, какъ незвуковое представленіе, вызываетъ собой слово, какъ представленіе звуковое,

и обратно; зрительныя представленія мало-по-малу отходятъ на задній планъ, дѣлаются второстепенными, даже излишними, при развитіи культуры—языка, и возникаетъ отвлеченный языкъ, какъ проводникъ и спутникъ культуры, какъ двигатель мысли, получающей въ языкѣ источникъ дальнѣйшаго развитія и питательныхъ соковъ. Нѣтъ культурнаго народа безъ культурнаго языка! Такимъ образомъ *только сходство значеній при сходствѣ звуковомъ* можетъ обусловить группировку словъ въ нашемъ сознаніи по извѣстнымъ категоріямъ.

II. *Происхожденіе грамматическихъ категорій. Значеніе слова*, какъ спутникъ звукового представленія, *можетъ быть первичнымъ и производнымъ.* Первичное значеніе слова дается намъ въ словарѣ языка, въ изолированномъ положеніи слова; производное значеніе слово получаетъ въ словосочетаніи, благодаря извѣстной формѣ, которая выступаетъ въ словосочетаніи, какъ выразитель логическихъ отношеній (субъекта, аттрибута и предиката) между представленіями, обозначенными въ звуковомъ языкѣ и составляющими части совокупнаго, цѣлаго представленія, выраженнаго въ словосочетаніи — предложеніи. Поэтому *производное значеніе слова можетъ называться формальнымъ значеніемъ,* тогда какъ *первичное значеніе слова можно назвать этимологическимъ, коренньмъ значеніемъ.* Значитъ, форма слова получается лишь въ предложеніи и, какъ часть его, группируется въ нашемъ сознаніи въ одну категорію другихъ однородныхъ формъ словъ, какъ частей предложенія же. Формы словъ, въ свою очередь, имѣютъ въ нашемъ сознаніи опредѣленныхъ выразителей въ *формальныхъ элементахъ* слова. Слова, группируясь по формальнымъ элементамъ, образуютъ такъ называемыя *грамматическія категоріи.* Такъ, сравнивая по звуковой оболочкѣ, съ одной стороны, слова: „плоды“, „сады“, „роды“, „ряды“, „суды“, „пруды“ и под., а также: „грибы“, „гробы“, „столы“, „волы“, „колы“ и под., и замѣчая, что всѣ эти слова

имѣютъ *значеніе множественности* предметовъ; далѣе, сопоставляя приведенныя слова со словами: „плодъ“, „садъ“, „родъ“, „рядъ“, „судъ“, „прудъ“, а также со словами: „грибъ“, „гробъ“, „столъ“, „волъ“, „колъ“, мы замѣчаемъ, что значеніе множественности связано съ такимъ звуковымъ элементомъ „*ы*“, который совершенно отсутствуетъ при значеніи единичности въ тѣхъ же самыхъ словахъ; мало того: отнимая звуковой элементъ „*ы*“ въ этихъ словахъ, мы получаемъ вмѣсто значенія множественности значеніе единичности. Изъ этого наблюденія мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что звуковой элементъ „*ы*“ образуетъ *категорію множественнаго числа*. Отвлекая этотъ образовательный звуковой элементъ, этотъ *формантъ*, мы получаемъ въ немъ формальную, грамматическую принадлежность категоріи множественнаго числа. *Такъ возникаетъ въ нашемъ сознаніи грамматическая категорія множественнаго числа.* Это звуковое представленіе „*ы*“ въ концѣ слова получаетъ въ нашемъ сознаніи, такимъ образомъ, *самостоятельную жизнь*, какъ признакъ множественнаго числа. У насъ получилось теперь двѣ категоріи: одна съ „*ы*“ для множ. числа, другая безъ „*ы*“ для единств. числа. Подобнымъ образомъ возникаютъ *грамматическія категоріи лица, времени и проч.* Далѣе, сравнивая слова: „сады̀“, „плоды̀“ и т. д. со словами: „дома̀“, „лѣса̀“ и т. д., мы видимъ, что они составляютъ одну группу именъ множественнаго числа, хотя въ звуковомъ отношеніи и не представляютъ никакого сходства другъ съ другомъ; слѣдовательно, общее ихъ значеніе множественности обусловило эту группировку. Равнымъ образомъ, сравнивая слова: „несу̀“, „везу̀“, „веду̀“, „бреду̀“, „иду̀“, „пасу̀“ и под., мы видимъ, что ихъ объединяетъ общее звуковое представленіе „*у*“, которое связывается со значеніемъ 1-го лица глагола; это звуковое представленіе „*у*“ получаетъ въ нашемъ сознаніи самостоятельную жизнь, какъ признакъ 1-го лица глагола въ наст. времени, а отсюда возникаетъ *грамматическая категорія лица*. По своему значенію и слово „ѣмъ“

находитъ себѣ мѣсто въ той же категоріи 1-го лица глагола, группируясь вмѣстѣ съ другими словами, обозначающими 1-е лицо глагола настоящаго или будущаго времени: „несу̀“, „понесу̀“..., „ѣмъ“, „съѣмъ“ и т. д. Такимъ же образомъ, сравнивая слова: „читалъ“, „писалъ“, „бралъ“, „ходилъ“, „варилъ“, „ѣлъ“, „пилъ“ и т. д., мы находимъ, что они объединены общимъ звуковымъ представленіемъ „*л*“ (-лъ), которое связано со значеніемъ прошедшаго времени глаголовъ, причемъ отсутствіе этого „*л*“ и наличность другого признака „-у“, разсмотрѣннаго выше, переводитъ значеніе данныхъ словъ изъ категоріи прошедшаго времени въ категорію настоящаго. Такъ возникаетъ *категорія времени*. Сравнивая слова: „вода̀“, „жена̀“, „душа̀“, „сума̀“, „сова̀“, „нога̀“, „коза̀“, „кора̀“ и под., мы замѣчаемъ, что ихъ объединяетъ звуковое представленіе „*а*“, которое связано со значеніемъ женскаго рода и, сравнительно со словами, не имѣющими этого признака „*а*“, какъ: „ходъ“, „садъ“, „душъ“, „домъ“, „ловъ“, „Богъ“ и проч. и имѣющими значеніе мужескаго рода, даетъ намъ право заключать, что звуковое представленіе „*а*“ образуетъ *категорію женскаго рода*, а вмѣстѣ съ полученной категоріей мужескаго рода и категоріей словъ со звуковымъ представленіемъ „*о*“, образующимъ категорію средняго рода, мы получаемъ *категорію рода вообще*. Такъ возникаетъ *категорія рода*.

III. *Значеніе категорій словъ въ жизни языка.* Распредѣленіе словъ по категоріямъ, согласное съ психическими законами жизни сознанія, состоящее въ подчиненіи словъ законамъ ассоціаціи по смежности и по сходству, играетъ громадную роль въ жизни языка. Это распредѣленіе имѣетъ, во-первыхъ, *задерживающее вліяніе на языкъ*, а, во-вторыхъ, *измѣняющее вліяніе*. Эти два вліянія распредѣленія словъ по категоріямъ, повидимому, совершенно противоположны другъ другу, а между тѣмъ это такъ. Возьмемъ примѣры того и другого вліянія и пояснимъ ихъ. Такъ, напримѣръ, два слова: „кость“

и „мать“ своими конечными звуками (т') представляють звуковое сходство и по этому сходству способны были бы войти въ одну группу, категорію словъ, но мы этого однако не видимъ въ данномъ случаѣ, и причиной этого служитъ то, что категоріи падежей этихъ обоихъ словъ не сливаются въ одну группу никакими падежами, кромѣ имен. п. ед. числа. Слѣдовательно, стремленію именительныхъ падежей „кость“ и „мать“ слиться въ одну группу препятствуетъ весь составъ косвенныхъ падежей, разбившій эти два слова на двѣ группы: „кости“—„матери“ (а не „мати“), „костью“—„матерью“ (а не „матью“) и проч. Это вліяніе *задерживающее*: категорія такихъ словъ, какъ „мать“, устоялась настолько прочно, что за ея предѣлы не выходятъ такія слова, какъ: „дочь“, не смотря на звуковое различіе имен. п. ед. числа. Наоборотъ, категорія такихъ словъ, какъ: „кость“, ассоціировалась съ такими словами, какъ: „смерть“, „рать“, „кровать“ и под., а эта ассоціація настолько крѣпка, что остается въ неизмѣнномъ видѣ и не разрушается вторженіемъ словъ другихъ категорій. Такимъ образомъ, категоріями словъ поддерживается система склоненій и спряженій, поддерживается въ одномъ и томъ же состояніи грамматическій составъ языка. Съ другой стороны, распредѣленіе словъ по категоріямъ служитъ факторомъ, измѣняющимъ языкъ и выводящимъ его изъ устоявшагося состоянія: въ этомъ—жизнь и движеніе языка. Напр., падежи: дат., твор. и предложный (мѣстный) множ. числа именъ сущ. *муж. рода:* „столамъ“, „столами“, „столахъ“; „рабамъ“, „рабами“, „рабахъ“; „садамъ“, „садами“, „садахъ“ имѣютъ тѣ же падежныя окончанія, что и имена сущ. *жен. рода:* „водамъ“, „водами“, „водахъ“, „рыбамъ“, „рыбами“, „рыбахъ“, „книгамъ“, „книгами“, „книгахъ“ и под. Древній русскій языкъ показываетъ, что прежде было не такъ: муж. родъ именъ сущ. имѣлъ въ этихъ падежахъ свои особыя отъ женскаго рода окончанія, а имена сущ. жен. рода имѣли и прежде эти же самыя окончанія въ этихъ падежахъ, что и нынѣ. Стало быть, ясно, что имена сущ. жен. ро-

да вовлекли въ сферу своего вліянія имена сущ. муж. рода, которыя и утратили свои старыя окончанія и слились въ одну группу этихъ трехъ падежей *во всѣхъ трехъ родахъ*: „столамъ“, „рыбамъ“, „окнамъ“; „столами“, „рыбами“, „окнами“; „столахъ“, „рыбахъ“, „окнахъ“ и т. д. Мы видимъ на этихъ и подобныхъ примѣрахъ, что распредѣленіе словъ по категоріямъ родовъ, падежей и проч. послужило причиною такихъ существенныхъ *измѣненій* въ языкѣ, изъ-за которыхъ, собственно говоря, погибло склоненіе именъ существительныхъ мужескаго и средняго рода во множественномъ числѣ. Вотъ *измѣняющее* вліяніе категорій словъ.

IV. *Грамматическія категоріи: этимологическія и синтактическія.* Выше мы видѣли, что словосочетаніе, или *предложеніе, въ звуковомъ отношеніи*, представляетъ изъ себя по своей звуковой структурѣ тѣ же отношенія входящихъ въ его составъ звуковыхъ частей—словъ, какія наблюдаются въ составныхъ звуковыхъ частяхъ каждаго слова. Слѣдовательно, и *предложенію, какъ и слову, соотвѣтствуетъ свое звуковое представленіе.* Какъ всякое звуковое представленіе связывается съ однородными звуковыми представленіями въ нашемъ сознаніи въ опредѣленныя группы, такъ и звуковыя представленія, соотвѣтствующія предложеніямъ, группируются съ однородными въ однѣ группы по сходству и смежности своихъ составныхъ частей. Изъ синтактическаго разбора такихъ предложеній, какъ: „я люблю отца“, „я люблю сына“, „я люблю брата“, „я люблю сестру“ и под., мы видимъ, что у нихъ у всѣхъ общее обозначеніе субъекта и сказуемаго, а объектъ при сказуемомъ различный. Мы можемъ взять примѣры съ одинаковымъ объектомъ, но съ различными субъектами или различными сказуемыми: „ты любишь сына“, „ты видишь сына“, „ты учишь сына“ и т. д.; или: „я люблю сына“, „ты любишь сына“, „мы любимъ сына“ и т. д. Изъ сравненія всѣхъ этихъ предложеній мы извлекаемъ значенія субъекта, значенія объек-

та, значенія сказуемаго для предложеній и распредѣляемъ ихъ въ нашемъ сознаніи *по синтактическимъ категоріямъ: субъекта, объекта, сказуемаго.*

V. *Столкновеніе категорій и его послѣдствія.* Между различными категоріями, какъ этимологическими, такъ и синтактическими, происходитъ въ нашемъ сознаніи постоянное взаимодѣйствіе, которое заключается въ томъ, что одна группа языковыхъ образованій стремится вовлечь въ область своихъ объединенныхъ особенностей этимологическихъ или синтактическихъ другую группу, ассоціироваться съ нею и тѣмъ упростить сложность и численность категорій. Однако такое стремленіе находитъ для себя почти всегда противодѣйствіе въ тѣхъ условіяхъ, которыя первоначально, при болѣе раннемъ состояніи языка, служили разъединяющимъ группировку факторомъ. *Такъ происходитъ столкновеніе различныхъ категорій.* Выше мы видѣли, вслѣдствіе какого столкновенія падежныхъ категорій въ результатѣ столкновенія произошла утрата трехъ падежей множ. числа именъ сущ. муж. и средняго рода съ ихъ особыми окончаніями. Ниже мы увидимъ, что слѣдствіемъ такихъ столкновеній были значительныя утраты въ языкѣ: утрачено двойственное число, такъ какъ двойственность предметовъ не есть уже ихъ единичность и потому, отличаясь отъ послѣдней, совпадаетъ съ множественностью, и особая форма двойственности въ языкѣ становится излишней, а языкъ стремится избавиться отъ излишнихъ принадлежностей. Двойственность утрачивается во всѣхъ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи и мало-помалу исчезаетъ въ языкѣ совсѣмъ, сохраняясь лишь *формально* въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, которыя однако *сознаніемъ* говорящихъ объединены тоже въ группѣ множественнаго числа. Такъ, имена сущ. при числительномъ *два, двѣ* должны бы имѣть особую форму двойственности, не совпадающую съ формами множественности; такъ прежде и было: срв. „два ря̀да“ и род. п. ед. ч. „ря̀да“; „два шага̀“ и род. ед.: „ша̀га“; „два ра-

за̀" и ро̀д. ед.. „ра̀за"; или въ среднемъ родѣ было: двѣ мѣстѣ, двѣ стѣ (нынѣ осталось *„двѣсти"* съ фонетическимъ неударяемымъ *и* вм. *ѣ* въ открытомъ концѣ слова; у народа: *„два ста"*), двѣ селѣ и проч. Или въ женскомъ: двѣ женѣ, двѣ руцѣ, двѣ нозѣ, двѣ кросѣ и проч. Однако при этихъ формахъ жен. рода въ мягкомъ склоненіи было: „двѣ души̇̀", „двѣ пу̀ли", „двѣ семьи̇̀" и проч. Здѣсь уже было дано языкомъ звуковое совпаденіе формъ род. ед. и им.-вин.-зват. двойств. числа, а отсюда, *по аналогіи* съ мягкимъ склоненіемъ жен. рода: двѣ жены̇̀, двѣ сестры̇̀, двѣ руки̇̀ и проч. Сознаніе говорящихъ приняло эти формы, какъ формы род. п. ед. ч. ж. рода. Формы двойств. числа именъ муж. р.: „ряда̀", „шага̀", „раза̀", рядомъ съ формами *парныхъ* предметовъ, какъ „глаза̀", стали ассоціироваться съ формами, означающими не одинъ предметъ, а *собраніе* нѣсколькихъ предметовъ, а это послужило къ тому, что *формы стараго двойственнаго числа, отличавшіяся по ударенію отъ старыхъ формъ род. п. ед. числа, стали формами множ. числа*: „города̀" (срв. род. ед. „го̀рода"), „лѣса̀", „повара̀" и мн. др. (а сюда вошло и новое заимствованное слово: „доктора̀". Срв. „профессора̀", а также такія, какъ: „учителя̀" и проч. под.). Такъ же утрачены старыя формы глаго̀лов̀ъ двойств. числа и замѣнены формами множ. числа, утрачены формы древне-русскаго аориста, имперфекта, перфекта и замѣнены формами *одного прошедшаго* причастія на „*-лъ*", которое не имѣетъ ни формъ лицъ, ни формъ рода (по крайней мѣрѣ во множ. числѣ), хотя и имѣетъ значенія всѣхъ этихъ формъ.

Такимъ образомъ мы видѣли и *консервативное, охранительное дѣйствіе категорій* (см. выше: кость—мать; кости—матери...); это дѣйствіе, или вліяніе категорій на жизнь языка мы будемъ называть *пассивнымъ*: оно состоитъ только въ томъ, чтобы держать языкъ въ извѣстномъ состояніи его грамматическаго склада, т.-е. поддерживать грамматическій строй языка, укрѣпившійся въ немъ искони и мало-по-малу. Мы видѣли и *разрушительное дѣйствіе, или вліяніе, категорій на жизнь*

языка. Это вліяніе мы будемъ называть *активнымъ.* Синтактическія категоріи того же психологическаго происхожденія, что и этимологическія, т.-е. происшедшія благодаря ассоціаціямъ, упрощаютъ значительно синтаксисъ живого языка: такъ, предложенія *неполныя* относительно своихъ главныхъ частей, а равно всѣ *неграмматическія предложенія* (въ которыхъ особою формою сказуемости не указано опредѣленно отношеніе сказуемаго къ именительному падежу, къ подлежащему) и такъ называемыя *безличныя*, которыхъ всегда въ разговорѣ встрѣчается гораздо больше, чѣмъ личныхъ, полныхъ и грамматическихъ, стали возможны, благодаря только разрушительному, активному дѣйствію синтактическихъ ассоціацій. Напр., опущеніе различныхъ членовъ словосочетанія, т.-е. такъ называемыя „подразумѣваемыя“ части предложенія потому только и могутъ „подразумѣваться“, что этими опущенными въ разговорѣ частями предложенія ассоціировались съ такими предложеніями, въ которыхъ опущенныхъ членовъ (соотвѣтственныхъ) нѣтъ: если я, видя дворника, который рубитъ дрова, говорю: „дворникъ рубитъ дрова“, то при вопросѣ не разслышавшаго мою рѣчь собесѣдника и спросившаго: „кто“?, я довольствуюсь отвѣтомъ въ *одно* слово: „дворникъ“, такъ какъ категорія сказуемаго требуетъ отъ моего сознанія указанія на субъектъ по ассоціаціи съ другими словосочетаніями, гдѣ сказуемое связано съ субъектомъ. Если мой собесѣдникъ спроситъ: „что дѣлаетъ“?, я довольствуюсь словосочетеніемъ: „рубитъ дрова“, а оставшееся недосказаннымъ слово вызоветъ привычное сознаніе вслѣдствіе ассоціаціи слова „рубитъ“ съ субъектомъ; равнымъ образомъ, „мороситъ“, „морозитъ“, „таетъ“ и т. п. вызываетъ въ нашемъ сознаніи своими личными окончаніями привычныя ассоціаціи съ субъектомъ, но мы его только въ данномъ случаѣ не беремся назвать *опредѣленно*; иногда такія упрощенія и сокращенія, возможныя только вслѣдствіе привычныхъ ассоціацій въ нашемъ сознаніи, доходятъ до максимума, *до одного слова.* Напр., я могу сказать одно слово: „по-

жаръ"!, и въ моемъ сознанiи совершится въ это время цѣлый сложный процессъ: 1) отождествленiя моего зрительнаго воспрiятiя, по сходству, признаваемому мною, съ бѣдствiемъ отъ огня (пожаромъ); 2) указанiе на субъектъ („я"), который дѣйствуетъ, воспринимаетъ („вижу"); 3) указанiе на объектъ воспрiятiя субъекта („пожаръ"): „я вижу пожаръ". (Хотя это просто, можетъ быть, дымъ изъ трубы!). Вотъ такiя неграмматическiя предложенiя возможны въ языкѣ, благодаря психическому воздѣйствiю ассоцiацiй, хотя, конечно, то, *что не дано намъ въ формахъ языка, не составляетъ и языковаго образованiя и не входитъ въ составъ грамматическаго строя языка, нарушая его своими неграмматическими словосочетанiями.*

Разрушительное (активное) дѣйствiе ассоцiацiй обнаруживается, такимъ образомъ, и въ словосочетанiяхъ, и во внутреннемъ составѣ слова, и въ окончанiяхъ слова. Разсмотримъ еще нѣсколько примѣровъ такого дѣйствiя ассоцiацiй во внутреннемъ составѣ словъ и въ окончанiяхъ словъ. Мы видѣли, что естественно образовались въ языкѣ по сходству признаковъ двѣ крупныя категорiи: категорiя склоняемыхъ словъ и категорiя спрягаемыхъ словъ. Возьмемъ измѣненiя, происшедшiя въ первой категорiи, благодаря ассоцiацiямъ. А) Внутреннiй составъ словъ. Возьмемъ категорiю словъ съ суф. $\frac{\text{ък—ок}}{\text{(ъ)к}}$, т.-е. категорiю словъ, въ которыхъ наблюдается чередованiе суф. *ок* съ *к*. Этотъ суффиксъ и былъ факторомъ объединенiя такихъ словъ въ одну категорiю; слова: платокъ, носокъ, чулокъ, катокъ, рожокъ, мѣшокъ, клубокъ, совокъ, садокъ, комокъ, куро̀къ, крючокъ, горшокъ и проч. объединились въ одну группу по суффиксу *-ок-*, при которомъ въ косвенныхъ падежахъ наблюдается одно *-к*: платка, носка, чулка, катка, рожка, мѣшка, клубка, совка, садка, комка, курка̀, крючка, горшка... Очевидно, что и всякое другое слово, напр., *потолдо̀къ, урдо̀къ, дкорокъ* должно ассоцiироваться съ вышеприве-

денными словами по звуковому сходству составныхъ частей своихъ. Для сознанія говорящихъ осязаемымъ признакомъ сходства остается звуковое сходство, и потому языкъ стремится внести въ одну группу и слова: потолòкъ, урòкъ, òкорокъ, уподобивъ ихъ и въ косвенныхъ падежахъ словамъ: платòкъ, курòкъ, носòкъ и проч., т.-е. произведя род. падежи: „потолкà“, „уркà“, (діалект. Оренбургск. губ. Троицк. у.), òкорка. Въ сознаніи говорящихъ уже давно исчезъ слѣдъ этимологическаго состава этихъ словъ, и нынѣ безъ особой спеціальной подготовки уже трудно знать, что слово „по-толок-ъ“ состоитъ изъ префикса „по“, корня (основы): „толок“ (срв. „толочь“, „толока“, „су-толок-а“) и падежнаго суффикса (флексіи); т.-е. *въ этомъ словѣ вовсе нѣтъ суффикса* $\frac{\text{ък—ок}}{\text{к}}$, а потому и *род. падежъ не можетъ быть* „потолкà“: срв. поговорку: „руки въ боки, глаза въ *потолоки*“; въ древн.-рус. яз. (въ грамотахъ): „потолока“—род. п. и проч. Равнымъ образомъ слово „урокъ“ этимологически состоитъ изъ частей: „у-рок-ъ“ (рок—рек; рек-у; у-роч-н-ый; реч-ен-і-е..), а потому здѣсь опять нѣтъ суффикса *ок—к*, а между тѣмъ діалектически ассоціація вовлекла и это слово въ разсмотрѣнную нами выше категорію: „уркѝ заданы“, „приготовилъ всѣ уркѝ“, „много уркòвъ задаютъ“ и проч. Такъ же слово: „окорокъ“ этимологически состоитъ изъ частей: о-корок-ъ (корок-: „сѣлъ на кукороч-ь“; ю. и зап.-сл. кракъ — krok и пр.), и въ немъ вовсе нѣтъ суффикса *-ок(к)*, а между тѣмъ слышимъ род. ед. и проч.: „òкорка“ и проч. (если только это не фонетическое измѣненіе въ 3-мъ слогѣ отъ ударяемаго, за нимъ, гдѣ гласный можетъ редуцироваться). Б) Окончанія словъ. Если мы сравнимъ окончанія падежей именъ сущ. современнаго намъ русскаго языка и древне-русскаго, то увидимъ, что активное вліяніе ассоціацій сказалось и на окончаніяхъ. Такъ, имена сущ. муж. и сред. рода прежде имѣли во множ. числѣ въ дат., твор. и мѣстномъ падежахъ окончанія: *-омъ*, *-ы*, *-ѣхъ*: рабомъ, садомъ,

селомъ; рабы, сады, селы; рабѣхъ, садѣхъ, селѣхъ. А нынѣ эти же имена имѣютъ въ тѣхъ же падежахъ окончанія: *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*: рабамъ, садамъ, селамъ; рабами, садами, селами; рабахъ, садахъ, селахъ, т-е. *по образцу* жен. рода: водамъ, водами, водахъ и проч. Далѣе, прежде было: мѣстн. ед.: рабѣ, но: кони; водѣ, но: доуши; селѣ, но: поли. Нынѣ: конѣ, душѣ, полѣ, т.-е. такъ же, какъ и въ склоненіи съ *твердыми* основами; слѣд., *категорія твердыхъ основъ передала свои окончанія категоріи мягкихъ основъ*, какъ и выше: категорія именъ жен. рода передала свои окончанія въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. категоріямъ именъ муж. и сред. рода. Въ результатѣ такой передачи окончаній твердыхъ основъ получилось *вытѣсненіе окончаній*: „*и*" вытѣснено въ мѣстн. ед. ч.; „*ѣ*"—въ род. ед. жен. рода, въ им.-вин. мн. ч. жен. р., въ вин. п. мн. ч. муж. рода: вмѣсто прежнихъ ꙁемлѣ, колѣ, конѣ и проч. мы имѣемъ: „земл*и*" по образцу „вод*ы*"; „пул*и*" по образцу вод*ы*; корабл*и* по образцу стол*ы* и под. Равнымъ образомъ окончанія твердыхъ основъ жен. рода твор. падежа ед. ч. *-ою* вытѣснили соотвѣтственныя окончанія мягкихъ основъ, и получилось нынѣ въ мягкомъ склоненіи: земл*'ою*, семь*јою*, душ*ою*, овц*ою* и т. д. вмѣсто прежнихъ: ꙁемлею, сѣмьею, доушею, овьцею и проч. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ и случаяхъ, какъ мы видѣли, измѣненія произошли *въ матеріальной сторонѣ языка*: вмѣсто однихъ звуковъ появились другіе или во внутреннемъ составѣ словъ, или въ ихъ окончаніяхъ. Но сейчасъ мы увидимъ, что грамматическія ассоціаціи влекутъ за собой не только *появленіе новыхъ элементовъ вмѣсто утраченныхъ старыхъ*, но даже—*совершенное исчезновеніе грамматическихъ категорій и ихъ значеній*, причемъ вмѣсто исчезнувшихъ категорій и ихъ значеній *могутъ появиться новыя грамматическія категоріи и новыя значенія, связанныя съ этими категоріями*. Такимъ образомъ, *ассоціируются не только слова и выдѣляющіяся изъ нихъ окончанія, но и предложенія и содержащіяся въ*

нихъ слова, какъ ихъ части. Въ результатѣ этихъ ассоціацій, мы видѣли, измѣняются и предложенія и слова, какъ части предложеній. Для примѣра исчезновенія категоріи и ея значенія возьмемъ исторію формы perfectum'а (прошедшаго совершеннаго): было время, когда въ русскомъ языкѣ глаголъ имѣлъ нѣсколько формъ для обозначенія прошедшаго времени, и эти формы выражали различные оттѣнки прошедшаго времени; между прочимъ были двѣ формы, ближе другихъ стоявшія другъ къ другу по значенію: форма *аориста* (прошедшаго „историческаго") и форма *перфекта* (прошедшаго „описательнаго" съ результатомъ наличнымъ). Аористъ имѣлъ особые форманты и окончанія, а перфектъ образовывался изъ формъ причастія спрягаемаго глагола на „*-лъ*" и формъ настоящаго времени глагола юсмь. Формы аориста употреблялись въ дѣловомъ и письменномъ языкѣ, а въ разговорномъ чаще извѣстны были формы перфекта. Такимъ образомъ, въ языкѣ извѣстны были *одновременно* два оборота, напр., коупьць ходи городоу и коупьць ходилъ юсть городоу. Ассоціація предложеній образовала группу словосочетаній со сказуемымъ юсть при именной части его (прилагательномъ или существительномъ); въ этой группѣ однако въ скоромъ времени оказалась глагольная часть сказуемаго, именно, форма 3-го лица ед. ч.—юсть— излишнею, такъ какъ и безъ части юсть смыслъ былъ понятенъ и заканчивался именной частью сказуемаго, а 3-ье лицо подлежащаго служило въ то же время указаніемъ на форму сказуемости. Отсюда возникли такія словосочетанія, какъ: коупьць богатъ вм. коупьць богатъ юсть. Въ предложеніи: квасъ кысьлъ юсть и квасъ кысьлъ звуковая форма именной части сказуемаго легко ассоціировалась по окончаніямъ съ такими формами именныхъ частей сказуемаго, какъ: ходилъ, коупилъ, неслъ, плелъ, ꙁъвалъ, былъ и проч., т.-е. съ формами причастія на -лъ. Поэтому къ этому времени въ языкѣ достаточно ясно было сказать: коупьць ходилъ городоу, но при такомъ измѣненіи формы ска-

зуемости въ языкѣ оттѣнокъ значенія прошедшаго времени, поддерживавшійся сочетаніемъ формы на -лъ съ глагольной формой ѥсть потерялъ свое обозначеніе въ формахъ словосочетанія, и получилось два оборота сходнаго, почти тождественнаго значенія: коупьць ходи городоу и коупьць ходилъ городоу. При этомъ форма аориста вообще въ разговорномъ, обыденномъ языкѣ употреблялась рѣдко, а съ этого времени стала употребляться еще рѣже и рѣже (формы аориста къ XV-му вѣку уже путались и стали совсѣмъ забываться); такъ что форма ходилъ и под. вытѣснила совершенно форму аориста, получивши его значеніе. *Такъ исчезла категорія аориста и ея значеніе.* Выше мы видѣли *исчезновеніе категоріи двойственнаго числа и ея значенія*: формы вин. ед. ч. именъ сущ. муж. р. одушевленныхъ, напр., сына, раба и проч. издавна совпадали въ звуковомъ отношеніи съ формами дв. числа вин. п. тѣхъ же именъ, а потому: видѣхъ сына, коупи раба уже не могло обозначать только, именно, двойственное число, между тѣмъ какъ въ женскомъ родѣ ясно было: коупи коровоу, коупи коровѣ и коупи коровы. Потребовалось и въ муж. и въ среднемъ родѣ обозначать опредѣлительно *другими средствами двойственность предметовъ*. Такую роль приняло на себя числительное два. Словосочетанія: коупи раба, видѣхъ сына стало означать *одного* раба, *одного* сына (болѣе старый вин. п. ед. ч. рабъ, сынъ въ одушевл. именахъ сущ. сталъ замѣняться родительнымъ еще ранѣе; конечно, во времена доисторическія въ тѣсномъ, узкомъ смыслѣ, такъ какъ уже въ Остр. Ев. мы имѣемъ въ значеніи вин. п. ед. ч. формы: отьца, сына и др.), а для обозначенія *двухъ* пришлось говорить: коупи два раба, видѣхъ два сына и т. п. Отсюда прежде всего два съ этой ролью было перенесено и въ словосочетанія съ именами сущ. неодушевленными: видѣхъ два города, коупихъ два дома и проч. Видѣхъ городъ, коупихъ домъ оставалось въ такомъ случаѣ для обозначенія *одного* предмета.

Затѣмъ отсюда числит. двѣ проникло и въ жен. родъ при словосочетаніяхъ: коупи коровоу, коупи коровы, но обязательно: коупи двѣ коровѣ, а потомъ и — двѣ коровы (см. выше). Стало быть, двойственность стала выражаться числительнымъ, а потому *особая* форма дв. числа потеряла значеніе, такъ какъ *безъ числительнаго она уже не обозначала двойственности*. Послѣдствіемъ этого были, какъ мы видѣли: 1) Формы *дв.* числа безъ „два" стали означать вообще *множ.* число: такъ получились множ. числа: *„города", „лѣса", „дома", „глаза", „черепа", „луга"* и т. п. 2) Формы *дв.* числа стали замѣняться формами множ. числа. *Такъ исчезла категорія двойственнаго числа, исчезло и ея значеніе.*

Вотъ это-то дѣйствіе ассоціацій однихъ звуковыхъ представленій на другія принято называть въ наукѣ общимъ терминомъ: „аналогія". Такова сущность процессовъ въ жизни языка!

VI. *Закономѣрны-ли явленія аналогіи?* Мы только что видѣли, что *явленія грамматической аналогіи суть явленія психической жизни человѣка.* А всякое явленіе психической жизни человѣка подчинено извѣстнымъ законамъ психологіи. Стало быть, и явленія грамматической аналогіи подчинены извѣстнымъ психологическимъ законамъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ не просто апріорное положеніе, только что высказанное нами, но и то чрезвычайно важное обстоятельство, представляющее результатъ конкретныхъ наблюденій, именно, что нѣкоторые процессы въ языкѣ приводятъ къ результатамъ, проведеннымъ въ языкѣ совершенно послѣдовательно, безъ всякихъ отклоненій или исключеній. Напр., твор. п. мн. ч. *во всѣхъ словахъ безъ исключенія* замѣнилъ окончаніе *-ы* окончаніемъ *-ами*; это *-ами* проведено даже *по всѣмъ русскимъ говорамъ.* (Старыя формы на *-ы*, сохранившіяся въ народныхъ пѣсняхъ или пословицахъ, служили предметомъ подражанія

у отдѣльныхъ поэтовъ когда они поддѣлывались подъ народную пѣсню: „со *вороты* со тесовыми“ — у Пушкина; на обложкѣ старыхъ журналовъ и сочиненій обозначена въ XVIII—XIX вѣкѣ нерѣдко типографія такъ: „Селиванова со товарищи“ и под. Но это — подраженіе и пережитокъ старыхъ формъ дѣлового языка актовъ, грамотъ и под. бумагъ, однако безъ повторенія въ живомъ языкѣ). Далѣе, суффиксъ *-ень во всѣхъ словахъ муж. рода* съ этимъ суффиксомъ теряетъ свое *е* въ склоненіи: корень—корня... (было: корене), ставень—ставня, противень—противня, ливень—ливня, камень—камня, ремень—ремня, сажень—сажня, слѣпень—слѣпня и проч. Слово „сухмень“—колеблется и въ родѣ (муж.-жен.) и, кромѣ того, пропускъ звука *е* создалъ бы группу согласныхъ, не удобную для артикуляціи.

Далѣе, окончаніе им. п. мн. ч. *-ы* замѣнило собой старое окончаніе *-и во всѣхъ словахъ муж. р., оставшихся въ категоріи твердыхъ основъ*: бобы, ловы, сады, возы, колы, ломы, сны, попы, воры, носы, кроты, паяцы, братцы и под. Слова типа: боги, пророки, горохи и под. измѣнили *фонетически* свои *г, к, х* еще съ XII-го вѣка, а не подъ вліяніемъ аналогіи; слова типа: ножи, мечи, шалаши, плащи и под. не принадлежатъ по своему склоненію къ твердымъ основамъ; здѣсь приходится считаться, во-первыхъ, съ *фонетическимъ* старымъ отвердѣніемъ звуковъ *ж, ш, ц*, и сохранившеюся мягкостью звуковъ *ч, щ*, а, во-вторыхъ, съ фактомъ смѣшенія основъ. (Ср. уже въ др.-рус. сторожовъ и сторожь, сторожеи). Слова такія, какъ: „сосѣди“, „черти“ перешли во множ. ч. въ категорію мягкихъ основъ, какъ и слова съ основою на ж, ч, ш, щ, ц. Послѣднія, впрочемъ, только отчасти. Ср. ряз.-скоп. „мѣсяцей“—род. мн. ч. и „мѣсяцовъ“—рус. литературное и проч. діалектическое. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ *вполнѣ послѣдовательно проведенные результаты явленій аналогіи*. Вотъ подобные конкретные наблюденія и факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что *всѣ подобные процессы въ языкѣ протекаютъ зако-*

номѣрно, и что случайность результатовъ ихъ только кажущаяся. Однако этого мало для науки: надо знать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какой психологическій законъ направляетъ тѣ или другія явленія аналогіи, и какія явленія аналогіи подчинены одному закону, а какія — другому. Вотъ этими то знаніями и не можетъ похвалиться пока лингвистика, такъ какъ психологическіе законы сами по себѣ недостаточно еще изучены и по своей природѣ очень сложны, а потому не поддаются пока точному анализу и строго-научному изученію. Фонетическія явленія, напротивъ, гораздо проще по своей природѣ, и потому фонетика и физіологія звуковъ являются самыми разработанными отдѣлами лингвистической науки. Изъ всего изложеннаго нами въ отдѣлѣ „психологіи" языка одно только *безспорно* можно вывести, что *звуковыя измѣненія* въ языкѣ, мѣняя самую оболочку (матеріальную сторону) языка съ теченіемъ времени, *являются измѣненіями такого рода, которыя происходятъ въ извѣстныхъ условіяхъ своей жизни*, а подъ этими условіями жизни звуковъ разумѣется психическая среда, сознаніе говорящихъ, въ сферѣ которыхъ и подвергаются измѣненіямъ звуки языка. Слѣдовательно, неизбѣжно вліяніе психическихъ процессовъ на самый составъ звуковъ словъ и словосочетаній, составъ, который подъ воздѣйствіемъ психики человѣка, группируетъ элементы языка въ различныя категоріи. Но можно дать примѣры и *независимыхъ звуковыхъ измѣненій* въ языкѣ, не подчиненныхъ при этихъ измѣненіяхъ какимъ-либо психическимъ законамъ, обусловившимъ собой эти, именно, измѣненія, т.-е. *измѣненій звуковъ самихъ по себѣ.*

§ 11. Процессы измѣненія звуковъ самихъ по себѣ. Отъ процессовъ аналогіи слѣдуетъ отличать другіе процессы— *измѣненія звуковъ самихъ по себѣ.* Выяснимъ сущность такихъ процессовъ: хотя каждый звукъ рѣчи получаетъ жизнь только въ психической средѣ, т. е. въ сознаніи говорящаго,

тѣмъ не менѣе всѣ жизненные процессы звуковыхъ измѣненій обусловлены тѣми грамматическими ассоціаціями, въ сферу которыхъ вступаетъ каждое слово языка со всѣми своими звуковыми частями, живущими также въ сферѣ своихъ ассоціацій. Именно, звуки измѣняются независимо отъ измѣненій звуковыхъ представленій и даже сами вліяютъ на измѣненія звуковыхъ представленій, хотя звуки слова, какъ мы видѣли, представляютъ въ сознаніи говорящаго неотдѣлимую часть звукового представленія, неотдѣлимую, именно, отъ звукового представленія. Слѣдовательно, *причину измѣненія звуковъ нельзя искать въ психическихъ процессахъ, которыми опредѣляются активныя и пассивныя состоянія звуковыхъ представленій, а надо искать эту причину въ чемъ-то другомъ.* Собственно говоря, если *не психическіе* процессы служатъ причиною измѣненія звуковъ, такъ какъ звуки сами способны измѣнять звуковыя представленія, то остается предположить, что звуковыя измѣненія вызываются *физіологическими причинами.* Но оказывается, что и это не такъ. Въ самомъ дѣлѣ, *если физіологическая причина устраняетъ сочетанія* звуковъ шумныхъ, различныхъ по степени участія голоса; такъ, напр., сочетаніе звуковъ „зп“ въ словѣ: „разпоролъ“ устраняется по физіологической причинѣ и замѣняется сочетаніемъ „сп“: „распоролъ“ и под. *То какая же причина порождаетъ такія сочетанія?* Срв., напр., сочетаніе „зт“ въ словѣ: „лѣзть“ и под. Очевидно, ужъ не физіологическая; иначе, она сама бы себя уничтожала! Въ виду явной несообразности въ допущеніи причины, устраняющей самое себя, *приходится всетаки остановиться на психологической причинѣ измѣненія звуковъ,* такъ какъ другихъ причинъ нѣтъ, но только *приходится предполагать эту психологическую причину не въ тѣхъ процессахъ ассоціаціи, которые мы разсматривали выше, а въ другихъ процессахъ.*

Звуковыя измѣненія протекаютъ совершенно закономѣрно. Напр., старые носовые гласные ǫ и ę вездѣ, во всемъ составѣ русскаго языка, во всѣхъ положеніяхъ безъ всякихъ исключеній, замѣнились чистыми звуками *у* и *а*; дифтонгиче-

ское сочетаніе $\widehat{ie}$ общеславянской эпохи дало въ русскомъ языкѣ $\widehat{ie}$, которое въ великорусскомъ нарѣчіи явилось въ видѣ *e*, въ малорусскомъ—*i*, въ бѣлорусскомъ *e*; старыя мягкія š и ž въ московскомъ говорѣ, въ литературномъ русскомъ произношеніи вездѣ отвердѣли, стали твердыми *ш* и *ж*. Въ виду такой *закономѣрности* этихъ приведенныхъ и другихъ звуковыхъ замѣнъ и измѣненій необходимо указаніе *причины: закономѣрность явленій требуетъ такого указанія.*

Разыскивая причину такихъ звуковыхъ явленій, лингвисты не совсѣмъ и не во всемъ согласны другъ съ другомъ: что эта причина должна быть *психическая*, а не *физіологическая*,—это для всѣхъ ясно въ виду вышеприведенныхъ соображеній; но какая, именно, причина и въ чемъ она заключается,—вотъ вопросъ.

Лингвистъ Пауль (*Hermann Paul*: „Prinzipien der Sprachgeschichte“ 4-ое изданіе), а вмѣстѣ съ нимъ и лингвистъ Дельбрюкъ (*Berthold Delbrück*), предполагаютъ, что *причина звуковыхъ измѣненій лежитъ въ психическихъ особенностяхъ индивидуума:* эти лингвисты и ихъ послѣдователи (а въ настоящее время таковыхъ—большинство, и это ученіе—господствующее въ современной наукѣ) представляютъ себѣ дѣло такъ: индивидуумъ обнаруживаетъ въ своемъ языкѣ тѣ или другія особенности, а окружающіе его безсознательно, какъ и онъ самъ, воспринимаютъ эти особенности, если къ воспріятію ихъ имѣется на лицо въ окружающей средѣ подготовленная къ этому психическая среда; словомъ, звуковыя измѣненія въ языкѣ идутъ отъ индивида и распространяются въ общественной группѣ, охватывая или всю ее, или ея часть, или, наконецъ, встрѣчая отпоръ въ окружающей средѣ, отпоръ, обусловленный неподготовленностью укладовъ органовъ рѣчи въ окружающей средѣ для усвоенія данной звуковой замѣны или звукового измѣненія. Гораздо, по моему мнѣнію, ближе подошелъ къ истинѣ знаменитый ученый психологъ, и вовсе не лингвистъ, *Вильгельмъ Вундтъ* (Wilhelm Wundt) со своей новой теоріей *народной*

психологіи („Völkerpsychologie") вмѣсто старой Гербартовской *индивидуальной психологіи* интеллекта. Въ самомъ дѣлѣ, если обосноваться на физіологіи звуковъ человѣческой рѣчи и вникнуть въ процессы физіологическаго характера при изученіи *звуковой физіономіи* языка, т.-е. имѣть въ виду постоянно тѣ основныя положенія, которыя мы развивали выше, въ Отдѣлѣ физіологіи звуковъ, то станетъ совершенно необходимымъ для объясненія относительнаго тождества языка въ обширныхъ общественныхъ союзахъ, въ племенахъ, въ цѣломъ народѣ,— *обращать главное свое вниманіе на процессы распространенія звуковыхъ явленій въ языкѣ, а не на процессы зарожденія ихъ*, такъ какъ въ сущности зарожденіе звукового явленія сводится къ его распространенію, потому что такое *зарожденіе должно разсматриваться* не какъ появленіе чего-то новаго, но *какъ обнаруженіе потенціально уже готоваго звука, но не оглашеннаго*, существующаго уже въ языкѣ мысли, но не въ языкѣ звуковыхъ словъ. Этотъ періодъ языка легко можно себѣ представить при тщательномъ наблюденіи за развитіемъ языка у дѣтей въ одной и той же, большой по составу, семьѣ. Съ нѣкоторыми необходимыми оговорками, но въ общихъ очертаніяхъ мы здѣсь имѣемъ тотъ же процессъ проявленія языка мысли въ звукахъ, претворенія беззвучнаго языка въ звуковой. Здѣсь, въ семьѣ, нѣтъ геніевъ языка, нѣтъ творцовъ его: дѣти одного возраста (въ особенности близнецы) начинаютъ сразу изглашать звуки языка, которые ихъ ухо слышало уже задолго до появленія, до обнаруженія *дѣтской* рѣчи. (Поэтому-то *дѣтская* рѣчь приблизительно у всѣхъ дѣтей одного возраста и одинаковаго развитія одинакова). Уклады органовъ рѣчи управляются тѣми импульсами мозговой дѣятельности, которые посылаются по нервнымъ проводамъ отъ мозга къ соотвѣтствующему данной цѣли аппарату нашего организма. Полагаю, что *представленіе о звукѣ становится уже тогда звуковымъ представленіемъ, когда оно дано и готово въ нашемъ аппаратѣ рѣчи вслѣдствіе продолжитель-*

ныхъ слуховыхъ воспріятій, но не получило еще звуковой оболочки. Слуховыя же воспріятія поступаютъ къ намъ не отъ одного индивида, а отъ различныхъ и нѣсколькихъ, и нашъ аппаратъ все время работаетъ въ согласіи съ воспринимаемыми нами слуховыми воспріятіями, идущими какъ извнѣ, такъ и отъ нашей собственной рѣчи. Какъ часто мы изъ самонаблюденія и изъ наблюденія надъ другими знаемъ, что, напр., музыкальный мотивъ „вертится на умѣ“: ты его совершенно ясно представляешь и слышишь, узнаешь по слуху, но самъ спѣть до поры до времени не можешь. Это общеизвѣстное наблюденіе. Вотъ почему мнѣ кажется, что для объясненія явленій языка, быта, нравовъ, миѳологіи и под. продуктовъ культуры *необходимо предполагать* не индивидуальную психологію, а *общественную, народную психологію, психическую среду всего даннаго народа, его народную душу.* Безъ допущенія общихъ законовъ, управляющихъ коллективнымъ, такъ сказать, психическимъ организмомъ мы не получимъ объясненія *общности языка, общности быта, общности вѣрованій, общности основъ народнаго міросозерцанія.* Насколько я знаю, приблизительно такой точки зрѣнія и держится *Вундтъ*. Въ настоящее время въ Германіи выходитъ новый журналъ: „Wörter und Sachen“, въ которомъ помѣщена редакціонная статья, принадлежащая перу лингвиста *Мерингера*, который знакомитъ публику съ цѣлями и мотивами появленія этого новаго журнала. Въ этой статьѣ, сколько помню, Мерингеръ свидѣтельствуетъ, что справедливая исходная точка Вундта получаетъ все бо́льшее и бо́льшее распространеніе въ западно-европейской наукѣ (W ö r t e r u n d S a c h e n. B. III. Heft. I. Heidelberg 1911. *Rudolf Meringer.* Zur Aufgabe und zum Namen unserer Zeitschrift. S. 26 ff.). Такъ какъ всѣ измѣненія въ языкѣ совершаются помимо нашей воли и сознанія, т.-е. *всѣ измѣненія въ языкѣ безсознательны*, то ясно, что и для измѣненія звуковъ *самихъ по себѣ* подготовлены въ общественной средѣ тѣ укла-

ды органовъ рѣчи, которые принимаютъ опредѣленный, необходимый видъ помимо нашего сознанія.

§ 12. Психическіе факторы звуковыхъ измѣненій. Въ заключеніе я представлю перечень извѣстныхъ намъ психическихъ факторовъ звуковыхъ измѣненій въ рѣчи, затѣмъ дамъ образцы *обычныхъ* въ языкѣ видовъ звуковыхъ измѣненій и скажу о законѣ подраженія.

Психическіе факторы измѣненій:

1) Экономія силъ.

2) Антиципація мускульныхъ ощущеній:

а) измѣненіе общесл. k, g, ch въ č́, ǵ́, š́ перед. гласн. передняго ряда и j.

б) палатализація согласныхъ въ рус. яз. передъ гласными передняго ряда и j: срв. лат. mare и рус. море...

в) Великорус. *к'* послѣ į и палатальныхъ согласныхъ: ч'аįк'у, н'ан'к'а...

г) Случаи, какъ: lice, polьsa, vьsь и под. еще въ общеслав. языкѣ.

3) Явленія аналогіи:

Образованія, какъ: п'ос, п'ос, сем'јою, скам'јою и под.

4) Вліяніе одного языка на другой. При такомъ вліяніи отдѣльные индивидуумы становятся *двуязычными*, по крайней мѣрѣ, въ первое время.

а) *Галлицизмы* въ рус. яз.: носовые гласные во франц. словахъ: шąсы, финąсы... (см. выше).

б) Прибалтійскіе нѣмцы произносятъ латышское ł послѣ *а, о, и* передъ зубными:

Напр., bałd, wałd, gołd, kałt, hułden и проч. под.

в) Олончане подъ вліяніемъ карелъ произносятъ русское этимологическое предударное *о*, какъ *а°*, съ переносомъ на него ударенія: „та́°пор".

г) Въ Чукотскомъ краю русскіе говорятъ вм. *р* и *л*—*ј*: „сладкоязычіе": (јад, јадно, јук...).

д) Угроруссы подъ вліяніемъ словаковъ произносятъ l вм. ł.

е) Существуетъ предположеніе, что русское экспираторное удареніе образовалось изъ музыкально-экспираторнаго подъ вліяніемъ инородцевъ.

(Для этого даетъ много интересныхъ данныхъ изученіе зырянскаго говора въ Олонецкомъ и Вологодскомъ краю).

Теперь перечислю обычные виды звуковыхъ измѣненій:

1) Измѣненіе звуковъ самихъ по себѣ:

а) Утрата носовыхъ гласныхъ.

б) Утрата мягкихъ шипящихъ (*ж* и *ш*) въ влкр. говорахъ.

в) d'ź и t'ś изъ d' и t' въ бѣлорус. языкѣ.

г) Измѣненіе *i͡e* въ *i* въ украинско-млр. говорахъ.

2) Измѣненіе звуковъ въ зависимости отъ положенія въ словѣ:

а) въ концѣ слова:

переходъ звонкихъ въ глухіе: сат, плот, бут', боп, лоф, творок, нош, вос, кос...

отвердѣніе смягченныхъ губныхъ: бѣлор.-малорус.: сып, γолуп, кроў, сем, остаў и под.

Переходъ *е* въ *а* послѣ долгой смягченной согласной: въ млр.: жит'т'а, весіл'л'а...

б) въ началѣ слова:

въ влкр.: ija вм. ja: čijà, pijàŕka...

3) Измѣненія звуковъ въ зависимости отъ положенія относительно ударенія.

Переходъ *о* въ *а* въ предударномъ слогѣ и въ звукъ неполнаго образованія (редуцированный)—*α* въ прочихъ слогахъ.

Въ юврх. и блр.: вадà, хадѝ, пαγадѝ...

Переходъ *е* въ *ы* въ неударенныхъ слогахъ.

Въ млр.: зылэнò...

Переходъ *і* и *у* въ *і*ᵉ и *у*ᵒ подъ удареніемъ.

Въ угрорус.: піᵉво, буᵒдэт'...

4) Измѣненія звуковъ въ зависимости отъ сосѣднихъ звуковъ.

Здѣсь надо различать:

а) измѣненіе звука вслѣдствіе постепеннаго приспособленія къ сосѣднимъ,—это явленія *ассимиляціи*.

б) измѣненіе звука безъ приспособленія, наоборотъ,—устраненіе уподобленія; это—явленія *диссимиляціи*.

Оба эти измѣненія собственно *замѣны одного звука другимъ*.

Такимъ образомъ, надо отличать:

I. Измѣненія звуковъ—подъ цыфрами: 1, 2, 3.

II. Замѣны звуковъ—ассимиляція и диссимиляція.

Обычные виды ассимиляціи слѣдующіе:

Гласные звуки:

а) Гласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* гласнаго, которому и уподобляется:

ювр.: бисико́м, висилё́к...

млр.: баγа́то...

б) Гласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* гласнаго, которому и уподобляется:

ювр.: дурука́, мужуки́, гусука́...

в) Гласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* согласнаго и становится напряженнымъ, если этотъ согласный смягченный: моск.: êt'i, v'êr'it' (срв. eta, v'era... выше).

г) Гласный находится подъ вліяніемъ *предшестующаго* согласнаго: изъ старыхъ *а̊*, *о̊*, *ů* въ положеніи послѣ смягченныхъ получились *а*, *о*, *и*: vz'at, čot, čudo... Это—явленіе еще общерусской эпохи.

д) Гласный находится подъ *одновременнымъ* совмѣстнымъ вліяніемъ *сосѣднихъ боковыхъ* согласныхъ: свлр.: *ê* изъ *а* между смягченными согласными: z'êt', vz'êt', p'êt', op'êt'...

Согласные звуки:

а) Согласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* гласнаго палатализованнаго и лабіализованнаго: t'ерło, t'iχo, tut, tot...

б) Согласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* гласнаго: млр.: *l* вм. *l'* послѣ *е, у, і* (см. выше): tylko, bilš, selskij...

в) Согласный находится подъ вліяніемъ *слѣдующаго* согласнаго: переходъ *k* и *g* передъ *t* и *d* въ χ и γ: χto, koγda...

г) Согласный находится подъ вліяніемъ *предшествующаго* согласнаго: влкр. k и g и χ послѣ смягченныхъ согласныхъ и į перешли въ k', g', χ', чайкю, ванькя, ольгя, верьхём и проч. Срв. также въ иностранныхъ словахъ проведена эта русская ассимиляція: „шашà" =„шоссе". Срв. шаштòй=шестой...

Обычные виды диссимиляціи слѣдующіе:

а) Два губныхъ замѣняются зубнымъ и губнымъ: анбáр, ла́нпа, Танбóф, ту́нба, тáнба...

б) Два плавныхъ *р* въ сосѣднихъ слогахъ или черезъ слогъ другъ отъ друга замѣняются звуками: р + л или л + р: феврал*ь*, сек*л*етарь, ди*л*ехтор, про*л*упь...

Сюда относятся явленія *гаплологіи* (два одинаковыхъ слога сливаются, упрощаются въ одинъ); напр., „знаменосецъ" вм. „знамено-носецъ", „близорукій" вм. „близо-зорокій"... и *метатезиса* (перестановки): Фрол вм. Флор, крылос вм. клирос, канцерялія вм. канцелярія...

Если мы теперь подведемъ итогъ всѣмъ этимъ перечисленнымъ случаямъ обычныхъ видовъ измѣненій звуковъ, ассимиляціи и диссимиляціи, то, обобщая эти виды, мы получимъ заключеніе, что процессъ представляется намъ вообще двоякимъ:

Или: а) звукъ измѣнялся: сами по себѣ звуки измѣняются *постепенно*; происходитъ *постепенное* приспо-

собленіе звука къ сосѣднимъ. Эти два характерные признака отличаютъ собой *измѣненіе* звуковъ.

Или: б) звукъ замѣнялся: замѣна звука въ отличіе отъ измѣненія его происходитъ *не постепенно, а сразу.* Сюда принадлежатъ явленія *ассимиляціи, диссимиляціи, гаплологіи* и *перестановки.* Всѣ остальные виды изъ перечисленныхъ выше относятся къ измѣненіямъ звуковъ.

§ 13. Звуковой законъ. Закономѣрность звуковыхъ явленій. Всѣ разсмотрѣнныя выше звуковыя явленія, какими бы они факторами ни вызывались, протекаютъ закономѣрно. Что это значитъ? Это значитъ то, что *одинаковое измѣненіе звуковъ или одинаковая замѣна ихъ должны наступить непремѣнно во всѣхъ случаяхъ при дѣйствіи тѣхъ же условій.* Или иначе: *если при данныхъ условіяхъ происходитъ данное измѣненіе звука или данная его замѣна, то то же измѣненіе или та же замѣна произойдетъ во всякомъ другомъ случаѣ, если повторятся тѣ же условія*; и это измѣненіе звука или его замѣна произойдетъ вездѣ *безъ всякаго исключенія. Въ этомъ заключается сущность звукового закона. Это его опредѣленіе.* Въ этомъ же и его отличіе отъ всякаго физическаго закона природы: *тамъ сила и обязательность закона остается вездѣ при всякихъ условіяхъ,* напр., законъ тяготѣнія, сохраненія матеріи и проч. имѣетъ одинаковую силу во всѣхъ поясахъ земного шара, во всемъ мірѣ; *здѣсь сила и обязательность звукового закона обусловлена наличностью тѣхъ условій, въ которыхъ проявился законъ.* Такъ, напр., *х* вм. *к* мы найдемъ только передъ *т,* но должны найти его *вездѣ передъ т:* хто, дохтуръ, дилехторъ, на трахту, лахтѣй, нахтѣй и проч. (Произношеніе: „локти“, „нокти“ — искусственное, хотя и литературное). Отвердѣніе *р* въ бѣлор. яз. мы найдемъ вездѣ безъ всякихъ исключеній: рэка, трапка, тры, румка... Такъ же: переходъ *о* въ *а* въ слогѣ передъ ударе-

ніемъ обязателенъ въ юврр. и блр. Такъ же: переходъ *о* въ *і* (черезъ посредство *ио—иӧ—ие—иі*) въ млр. языкѣ обязателенъ при условіи исконнаго, не вторичнаго *о*; переходъ ǫ въ *и* составляетъ характерную черту фонетики всего состава русскаго языка въ общерусскую эпоху; русское полногласіе, состоящее въ замѣнѣ сочетаній: tort, tert, tołt, tełt сочетаніями: torot, teret, tołot, telet, такъ же есть явленіе общерусской эпохи и всего состава русскаго языка. Вотъ эти всѣ звуковыя измѣненія совершенно закономѣрны такъ же, какъ и перечисленныя выше. *Закономѣрность звукового явленія опредѣляется самою сущностью этого явленія*, зависитъ отъ вызвавшей его причины, которая дѣйствуетъ *принудительно*. Причина эта зарождается въ психической жизни или отдѣльнаго индивидуума, какъ исповѣдуетъ господствующее ученіе, или въ народной психикѣ, сложившейся изъ однородныхъ составныхъ элементовъ. Звуковое явленіе по происхожденію своему поэтому принадлежитъ или индивидуальному языку, и въ такомъ случаѣ оно предполагаетъ непремѣнно *подражаніе* у другихъ индивидуумовъ, посредствомъ котораго оно и распространяется, или только распространяется, реализуется въ звукахъ языка отдѣльнымъ лицомъ, отдѣльными лицами (такъ какъ человѣкъ самъ съ собой не говоритъ: при посредствѣ языка онъ духовно *общается* съ другими), а зарождается въ условіяхъ общественной психики. Собственно говоря, совершенно безразлично для научной теоріи, отдѣльный ли индивидуумъ вводитъ въ жизнь языка извѣстное звуковое измѣненіе, или его вводитъ общественное сношеніе путемъ языка: языкъ, вѣдь, часть психо-физической природы человѣка; это не есть изобрѣтеніе, а потому нельзя сказать о зарожденіи звукового явленія въ отдѣльномъ индивидуумѣ, какъ напр., объ открытіи или изобрѣтеніи парового двигателя Фультономъ или Стефенсономъ. Проявленіе природы человѣка совершается при посредствѣ различныхъ органовъ, дѣятельность которыхъ управляется физіологическими и психическими законами, а потому языкъ, какъ

органъ проявленія сложной природы человѣка, не изобрѣтается отдѣльнымъ лицомъ, а проявляетъ себя въ функціяхъ, которыя, въ силу сложности человѣческой психики, модифицируются даже при первомъ обнаруженіи звуковыхъ явленій, проявленіе которыхъ въ языкѣ звуковъ нельзя себѣ представить *въ совершенно однообразномъ, тождественномъ* для всѣхъ единицъ общественной группы видѣ. Такого періода, какъ бы онъ коротокъ ни былъ, нельзя себѣ представить въ исторіи языка, въ силу выше разобранныхъ и указанныхъ причинъ, лежащихъ въ человѣческой психикѣ и его культурныхъ пріобрѣтеніяхъ, къ каковымъ и относится языкъ, становясь звуковымъ языкомъ и органомъ духовнаго общенія. Тѣмъ не менѣе, гдѣ бы ни *зарождалось* звуковое явленіе: въ отдѣльномъ ли индивидуальномъ языкѣ, т.-е. въ психической жизни отдѣльнаго индивидуума, или, какъ я думаю, въ психической жизни опредѣленной общественной группы, объединенной однимъ языкомъ, все равно *звуковое явленіе должно протекать совершенно закономѣрно*, и эта закономѣрность звуковыхъ явленій гораздо правдоподобнѣе объясняется изъ условій общественной психики, отражающейся въ дѣятельности единицъ, составляющихъ общественную группу, единицъ, у которыхъ уже подготовлены взаимнымъ общеніемъ и развившейся слуховой и физіологической привычкой опредѣленные уклады органовъ рѣчи. *Вотъ въ силу сказаннаго звуковой законъ и не можетъ допустить никакихъ исключеній.*

§ 14. Законъ подражанія. Распространеніе звукового явленія изъ индивидуальнаго языка въ языкъ группы происходитъ путемъ подражанія, какъ учитъ современная теорія послѣднихъ годовъ, если не ошибаюсь, съ легкой руки Тарда. Думаю однако, что, такъ какъ звуковое явленіе индивидуальнаго языка довольно часто не воспринимается окружающей средой, даже въ составѣ одной семьи (см. мою статью: „Ученіе Вундта и Пауля о предложеніи". Изв. Отдѣленія рус. яз. и

слов. Академіи Наукъ 1910 г. Томъ XV, 4), то предполагать, именно, *подражаніе* и возводить его въ законъ, а равно выводить звуковыя явленія всего языка изъ языка одного индивидуума, значитъ придавать слишкомъ много значенія одной личности тамъ, гдѣ одна личность какъ разъ оказываетъ мало вліянія, т.-е. въ явленіяхъ соціальнаго характера и общественной духовной культуры. Въ самомъ дѣлѣ, при подражаніи составъ общественной группы низводится до степени низшаго духовнаго развитія, а отдѣльное лицо этой группы искусственно поднимается до уровня оригинальнаго творца. Полагаю, что эта теорія подражанія въ языкѣ держится въ наукѣ, благодаря отсутствію болѣе состоятельной теоріи и перенесена сюда изъ области другихъ наукъ совершенно напрасно: эта теорія распространенія звуковыхъ явленій путемъ подражанія индивидууму ничего въ сущности не объясняетъ и опровергается наблюденіями: *подражанія въ языкѣ настолько прозрачны и сравнительно рѣдки, что ихъ можно всегда указать вмѣстѣ съ источникомъ ихъ.* А для всей звуковой системы языка со всѣми явленіями жизни звуковъ еще никѣмъ и нигдѣ не указанъ источникъ ихъ зарожденія, причемъ предполагается, что таковымъ источникомъ долженъ быть, конечно, человѣкъ, такъ какъ только человѣческій языкъ звуковъ составляетъ предметъ лингвистики.

Да и сами сторонники теоріи подражанія допускаютъ при распространеніи звуковыхъ явленій въ языкѣ три возможныхъ случая:

1) Новое звуковое явленіе находитъ готовую почву въ укладѣ языка *всѣхъ* индивидуумовъ.
2) Оно находитъ готовую почву въ укладѣ языка *только нѣкоторыхъ* индивидуумовъ. (Такъ называемыя „спорадическія" явленія въ языкѣ). Сюда относятся, напр., случаи *увулярнаго р* или *л* = *ў*: *ўо́шат'*, *ма́сўа*... Или отвердѣніе *р* въ великорус. говорахъ въ такихъ словахъ, какъ: пе*р*вый, зе*р*кало и проч.

и 3) Новое звуковое явленіе встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ со стороны общественной среды.

(См., напр., у акад. *Шахматова* въ его курсѣ по русскому языку 1910—1911 г., также *H. Paul*: „Prinzipien"[4]... и др.). Если мы вникнемъ въ эти три случая, то окажется: 1) что два изъ нихъ отчетливо указываютъ намъ на *господствующее, направляющее значеніе среды въ дѣлѣ распространенія звуковыхъ явленій языка, а вовсе не на значеніе отдѣльнаго индивидуума*; 2) „Спорадическія" явленія не входятъ въ сферу дѣйствія *закона* и вовсе не служатъ доказательствомъ того, что законъ, если онъ *дѣйствительно* законъ и найденъ вѣрно, *обязателенъ* для всѣхъ *однородныхъ* явленій въ *одинаковыхъ условіяхъ* и дѣйствуетъ *принудительно*. Слѣдовательно, второй случай уже никакъ не оправдываетъ *теоріи подражанія*. 3) Третій, приведенный сторонниками теоріи подражанія, случай изъ возможныхъ при распространеніи въ языкѣ звуковыхъ явленій *совершенно исключаетъ всякое подражаніе*. Стало быть, остается только *первый* изъ трехъ возможныхъ случаевъ, который болѣе или менѣе точно указываетъ причину, но этотъ случай какъ разъ указываетъ совершенно вѣрно *соціальную причину*, а вовсе не индивидуальную, именно, *готовую почву въ укладѣ языка всѣхъ индивидуумовъ*. При такомъ условіи совершенно безразлично, кто *первый* скажетъ слово, когда это слово уже у всѣхъ „на языкѣ", да и будетъ ли это *дѣйствительно первымъ*, такъ какъ языкъ съ каждымъ его словомъ существуетъ не въ одномъ индивидуумѣ, а въ общественной группѣ, и служитъ ея *общимъ* органомъ духовнаго общенія. (Мы, конечно, не беремъ здѣсь въ разсчетъ искусственные языки, а, стало быть, и *литературные*, которые переживаютъ *болѣе сложные процессы*, чѣмъ естественные языки, *которые не распадаются на нарѣчія и подвергаются вліянію отдѣльныхъ писателей черезъ книгу или непосредственно въ узкомъ кругу литераторовъ).*

Эта „готовая почва въ укладѣ языка всѣхъ индивидуумовъ", составляющихъ опредѣленную общественную группу, соединенную духовно въ одномъ общемъ ея языкѣ, *и есть, другими словами, та общественная среда, въ которой зарождается всякое новое звуковое явленіе даннаго языка. Слѣдовательно, звуковое явленіе по происхожденію своему принадлежитъ языку общества, общественной группы, а не индивидуальному языку. Звуковое явленіе индивидуальнаго языка не распространяется* въ естественномъ языкѣ, *не становится общимъ явленіемъ всего языка, не объединяетъ въ языкѣ всего общества, а въ лучшемъ случаѣ вырождается въ „спорадическія" явленія въ области звуковъ даннаго языка; если же звуковое явленіе стало звуковой особенностью всего языка, всего нарѣчія, всего говора, то оно зародилось въ психикѣ общественной группы, въ языкѣ однообразной среды, а не въ индивидуальномъ языкѣ отдѣльной личности.* Вотъ, именно, въ томъ обстоятельствѣ, что всякое звуковое явленіе языка есть явленіе, общее всему этому языку, нерѣдко отличающее данный языкъ отъ языка другой общественной группы, жившей подъ другими условіями, и есть оправданіе теоріи Völkerpsychologie, доказательство реальнаго бытія, реальнаго существованія „народной души". Гербартовскій „интеллектуалистическій индивидуализмъ" долженъ, наконецъ, расширить свой кругозоръ и тѣмъ уступить мѣсто другой теоріи, защищающей то положеніе, что, именно по законамъ общественной психологіи, отдѣльный человѣкъ не выступаетъ впередъ, пока само общество его не сдѣлаетъ выразителемъ (въ особенности въ совмѣстномъ *разговорѣ, въ языкѣ* — „Verkehrsprache") своихъ словъ — своихъ понятій.

„Народная психологія" включаетъ въ себѣ „психологію" составляющихъ народъ единицъ, и, поскольку она характери-

зуется *общими проявленіями, тождественными обнаруженіями* (обычаи, вѣрованія, языкъ...) у всѣхъ индивидуумовъ одной среды, постольку она есть *народная* психологія, отражающая *народную душу.* Это обстоятельство нисколько не исключаетъ индивидуальныхъ чертъ и особенностей, но *онѣ не входятъ въ составъ языка всей среды.* Совсѣмъ другое мы имѣемъ въ литературномъ („письменномъ" — Schriftsprache) языкѣ: судьба такихъ словъ индивидуальнаго языка, какъ: „трогательный", „предметъ" и мн. др. говоритъ сама за себя. *Замѣтимъ однако, что большинства такихъ словъ народъ или вовсе не знаетъ, или принимаетъ ихъ, уже сдѣлавшись народомъ культурнымъ—литературнымъ.*

§ 15. Принудительность звуковыхъ законовъ въ языкѣ. Пока звуковой законъ не распространился еще во всей средѣ, онъ имѣетъ принудительную силу, природа которой состоитъ въ томъ, что разъ только звуковой законъ сталъ дѣйствительно закономъ, т.-е. данное звуковое явленіе выродилось изъ приготовленнаго у всѣхъ индивидуумовъ уклада языка, что этотъ звуковой законъ по самой сущности своей служитъ выраженіемъ внутреннихъ силъ языка всей среды, и потому сила этого закона, по самому существу дѣла, является принудительной, обязательной для всѣхъ и каждаго, безъ всякаго исключенія. Но *принудительность звуковыхъ законовъ прекращается одновременно съ моментомъ ихъ распространенія въ средѣ, съ моментомъ ихъ усвоенія говорящими.* Послѣдовательность звуковыхъ процессовъ въ языкѣ надо себѣ представлять такъ: положимъ, данный звуковой законъ распространился среди говорящихъ, усвоенъ ими въ ихъ артикуляціяхъ органовъ рѣчи, и потерялъ свою силу: онъ прекратилъ свое существованіе. Проходитъ время, языкъ укрѣпляется въ этомъ своемъ звуковомъ состояніи, но вотъ наступаютъ новыя условія! (молодое поколѣніе подрастаетъ, артикулируетъ звуки нѣсколько иначе, могутъ наступить переселенія, новыя сношенія, участиться

браки разнаго состава и проч. и проч.). Эти новыя условія измѣняютъ или совершенно, или только отчасти, данныя, уже укрѣпившіяся звуковыя отношенія въ языкѣ. Образовался звуковой строй языка. Новыя условія находятъ себѣ естественный отпоръ въ создавшемся звуковомъ строѣ языка, но прежняя стройность всетаки уже нарушена, хотя и частично, благодаря этимъ новымъ условіямъ: кое въ чемъ языкъ частично терпитъ измѣненія. Проходитъ еще время, и на мѣсто прекратившаго свое дѣйствіе закона, уже забытаго, наступаетъ *новый законъ* со всѣми его свойствами. Рядомъ съ этимъ процессомъ идетъ и вступаетъ въ свои права другой—психическій: *сила аналогіи* дѣйствуетъ или пособляющимъ, или препятствующимъ образомъ. Встрѣчаются двѣ силы въ языкѣ—борьба принудительнаго звукового закона съ закономъ аналогіи; въ результатѣ борьбы часть звуковыхъ явленій не успѣваетъ подчиниться закону звуковъ и отдается въ распоряженіе аналогіи. Вотъ откуда — случаи противорѣчія, конечно, кажущагося, звуковымъ законамъ. Припомнимъ примѣры: „з'емл'ою“, „от душы̀“ и проч. Особенно замѣтно измѣнили старыя звуковыя отношенія въ русскомъ языкѣ тѣ явленія, которыя стали наблюдаться въ концѣ словъ, такъ называемый *звуковой законъ конца словъ*. Такъ, напр., *исчезновеніе* ъ и ь внесло совершенно новыя отношенія въ создавшіяся грамматическія категоріи: произошло измѣненіе въ отношеніяхъ въ склоненіи основъ на -о муж. р., на -ъ и -ь муж. р. и основъ жен. р. на -ь. Конечные звонкіе измѣнились въ глухіе; удареніе во многихъ случаяхъ должно было переноситься (гдѣ оно приходилось на исчезнувшемъ конечномъ ъ и ь: бѡдръ=лит. budrús...). Чередованіе мѣста ударенія въ формахъ склоненія тоже измѣнилось: по́п—попа́—попу́... но: са́д—са́да—са́ду... Это фонетическое явленіе—исчезновеніе конечныхъ ъ и ь повлекло за собой новшества въ языкѣ: конечные губные передъ отпавшимъ ь „оголились“, а вслѣдствіе этого губные эти должны были потерять свое смягченное произношеніе. Такъ и случилось: сыно*м* (сꙑнъмь),

том (томь), *дам* (дамь). Но не вездѣ: языкъ отстоялъ старину, въ силу указанныхъ выше причинъ—отпора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ: мы ожидали бы: голуб, озим, сем, восем и проч., но въ литературномъ рус. языкѣ мягкость этихъ губныхъ сохранилась, а въ говорахъ (блр., отчасти малорусскомъ) и въ этихъ случаяхъ мягкость губныхъ потеряна. Въ литературномъ и другихъ влкр. нарѣчіяхъ русскаго языка мягкость этихъ и подобныхъ губныхъ удалось отстоять, благодаря *вмѣшательству аналогіи*: формы другихъ падежей: голуб'а, озим'и, сем'и, восьм'и и проч. повліяли *задерживающимъ* образомъ на формы имен. падежа, и потому *при поддержкѣ* другихъ падежныхъ формъ остались и въ им. падежахъ смягченные губные: гȯлуп', с'ѐм', вȯс'ем', ȯз'им' и проч. (Моск. говоръ, рус. литер. языкъ, ювр. и свр. говоры).

Выше мы видѣли *происхожденіе консервативнаго начала въ языкѣ*: грамматическія категоріи крѣпко держатъ въ своей власти устоявшіяся звуковыя отношенія въ языкѣ, и языкъ тщательно оберегаетъ звуковую форму грамматическихъ окончаній, служебныхъ словъ и частей словъ. Особенно это „обереганіе" сказалось на предлогахъ и приставкахъ; такъ, по самымъ древнимъ памятникамъ письменности мы видимъ, что *въ великорусскихъ говорахъ*, какъ послѣдніе свидѣтельствуютъ намъ и понынѣ, *издавна конечные согласные въ предлогахъ не подлежатъ смягченію:* подъѣхать, объявить, обвести, отвѣтъ и под. Если мы всмотримся въ написанія древнихъ грамотъ и другихъ памятниковъ, то *мы уже въ очень древнее время замѣтимъ*, что эти написанія могутъ быть осмыслены только при допущеніи въ нихъ изображенія того, *что гласные передняго ряда перешли въ гласные средняго ряда въ положеніи ихъ послѣ твердыхъ конечныхъ согласныхъ въ предлогахъ*: из*и*збы, с*и*ваномъ и проч.; здѣсь мы не имѣемъ *з'* и *с'*, а это свидѣтельствуетъ, что слѣдующіе за *з* и *с* гласные *и* перешли въ *ы*: из*ы*збы, с*ы*ваномъ и проч.; или: кыгумену, кызбѣ, но ко времени распространенія общаго закона о переходѣ *кы* въ *ки*

въ этихъ сочетаніяхъ съ предлогомъ *к* слогъ *кы* измѣнился тоже въ *ки* со звукомъ *к средненебнымъ не смягченнымъ.*

Еще одно замѣчаніе о звуковыхъ законахъ въ языкѣ. Мы не можемъ наблюдать дѣйствія звуковыхъ законовъ въ живыхъ языкахъ: въ каждомъ языкѣ мы имѣемъ дѣло только съ результатами того дѣйствія законовъ языка, которое имѣло мѣсто въ прошедшемъ времени; и это касается не однихъ *звуковыхъ* законовъ, *но и всѣхъ другихъ законовъ языка,* такъ какъ всѣ они оставили результаты своихъ прошлыхъ дѣйствій, и по этимъ результатамъ мы возстановляемъ и формулируемъ сущность дѣйствовавшихъ законовъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ активное дѣйствіе звуковыхъ законовъ проявляется только въ теченіе момента, необходимаго для возникновенія и распространенія этихъ законовъ: какъ только законъ проявился и распространился, онъ прекращаетъ свое существованіе въ языкѣ, такъ какъ онъ сдѣлалъ свое дѣло. Поэтому нельзя думать, что если мы при заимствованіи новыхъ иностранныхъ словъ произносимъ ихъ согласно съ звуковыми законами нашего языка и теперь, то это означаетъ, что эти звуковые законы дѣйствуютъ въ языкѣ и нынѣ, и что, значитъ, мы *наблюдаемъ* дѣйствіе звуковыхъ законовъ въ языкѣ. Напр., если мы произносимъ въ такихъ словахъ *глухіе* согласные на концѣ вмѣсто звонкихъ: „кортѐш“ (cortège), „коллѐш“ (collège), „гайт-парк“ (hid-park), то это мы дѣлаемъ *по привычкѣ* произносить въ концѣ словъ въ литературномъ (великорусскомъ) языкѣ глухіе, а не звонкіе согласные. Эта усвоенная говорящими привычка не есть обнаруженіе дѣйствія закона, имѣющаго еще свою силу, а просто проявленіе унаслѣдованныхъ и усвоенныхъ укладовъ языка, ставшихъ „привычными“ укладами. По этимъ „привычнымъ“ укладамъ языка мы узнаемъ его національность, его природу, такъ какъ по пословицѣ — „привычка — вторая натура“.

Глава VI-ая.

Гласные звуки общеславянской эпохи, перешедшіе въ русскій языкъ безъ измѣненія.

§ 16. Теперь посмотримъ, что получилъ р. языкъ въ наслѣдіе отъ общеславянской эпохи въ неизмѣненномъ видѣ.

Выше мы сказали, что по принципу сравненія родственныхъ языковъ между собою въ ихъ соотвѣтственныхъ формахъ и звукахъ мы неизбѣжно восходимъ къ предшествующей эпохѣ языка-отца сравниваемыхъ языковъ или, иначе говоря, сравнительное изученіе родственныхъ языковъ неизбѣжно приводитъ насъ къ возстановленію общаго имъ предка, отъ котораго, какъ отъ отца, пошли сравниваемые нами языки. Такъ, наблюдая, съ одной стороны, соотвѣтствіе во всѣхъ слав. языкахъ звука *а* греческому *ā*, а, съ другой стороны, въ тѣхъ же слав. языкахъ звука *о* греческому и латинскому *ă*, какъ ударяемому, такъ и неударяемому, мы заключаемъ, что общерусскій языкъ унаслѣдовалъ отъ общеславянскаго: 1) звуки *а* и *о широкія*, унаслѣдованныя отъ общеславянской эпохи въ соотвѣтствіи родственнымъ звукамъ *а* и *о краткимъ* и *долгимъ* родственныхъ языковъ. Напр., общесл. dāti, стрсл. дати, рус. дати, греч. *δίδω-σι*, лат. dōnum; общесл. māti, стрсл. мати, рус. мати, греч. дорич. *μάτηρ*, лат. māter; или: стрсл. стати и стоѭ, лат. stāre, но: греч. *στατός*, лат. stātus. Или: стрсл. ось, греч. *ἄξων*, лат. axis; стрсл. конь, греч. *ἄνεμος*, лат. animus; стрсл. око, греч. *ὄσσε*, лат. oculus и под. Изъ другихъ соотвѣтствій мы видимъ, что и въ *заимствованныхъ* словахъ изъ греч. и лат. могли на славянской почвѣ получаться звуки *а* и *о* въ соотвѣтствіи съ греч. и лат. *а*, напр., стрсл. сотона, греч *σατανᾶς*; стрсл., серб., чш., польск., луж. и русскій ꙁаконъ, греч. *ζάκανον*; общесл. словѣне, греч. *σθλαβηνοί*; стрсл., болг., серб., чш., польск., рус. оцьтъ, лат. *a*cetum; по-

рода, греч. παράδεισος; лазорь, греч. λάζαρος и под. 2) Звуки *u*, *i краткіе* и *долгіе* (звуки *доисторической* эпохи русскаго языка мы всегда будемъ обозначать *латинскими* буквами), *слоговые* и *неслоговые* (слоговые *u* мы будемъ обозначать u̥, какъ и всякій *слоговой* звукъ; а *неслоговой u* такъ: u̯, какъ и всякій *неслоговой* звукъ. При этомъ замѣтимъ, что *неслоговое* u̯ произносится ближе всего къ англійскому звуку *w*—*билабіальный* звукъ, произносимый двумя губами, не касающимися ни зубовъ, ни другъ друга. Напр., англ. water=вода, well=хорошо и проч. *Неслоговое* i̯=нашему *й* или латинскому *j* (іотъ) передъ гласными. Звуки *ū* и *ī* общеславянской эпохи произошли изъ общеиндоевропейскихъ *дифтонговъ* (двухгласныхъ) *eu̯* и *ei̯* съ слоговыми гласными разнаго качества (*aeu̯*, *aei̯*, *aou̯*, *aoi̯*...). Напр., старосл. оутро, болг. утро, серб. ютро, польск. jutro, луж. jutro, рус. утро (во всѣхъ слав. языкахъ мы видимъ въ началѣ этого слова *u*, слѣдовательно, это *u общеславянское*), но въ литов. яз.—*aušra* [1]), лат. *aurora* изъ *ausora* по закону лат. яз., гдѣ *r* между двумя гласными произошелъ изъ болѣе ранняго *s*, въ древне-инд. мы имѣемъ корень этого слова *us*-. Слѣдовательно, общеиндоевропейское *u* дало здѣсь и общеславянское *u* при родственныхъ дифтонгахъ—*au*. Такое *u* мы видимъ въ общеславянскомъ оухо (*uχo*; слав. звука х нѣтъ въ латинскомъ, поэтому мы пишемъ на его мѣстѣ *греческое* χ, т. к. въ греч. яз. это *x* есть) при литовскомъ *ausis*, лат. *auris* (изъ *ausis*), др. инд. *ušas*. (š=ш, такъ пишется въ чешск. языкѣ ш.). То-же въ словѣ оу-ти (об-у-ть) при лит. *auti*. Индоевр. корень *u*. Звукъ *i* мы имѣемъ въ общеславянскомъ *i* : *i-ti* (ити, нынѣ неправильно мы пишемъ *идти*, но *на+й+ти*, *во+й+ти* и проч.), серб. *ити*, чешск. *jíti*, польск. *iść*, рус. *ити*, но литов. *eiti*, лат. *i-re*, греч. *ἰ-έναι*, др. инд. *i*—mas. Или: старосл. сынове (сыновья) изъ

---

[1]) См. Vondrák. Vergl. Slav. Grammatik. Göttingen. 1906. I. B. p. 433.

*s$\bar{u}$neų̯es; основа сынoу.—Старосл. пѧтиіє изъ *pontejes. (Значкомъ *обозначается предполагаемая, но не доказанная форма). Звуки ū и ī не дифтонгическаго происхожденія дали въ общесл., а потомъ и въ общерус. языкѣ *ы* и *і*. Напр., сынъ, лит. sūnūs; живъ, лит. gīvas и под.

3) Звуки *е краткое* и *долгое* и *ӓ*. Долгое *ē* (ѣ) изъ основного *ē* или изъ дифтонговъ oį и aį. Это долгое *ē* еще въ общеславянскомъ языкѣ распалось на дифтонгическое сочетаніе *i͡e* (изъ *e͡e*; „дифтонгическое сочетаніе“ отличается отъ собственныхъ дифтонговъ тѣмъ, что послѣдніе состоятъ изъ гласныхъ въ сочетаніи только съ *и* или съ *і*; а „дифтонгическія сочетанія“—это сочетанія двухъ какихъ угодно гласныхъ, составляющихъ *одинъ* слогъ). Распаденіе общесл. *ē* на *i͡e* (Знакъ ͡ означаетъ, что сочетаніе составляетъ *одинъ слогъ*.) произошло еще въ общеславянскую эпоху въ позднѣйшій ея періодъ. Звукъ *ӓ* былъ извѣстенъ вм. *е* въ положеніи только *послѣ смягченныхъ согласныхъ* передъ слогомъ со слѣдующимъ *і* или *е*: это явленіе, хоть и общеславянскаго періода, но *діалектическое*, принадлежавшее *не всему* общеславянскому языку, но его *діалектамъ*. Напр., старосл. ѣ-мь (или ꙗ-мь изъ *ѣд-мь, *ꙗд-мь), рус. *ѣмъ*, литов. *ė́d-mi*. Вездѣ мы имѣемъ *долгое ē* изъ основного $\bar{a}^e$: *a^ed-mi. Др. инд. *ad-mi*. *Краткое ĕ* общеславянское изъ основного $\breve{a}^e$ мы имѣемъ въ формѣ: ѥсть, лат. *est*, греч. ἐστί, др. инд. *asti*. Общеиндоевроп. (основное) $\breve{a}^e$*sti*. Срв. также общесл. *ē* въ дѣ-ти, рус. (о, на, за...)—*дѣть*, греч. τί-θη-μι, др. инд. *dhā*—изъ общеиндоевроп. $\bar{a}^e$. Также: *дѣва, дѣтя, дѣверь* и проч. Срв. старосл. дѣверь, болг. *дѣвер*, серб. *дjевер*, чш. *deveř*, польск. *dziewierz*, малор. *д'івер* (малорусское *і* какъ разъ указываетъ собой на *ѣ* этого слова въ корнѣ, т. к. малорусское *і* соотвѣтствуетъ звуку *ѣ* великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій). Литов. dëveris, греч.

δᾱήρ, лат. lēvir, др. инд. dēvar. Изъ общеиндоевроп. å̄i̯ [1]): въ формахъ мѣстнаго падежа ед. числа именъ сущ. муж. рода: старосл. вльцѣ, др. рус. вълцѣ, новорус. волкѣ (*к по аналогіи съ к* въ формахъ *волка, волку* и проч.) изъ *vьlkoi̯ черезъ *вьлціе восходитъ къ основному vr̥kă°i̯, т. е. общесл. *ē* здѣсь (старосл. ѣ) изъ дифтонга ă°i̯ (oi̯). Ср. греч. мѣстный падежъ: *οἴκ-οι* (съ *οι* долгимъ, т. к. иначе мы имѣли бы *облеченное* удареніе на первомъ слогѣ *οι*, какъ въ имен. п. мн. ч. *οἶκοι*. Стало быть, въ мѣстномъ падежѣ ед. ч., какъ показываетъ греческій языкъ, дифтонгъ *οι* произошелъ изъ дифт. сочетанія *ie* *съ длительной долготой*, при которой получалъ перевѣсъ второй гласный дифтонга. Срв. въ имен. падежѣ мн. ч. греч. *οι* съ *прерывистой* долготой, при которой послѣдній изъ двухъ гласныхъ дифтонга былъ краткимъ). Вьлци, гдѣ и восходитъ къ *ie* съ прерывистой долготой, при которой получалъ перевѣсъ первый гласный этого сочетанія. Лат. *domī* (съ *ī* долгимъ также), др. инд. vr̥kē.

Такимъ образомъ, основное сочетаніе ă°i̯ въ мѣстномъ падежѣ ед. числа дало сначала *ē*, которое получено было и общеславянскимъ языкомъ, въ которомъ это *ē* распалось на *ie* и при долготѣ *длительной* должно было дать перевѣсъ звуку *e* (второму изъ сочетанія), а при *прерывистой* долготѣ—звуку *i* (первому изъ сочетанія). Вотъ почему въ мѣстномъ п. ед. ч. мы имѣемъ въ старосл. вльцѣ (т. е. ѣ), а въ имен. п. мн. ч. вльци (т. е. и), хотя и ѣ и и, какъ показано выше, восходятъ къ дифтонгу ă°i̯. Путь звука *ē* въ общеславянскомъ отъ *oi* былъ, очевидно, черезъ *ō̆*, откуда *ē̆*, а затѣмъ уже распаденіе на *ie*: *oi—ō̆—ē—ie*. Также только *качествомъ долготы гласнаго звука* объясняется то *и*, то *ѣ* въ словахъ: бер*и*, но бер*ѣ*те (пов. накл. старославянскаго глагола брати) при греч. *φέροι(ς)* и *φέροιτε*; ср. мати, дъшти при литов. *motė*,

[1]) Ср. Vondrák. O. c. изъ дифтонга ai̯—стр. 58. Brugmann. Kurze Vergl. Grammatik. Strassburg. 1904. p. 84.

duktē съ долгими *ē* на концѣ. Слѣд., мы ожидали бы *матѣ, *дъштѣ. Въ этихъ словахъ звукъ *і* изъ *ē* не дифтонгическаго происхожденія [1]).

Звукъ *ä* (очень открытое *е*) изъ звука *е* въ общесл. языкѣ, а отсюда унаслѣдованный и общерусскимъ языкомъ, мы имѣемъ въ примѣрахъ: послѣ смягченнаго согласнаго передъ слѣдующимъ слогомъ съ *е* или *і* (См. выше): jesenь̥ (или i̯esenь̥)—jäsenь̥, откуда старосл. ѥсень, болг. есень, серб. јесен, чш. jeseň, польск. jesień. (Рус.-великорус. и малор. осень, осінь—принадлежатъ уже слѣдующей эпохѣ, общерусской, какъ показываютъ великор. и малор. нарѣчія). Слѣдовательно, уже въ общеславянскую эпоху явленіе е—ä при извѣстномъ фонетическомъ условіи было *діалектическимъ*. Очевидно, общерусскій языкъ вынесъ изъ общеславянской эпохи не jesenь̥, а i̯esenь̥ откуда далѣе i̯äsenь̥ (съ неслоговымъ i̯, которое въ русскомъ языкѣ въ началѣ слова отпало, и уже изъ äsenь̥ черезъ *ösenь̥ получилось въ общерусскомъ же періодѣ *осень*, т. к. если бы въ началѣ слова стоялъ *согласный j*, то не могло бы получиться *осень*, а было бы **јосень*... См. о явленіяхъ, образовавшихся уже въ *общерусскую* эпоху отдѣльной жизни русскаго языка, до его распаденія на нарѣчія, т. е. въ VII—VIII вѣкахъ приблизительно, ниже). Также: jedinъ̥, откуда jädinъ̥, а отсюда: старосл. ѥдинъ, болг. един, серб. један, чш. jeden, польск. jeden. Рус. *одинъ* уже въ общерусскую эпоху. См. *осень* выше. Общесл. jezero—jäzero, откуда: старосл. ѥзеро, польск. jezioro, болг. ѥзеро, серб. језеро, чш. jezero. Рус. *озеро* уже въ общерусскую эпоху. См. *одинъ* выше. Общесл. jelenь̥—jälenь̥, откуда: стрсл. ѥлень, серб. јелен и проч. Рус. *олень* еще въ общерус. эпоху. См. *озеро* выше. Общесл. ženiχъ̥—

---

[1]) Честь открытія *двухъ видовъ долготы по качеству ея* въ индоевропейскомъ праязыкѣ по даннымъ индоевропейскихъ языковъ принадлежитъ профессору Моск. Университета, нынѣ академику Имп. Академіи Наукъ *Ф. Ѳ. Фортунатову*.

žänіχъ, откуда: стрсл. женихъ и проч. слав. языки такъ же. Рус. женихъ (при ювр. *жанихъ* и свр. діалект. *жанихъ* изъ *е* открытаго—*ä*. Срв. želēzo—žälēzo, откуда стрсл. желѣзо. Рус. желѣзо, жалѣзо и *залізо*. См. выше „*женихъ*“. Замѣчательно, что *не послѣ j*, которое уже въ общеслав. эпоху стало смѣшиваться съ į, мы и въ русскомъ яз. не имѣемъ *о* изъ *е*, а остается или *е* открытое, или *а* изъ *ä*. Это доказываетъ собой, что *о* въ такихъ словахъ, какъ *осень*, *олень*, *озеро*, *одинъ* и под., гдѣ мы имѣемъ въ общесл. языкѣ начальное *j* (į), есть дѣйствительно *діалектическое* явленіе общеславянскаго языка, перешедшее *только въ русскій языкъ* и совпавшее съ подобнымъ явленіемъ другихъ языковъ, напр., новогреческаго. Поэтому напрасно *Соболевскій* (Лекціи. 4-е изд. Стр. 31 и слѣд.) оспариваетъ это явленіе, какъ явленіе *общерусской эпохи*. Это фактъ, съ которымъ, правда, случайно совпали и другія явленія въ другихъ родственныхъ языкахъ, однако совпаденіе произошло *въ разныя эпохи* языка, и это не оговорено Соболевскимъ. Остальныя же слова, приводимыя Соболевскимъ, представляютъ совсѣмъ иное *фонетическое положеніе* начальнаго звука *о* въ русскомъ языкѣ. Напр., *одва* при *едва*; юдъва и єдъва въ др. р. языкѣ; одъва—Сб. 1076 г.; др. р. єжь; *ёжъ* (млр. *ожина*), др. р. *ожь*, (Сбор. XIV в. Троицк. Лавры), *ожикъ* (у Скорины въ XVI вѣкѣ); стрсл. и р. *още* съ XI в. при *еще*—Остр. Ев., Дух. Ив. Калиты 1327 г. и др.; р. *омёла*, р. *орёлъ*, р. *олово* при *позднемъ* болгарскомъ *юлово* Мы вмѣстѣ съ Фортунатовымъ и Шахматовымъ утверждаемъ, что въ общесл. языкѣ въ такихъ случаяхъ было *ä*, которое предполагаетъ предшествующее *j* или вообще *смягченную* согласную; *діалектически* же еще въ общесл. языкѣ было здѣсь не *j*, а гласный *неслоговой* į, и тогда могло быть измѣненіе *ä* въ *о* черезъ *ö* и въ діалектахъ общесл. языка: новоболг. *оште*, чш. и словац. oseň, omela, старочш. ožanka (срв. млр. *ожина*, растеніе), чш.

ořel и др. По колебаніямъ въ слав. и литов. языкахъ начальныхъ звуковъ *a* и *e* въ такихъ случаяхъ мы видимъ, что это діалектическое колебаніе восходитъ къ литовско-слав. эпохѣ: стрсл. алини (олень—лань), литов. *elnis* (елень), латыш. *a*lnis, лит. *a*malas (омела). Срв. *готское a*sans—осень. Такимъ образомъ, индоевроп. начальное *ă*ᵉ дало въ литов.-слав. тоже *ă*ᵉ, откуда литов. *a*, а общеславянское *o*, которое получило еще въ общеславянскомъ начальное *j* или į, и въ первомъ случаѣ дало *jä* при слѣдующемъ слогѣ съ *ĭ* или *e*, т. е. раскрылось, во второмъ дало *ŏ* при тѣхъ же условіяхъ, т. е. закрылось, откуда *o* лишь въ общерусскую эпоху въ русскомъ языкѣ, а въ части слав. языковъ это *o* сохранилось діалектически при *je* (*jä*), указывая на варьянтъ или чередованіе *j* и į еще въ общеславянской эпохѣ. Что же касается немногихъ словъ съ начальнымъ *e* (безъ *j*, *ä* открытымъ, пишется *э*) въ русскомъ языкѣ, то они, надо полагать, восходятъ къ основнымъ общеславянскимъ сочетаніямъ *придыханія* (*ɦ*) + *e*, предъ которымъ *придыханіе ɦ* отпало впослѣдствіи *это*, *эво*, *эдакъ*, Срв. бѣлор. *ɦэто*, млр. *ɦэй*, *ɦэть*, *ɦэтъ*. Срв. кашубское *ɦevo*, серб. *ето*, *ево*.... Выпаденіе этого *придыханія ɦ* доказано между гласными для индоевропейскаго языка Фортунатовымъ. Приводимыя Соболевскимъ русскія *o* изъ *e*, находимаго въ заимствованныхъ изъ греческаго языка словахъ, лишь подтверждаютъ сказанное о явленіи русскаго языка: Овдотья—*Εὐδοχία* и проч. Подобныя явленія новогреческаго языка *Εὐνοϭτία*—omnostjá и под. ничего общаго съ явленіями р. языка не имѣютъ. Такія слова, какъ *опитемья*, *оклисиастъ* могли быть взяты русскимъ языкомъ уже въ новогреческой оболочкѣ.

4) Звуки *й* и *ĭ* (или *ŏ* и *ĕ*)—*ирраціональные*, т. е. звуки, бывшіе короче нормальныхъ краткихъ звуковъ, звуки неполнаго образованія относительно качества и количества, изображавшіеся въ старсл. языкѣ буквами ъ и ь, перешли также въ общерусскій языкъ изъ общеславянскаго. Эти звуки (будемъ ихъ писать ъ и ь, чтобы не смѣшивать со звуками

полнаго образованія, не ирраціональными) извѣстны были также въ положеніи передъ ḭ: dobrъḭ, sinьḭ (Срв. добрый, доброй, добрай, добрѣй—по нарѣчіямъ, въ малор. *добрий*. Также: синій, синей, синьй. Срв. „самъ третѣй"). Изъ рефлексовъ отраженій общеславянскихъ ъ и ь въ положеніи ихъ передъ ḭ, равно какъ и въ другихъ фонетическихъ условіяхъ, видно по нарѣчіямъ р. языка, что судьба ихъ была разнообразна.

Что въ общесл. эпоху ъ и ь были близки къ *й* и *ĭ*, а также и въ общерусскую эпоху еще, видно изъ заимствованій финскимъ языкомъ славянскихъ словъ, гдѣ мы видимъ *и* вмѣсто слав. ъ, и *і* вм. слав. ь. Такъ какъ въ этихъ заимствованіяхъ есть еще *носовые гласные* (s*un*tia—сѫдни, *un*d—жда и проч.), полногласія еще въ р. языкѣ не было (talkkuna—tolkno—толокно...), то, стало быть, эти заимствованія финнами изъ восточно-слав. языка произошли *до* исчезновенія носовыхъ гласныхъ въ р. яз., *до* развитія полногласія, *до* потери звуками ъ и ь ихъ гласнаго характера *й* и *ĭ*, т. е. приблизительно не позже V—VI вѣка по Р. Х., т. к. заимствованія финнами нѣмецкихъ словъ (готскаго яз.) доказываютъ, что эти заимствованія произошли еще до того, какъ *готскій* языкъ принялъ видъ IV вѣка (въ библіи Ульфилы). Отсюда, путемъ сравнительнаго языковѣдѣнія мы устанавливаемъ точно, что финны пережили на себѣ вліяніе германцевъ (готовъ) уже послѣ раздѣленія финновъ на западныхъ и восточныхъ, т. е. что это раздѣленіе было до IV-го вѣка, т. к. восточные финны уже не знаютъ непосредственнаго вліянія германцевъ. Около этого же времени *славяне* становятся сосѣдями западныхъ финновъ. Около V—VII в. славяне прорѣзали поясъ литовскихъ поселеній на верхнемъ Днѣпрѣ и столкнулись съ западными финнами, не коснувшись еще *восточныхъ (черемисы* и *мордвы)*. Но до этого времени, какъ мы видѣли, сосѣдями финновъ были *германцы* и *литовцы*, причемъ литовское вліяніе распространялось и на зап. и на вост. финновъ, т. е. было *до* раздѣленія финновъ (до IV вѣка), а германское (готское) вліяніе испытали

на себѣ *только западные* финны (и это было до IV вѣка), слѣд., раздѣлились финны приблизительно во II—III вѣкѣ по Р. Х., передвижка славянъ изъ общеслав. колыбели, прорѣзавшая поясъ литовскихъ поселеній (см. выше—колыбель общесл. семьи), послѣдовала приблизительно въ V—VI вѣкѣ по Р. Х.

5) Звуки *ы*, соотвѣтствующее *ū* индоевропейскому, и *ы* передъ ḭ—вторичное, а также *ї* передъ ḭ (вторичное) изъ ъ и ь. Напр., еще въ общесл. изъ dobrъḭ—стало dobrыḭ, мыḭ, ʒмнḭ, бнḭ и под. изъ: mъḭ, zmьḭ, bьḭ... Срв. сынъ—литов. sūnus, дымъ—др. инд. dhūma, быти—др. инд. bhū, лат. fu-ĕre...

6) Звуки *носовые гласные* (ǫ и ę); въ стрсл. пишутся ѫ (юсъ большой, произносится, какъ франц. *on*) и ѧ (юсъ малый, произн., какъ франц. *in*. Срв. польскія ą и ę: ząb и gęba, idę, idą и т. д.).

Изъ современныхъ слав. языковъ только польскій да отчасти кашубскій сохранили носовые гласные, но въ эпоху Кирилла и Меѳодія были они и въ др. болгарскомъ языкѣ, какъ видно изъ алфавита старославянскаго, составленнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ. Они были и въ общерусскую эпоху (срв. выше). Посмотримъ ихъ исторію. *Въ концѣ IX вѣка*, когда русскіе столкнулись съ *мадьярами* (венграми), *въ русскомъ языкѣ еще были носовые гласные звуки*: на это указываетъ русское названье мадьяръ (венгровъ)—*угре*; въ этомъ словѣ мы видимъ и произносимъ звукъ *у*, между тѣмъ какъ по-латыни h*un*garі или *un*garі, греч. οὔγγαροι, οὔγγροι, нѣмецк. *un*garn. Очевидно, въ это время слово *угре*, *угринъ* (ед. ч.) произносилось **унгре*, т. е. ѫгре, а затѣмъ, когда носовое произношеніе исчезло, то стало произноситься *у* не носовое: *угре*. Равнымъ образомъ видно, что въ эпоху столкновенія русскихъ съ варягами, жителями Скандинавіи, когда начались у насъ съ ними сношенія, и языкъ скандинавскій началъ вліять на языкъ русскій, то *носовые звуки въ русскомъ языкѣ еще были*; это было также въ IX вѣкѣ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ сопо-

ставленіе заимствованныхъ изъ скандинавскаго языка русскимъ языкомъ словъ Напр., р. варягъ—староскавд. varíngr, греч. *βάραγγος*; рус. кълбягъ (названіе народа)=старосканд. kylfíngr, греч. *κούλπιγγος*; Судъ (названіе пристани въ Константинополѣ)=старосканд. *sund* (что значитъ „морской проливъ". Срв. нынѣшнее: Зундъ—проливъ между Скавд. полуостровомъ и Даніей); р. ябетьникъ и старосканд. *ām*biti (служба). Опять, если бы во время сношеній русскихъ со скандинавами не было у русскихъ носовыхъ гласныхъ, то мы имѣли бы не „варягъ" (т. е. варѧгъ. Срв. выше ѫгре—онгре или унгре), а „варенгъ"; не „Судъ" (сѫдъ), а „Сундъ" или „Зундъ", какъ нынѣ въ названіи пролива, которое, очевидно, заимствовано уже *послѣ потери русскимъ языкомъ носовыхъ звуковъ. Но уже въ концѣ Х-го вѣка носовыхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ, повидимому, не было.* Это доказывается тѣмъ, что въ сочиненіи Константина Багрянороднаго „Объ управленіи государствомъ", которое написано въ это время, при передачѣ русскихъ названій для Днѣпровскихъ пороговъ греческими буквами авторъ не передавалъ носового произношенія гласныхъ въ этихъ названіяхъ, слѣд., такого произношенія уже не было. Именно: названіе порога „Неясыть" (по стрсл. было бы неѧсыть) передано греч. буквами: *Νεασήτ*. Если бы въ этомъ названіи порога звучалъ носовой гласный ѧ (ę=in, en), то по-гречески было бы передано: *Νεενσήτ*, а греческое *α* свидѣтельствуетъ, что при произношеніи слова „Неясыть" послѣ слога *не* было слышно *а* или *ja* безъ носового произношенія. Равнымъ образомъ названіе порога „Напрязи" (по стрсл. было бы напрѧзи) передано греч. буквами: *Ναπρεζή*. Здѣсь мы опять имѣемъ *ε* безъ носового произношенія. Названіе порога: „Вѣручи" (по стрсл. было бы вьрѫшти—прич. наст. вр. дѣйств. зал. ед. ч. им. пад. ж. рода отъ гл. вьрѣти—кипѣть; „кипящая") передано греч. буквами *Βερούτζη*. Здѣсь опять вмѣсто ѫ, т. е. ǫ (on), мы имѣемъ уже чистый гласный *у* (оу) греч. *ου*. Слѣдовательно, въ это время *носовыхъ гласныхъ* въ русскомъ языкѣ уже не было. Въ

этомъ же насъ убѣждаетъ и древнѣйшій памятникъ русской письменности, дошедшій до насъ отъ XI вѣка—Остромирово Евангеліе 1056—1057 года. Здѣсь мы находимъ: воду, вѣру —вин. п. ед. ч. вмѣсто водѫ, вѣрѫ; гоубѫ вм. гѫбѫ; коупѣли вм. кѫпѣлн; исцѣлю вм. нсцѣлѭ и др., морꙗ—род. п. ед. ч. вм. морѩ; октꙗбрꙗ вм. октѩбрѩ и др. Изъ этого мы заключаемъ, что, такъ какъ старославянскимъ носовымъ гласнымъ ѫ и ѧ въ русскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ гласные *у* (пишется оу), *ю* и *а* со смягченіемъ предшествующей согласной или ꙗ, то, смѣшивая эти буквы на письмѣ съ буквами старославянскаго языка ѫ, ѭ (=оу, ю) и ѧ, ѩ (=ꙗ, ꙗ), переписчикъ обнаружилъ свое русское произношеніе и свое полное незнакомство съ носовыми гласными въ его языкѣ. Далѣе, въ XI и XII вѣкахъ все меньше и меньше мы замѣчаемъ ѫ въ русскихъ памятникахъ, а ѧ имѣетъ значеніе только ꙗ.

Такимъ образомъ, доисторическое существованіе носовыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ доказано и финскими заимствованіями, и русскими заимствованіями изъ скандинавскаго языка, и передачей русскихъ названій греческими буквами, и сопоставленіемъ греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и русскаго названій для народа венгровъ.

Эти носовые гласные перешли изъ общеславянскаго языка въ общерусскій въ неизмѣненномъ видѣ, и уже въ общерусскую эпоху, какъ увидимъ, исчезли. Значитъ, мы имѣемъ слѣдующія явленія общеславянскія, перешедшія въ общерусскій языкъ изъ всего общеславянскаго языка или изъ его діалектовъ безъ измѣненія:

Звуки. Гласные. 1) *а*, *о* широкія.

2) *и*, *і* краткія и долгія, слоговыя и неслоговыя, причемъ неслоговое u̯ = w (билабіальный звукъ, какъ въ англ. языкѣ), а неслоговое i̯=рус. й послѣ гласныхъ.

3) *е*, *ē* и *ä*. При этомъ *ē* (стрсл. ѣ) соотвѣтствуетъ или основному $\bar{a}^e$ (*ē*), или образовалось изъ дифтонга оі̯, аі̯ и распалось еще въ общеслав. эпоху на дифтонгическое сочетаніе *i͡e*. Звукъ *ä* былъ извѣстенъ общесл. языку *діалектически* въ положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ и *j* передъ слогомъ со слѣдующими гласными *е* или *і*.

И такимъ же звукъ *ä* былъ полученъ общерусскимъ языкомъ въ означенномъ фонетическомъ положеніи.

4) ъ и ь ирраціональные въ разныхъ фонетическихъ положеніяхъ, между прочимъ—передъ і̯; въ родств. языкахъ имъ соотвѣтствуютъ: ŭ, ĭ, ŏ, ĕ.

5) *ы* (изъ *ū̄*) и *ы* передъ і̯ (вторичное), *і* передъ і̯ (вторичное). Звуки *ы* и *і* передъ і̯—изъ ъ и ь.

6) ѫ и ѧ.

Глава VII-ая.

Методъ возстановленія эпохъ до-письменнаго періода. Языки и нарѣчія. Распаденіе языковъ. Распространеніе звуковыхъ явленій языка.

§ 17. Теперь займемся вопросомъ, *какъ* мы добываемъ свѣдѣнія объ эпохѣ языка-отца и какъ возстановляемъ его звуки, если эти звуки не засвидѣтельствованы письменными памятниками и не получили отраженія въ начертаніяхъ (бук-

вахъ), т. е. если мы возстановляемъ доисторическія эпохи языка. Вникнемъ въ суть сравнительнаго метода, т. к. для такихъ эпохъ языка сравнительный методъ есть единственный методъ познанія, причемъ сравниваются между собой данныя живыхъ языковъ или данныя письменности уже умершихъ языковъ, если эти данныя сохранены письменными памятниками родственныхъ представителей одной и той же языковой семьи.

Возьмемъ примѣръ. Слово *бѣлъ (бѣлый)* въ стрсл. языкѣ изображалось такъ: бѣлъ, въ новоболг. яз: бѣл, въ серб. бијел, въ чш. bílý, въ польск. biały, въ верхне-луж. bjeły, въ малор. білый, великорус. бѣлый. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ названій —словъ для одного и того же понятія въ родственныхъ слав. языкахъ мы видимъ, что старославянскому ѣ (ě) соотвѣтствуютъ: *e, uje, i, ’a, jé*, а въ остальныхъ звукахъ полное совпаденіе. Слѣдовательно, желая возстановить эпоху того звука, изъ котораго могли образоваться всѣ эти данныя отраженія (рефлексы), мы прежде всего видимъ, что сербскій и лужицкій языки указываютъ своими звуковыми комплексами, соотвѣтствующими ѣ (*ě*), на то, что *ě* отразилось, какъ дифтонгическое сочетаніе *i*+*e* или монофтонгическое *j*+*e*; далѣе, что въ однихъ языкахъ мы имѣемъ развившеюся лишь первую часть этого сочетанія *i* (чешск. малорус.), въ другихъ—лишь вторую *e* (болг. польск. великорус. лужицк.), въ третьихъ—обѣ части, причемъ вторая часть этого сочетанія представляетъ собой либо *узкое e* (серб.), либо *широкое e* (*e*ª и потомъ *a*). При этомъ замѣтимъ, что самъ старославянскій языкъ показываетъ, что его знакъ ѣ обозначаетъ собой звукъ, близкій къ ꙗ: напр., вьсꙗкъ при вьсѣкъ; багърѣнъ, камѣнъ и проч. при русскихъ: багърѧнъ, камѧнъ; идѣаше при рус. идꙗше и проч. Въ глаголическихъ памятникахъ старосл. языка мы постоянно имѣемъ ѣ въ значеніи *ja*, а въ кирилловскихъ памятникахъ мы имѣемъ нерѣдко ѣ вм. *a* послѣ смягченной согласной. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ дифтонгическомъ сочетаніи, отражающемъ

долгое ѣ, мы находимъ въ однихъ языкахъ вторую часть этого сочетанія съ *открытымъ*, *широкимъ* *е*, а въ другихъ— съ *закрытымъ*, *узкимъ* *е*. Чтобы представить себѣ теперь такое звуковое сочетаніе, изъ котораго могли бы развиться всѣ данные рефлексы ѣ, т. е. чтобы представить *общеславянское* звуковое сочетаніе *наканунѣ эпохи распаденія общеславянскаго языка на отдѣльные слав. языки*, надо въ этомъ сочетаніи искать *физіологической* (см. выше отдѣлъ физіологіи звуковъ въ главѣ III-ей) возможности развитія изъ него всѣхъ данныхъ рефлексовъ, а такимъ общеславянскимъ сочетаніемъ, получившимся изъ ē древнѣйшей эпохи общеслав. языка (ѣ не могло же распасться на два звука), и могло быть только сочетаніе $\widehat{ie}^{i}$ (*е* узкое) или $\widehat{ie}^{a}$ (*е* широкое): вѣрнѣе всего, это сочетаніе было $\widehat{ie}$ (со среднимъ качествомъ звука *е*, давшаго въ однихъ діалектахъ *е* средняго образованія, въ другихъ—*е* нижняго образованія). Такимъ образомъ, общеславянское *бѣлый* звучало: b$\widehat{ie}$lъ (съ „среднимъ“, европейскимъ *l*, изъ котораго въ отдѣльной жизни развились *л'* (*л* мягкое, сербское *љ*) и *л* твердое (русское и польское ł). А конечный знакъ *ъ*—ирраціональный звукъ, гласный неполнаго образованія, который, какъ мы видѣли, въ доисторическое время звучалъ, какъ *й* или *ŏ* (припомнимъ финскія заимствованія), а въ эпоху Кирилла и Меѳодія звучалъ какъ какой-то гласный, для котораго понадобился въ азбукѣ *особый знакъ*. Этотъ звукъ (ъ) еще въ общесл. эпоху *въ концѣ словъ* сталъ звучать очень глухо, а затѣмъ скоро исчезъ въ концѣ словъ, какъ показываютъ всѣ слав. языки, еще въ общеслав. же эпоху, ибо мы не имѣемъ теперь ни въ одномъ изъ слав. языковъ воспоминанія объ этомъ звукѣ *въ концѣ словъ*, какъ о звукѣ, составляющемъ слогъ: въ концѣ словъ, именно, онъ былъ *неслоговымъ*, слабымъ ирраціональнымъ, и потому исчезъ. Между тѣмъ, если мы сравнимъ общеславянское bielъ съ литовскимъ и далѣе съ греч., лат. и другими языками, то мы увидимъ, что, получивъ изъ сравненія болѣе отдаленныя эпохи

языка: эпоху литовско-славянскую, наконецъ, обще-индоевропейскую, мы найдемъ, что общеславянскому ъ (какъ и ь) соотвѣтствовали *гласные слоговые звуки* родственныхъ языковъ. Такъ, стрсл. вълкъ, (діалектически—вькъ), рус. волк, болг. вълк, серб. вук, польск. wilk, чш. vlk и т. д. соотвѣтствуетъ литовскому wilkas, др.-индійскому vṛ̥kas, греч. λύκος, лат. lupus, т. е., имен. пад. ед. ч. этого слова со стрсл. конечнымъ ъ оканчивался на *гласный* (*a, o, u*), за которымъ слѣдовалъ согласный s. Очевидно, что въ лит.-слав. языковую эпоху былъ s въ им. п. ед. ч., но уже въ общеславянскую эпоху отпалъ, какъ увидимъ на примѣрахъ ниже. Строя изъ сравненія слова *волк* во всѣхъ приведенныхъ слав. языкахъ форму *общеславянскаго* языка, мы найдемъ для этой эпохи: *vъ̥lkъ̑, а для литовско-славянской *vъ̥lkos (срв. литов. wilkas, греч. λύκος вм. Ϝλύκος [1]), гдѣ Ϝ дигамма, звукъ, билабіальный, отпавшій еще въ общегреческую эпоху въ извѣстныхъ случаяхъ). Прежде, чѣмъ объяснять подробности видоизмѣненія общеславянскаго *vъ̥lkъ̑ по нарѣчіямъ (языкамъ) этой семьи и подробности возстановленія этого общеславянскаго слова, скажемъ о видоизмѣненіяхъ въ языкѣ вообще съ теченіемъ времени, о научномъ освѣщеніи причинъ видоизмѣненій и дробленія языка на нарѣчія (говоры).

Такъ какъ мы знаемъ, что всѣ видоизмѣненія звуковъ въ языкѣ совершаются помимо воли и сознанія говорящихъ, т. е. звуковыя измѣненія въ языкѣ *непроизвольны*, такъ какъ совершаются не по уговору или по соглашенію лицъ говорящихъ, а совершенно незамѣтно для говорящихъ поколѣній подготовляютъ въ будущемъ новый звуковой обликъ даннаго

---

[1]) Срв. Brugmann (Grundriss der vergl. Gram. I. 1. Strassb. 1897 г. § 279, 2. и Kurze vergl. Gram. Strassb. 1904 г. § 155 и § 198). Онъ предполагаетъ въ этомъ словѣ начальное *ul* передъ согласнымъ, которое еще въ общеиндоевр. языкѣ давало *lu*, такъ что: *ulq^{u}o-s, откуда: *luq^{u}o-s. Въ виду лат. *lupus* надо предполагать здѣсь *q*^{u}, а не просто *q* См. однако Grundriss, ibid. § 667, b.

языка, то интересно знать, чѣмъ же вообще обусловлены звуковыя измѣненія, и могутъ ли они подлежать какому-либо учету, какой-либо закономѣрности, т. е. можно ли подмѣтить какіе-либо *законы измѣненія звуковъ*. Прежде всего ясно само собой, что звуковыя измѣненія могутъ происходить или подъ вліяніемъ *особаго произношенія*, т. е. *особаго устройства органовъ рѣчи* (нёба, носовой полости, гортани, языка, зубовъ—откуда получается произношеніе *съ присвистомъ*, *шепелеватое*, *картавое*, съ особымъ звукомъ *р*; носовое произношеніе, глубоко-гортанное, какъ напр., въ языкахъ турецко-татарскихъ, въ языкахъ кавказскихъ и под.), или подъ вліяніемъ *неумѣнья приспособить органы рѣчи* къ произношенію (артикуляціи) слышимыхъ звуковъ (напр., въ языкѣ дѣтей, обыкновенно произносящихъ съ особеннымъ трудомъ звуки: *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, т. е. шипящіе, которые у дѣтей до 4 хъ лѣтъ, а иногда и дальше, звучатъ *шепелевато*, звуки: *р* твердое, какъ глубоко-гортанное, картавое: ‿ыба вм. рыба и проч.; звуки: *р* мягкое, какъ *л'*, или звукъ средній между *р* или *л*. Напр., *тли* вм. *три*, или въ родѣ *трли* съ вибраціоннымъ звукомъ язычнымъ-плавнымъ *р*ˡ и под.). Съ теченіемъ времени дѣти выучиваются и привыкаютъ говорить *чисто*, какъ окружающіе ихъ взрослые, но, если взрослые, въ свою очередь, не могли преодолѣть въ свое время трудностей произношенія, не могли свои *слуховыя воспріятія* при слышаніи рѣчи окружающихъ людей передать точно говорящему аппарату, т. е. органамъ рѣчи, не могли подчинить органовъ рѣчи импульсамъ слуховыхъ ощущеній, то неправильное положеніе органовъ рѣчи мало-по-малу дѣлается *привычнымъ*, а привычки затѣмъ развиваются и передаются по наслѣдству дѣтямъ. Намъ извѣстны нерѣдко цѣлыя семьи, говорящія картавымъ *р* или не произносящія *твердаго л* (польск. ł), вмѣсто котораго у нихъ слышны *в* (w—билабіальный звукъ почти неслоговое *у*—ṷ передъ гласными). Напр., máсwа=масла, wóтка=лодка, быw=былъ, быwá=былá и проч. Съ другой стороны, такъ

какъ усвоеніе языка дѣтьми, еще не говорящими, или иностранцами при изученіи чужого языка, совершается путемъ *слуховыхъ воспріятій звуковыхъ эффектовъ*, то, значитъ, это усвоеніе стоитъ въ зависимости и отъ *органовъ слуха* и отъ *органовъ рѣчи*. Анатомическіе малѣйшіе дефекты тѣхъ или другихъ органовъ уже несутъ съ собой тѣ или другія измѣненія слышимой рѣчи, слѣдовательно, въ самомъ процессѣ передачи языка слушающему могутъ уже быть заложены причины будущихъ *привычныхъ* видоизмѣненій языка. И если мы представимъ себѣ дѣтей изъ картавой семьи въ *общеніи постоянномъ* съ дѣтьми ихъ возраста въ одномъ селѣ или деревнѣ, то при *единственномъ* способѣ усвоенія рѣчи *путемъ слуха* и *приспособленія органовъ рѣчи* такое картавое или шепелявое произношеніе можетъ стать *всеобщимъ въ молодомъ поколѣніи данной деревни*, а отсюда уже готовъ *говоръ* шепелеватый или картавый всей мѣстности. Не забудемъ, что дѣти вообще наблюдательны и переимчивы по самой своей дѣтской психологіи, а въ данномъ случаѣ, при усвоеніи языка, и для взрослаго —самое изученіе языка въ практическомъ смыслѣ состоитъ въ упражненіи и развитіи *слуховыхъ впечатлѣній* и въ упражненіи и развитіи *привычныхъ приспособленій отдѣльныхъ органовъ рѣчи къ произношенію* (путемъ подражанія [1]) воспринятыхъ ухомъ *звуковыхъ сочетаній*. Кромѣ того, помимо анатомическихъ дефектовъ въ органахъ слуха или рѣчи, *дѣтская рѣчь* и при нормальномъ состояніи всѣхъ органовъ (слуха и рѣчи), сама по себѣ, служитъ *образцомъ рѣчи въ процессѣ ея сложенія*, т. е. служитъ *нагляднымъ примѣромъ слагающейся рѣчи*, и потому лингвисты для уясненія процессовъ измѣненія звуковъ въ рѣчи, для уясненія *физіологической, внѣшней, звуковой* стороны языка, часто пользуются матеріа-

---

[1]) Здѣсь вообще имѣется въ виду *распространеніе* звуковыхъ оттѣнковъ рѣчи, а не *зарожденіе* звуковыхъ измѣненій въ языкѣ. Наше мнѣніе о зарожденіи такихъ явленій языка и о *подражаніи, какъ теоріи*, см. выше, § 14 на стр. 127.

лами, извлеченными изъ своихъ наблюденій надъ *дѣтскою рѣчью.* Ясно, что еще не развитые органы рѣчи, недостаточно упражняемые, не образовавшіе еще *привычныхъ положеній* у ребенка, служатъ тоже одной изъ физіологическихъ причинъ видоизмѣненій въ языкѣ. Изъ этого всего мы выводимъ, что *прежде всего передача языка молодымъ поколѣніямъ заключаетъ въ себѣ естественныя условія для видоизмѣненій языка въ теченіи времени, условія для дробленія языка на говоры въ разныхъ мѣстахъ.* Собственно говоря, мы даже не можемъ себѣ представить такого состоянія языка, въ которомъ онъ былъ бы *идеально тождественнымъ въ говорѣ всѣхъ лицъ, составляющихъ общественную группу.* Такого *идеальнаго единства* языка наука не знаетъ, напротивъ того, даже въ каждой семьѣ мы найдемъ безъ особаго труда *индивидуальныя отличія въ рѣчи* различныхъ членовъ этой семьи. Научно доказанное единство языка можно себѣ представить только въ языкѣ *каждаго отдѣльнаго индивида.* Но есть такія характерныя черты произношенія, которыя отличаютъ собой, согласно вышесказанному, цѣлую общественную группу, объединенную общимъ понятнымъ для всѣхъ ея членовъ языкомъ. Вотъ эти то черты мы и называемъ *діалектическими.* Понятно, что діалектъ, говоръ, нарѣчіе, языкъ—это все понятія относительныя: дробленіе одного языка внутри его на говоры или нарѣчія не исключаетъ возможности самому этому языку быть *нарѣчіемъ* или діалектомъ другого языка, болѣе крупнаго по району употребленія и типу звукового и морфологическаго строенія. Такъ, русскій, польскій, чешскій, словацкій, кашубскій, сербскій, хорватскій, болгарскій языки—другъ по отношенію къ другу—*языки,* но всѣ вмѣстѣ *по отношенію къ своему отцу—общеславянскому языку эти всѣ языки суть нарѣчія общеславянскаго языка.* Великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія суть нарѣчія относительно общерусскаго языка, но всѣ эти *нарѣчія суть языки* по отношенію къ своимъ поднарѣчіямъ: малорусскій языкъ дѣлится на нарѣчія: сѣверно-мало-

русское, южно-малорусское и средне-малорусское, а эти наречія—на говоры: сѣдлецкій говоръ, черниговскій говоръ, волынскій говоръ, подольскій говоръ, галицкій говоръ, украинско-слободской говоръ, и т. д. и т. д. Великорусскій языкъ внутри себя различаетъ нарѣчія: сѣверно-великорусское и южно-великорусское, а эти послѣднія дѣлятся на различные говоры: напр., владимирскій говоръ, тульскій говоръ, касимовскій говоръ и проч. и проч.

Литература.

А. И. Александровъ. О дѣтской рѣчи. Р. Ф. В. за 1883 г.
В. К. Поржезинскій. Введеніе въ языковѣдѣніе. М. 1910 [2].
Его-же. Элементы языковѣдѣнія и исторіи рус. языка. М. 1910. (См. рецензію г—жи *Истриной* въ Ж. М. Н. Пр.).
Его-же. Очеркъ сравнительной фонетики... М. 1912.
А. И. Томсонъ. Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1910 [2].
А. В. Богородицкій. Лекціи по общему языковѣдѣнію. Казань. 1913.

§ 18. Опредѣленіе условій звуковыхъ измѣненій въ языкѣ. Такъ какъ языкъ есть *форма мысли*, то взаимодѣйствіе между языкомъ и мыслью наблюдается постоянно въ виду ихъ тѣсной связи: мысль, дѣйствуя на языкъ (форму), вводитъ слова въ ассоціаціи съ другими, уже извѣстными словами, и подъ вліяніемъ сходства внѣшней формы мысль отождествляетъ нерѣдко и самое содержаніе, т. е. значеніе слова, значеніе понятія, выраженнаго словомъ. Мысль, располагая слова при новомъ ихъ изученіи, по извѣстнымъ уже категоріямъ, вноситъ нерѣдко въ процессъ видоизмѣненій языка формы не этимологическаго или фонетическаго происхожденія, а *психологическаго* происхожденія, *по аналогіи*, т. е. по сходству съ готовыми уже и усвоенными въ памяти формами языка. Такъ возникаютъ въ языкѣ *внутреннія измѣненія психоло-*

гическаго характера, въ отличіе отъ внѣшнихъ, разсмотрѣнныхъ уже выше, физіологическихъ измѣненій. Напр., ребенокъ, не зная спряженія слова „глодать“, но *зная* спряженіе уже не разъ слышаннаго имъ слова „гадать“, а, съ другой стороны, зная отдѣльныя формы: „кладе̂ш“, „кладе̂т“ и проч., однажды сказалъ: „Мама, посмотри, Женя *гладе̂т* кость“. Когда его поправили и сказали, что надо сказать „гло́жетъ“, то черезъ нѣкоторое время онъ, очевидно, забывъ это, т. к. вообще это слово рѣдко, значитъ, употреблялось, сказалъ: „собака *глада́етъ* кость“. Въ первомъ случаѣ „гладе̂т“ по аналогіи съ „кладе̂т“, а во второмъ—по аналогіи съ „гада́етъ“ или чѣмъ-нибудь подобнымъ. Такъ, у насъ предл. пад. *волкѣ, рукѣ, ногѣ* и под.—по аналогіи съ прочими падежами, въ которыхъ повторяются эти звуки: *к, г*, хотя въ древности было: *волцѣ, руцѣ, нозѣ* и проч. Такъ, у насъ *по аналогіи* пов. накл. *пеки* вм. древняго *пеци* (пьци) вслѣдствіе приспособленія къ формамъ со звукомъ *к*: *пеку, пекъ, пекла*. Срв. *печешь* и *пекешь* и проч. Законовъ, которымъ подчиняются измѣненія психологическаго характера, измѣненія *по аналогіи*, мы еще не нашли, но это не значитъ, что ихъ нѣтъ, и что наука ихъ и не найдетъ. Но законы измѣненій внѣшняго характера, звукового, физіологическаго, уже многіе найдены. Надо только всегда помнить, что̀ называется въ языкѣ звуковымъ закономъ, и какъ его находятъ, и какъ наблюдать его проявленіе. (См. выше).

Послѣ этихъ замѣчаній общаго характера мы поймемъ, что измѣненія въ языкѣ въ теченіе его жизни и на всемъ пространствѣ его употребленія необходимы и обусловлены самымъ характеромъ языка, какъ явленія человѣческой природы. Важно *опредѣлить условія* данныхъ измѣненій въ языкѣ, а равно *время* и *мѣстность*, для которыхъ *наличность опредѣленныхъ условій вызываетъ соотвѣтствующее звуковое измѣненіе въ языкѣ.* Теперь само собой понятно, что законы измѣненій языка мѣняются съ теченіемъ времени, т. к. мѣ-

няются самыя условія обнаруженія измѣненій. Теперь, послѣ этихъ замѣчаній, мы можемъ взять примѣры одного и того же слова съ его фонетическими измѣненіями въ разныхъ родственныхъ языкахъ одной семьи сравнительно съ его фонетическимъ составомъ въ праязыкѣ этой семьи, въ родоначальникѣ этой семьи языковъ, въ ея отцѣ. Возьмемъ прежній примѣръ. Старославянское слово влъкъ, какъ показываетъ изученіе старославянской письменности по памятникамъ, звучало съ *слоговымъ плавнымъ* л, и написаніе лъ между двумя согласными въ старославянскихъ памятникахъ въ соотвѣтствіи съ ъл между согласными въ русскихъ памятникахъ есть лишь *графическій пріемъ* изображенія *слогового* л между двумя согласными. Такимъ образомъ, написанія: тръгъ, връхъ, влъкъ, влъна, плънъ, чрънъ, жлътъ и проч. въ старослав. памятникахъ есть просто *графическое изображеніе слоговыхъ р* и *л* для извѣстной эпохи старосл. языка. Въ такихъ случаяхъ въ русскихъ памятникахъ мы видимъ *ър* и *ъл* съ глухимъ *ъ* или *ь передъ* плавнымъ: търгъ, откуда послѣ *торгъ*; вьрхъ, откуда далѣе *верхъ*; вълкъ, откуда *волкъ*, а равно: *волна, полнъ, чернъ, желтъ* и проч. Въ сербскомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ такъ-же, какъ въ стрсл. языкѣ, *плавные слоговые*: *трг*, *врх*, *вук*, (изъ *влк), *вуна* (изъ *влна), *црн*, *пун* (изъ *плн), жут (изъ *жлт), въ чешскомъ—тоже: trh, vrch, vlna, vlk, plný; въ польскомъ—ближе къ русскому: targ, wierzch, wełna, wilk, pełny, czarny, żółty.

Такъ какъ старослав., сербскій и чешскій языкъ представляютъ намъ въ такихъ случаяхъ (т. е. между согласными) *плавные р* и *л слоговые*, между тѣмъ какъ русскій и польскій языкъ имѣютъ въ этихъ же случаяхъ *плавные р* и *л неслоговые*, то мы могли бы или признать *слоговые плавные діалектическимъ явленіемъ общеславянскаго языка*, или признать *слоговые плавные развившимися въ отдѣльной жизни старославянскаго, чешскаго и сербскаго языковъ послѣ рас-*

паденія общеславянскаго языка. Вотъ въ такихъ случаяхъ важны указанія письменныхъ памятниковъ: изъ нихъ мы узнаемъ, что переходъ гласнаго *л* въ *у* развился въ сербскомъ языкѣ въ историческую эпоху, приблизительно въ XIV—XV в., между тѣмъ какъ *древній* сербскій языкъ одинаково зналъ оба плавныхъ гласныхъ; что касается чешскаго языка, то въ немъ гласные *r*, *l* составляютъ уже *исконную* его особенность, которая наблюдается и въ древнемъ чешскомъ языкѣ (Уже въ XII вѣкѣ. См. *Флоринскій.* Лекціи по слав. языкознанію. Ч. II. 1897 г. Стр. 37 и 73. О сербскомъ языкѣ см. *его-же.* Лекціи. Ч. I. 1895 г. Стр. 259). Но главное—старославянскій языкъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ немъ сочетанія ръ, рь, лъ, ль между согласными были просто графическимъ пріемомъ обозначенія *слоговыхъ р* и *л* по аналогіи съ написаніями такихъ словъ, какъ: *кръвъ, плъть, въскръсъ*, которыя дѣйствительно имѣли слоговой гласный послѣ плавнаго и при потерѣ конечной гласной (ъ, ь въ концѣ слова уже не произносились въ ту эпоху, отъ которой дошли до насъ памятники стрсл. языка, въ X—XI вѣкѣ) перешли въ *кров', плот', воскрéс*, между тѣмъ какъ такія слова, какъ *влъкъ, длъгъ, гръдъ, чрьвь*, чрьнъ, *плънъ* и проч. не перешли при тѣхъ же условіяхъ въ *влок, длог, грод, чрев', чрен, плон* и под. Слѣдовательно, слова: *кръвъ* и *влъкъ* не были одинаковы съ звуковой стороны, хотя и писались одинаково. Значитъ, въ то время, когда еще звучали конечные ъ и ь въ словахъ: *кръвъ, въскръсъ* и проч., звуки *р (л) не были слоговыми (гласными)*, п. ч. въ противномъ случаѣ эти слова послѣ исчезновенія конечныхъ ъ и ь превратились бы въ *кр̥в', пл̥т',—кр̥с* и т. д., чего мы не видимъ, а, наоборотъ, видимъ: кров', плот',—крес и под. Далѣе, изъ этого же слѣдуетъ, что въ такихъ словахъ существовало *различіе* между ръ и рь, лъ и ль, т. к. *ръ* дало *ро* (кров'), между тѣмъ какъ *рь* дало *ре (-крес)*. Изъ этого же слѣдуетъ, что въ такихъ словахъ, какъ чрьвь, влъкъ и под.,

написанія ръ, лъ и др. *обозначали другіе звуки*, чѣмъ *сходныя написанія въ* кръвь, плъть и под. Именно, въ такихъ словахъ, гдѣ и русскій языкъ сохранилъ *гласный послѣ плавнаго* между согласными, напр., кровь, плоть, воскресъ старославянскій языкъ означалъ написаніями ръ, лъ... *неслоговые* (*согласные*) *р* и *л* съ гласнымъ глухимъ послѣ нихъ, а въ такихъ словахъ, гдѣ русскій языкъ представляетъ *гласный передъ плавнымъ* между согласными, напр., долгъ, волкъ, гордъ, чернъ старославянскій языкъ своими написаніями ръ, лъ и проч. обозначалъ *слоговые* (*гласные*) *р* и *л* между согласными, заимствовавъ это обозначеніе (графику) у словъ перваго типа: *кровъ*, *плотъ*, *бровъ*, *воскресъ* и под. Что же касается доисторической эпохи старосл. языка, то надо думать, какъ сейчасъ будетъ видно, въ эту эпоху и др. болгарскій языкъ (старославянскій доисторическаго періода, до письменности) имѣлъ согласные *р* и *л*; равнымъ образомъ и чешскій языкъ доисторической эпохи (до X-го вѣка) имѣлъ согласные *р* и *л*, и лишь каждый изъ названныхъ выше слав. языковъ въ отдѣльности впослѣдствіи развилъ у себя гласные *р* и *л* (*слоговые*).

Въ самомъ дѣлѣ, что *общеславянскій языкъ не имѣлъ звуковъ* $\underset{\circ}{r}$ *и* $\underset{\circ}{l}$, видно изъ того, что звуки его *k*, *g*, *ch* въ однихъ случаяхъ переходили въ палатальные *č*, *ž*, *š*, а въ другихъ нѣтъ, именно, въ положеніи одинаковомъ, гдѣ можно бы предположить существованіе $\underset{\circ}{r}$ и $\underset{\circ}{l}$. Напр., чрьвь=червь имѣетъ ч (ч) изъ *к*, какъ видно изъ литовскаго *kirmis;* жльтъ=желтъ имѣетъ *ж* (ж) изъ *g*, какъ видно изъ литовскаго *gèltas*. Но въ словахъ: грьдъ, кръмъ мы не имѣемъ смягченія *г* и *к* въ *ж* и *ч*. Конечно, это смягченіе и его отсутствіе можно только объяснить тѣмъ, что *смягченіе происходило подъ вліяніемъ слѣдующаго за к, г... мягкаго гласнаго*, а передъ твердымъ гласнымъ смягченія не было. Слѣдовательно, чрьвь произошло изъ чьрвь, гдѣ долженъ былъ ь стоять *непосредственно* послѣ ч (изъ к), иначе звука ч не получилось бы, а остался бы звукъ

к, какъ въ словѣ кръмъ изъ кърмъ, т. к. ъ—*твердый* гласный, не требовавшій смягченія *к*. Такимъ образомъ, мы нашли, что общеславянскій языкъ не имѣлъ r̥ и l̥, и въ немъ были сочетанія: *глухой ирраціональный* (ъ *или* ь) *слоговой* + *неслоговая плавная* (*р или л*) между согласными, т. е. *kьr̥vъ̑, или *gъ̥̑l̥tъ, съ одной стороны. а, съ другой,—*kъ̥ȓ̥mъ̑, *gъ̥ȓ̥dъ̑ и проч.

Такъ и по отношенію къ слову влъкъ—общеславянская форма: vъ̥̑l̥kъ̑, а въ болѣе ранній періодъ: vъ̥̑l̥kos, откуда vъ̥̑l̥kъ̥s, какъ увидимъ сейчасъ изъ сопоставленія формъ литов., греч., лат. и др.-индійскаго языковъ.

Глава VIII-ая.

Общеславянскій періодъ.

§ 19. Законъ конца словъ. Прежде, чѣмъ выяснять, откуда въ общеславянской формѣ *vъ̥̑l̥kъ̑ мы получили ъ̥ послѣ v, когда въ стрсл. яз. мы видимъ ъ, а въ русскомъ *о* (*волкъ*), мы выяснимъ вопросъ о томъ, на *какой звукъ* оканчивались такія слова, какъ: *волкъ, рабъ, столъ, полнъ* и под., т. е. слова муж. рода на-*ъ* (въ письменности, а въ живомъ произношеніи—на согласный, стоявшій передъ *ъ*, т. е. *волк, раб, стол, полн* и под.): былъ ли конечный звукъ такихъ словъ *гласнымъ* звукомъ, или *согласнымъ*. Выше мы видѣли, что во всѣхъ слав. языкахъ (не исключая и русскаго) слово *волк* звучитъ съ конечнымъ согласнымъ *к*, лишь въ одномъ старосл. языкѣ мы имѣемъ послѣ *к* еще знакъ ъ, который, какъ мы видѣли выше, былъ глухимъ гласнымъ *ŏ* или *ŭ* (лат.). Припомнимъ: бръвь, кръвь и проч. Далѣе, выше же мы видѣли, что въ *эпоху написанія* стрсл. памятниковъ *въ концѣ словъ* знаки ъ и ь *уже не имѣли звукового значенія*, какъ

это видно изъ памятниковъ стрсл. письменности (въ нихъ наблюдается смѣшеніе ъ и ь, отпаденіе въ концѣ и исчезновеніе въ серединѣ словъ, напр., многъ вм. мънogъ и проч.). Но сравненіе стрсл. влъкъ съ родственными въ другихъ языкахъ доказываетъ, что когда-то конечный ъ (ь) имѣлъ слоговое значеніе гласнаго, и это прежде всего доказывается тѣмъ, что составители слав. азбуки изображали особымъ знакомъ ъ, ь этотъ конечный звукъ, знакомъ, *имѣвшимъ значеніе гласнаго* (хотя и глухого), какъ видно изъ употребленія ъ и ь въ стрсл. памятникахъ. Слѣдовательно, *въ эпоху составленія азбуки* (въ IX вѣкѣ) конечныя ъ и ь еще слышались въ стрсл. яз., но уже были близки къ исчезновенію въ означенномъ фонетическомъ положеніи, т. е. *въ концѣ словъ*, т. к. въ X—XI вѣкѣ они уже исчезли изъ произношенія. Бывшее гласное значеніе конечныхъ ъ и ъ доказывается и сравненіемъ тождественныхъ словъ въ родственныхъ языкахъ. Именно: стрсл. влъкъ съ гласнымъ *л* (см. выше) въ эпоху X—XI в., ранѣе—др. болгарское вълкъ съ согласнымъ *л*; новоболгарск. *вълк*, серб. *вук*, (ранѣе *влк*), чш. *vlk*, польск. *wilk*, р. *волк* (между прочимъ малорусское *волк—вовк* доказываетъ своимъ *о*, что на этомъ мѣстѣ когда-то былъ глухой ирраціональный, но болѣе *сильный*,—ъ, т. к. въ малорусскомъ нарѣчіи изъ древняго *о*, а не ъ, получилось въ концѣ конъ цовъ—*i*: *nin*, стрсл. попъ, *бiг*, стрсл. когъ, *вiл*—стрсл. колъ и проч. съ основнымъ *о*. См. ниже).

Итакъ, мы видимъ, что во *всѣхъ* слав. нарѣчіяхъ слово *волк* оканчивалось въ историческую эпоху на согласный звукъ, и ни одно изъ слав. нарѣчій не сохранило воспоминанія о бывшемъ на концѣ такихъ словъ когда-то гласномъ звукѣ. Слѣдовательно, если это *гласное* окончаніе и было когда-нибудь, то *очень давно*, т. к. память о немъ не сохранилась ни въ одномъ изъ *историческихъ* потомковъ *общеславянскаго* родоначальника слав. нарѣчій. А что такое гласное

окончаніе было когда-то, а, именно, въ эпоху еще болѣе раннюю, чѣмъ эпоха славянскаго единства, на это указываютъ родственныя славянскимъ языки. Именно: въ литов. яз. мы имѣемъ въ этомъ словѣ послѣ *к*—*а*: wilk*a*s, въ лат.—*u*: lup*u*s, въ греч.—*o*: λύκος, въ др. инд.—*a*: vr̥k*a*s. Такимъ образомъ, въ главнѣйшихъ представителяхъ индоевропейской семьи языковъ мы видимъ ясныя указанія, во 1-хъ, на то, что слова, какъ *волкъ*, *сынъ* и под., имѣли въ дославянскій періодъ, т. е. въ эпоху балтійско-славянскаго единства, а равно и еще ранѣе, въ эпоху общеиндоевропейскаго языка, передъ окончаніемъ имен. п. ед. ч.—*s*, гласный звукъ, являвшійся то болѣе открытымъ *а* въ нѣкоторыхъ языкахъ, то болѣе закрытымъ *о* и даже *u*—въ другихъ языкахъ. Во 2-хъ, что имен. п. ед. ч. такихъ именъ въ эти отдаленныя эпохи имѣлъ согласное окончаніе—*s*.

Такимъ образомъ, если балтійско-славянская форма была vъ̥l̥kos, причемъ въ балтійской вѣтви мы видимъ расширеніе основного *о* въ *а*, а въ славянской вѣтви переходъ основного *о* въ закрытый звукъ—*u*, откуда на славянской почвѣ изъ *ŭ*—*ъ* глухой ирраціональный; то общеиндоевропейская форма была бы *vъr̥ka°s, т. к. въ этой формѣ должна отражаться и судьба различныхъ звуковъ, составляющихъ это слово въ отдѣльныхъ языкахъ, причемъ уже въ отдѣльной жизни различныхъ языковъ индоевр. семьи основное сочетаніе ъ̥ + r̥, какъ мы видѣли, получило и пережило разную судьбу: то сдѣлался *слоговымъ плавный* и въ связи съ этимъ *сталъ неслоговымъ* ъ (чш., серб., др. инд., гдѣ мы имѣемъ *r* вм. европейскаго *l*. Это, вѣроятно, было особаго рода *r*, какъ мы видѣли это въ дѣтской рѣчи на словѣ *т͡рли* вм. *три*, изъ котораго развилось частью *р*, частью *л*), то сдѣлался *неслоговымъ* плавный, и въ связи съ этимъ развился *слоговой гласный* какъ въ русскомъ, польскомъ, латинскомъ, греческомъ и проч. Наконецъ, общеиндоевропейское *а*° изображаетъ качество того звука, который въ такихъ словахъ пережилъ въ отдѣльной жизни языковъ

различныя судьбы, превратившись въ однихъ языкахъ въ *а*, въ другихъ въ *о*, откуда далѣе *и* въ жизни отдѣльныхъ языковъ, напр., латинскаго и старославянскаго, гдѣ *й* (краткое) дало глухой ирраціональный звукъ ъ. Изъ этихъ построеній формъ различныхъ лингвистическихъ эпохъ мы видимъ (напр., эпохи общерусскаго языка, эпохи общеславянскаго языка, эпохи балтійско-слав. языка, эпохи общеиндоевропейскаго языка), что формы языковъ этихъ эпохъ есть *точный* выводъ изъ *данныхъ* (извѣстныхъ), принадлежащихъ родственнымъ языкамъ. Это вовсе не выводъ *произвольный*, а, какъ мы видимъ, выводъ *естественный*, выводъ, уже заключающійся въ разрозненныхъ составныхъ частяхъ—родственныхъ языкахъ, какъ матеріалахъ для вывода, матеріалахъ, *отражающихъ судьбу* (исторію) отдѣльныхъ звуковыхъ сочетаній въ отдѣльной жизни распавшагося общаго родоначальника—языка. Значитъ, прежде всего мы выводимъ заключеніе, что общеславянскій языкъ не имѣлъ въ такихъ словахъ гласнаго окончанія, что это гласное окончаніе исчезло съ отпаденіемъ конечнаго согласнаго длительнаго звука *s*, что это отпаденіе звука *s* произошло еще въ общеславянскую эпоху, хотя и было еще въ балтійско-славянскую, что еще до отпаденія конечнаго звука *s* съ предшествующимъ гласнымъ (a^0) произошли фонетическія измѣненія: именно, въ конечномъ *закрытомъ* слогѣ (т. е. въ слогѣ, оканчибающемся на *согл.* звукъ, въ данномъ случаѣ на *s*) гласный *а* подвергся *закрытію*, перешелъ въ *о*, а *о*, въ свою очередь, *закрывшись*, дало *и*, т. е. старославянское ъ. Такимъ образомъ, *волкъ* пережило стадіи: влъкъ—вълкъ—vъl̥̯kъs—vъ̯l̥kus—vъl̥̯kos и далѣе: общеинд. *u̯l̥q^{u}ă^{0}s—въ порядкѣ восходящемъ къ древности. Произошелъ ли еще въ общеиндоевроп. языкѣ переходъ *u̯l̥* въ этомъ положеніи въ *lu*, или l̥ выдѣлилъ изъ себя гласный элементъ неполнаго образованія, а самъ сталъ согласнымъ, рѣшить затрудняюсь въ виду показаній др. инд., греч., лат. и общесл. языковъ: vr̥̍kas, *λύκος*, lupus и *vъl̥̯kos.

На этомъ примѣрѣ мы старались показать, какъ строятся лингвистическія эпохи; мы остановились подробно на одномъ примѣрѣ въ цѣляхъ методологическихъ, мы ввели слушателей въ самую научную лабораторію лингвиста, чтобы впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ изложеніи, уже не возвращаться къ подробностямъ этого рода. Ясно, что выводы о доисторическихъ эпохахъ языка тѣмъ *точнѣе*, чѣмъ *бо́льшими свѣдѣніями* по отдѣльнымъ языкамъ обладаетъ лингвистъ, т. е., чѣмъ его знанія въ области отдѣльныхъ языковъ обширнѣе, чѣмъ *полнѣе* для него начертана судьба различныхъ звуковыхъ сочетаній въ отдѣльной жизни каждаго изъ родственныхъ языковъ. Вотъ почему, *детальное* изученіе отдѣльныхъ нарѣчій языка, напр., русскаго (его діалектологія), влечетъ за собой *неминуемо* болѣе точное представленіе объ эпохѣ *общерусской*, т. к. даетъ лингвисту *наглядное* въ нарѣчіяхъ р. языка изображеніе судьбы общерусскихъ звуковыхъ сочетаній въ отдѣльной жизни этихъ нарѣчій, а *точное* воспроизведеніе эпохи общерусской сближаетъ эту эпоху съ болѣе ранними и способствуетъ *точности* воспроизведенія болѣе отдаленныхъ эпохъ жизни языка. Итакъ, *законъ конца словъ* для старославянской эпохи заключался въ томъ, что *ни одно слово стрсл. языка ранней, доисторической эпохи, не могло оканчиваться на согл. звукъ*, т. к. ъ въ *ранній* періодъ стрсл. языка былъ на концѣ гласнымъ (въ періодъ *доисторическій*); въ историческій періодъ, съ исчезновеніемъ конечнаго ъ, въ стрсл. языкѣ возможно сдѣлалось и согласное окончаніе. (Относительно такихъ словъ въ стрсл. памятникахъ, какъ: *народось, работъ, плодось* изъ народъсь, рабътъ, плодъсь въ сочетаніи сущ. съ мѣстоименіемъ—членомъ: тъ или сь, см. *Ляпунова*. Формы склоненія въ стрсл. языкѣ. Одесса. 1905 г. Стр. 5—6). Далѣе, въ болѣе раннюю эпоху общесл. языка, т. е. въ эпоху *праславянскую*, былъ на концѣ им. п. ед. ч. именъ сущ. муж. рода—s, *который позже отпалъ въ эту же эпоху*, въ эпоху общеславянскаго языка; далѣе, прежде его отпаденія гласный звукъ

подвергся еще *въ закрытомъ слогѣ* измѣненію, *закрытію*, какъ и въ общелатинскомъ языкѣ, гдѣ—*us* получилось ъ такихъ словахъ изъ *os*: equ*us* изъ equ*os*, lup*us* изъ lup*os*; срв. греч.—*os*. Это *u* въ стрсл. языкѣ дало ъ. Такимъ образомъ, мы получили понятіе объ особенностяхъ различныхъ лингвистическихъ эпохъ: эпоха именит. падежа на—s, эпоха отпаденія s, эпоха закрытія предшествующаго гласнаго, эпоха конечнаго глухого гласнаго закрытаго, эпоха его отпаденія, эпоха новаго согласнаго окончанія послѣ отпаденія въ концѣ словъ ъ.

Разсмотримъ теперь другіе случаи конца словъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію *явленій внутри слова*. Возьмемъ конецъ слова со *взрывнымъ* согласнымъ (эпохи согл. окончаній), т. е. такимъ, который произносится посредствомъ *полнаго смыканія дѣйствующихъ органовъ рѣчи*, а затѣмъ перейдемъ къ конечнымъ *фрикативнымъ*, т. е. такимъ согласнымъ, которые произносятся *неполнымъ смыканіемъ дѣйствующихъ органовъ рѣчи, оставляющихъ при приближеніи другъ къ другу отверстіе для проникновенія воздуха*, т. е. къ звукамъ, *способнымъ длиться въ произношеніи*.

Различая эпохи балтійско-славянскую, праславянскую и общеславянскую по ихъ фонетическимъ особенностямъ, мы должны признать, что *взрывные звуки t* и *d* отпали *въ концѣ словъ* еще въ первую изъ этихъ эпохъ, между тѣмъ какъ праславянская эпоха, получивъ отъ предшествующей въ наслѣдство слова съ отпавшими конечными *t* и *d*, сохраняла еще въ концѣ словъ звуки *s*, *r*, *n*, *m*, причемъ *гласный звукъ ŏ* (изъ ă°. См. выше), стоявшій передъ этими конечными согласными, т. е. находясь *въ конечномъ закрытомъ слогѣ*, становился въ эту уже эпоху *очень закрытымъ*, т. е. измѣнялся въ *й*, которое въ праславянсъую эпоху давало ъ, какъ и всякое *й* (срв. стрсл. сынъ, лит. sūnŭs, гдѣ стрсл. ы изъ ū, а стрсл. ъ изъ *й*). Такъ получилось еще въ праславянскую

эпоху—ъ+s въ концѣ словъ, не только восходящихъ по своему окончанію къ балтійско-славянскому—ŭ+s (сынъс изъ sūnūs), но и въ концѣ словъ, восходящихъ по своему окончанію къ балтійско-славянскому ŏ+s (вълкъс изъ vъ̥l̥kŏs литв. wilkas). Вотъ почему мы видимъ въ старославянскомъ языкѣ полное совпаденіе формъ имен. п. ед. числа именъ сущ. муж. рода, восходящихъ къ разнымъ склоненіямъ по основамъ: одна основа на—*ŭ* (сынъ), другая—на *ŏ* (вълкъ). Такое совпаденіе по окончаніямъ формъ *сынъ*, *медъ*, *волъ*, *бъдръ*, *остръ* съ формами: *волкъ*, *рабъ*, *столъ*, *добръ* и под. произошло, значитъ, *по фонетическимъ причинамъ*, вслѣдствіе *фонетическаго закона еще праславянскаго языка о закрытіи гласнаго въ конечномъ закрытомъ слогѣ передъ длительными конечными согласными*. Въ слѣдующую же эпоху *общеславянскаго періода отпали и длительные конечные согласные* (s, *r*, *n*, *m*), и такимъ образомъ конечный закрытый гласный праславянской эпохи—*ъ* *сталъ конечнымъ гласнымъ*, оканчивающимъ слово: общесл. vъ̥l̥kъs, vъ̥l̥kъ, къ эпохѣ старославянскаго языка *доисторическаго* періода превратилось въ вълкъ (въ эпоху составленія азбуки), а затѣмъ въ *историческую* эпоху (X—XI в.)—въ вълкъ, что въ памятникахъ стрсл. письменности изображается написаніемъ: вълкъ. (О старославянскихъ r̥, l̥ см. выше. Общесл. языкъ не имѣлъ r̥, l̥, какъ видно было изъ такихъ словъ, какъ: чръвь, жлъть при литов. *kirmis*, *geltas* и пр. См. выше). Отпаденіе конечнаго *s* видно и изъ такихъ формъ, какъ: бери—греч. *φέροις*; везе—др. инд. avahas и под. См. ниже.

Отпаденіе конечныхъ взрывныхъ *t* и *d* въ словахъ балт.-слав. періода еще видно изъ сравненія др. инд. tad, восходящаго къ индоевроп. *tă°d, съ стрсл. то, рус. то, чш. и польск. to и проч. въ имен.-вин. п. ед. ч. *средняго* рода. Срв. также: стрсл. везѫ (общесл. vezǫ) изъ vezont (лат. vehunt; по отпаденіи *t*—vezon, а конечное *on* въ стрсл. яз.

давало носовой гласный ж, перешедшій и въ общерусскую эпоху. См. выше). Общесл. и старосл. кери при сравненіи съ греч. *φέροι(τ)* указываетъ на отпаденіе *t* въ концѣ и на гласный *ĭ* изъ дифтонга *οι* (съ прерывистой долготой. См. выше. При *длительной* долготѣ получался стрсл. ѣ). Общесл. и стрсл. аористъ (прош. время) везе получилось изъ (a)vaha(t), гдѣ *a* есть augmentum (приращеніе—признакъ прош. времени), а *t*—окончаніе отпало. Въ общеиндоевроп. языкѣ въ корнѣ этого слова было *ă*ᵉ: срв. др. инд. v*a*hami— лат. v*e*ho—греч. *Fέχω*—стрсл. вез҄ж.

§ 20. Законъ отпаденія сонорныхъ носовыхъ звуковъ, (длительныхъ) *n*, *m*. Отпаденіе конечныхъ длительныхъ, наступившее еще въ общесл. періодѣ (см. § 19), объясняетъ намъ происхожденіе не только им. падежа, въ которомъ отпалъ въ муж. родѣ *s*, но и происхожденіе формъ другихъ падежей, а также формъ им. п. ед. ч. *средняго* рода. Такъ, изъ сравненія формъ вин. п. ед. ч. общесл. noštь̥, стрсл. ноштъ̥ и литов. naktĭn или формъ вин. п. общесл. synъ̥, стрсл. сынъ̥ и литов. sūnŭn, мы видимъ, что *n* и *m отпадали* въ концѣ словъ послѣ *ĭ*, *ŭ*, (т. е. ь, ъ). Изъ этихъ же формъ видно, ь=*ĭ*, а *ъ*=*ŭ*. Отпаденіе конечныхъ *n*, *m* послѣ ь, ъ не производило никакихъ измѣненій внутри слова. Но, если *m*, *n* стояли не послѣ ь, ъ, а послѣ *ŏ*, *ō* и *ā*, то въ закрытомъ слогѣ слова гласные *ŏ*, *ō* и *ā*, превращались въ закрытые: напр. *ŏn давало ŭn*, а *послѣ ŭ* (см. выше) *n отпадало*: *вълкъ* изъ vь̥̑lkos, vь̥̑lkŭs; вин. п. сначала vь̥̑lkon, затѣмъ vь̥̑lkŭn, затѣмъ vь̥̑lkъn, затѣмъ—vь̥̑lkъ̥; vezon—vezŭn—vezъn—vezъ (везъ—аористъ). Срв. др. инд. *avaham*, греч. *ἔφερον*, гдѣ *a*, *ε* есть augmentum, а *m*, *ν*—личное окончаніе прош. времени (историческаго). Или: beron-berŭn-berъn-berъ̥; по-старославянски было бы керъ—аористъ отъ гл. брати, греч. *ἔφερον*, (*ἔ—φερον*). Или: som—sŭm—sъm—sъ̥, а при измѣ-

неніи *т* въ *п* на концѣ словъ: изъ sъm получалось sъn. Напр., въ словахъ: sъn+jimь или: sъn+iti sę. Стрсл. сънимь, сънити сѧ. Далѣе, если *т* и *п* стояли послѣ ō (это ō балт.-слав. эпохи изъ общеинд. ā° съ прерывистой долготой; въ греч. яз. такое ō изображается буквою *ω*—*„омега“*), то *ō превращалось въ ū* (какъ ŏ въ ŭ), а *ū давало въ стрсл. языкѣ ы* (какъ и въ общеславянскомъ: *ы* для общесл. періода изображается латинской буквой *y*, какъ въ польскомъ яз.). Слѣд., ōn—ūn—ȳn(ын), а послѣ *ы* m и n тоже отпадали: напр., общесл. kamōn (греч. ἄκμων=камень), откуда kamūn, далѣе kamȳn—kamy (стрсл. камы, р. камень—форма вин. п. ед. ч.). Лит. *akmů* своимъ дифтонг. сочетаніемъ *ů* доказываетъ прерыв. долготу. Наконецъ, если m и n стояли послѣ ā, то *ā въ закрытомъ конечномъ слогѣ превращалось въ ō*, а затѣмъ *ō+n* въ общесл. языкѣ (откуда и въ общерусскомъ) давало носовой гласный ą (на письмѣ ѫ). Напр., вин. ед. отъ сл. žеnā (др. инд. genā, греч. γυνή) будетъ žеnān (вин. п. всегда имѣлъ суф. *п*, *т*), откуда: žеnōn и далѣе žеną, стрсл. женѫ (въ общерусской эпохѣ поздняго періода, т. е. послѣ *прарусской*, уже *жену*). Здѣсь надо обратить вниманіе на то, что выше мы видѣли сочетаніе—ōn (греч.—ων) въ словѣ kamōn (греч. ἄκμων) *превратившимся* въ общесл. періодъ въ сочетаніе—*ūп*, откуда—*y*(*-ы*). А теперь мы видимъ на послѣднемъ примѣрѣ, что то же сочетаніе—*ōп* (žеnōn) даетъ не—*ūп*, но ą (ѫ). Во избѣжаніе недоразумѣнія считаю нужнымъ указать на то, что сочетаніе—ōn въ *žеnōn другого* происхожденія, чѣмъ—*ōп* въ *kamōn*, именно, сочетаніе—*ōп* изъ индоевроп. *ā°п* (общеиндоевроп. akmā°n, др. инд. açman, лит. akmů) уже получено было въ общесл. періодѣ *съ измѣненнымъ гласнымъ* ō въ ū (срв. лит.—ů, т. е. *ио*) въ конечномъ закрытомъ слогѣ, между тѣмъ какъ сочетаніе—*ōп* изъ индоевр. *āⁿп* (genān) получено было, какъ—*ōп*, которое въ эпоху общеславянскаго языка, прежде чѣмъ наступило

измѣненіе другого рода, давало ą, какъ всякое—*ōn* (ж) въ концѣ словъ или передъ согласнымъ;—*ŭn* же не давало ą. Конечные *m* и *n* отпадали безъ измѣненій въ концѣ слова также *послѣ e*, матере, любъве, полѥ (срв. matrem; срв. лат. nomen и стрсл. *имен*, откуда ен (en) въ концѣ давало ę (ѧ): имѧ). Также и въ этихъ случаяхъ, какъ выше, изъ сочетанія ān (ōn), сочетанія ēn, прежде измѣненія ē въ i͡e, дали ę=ѧ. Вообще, конечное *n* (изъ *m*) въ общесл. яз. сохранилось или только въ сложеніи словъ, или въ составѣ носового гласнаго. Если такое *n* стояло послѣ исконной *краткой* гласной, то оно исчезало безслѣдно, а если—послѣ *долгой* гласной, то при *длительной* долготѣ гласный сокращался, и тогда *n* исчезало, а при *прерывистой* долготѣ исконно-долгаго гласнаго наступали выше отмѣченныя измѣненія, между прочимъ,—ǫ (ж) и ę (ѧ).

Такимъ образомъ, въ концѣ слова могли стоять гласные: *a*: *žena*; *o*: *ženo*; *e*: *jeste*; ъ: *jestъ̥*; *ě*: *vъ̥l̥cě*; *i*: *vъ̥l̥ci*; *beri* (*i* изъ праслав. *i͡e* съ прерыв. долготой, а это *i͡e* изъ *ē*, а *ē*, въ свою очередь, изъ *oi̯* въ формахъ: вльцн, берн и под. См. выше), *mati* (срв. литов. mótē), (въ этомъ же словѣ: матн, какъ показываетъ сравнительная фонетика, н (i) изъ i͡ē (ѣ) съ прерыв. долготой, а это *i͡e* изъ *ē*, которое, въ свою очередь, изъ основного *ē*. См. выше). Т. е. *жена*, зват. п. *жено*; *ѥсте*—2 л. мн. ч., *ѥсть*—3 л. ед. ч., *волцѣ*—мѣстн. п. ед. ч., *волци*—им. п. мн. ч., *бери*—2 л. ед. ч. пов. н.; *мати*—им. п. ед. ч., и т. п.

Если конецъ слова составляли согласные—*ns*, т. е. послѣ n, которое мы уже разсмотрѣли въ концѣ слова, стояло еще s, то передъ этимъ сочетаніемъ согласныхъ въ концѣ слова происходило *удлиненіе* предшествующихъ гласныхъ: ĭ въ ī, ŭ въ ū, ŏ—сначала (по § 19) переходило въ ŭ, а затѣмъ въ ū. Согласные же—*ns* отпадали. При этомъ, если передъ—*ns* стояло *e*, то оно подпадало до измѣненія (какъ *ŏ*

до измѣненія въ *u*: ženōn. См. выше) въ другой звукъ подъ общій законъ *образованія носовыхъ гласныхъ* въ общесл. языкѣ изъ сочетаній *ō+n* или *ē+n* въ концѣ слова или передъ согласнымъ, т. е. получалось ę (ѧ. Срв. выше: имѧ; какъ ōn=ą=ѫ). Такимъ образомъ, вин. п. мн. ч. литов. nakti*ns*, общесл. noštins, откуда: noštins и далѣе noštīn, noštī, стрсл. нощти Литов.-слав. sūnūns, общесл. synūns, откуда synūn, synū, syny, стрсл. сыны. Литов.-слав.: vъlkons, общесл. vъlkuns, vъlkūns, vъlkūn, vъlkū, vъlky, стрсл. влъкы. (Срв. сыны). Если передъ *o* (—ons) стоитъ *j*, т. е. слово это будетъ *мягкаго* склоненія, то сочетаніе -jo- по закону общеслав. языка переходитъ въ -je- раньше измѣненія *-o-* въ болѣе закрытый звукъ, и тогда изъ *-jons* получается *-jens* (въ вин. п. мн. ч.), а по отпаденіи конечнаго -*s* сочетаніе *-jen* (срв. выше) переходитъ въ *-jēn*, откуда *ję* (ѩ) носовой гласный. Напр., возьмемъ слово konjъs, откуда konjъs, далѣе konjъ. Вин. п. мн. ч. имѣетъ суффиксъ *-ons* (въ мягкомъ *-jons*. Срв. греч. *τοὺς* изъ *τονς* и т. д.), стало быть: konjons, откуда konjens и далѣе konjēn—konję, стрсл. конѩ. Тоже мы видимъ въ формѣ прич. наст. времени: ꙁнаѩ изъ znaję, а это изъ znajens, а это въ свою очередь изъ znajons. Срв. несы (nesy) или токы, влъкы и конѩ, ꙁнаѩ. Срв. также: мѧ, тѧ, сѧ изъ mę, tę, sę, а эти изъ mēn или mēm, tēn, sēn... На этихъ примѣрахъ мы остановились единственно для того, чтобы показать, какъ строятся лингвистическія эпохи по даннымъ соотвѣтствія звуковъ въ родственныхъ языкахъ, и получили понятіе о различныхъ эпохахъ, причемъ мы видимъ, что чѣмъ отдаленнѣе эпоха языка, тѣмъ для своего построенія она требуетъ бо̀льшаго сравненія данныхъ изъ родственныхъ языковъ и тѣмъ сложнѣе графическое изображеніе предполагаемыхъ звуковъ даннаго праязыка—родоначальника изучаемаго нами языка.

§ 21. Внутренній звуковой составъ слова. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію внутренняго состава построенной нами формы для общеславянскаго періода: vъ̥l̥̑kŏs-vъ̥l̥̑kŭs-vъ̥l̥̑kъ̥-vъ̥l̥̑kъ̥. Откуда мы взяли *ь* послѣ *v*, когда мы знаемъ, что *ь* есть *ĭ*, между тѣмъ какъ въ стрсл. языкѣ мы видимъ здѣсь *ъ*, а въ русскомъ *о* (волк). Обратимъ вниманіе на польск. wĭlk и на то, что, когда является *л* твердый (въ стрсл. влъкъ, рус. волк, серб. *вук* изъ *во͡ук, а это изъ *волк—вълк*), то тогда и гласный звукъ *ĭ* (ь) даетъ *ъ* (*о*). Такимъ образомъ, данныя отдѣльныхъ родственныхъ языковъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что различные виды измѣненій одного и того же слова въ родственныхъ языкахъ объясняются изъ *отдѣльной исторіи* каждаго языка; такъ, напр., звукъ *о* въ русскомъ языкѣ стоитъ въ связи въ словѣ *волкъ* сравнительно съ польскимъ *wĭlk* съ судьбой русскаго звука *л* (твердаго) изъ общеславянскаго (средне-европейскаго *l*, какъ во франц., нѣмец. и проч. Срв. чешск. *vlk* и проч.). Далѣе, для общесл. языка, какъ мы видѣли, нельзя предположить r̥ и l̥ (этому мѣшаютъ слова со *смягченными* согласными *въ началѣ*, какъ ꙋрьвь, жлътъ, въ которыхъ мы могли бы предполагать r̥, l̥), слѣдовательно, слогъ составлялся въ такихъ словахъ, какъ *волк*, не гласнымъ слоговымъ r̥ или l̥, а другимъ гласнымъ, т. к. *r* и *l* были согласными. Мѣсто этого гласнаго въ словѣ *волкъ* опредѣляется польской формой, болгарской и русской, а для лит.-слав. эпохи и литовской формой wil̃kas. *Этотъ гласный стоялъ послѣ v и передъ l.* Какой же это былъ гласный *по качеству?* Данныя родственныхъ языковъ указываютъ намъ на то, что этотъ гласный въ своемъ качествѣ *не былъ опредѣленнымъ*, т. к. не наблюдается постояннаго и опредѣленнаго, строгаго соотвѣтствія между гласными передъ *l* въ этомъ словѣ, т. е. нѣтъ правильнаго соотвѣтствія такого, какое мы наблюдали въ гласныхъ *a* различнаго качества: $\breve{a}^e$, $\breve{a}^o$, $\breve{a}^a$ и $\bar{a}^e$, $\bar{a}^o$, $\bar{a}^a$. Срв. выше примѣры: *везу*, *мати*, *бери*, *волцѣ*, *волци*, гл. *дѣтъ* и проч. Напротивъ

того, въ словѣ: *волкъ* мы видимъ въ родственныхъ языкахъ то гласный *i*, то гласный *ъ*, *ь*, то *о*, то полное отсутствіе гласнаго, причемъ самъ согласный *l* превращается въ гласный (чш., серб., въ др. инд. вмѣсто *l*—r̥). *Такой гласный, который даетъ при одинаковыхъ условіяхъ въ родственныхъ языкахъ каждый разъ* звуковыя колебанія, доходя въ иныхъ языкахъ до *редуцированнаго* звука *ъ* или *ь*, а въ другихъ—до полнаго исчезновенія, называется гласнымъ *ирраціональнымъ* и изображается для общесл. эпохи *ъ* или *ь*, а для индоевроп. эпохи *ɑ* (греч. буква). Этотъ гласный короче обыкновеннаго краткаго звука. Теперь, если мы *для общесл. эпохи* предположили на основаніи данныхъ родственныхъ языковъ въ такихъ словахъ, гдѣ русскій языкъ представляетъ сочетанія *ор*, *ол*, *ер*, *ел* между согласными, *сочетаніе слогового ирраціональнаго + неслоговой плавный* (ъ̥, ь̥ + r̯, l̯) *между согласными*, то *для общеиндоевропейской эпохи*, принимая во вниманіе др. инд. форму vŕ̥kas, мы должны предположить, наоборотъ, *сочетанія неслогового ирраціональнаго + слоговой плавный между согласными* (ɑ̯ + r̥, l̥), т. к. судьба ирраціональнаго звука въ такихъ сочетаніяхъ въ отдѣльныхъ языкахъ, а равно судьба плавныхъ *r* и *l* въ отдѣльныхъ языкахъ уже объясняется изъ условій отдѣльной жизни каждаго родственнаго языка, входившаго въ индоевропейскую семью. Такимъ образомъ, общеиндоевр. форма будетъ *vɑ̯ŕ̥kăᵒs, причемъ ставя r̥, а не l̥, мы принимаемъ здѣсь звукъ *r* особаго рода и для уясненія этого *r*, давшаго въ отдѣльныхъ языкахъ *l*, мы припомнимъ дѣтскую рѣчь съ ея неопредѣленными звуками *р*[л], напр., въ словѣ: *трли* („три“. См. выше).

Такъ мы будемъ поступать и при дальнѣйшихъ построеніяхъ.

Глава IX-ая.

§ 22. Согласные звуки, полученные русскимъ языкомъ изъ общеславянскаго языка безъ измѣненія. Теперь посмотримъ, какъ возстановить тотъ запасъ *согласныхъ* звуковъ, который былъ полученъ безъ измѣненія общерусскимъ языкомъ изъ общеславянской эпохи. Сопоставленіе данныхъ изъ слав. нарѣчій вмѣстѣ съ данными русскихъ нарѣчій ведетъ насъ къ заключенію, что общерусскій языкъ получилъ отъ общеславянской эпохи слѣдующіе согласные звуки безъ измѣненія:

1) *г*, *к*, *х*—*велярные*, т. е. задне-небные, твердые, способные сочетаться только съ гласными болѣе задняго образованія (*а*, *у*, *о*...), причемъ звукъ *г* (общеславянскій *g*) уже въ самомъ общесл. языкѣ звучалъ то какъ *g*, то какъ *h*(*γ*), и такимъ же перешелъ и въ общерусскій языкъ.

Примѣры: стрсл. гѫсь, болг. гъска, серб. гуска, чш. hus, польск. gęś, верх.-луж. hus, малор. һусь, великор. гусь. Изъ этого мы видимъ, что во всѣхъ нарѣчіяхъ является въ этомъ словѣ первый звукъ *г*, который однако въ чш., лужицкомъ и малорусскомъ звучитъ, какъ длительный (фрикативный) звонкій *h* (обыкновенно изображается греч. буквою *γ*). Слѣдовательно, *діалектически* уже въ общесл. языкѣ былъ извѣстенъ звукъ *h* (*γ*). Равнымъ образомъ и нарѣчія русскаго языка доказываютъ, что и въ общерусскую эпоху, непосредственно передъ распаденіемъ р. языка на нарѣчія, діалектически былъ извѣстенъ *h* (*γ*): это видно изъ малор., бѣлор. и южновеликор. нарѣчій.

Звукъ *к*, напр., мы имѣемъ въ общеславянскомъ и общерусскомъ *коло*, основа: колес-: стрсл. коло, болг. кола, серб. коло, чш. kolo, польск. koło, малор., бѣлор., великор. *коло*. Срв. кол-ес-о, одно-кол-к-а, кол-ея, о-коло и проч.

Звукъ *х*, напр., мы имѣемъ въ словѣ: стрсл. ходъ, болг. ходъ, серб. ход, чш. chod, польск. chod, рус. ходъ.

2) Звуки: *р*, *л*, *н* простые и смягченные: *р'*, *л'*, *н'*, передъ гласными передняго ряда или j. Срв. рыба и варити, варѭ; стрсл. рюти, рєвѫ, чш. řúti, říti, рус. ревѣть и проч. Срв. лань, ладиıа и любити, людиıє: серб. љуба (љуба), чш. l'úbiti—líbiti, рус. любити, польск. lubic'. Также: люди. Срв. нырти и нива, серб. њива (њива), чш. níva, польск. niwa, р. нива. Въ серб. яз. знаками њ, љ, обозначаются н', л'=нj, лj; а въ стрсл. памятникахъ въ такихъ случаяхъ ставится надсрочный знакъ (камора) : рєвѫ, нива, людиıє или иногда къ слѣдующему за *р*, *н*, *л* гласному прибавлялся *j* (ı): ꙁємлıа, ꙁємлıа, рıєвѫ.

3) Звуки: ж', ч', ш' *смягченные* изъ: гj, кj, хj или изъ *г*, *к*, *х* передъ гласными передняго ряда; а также изъ: зj, сj. Напр., общеслав. и общерусское *живъ* (живой) имѣетъ *ж* изъ *г* и такимъ это *ж* было получено уже въ общесл. эпоху, откуда перешло не измѣненнымъ и въ общерусскую. Стрсл. живъ, болг. жив, серб. жив, чш. živý, польск. żywy, верх. луж. živy, малор. бѣлор. великор. *жыть* (пишется: *житъ*). Но литов. gývas, лат. vīvus (изъ gvivus, въ III в. до Р. Х. vīvos. См. выше), греч. *βίος* (съ особаго рода звукомъ *β*=б изъ общеиндоев. лабіовелярнаго g[u] на греч. почвѣ), др. инд. jīvás. Такимъ образомъ видно, что общесл. *ж* было получено *смягченнымъ* изъ *г*, каковымъ оно перешло и въ общер. эпоху. Между тѣмъ какъ въ эпоху балт.-славянскую здѣсь надо предполагать еще звукъ задне-небный *g*, какъ показываютъ балтійскіе языки (лит. племени); равнымъ образомъ и общеиндоевропейское соотвѣтствующее слово имѣло здѣсь звукъ g[u], который имѣлъ свою судьбу особую уже *на поч-*

въ отдѣльныхъ языковъ, въ ихъ исторіи (въ лат. яз. отпалъ, въ греч. перешелъ въ β, въ др. инд.—въ *дж* (ĝ), въ славянскихъ языкахъ—въ *ж*). Замѣтимъ, что это одно изъ основыхъ отличій общеславянской отрасли индоевропейской семьи, что звуки: *ж, ч, ш* были здѣсь только *смягченными* и таковыми перешли въ общерусскій языкъ, и въ древнѣйшую эпоху его, въ эпоху *прарусскую*, и таковыми были въ эпоху общерусскаго языка, т. е. *непосредственно* передъ его распаденіемъ, значитъ, въ эпоху позднѣйшую, какъ показываютъ р. нарѣчія. Отсюда видно первоначальное *мягкое* произношеніе этихъ звуковъ, и отвердѣніе ихъ произошло уже на глазахъ исторіи, въ разныхъ р. нарѣчіяхъ, и отразилось довольно поздно (въ XIV—XV в.) въ разныхъ русскихъ памятникахъ письменности.

Такого же происхожденія *ж*, т. е. изъ индоевр. g, однако не лабіовелярнаго, а просто велярнаго, въ словѣ жлътъ (въ другихъ нарѣчіяхъ стрсл. языка жльтъ, въ доисторич. его періодъ жьлтъ), рус. *желтъ*, болг. жлът, серб. жут (срв. выше: влъкъ—вук), чш. žlutý (діал. žłty и žołtý), польск. żołty. Но литов. *gelťas*. Общесл. žьltъ (срв. выше при сл. *волкъ*; если предполагать, какъ мы дѣлаемъ, что l развилось на почвѣ отдѣльныхъ слав. языковъ, и что ъ, ь общеславянскаго періода въ словахъ этого типа, т. е. въ положеніи *передъ плавными между согласными*, были *слоговыми*, а плавные въ такихъ случаяхъ были *неслоговыми*). Литов.-слав.: geltaᵒs.

Звукъ *ч'* изъ *к* мы имѣемъ, напр., въ словахъ: *четыре, черн*ъ и проч. Общесл. četyri, čьrnъ. Срв. стрсл. четыри, чрънъ, (чрьнъ); но лит. keturi, лат. quatuor: ч' изъ qᵘ. Или для р. *черн*ъ имѣемъ въ древне-прусскомъ (нарѣчіе литов. языка)—kirsnan, въ древ. инд.=kršna: ч' изъ q.

Звукъ *ш'* изъ *х* мы имѣемъ, напр., въ словѣ *шьдъ* (шедъ; вышедъ, вы-шед-ш-и...) еще въ общесл. языкѣ изъ *х* передъ мягкою гласною и j, какъ и въ словѣ: слышати и проч. Срв. стрсл.: шьдъ, болг. шъл, серб. ишао (=ишолъ), чш. šel (съ выпаденіемъ *д* передъ *l* изъ šedl), польск. szedł, вер. луж. šoł, р. шолъ (шелъ *изъ* шедлъ). Срв. *ходъ* выше. Общеинд. sed-. Срв. др. инд. sad-, греч. ὁδός (о съ густымъ придыханіемъ). Стрсл. слышати изъ *слыхѣти: чш. slyšeti, польск. słyszec', р. слышать. Срв. *слых-* и *слух-*.

Звуки *ж'* изъ *зj* и *ш'* изъ *сj* мы имѣемъ въ *ношу́* изъ *носити*, *вожу́* изъ *возити* и под. При этомъ звукъ *з* мы имѣемъ изъ *г'*, (т. е. палатальнаго индоевр. *ĝ* или *ĝh*), въ словѣ: *везу*: стрсл. вєꙁѫ, болг. веза, серб. везу, чш. vezu, польск. wiozę, р. везу. Но уже готское: wigan, лат. veho, греч. (*F*)ὄχος (съ исчезнувшей дигаммой *F*), лит. vežù, др.-инд. váh-ati показываютъ, что въ индоевроп. здѣсь было, именно, ĝh: *u̯eĝh.— Относительно начальнаго u̯ или v въ общеиндоевроп. праязыкѣ въ этомъ словѣ опять надо сказать то, что мы говорили въ § 19. Греч. ὄχος—ἔχω при лат. veho и др. инд. váhati указываютъ съ одной стороны, на греч. *F*, съ другой,—на общеиндоевроп. u̯. О греч. *F* см. *Brugmann*. K V Gr. Стр. 100. Срв. *знати* болг. знам; серб. знати, чш. znáti, пол. znac', но: греч. ἔγνων, лат. (g)nosco, др. инд. ĝñātás; *зерно*, болг. зрѣно, серб. зрно, чш. zrno, польск. ziarno. Но лит. žirnis, лат. granum, нѣм. kern, др. инд. ĝar. Здѣсь *з* изъ ĝ.

Срв. *зима*, стрсл. ꙁима, болг. зима, серб. зима, чш. zima, польск. zima. Но литов.: žēma, греч. χειμών (δύσ-χιμος), лат. hiems, др. инд. hēman. И т. п. Здѣсь *з* изъ ĝh.

Также звукъ *с* общеславянскій, перешедшій и въ общерусскую эпоху, мы имѣемъ изъ индоевропейскаго палатальнаго *k̑*, напр., въ словѣ: съто, сто при греч. ἑ-κατόν, лат. centum, др. инд. çatam, при чемъ въ литов. šimtas. Общеиндоевроп. было: k̑m̥tám (k'n̥tam).

Такія же слова, какъ: *душа*, *плачу*, *тяжко* изъ *духја, *плакју, *тагјько и под., доказываютъ, что общеславянскія *ш'*, *ч'*, *ж'* на почвѣ *общеславянской* образовались изъ *хј*, *кј*, *гј*, независимо отъ соотвѣтствія этихъ звуковъ *х*, *к* и *г* звукамъ общеиндоевропейскаго языка, и таковыми же *смягченными ш'*, *ч'*, *ж'* перешли въ общерусскую эпоху, какъ и звуки *з'* и *с'* въ словахъ: ꙁять, сь (сей)—мѣстоименіе и проч. Срв. ноꙁѣ, доусѣ при нога, доухъ дальше. Однако въ словахъ кънаꙁь, стьꙁа, вьсь, лице и под. въ стрсл. при князь, стезя, весь, лицо въ русскомъ, мы видимъ ꙁ (s), ч и с стрсл. языка не передъ *ē*, і дифтонгическаго происхожденія. Слѣдовательно, здѣсь факторомъ измѣненія *г*, *к*, *х* въ ꙁ, ц, с, былъ, значитъ, не слѣдующій за ними гласный. Надо думать, что въ такихъ словахъ имѣлъ вліяніе на измѣненіе *г*, *к*, *х* предшествующій гласный передняго ряда. См. *Brugmann* ib. 167 прим.

Сравни латыш. stiga и готское staiga; а также герм. kuninga, chuning, скандинавское konungr; наконецъ, для стрсл. вьсь—др. инд. viçva. Срв. чешск. ves, польск. wszy, рус. весь. Срв. стрсл. стьꙁа при стьꙁа, серб. стаза, чеш. steze, польск. s'ciedza (sc'iežka), рус. стезя. Срв. серб, кнез, чш. kněz, польск. ksiądz, рус. князь.

Вообще, какъ мы видимъ, надо отличать общеславянскіе-общерусскіе *ж'*, *ч'*, *ш'*, происшедшіе изъ общеславянскихъ же *gј*, *кј*, *хј*, *зј*, *сј*, причемъ эти послѣдніе *были извѣстны раннему періоду*—праславянскому—*общеславянскаго языка*, отъ тѣхъ *ж'*, *ч'*, *ш'*, которые произошли изъ общеиндоевропейскихъ *g*, *k*; греч. χ (s) или *gh*, *kh* извѣстнаго качества на славянской почвѣ, причемъ общеславянскому языку *ни въ какомъ періодѣ* уже не были извѣстны эти *g*, *k*, χ задненебные или палатальные.

4) Звуки *ц'* изъ *к*; *з'* при діалектическомъ *д'з'* изъ *г*; и *с'* изъ *х*. Напр., ржка—ржцѣ; нога—ноꙁѣ при діал. ноѕѣ; доухъ—доусѣ. Это вторичное, болѣе позднее явленіе

общеславянской эпохи, когда звуки *г, к, х* уже *перешли* передъ *j* и гласными *передняго ряда* въ *ж, ч, ш*. Къ концу этого фонетическаго процесса гласные дифтонги aį, oį... уже сдѣлались монофтонгами *передняго ряда*, и потому звуки *g, k, ch* должны были передъ ними измѣниться, но за прекращеніемъ дѣйствія вышеозначеннаго закона не могли измѣниться въ шипящіе, а измѣнились въ *свистящіе* s, *z*, *c*.

5) Смягченные губные: *б', п', в'* (билабіальный звукъ *w*, какъ въ англ. яз.) передъ смягченнымъ *лj*. При этомъ надо замѣтить, что *діалектическій* общеславянскій *губной*+j не перешелъ въ общерусскій языкъ. Напр.: люблѭ, топлѭ, ловлѭ, ловлѥнъ и проч.

Срв. однако чш. země, болг. земjа, польск. ziemia, рус. земѧ (ю; въ Лавр. спискѣ лѣтописи 1377 г., л. 2, но ниже, здѣсь же, *землѧ*). Равнымъ образомъ и въ нѣкоторыхъ діалектахъ стрсл. языка (въ Супр. ркп.) были извѣстны *губные*+*j* безъ *л*. Это явленіе діалектическое, хотя и принадлежитъ общесл. эпохѣ.

Такимъ образомъ, явленія общеславянскаго языка, перешедшія въ области согласныхъ въ общерусскій языкъ безъ измѣненія, суть слѣдующія:

Согласные: 1) *г* (g и h), *к*, *х*—задненебные, лабіализованные и нелабіализованные.

2) *р, л, н* чистые и *р', л', н'* смягченные.

3) *ж', ч', ш'*, смягченные изъ *г, к, х*+гл. передняго ряда и изъ *гj, кj, хj*, а также изъ *зj; сj*.

4) *ц'* изъ *к*; *з'* (*д'з'*; стрсл. ꙁ и ѕ) изъ *г*; *с'* изъ *х*—въ сочетаніи задненебныхъ согласныхъ съ гласными передняго ряда, дифтонгическаго происхожденія. А также: *ц', з', с'* подъ вліяніемъ *предшествующаго* гласнаго передняго ряда или *послѣдующаго* сочетанія вѣ.

5) Губные смягченные *б'*, *п'*, *в'* (*w*), *м'*—передъ смягченнымъ *лj* (см. 2).

Значитъ, *въ общерусской эпохѣ задне-небными* (твердыми, см. выше) звуками *были получены только* звуки *г*, *к*, и *х* изъ общеславянскаго языка.

Сводку фонетическихъ процессовъ, происходившихъ въ эпоху общеславянскаго праязыка въ области *задненебныхъ* и *зазубныхъ* согласныхъ, можно представить для наглядности въ слѣдующемъ видѣ:

I. Эпоха общеславянскаго единства представляла довольно значительный періодъ времени;

II. Этотъ періодъ времени характеризуется различными фонетическими процессами.

А. Ранній періодъ (праславянскій) характеризуется процессами, факторомъ которыхъ въ области

а) задненебныхъ согласныхъ являются гласные передняго ряда (палатальные гласные) и звукъ *j*.

Такъ: *к*, *г*, *х*,+*е*, *ē*, *ę*, *i*, *ь* даютъ *ч*, *ж*, *ш*.

Тѣ же согласные+*j* даютъ тѣ же *ч*, *ж*, *ш*.

б) Въ области зазубныхъ согласныхъ факторомъ процесса является *только j*.

Такъ: *т*, *д*+*j* даютъ *ч* и *ж*.
с, *з*+*j* даютъ *ш* и *ж*.

в) Въ области сочетаній задненебныхъ съ зазубными или зазубныхъ съ зазубными же факторомъ процесса является тоже *только j*.

Такъ: сочетанія могутъ быть *ск* и *зг;* эти сочетанія подъ вліяніемъ слѣдующаго *j* даютъ:

ск+j=сч=щ(шч)
зг+j=зж=жж.

Сочетанія могутъ быть *ст* и *зд*; эти сочетанія подъ вліяніемъ слѣдующаго *j* даютъ:

ст+j=щ,

зд+j=жж. (См. періодъ Б объ *ст* и *зд* другого происхожденія).

Такимъ образомъ, ясно, что *ранняя* (праславянская) эпоха (эпоха А) общеславянскаго періода характеризуется процессами, обусловленными вліяніемъ *мягкихъ гласныхъ и мягкаго согласнаго j*.

Далѣе, ясно, что задненебные *сами по себѣ* подвержены вліянію обоихъ этихъ факторовъ и даютъ звуки *ч'*, *ж'*, *ш'*, которые таковыми перешли и въ общерусскій языкъ.

Задненебные въ сочетаніи съ зазубными с и з подвергаются вліянію только одного фактора—*j* и даютъ звуки *ш'ч'*(*щ'*) и *ж'ж'*(*ж'*), которые таковыми же получены и общерусскимъ языкомъ.

Далѣе, ясно, что *зазубные сами по себѣ т, д, с, з*, подвержены вліянію только одного фактора, именно, *j*, и даютъ *ч'*, *ж'*, *ш'*, *ж'*, каковые получены въ такомъ видѣ и въ общерусской эпохѣ. *Въ сочетаніи съ зазубным взрывными т* и *д* факторомъ процесса является опять мягкій гласный: *кт* и *гт*+мягкій гл. даютъ *ч*.

Зазубные въ сочетаніи съ зазубными же, а изъ таковыхъ сочетаній, именно, *ст* и *зд*, подвергаются вліянію только одного фактора—*j* и даютъ: *щ'* и *ж'* (изъ ш'ч' и ж'ж'), которые и перешли безъ измѣненія въ общерусскій языкъ.

Примѣры: Эпоха А.

а) Плачетъ, кричать, жена, жать (жати), живъ, дӯше—зв. п., просиша, оущи и проч. под.
Или съ *j*: плачу, туча, остежи (плащъ), душа...
кт и *гт*+мягкій гласный даютъ *ч*: печь, мочь.

б) тj и дj: свѣча, межа.
сj и зj: пишу, грожу.

в) скj и згj: ищу, дож'ж'а (орѳ. „дождя").
стj и здj: льщу, гвож'ж'у (орѳ. „гвозжу").

Б. Позднiй перiодъ (общеславянскiй наканунѣ распаденiя общесл. языка) характеризуется процессами, факторомъ которыхъ въ области *заднenебныхъ* согласныхъ являются *гласные передняго ряда* (мягкiе гласные).

а) Звуки *к*, *г*, *х*+*ē* (ѣ) *дифтонгическаго* происхожденiя (изъ оі, аі) дали въ эту эпоху *свистящiе*: *ц*, *з*, *с*.

Примѣры: волцѣ, руцѣ, волци (гдѣ *и* изъ ѣ см. выше); бозѣ, бози, книзѣ; дусѣ, дуси, сосѣ...

б) Звуки *к*, *г*, *х* даютъ тѣ же *ц*, *з*, *с* подъ влiянiемъ *предшествующихъ* имъ мягкихъ гласныхъ.

Примѣры: лице, стьза, вьсь...

в) Звуки *к*, *г*, *х* даютъ тѣ же *ц*, *з*, *с* въ положенiи ихъ передъ слогомъ кѣ съ ѣ *дифтонгическаго* происхожденiя:

Примѣры: цвѣтъ, звѣзда, волсвѣ.

г) Звуки *к* и *г* въ сочетанiи съ предшествующими зазубными фрикативными *с* и *з* даютъ передъ ѣ дифтонгическаго происхожденiя тѣ же *ц* и *з* съ дальнѣйшими упрощенiями.

Примѣры: доска—досцѣ—достсѣ—*достѣ*; дрязга—дряздзѣ изъ дрѧʒдʒѣ—дрѧʒзѣ—*дряздѣ*.

Такимъ образомъ, ясно, что *поздняя* эпоха (эпоха Б) общеславянскаго перiода характеризуется появленiемъ свистящихъ звуковъ *ц*, *з*, *с* изъ звуковъ *к*, *г*, *х* вмѣсто старыхъ шипящихъ *ч*, *ж*, *ш* изъ тѣхъ же *к*, *г*, *х*.

Далѣе, ясно, что къ эпохѣ Б процессъ образованiя альвеолярныхъ (шипящихъ) звуковъ изъ *к*, *г*, *х* уже *закончился*, что *до завершенiя* этого процесса звукъ ē (ѣ) изъ оі, аі еще

не успѣлъ сдѣлаться звукомъ передняго ряда, а когда онъ сдѣлался звукомъ *передняго* ряда, процессъ образованія шипящихъ уже завершился, вслѣдствіе чего появились *свистящіе* вездѣ, гдѣ мы ожидали бы *шипящихъ* (альвеолярныхъ) звуковъ.

Срв. пѣнѧѕь, кънѧѕь, склѧѕь изъ герм. pfening, kuning, skilling (скьлѧѕь—стьлѧѕь—щлѧѕь. Срв. *Соболевскій.* Лингв. и археологич. наблюденія. Вып. I. Варш. 1910).

§ 23. До сихъ поръ мы занимались опредѣленіемъ состава гласныхъ и согласныхъ звуковъ общерусской эпохи и нашли, что до этой эпохи дошли безъ измѣненія отъ эпохи общеславянской слѣдующіе гласные и согласные. Гласные: 1) *а* и *и* (причемъ ụ̥ слоговое и ụ неслоговое=w); 2) *ы* (лат. буква *y*) и *ы* передъ ị; 3) *і* и *і* передъ ị; 4) ị=й (рус. буква); 5) дифтонгическое сочетаніе *i͡e* (стрсл. буква ѣ); 6) *ä*—послѣ смягченныхъ согласныхъ передъ слогомъ съ *і* и *е*—перешло *діалектически*; 7) ъ и ь ирраціональные; 8) носовые гласные ѫ и ѧ (стрсл. буквы).

Согласные: 1) задненебные: *г* (g и h), *к*, *х*.

2) Смягченные *р'*, *л'*, *н'*, *ч'*, *ж'*, *ш'*, *ц'*, (изъ *к*), *з* при діалектическомъ *дз* (изъ *г*), *с* (изъ *х*).

3) Смягченные губные передъ смягченнымъ *л'*, причемъ общеславянская *губная*+*j* *діалектическая* не перешла въ общер. языкъ.

4) Средненебный согласный *j*, чередовавшійся съ ị.

5) Звуки *з* и *с* изъ праслав. *z*, *s*, которые изъ индоевр. палатальныхъ k̑, g̑, g̑*h*.

6) Звукъ *л*, извѣстный *діалектически* уже въ общесл. языкѣ при и вмѣсто сочетаній *dl*, *tl*. Срв. мыло и польск. mydło; чш. mýdlo; шьлъ и польск. szedł, плелъ и польск: plótł, чш. pletl; молити при польск. modlic', чш. modliti и под. Однако: чш. šel, šla,

(вм. šedl и т. д.), чш. číslo, польск. czysło изъ *čit-tlo и проч. Изъ этого мы заключаемъ, что *l* (вм. *dl* и *tl*) извѣстно было *діалектически* уже *общеславянскому* языку, а въ общерусскомъ языкѣ *единственно извѣстно*.

7) Сочетанія *kw*, *gw*, *xw*, (о *w*—билабіальномъ звукѣ въ родѣ англ. w=u̯ передъ гласными, напр., въ словахъ *water*, *well* и проч. см. выше). Эти задненебные *kw*, *gw*, *xw* стояли вмѣсто: *кв*, *гв*, *хв*, въ которыхъ звукъ *в* былъ *губнымъ*, а не *двугубнымъ* (билабіальнымъ) *согласнымъ*, т. е. вѣрнѣе *губно-зубнымъ*. Такое *w* въ общерусскую эпоху перешедшимъ изъ общеславянскаго необходимо предположить въ виду указаній слав. нарѣчій *на смягченіе* этихъ задненебныхъ *к*, *г* и *х* въ положеніи передъ *в* (=w)+мягкій гласный звукъ. Въ самомъ дѣлѣ, *согласный* губно-зубной *в' самъ по себѣ*, какъ таковой, даже и при своей мягкости, смягченности (палатальности), не смягчалъ предшествующихъ согласныхъ въ раннюю эпоху общерусскаго языка, какъ видно изъ примѣровъ: *двигать*, *обвить*, *рви*, *свидѣтель* и проч. И лишь рефлексы (отраженія) общесл. задненебныхъ *к*, *г*, *х* при извѣстномъ ихъ положеніи въ словѣ (именно, при какомъ-то *губномъ*, который и долженъ поэтому отличаться отъ *согласнаго в*) указываютъ на такое *смягченіе*. Напр., стрсл. ꙁвѣꙁда при діалект. ѕвѣꙁда (ѕ=*дз*), болг. звѣзда, серб. звijезда, чш. hvězda, польск. gwiazda (въ польскомъ *w*=простое губно-зубное *в*, какъ въ русскомъ, но только пишется *w*, какъ и въ нѣмецкомъ *w*=*в* и *v*=ф, слѣд., польское *w* не есть *билабіальное в* (w, u̯), которое мы предполагаемъ для общесл. и общер. эпохъ). Срв. полабское: gjozda (уже безъ *в*=*w*), малор.—со смягченіемъ задненебнаго—*звiзда*. Изъ этихъ примѣровъ видно, во-первыхъ, что уже общеславянскому языку

были извѣстны діалектически звуки *g* и *h*, которые перешли и въ общерусскую эпоху (бѣлор. и малор. имѣютъ *h* вмѣсто сѣв.-великор. *г*, южно-великор.— также *h*); во-вторыхъ, что *сквозь* этотъ звукъ *в* (=w) проникло *смягченіе*, *смягчающее* вліяніе слѣдующаго гласнаго передняго ряда по образованію (т. е. мягкаго гласнаго). Это то смягченіе (срв. малор. звізда и общерусское звѣзда, а не *гвѣзда*, *hвѣзда*, какъ мы предполагали бы на основаніи свидѣтельства слав. нарѣчій, кромѣ старославянскаго, болгарскаго, сербскаго и русскаго, т. е. на основаніи свидѣтельства нарѣчій: чешскаго, польскаго, кашубскаго, полабскаго, верхне и нижне лужицкихъ) и заставляетъ насъ предполагать не согласный зубно-губной *в*, а какой то звукъ въ родѣ неслогового *и* (неслогового рус. *у*), т. е. *билабіальный w*. Далѣе, на этихъ же примѣрахъ мы видимъ общеславянское *i͡e* (ѣ) изъ *ē*. Срв. сербское *ije*, польское *'a*, кашуб. *ia*, полаб. *jo*, лужиц. *je*. Срв. также формы: влъсѣ въ мѣстн. п. ед. ч. отъ сл. влъхвъ вм. влъхвѣ, гдѣ ѣ (i͡e) изъ прaслав. oj̥ черезъ ō̆, откуда—*ē*=ѣ, какъ показываетъ греч. мѣстный падежъ на *οι* (οἴκοι=дома, въ домѣ), лат. на ī : *domī*. др. инд. на—*ē*, общеинд. на-ă°j̥. См. ниже.

Теперь перейдемъ къ сочетанію *kw*. Мы имѣемъ: стрсл. цвѣтъ со звукомъ ц, серб. цвijет, но чш. květ со звукомъ *k*, польск. kwiat; тоже *k* мы имѣемъ въ кашуб., полаб. и лужицкихъ нарѣчіяхъ. Въ малор. *квіт*, но и *цвіт*; въ бѣлор. квѣтъ; но и цвѣтъ; въ великор. цвѣтъ, но и квѣтъ, а также т'вѣтъ изъ к'вѣтъ; также с'вѣтъ. Отсюда мы видимъ, что общеславянское было; kw͡ietъ̥—kwōtъ̥—kwētъ̥, а общерусское: kw͡ietъ̥ діалектически при c'w͡ietъ̥. Срв. выше: ц изъ *к*; *з* изъ *г* и ниже *с* изъ *х*.

Переходимъ къ сочетанію *xw*. При имен. п. ед. ч. стрсл. влъхвъ (діал. вльхвъ, общесл. vъ̥l̥χwъ̥, корень: vъ̥l̥χ—или vъ̥l̥s-),

рус. волхвъ, мѣстн. п. ед. ч. вльсвѣ, волсвѣ, гдѣ *с* изъ *х* передъ *в* (*w*). Современное „вол*х*вѣ" *по аналогіи* съ падежами, въ которыхъ сохранился *х*: вол*х*въ, вол*х*ва, вол*х*ву и т. д. Имен. мн. ч. вльсви—волсви—волхвы. (Объ *и* и *ѣ* въ имен. п. мн. ч. и мѣстн. п. ед. числа изъ праславянскаго дифтонга oį, изъ котораго далѣе ō—ie съ различнаго вида долготой, откуда *і* и *е* (ѣ) въ поздній періодъ общеславянскаго языка и рефлексы этого ѣ въ различныхъ слав. нарѣчіяхъ см. выше) Срв. стрсл. свистати, чш. svistati, польск. świst и chwist, малор. хвиськати, великор. свистать, хвистѣть и проч., въ которыхъ мы имѣемъ *с* изъ *х* передъ *в* (*w*)—уже, вѣроятно, *по аналогіи*.

Замѣтимъ, что при всѣхъ этихъ примѣрахъ намъ приходилось различать хронологическіе періоды лингвистическихъ эпохъ: такъ, въ общеславянской эпохѣ (*эпохѣ до распаденія* общесл. языка на нарѣчія) мы различали *ранній* періодъ, называя его *праславянскимъ*, и *поздній* періодъ, періодъ *непосредственно передъ распаденіемъ* общесл. языка на его нарѣчія, называя его *общеславянскимъ* въ узкомъ смыслѣ. Такъ и по отношенію къ русскому языку: періодъ *прарусскій*, болѣе ранній, и періодъ *общерусскаго* языка, *непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка* на его нарѣчія. Трудно точно сказать, сколько вѣковъ длился каждый періодъ, но нѣкоторыя соображенія могутъ намъ помочь *приблизительно* опредѣлить границы общеславянской и общерусской эпохи. Именно: первыя достовѣрныя свѣдѣнія о славянахъ мы имѣемъ отъ времени около Р. X.; приблизительно въ III вѣкѣ по Р. X. финны сѣверной Россіи распались на восточныхъ и западныхъ, причемъ западные финны переживали вліяніе германскаго (готскаго) племени, а восточные финны не переживали; готское вліяніе на западныхъ финновъ происходило до IV вѣка, т. к. слѣды этого вліянія въ финскомъ языкѣ указываютъ намъ на то, что *въ періодъ этого вліянія* готскій языкъ еще не имѣлъ особенностей IV вѣка, особенностей языка пе-

ревода библіи Ульфилы; распаденіе финновъ на западныхъ и восточныхъ было обусловлено проникновеніемъ славянской отрасли въ глубь литовскихъ племенъ, сосѣдившихъ съ финнами, причемъ славяне, прорѣзавъ литовскія поселенія, столкнулись съ финнами. Славянское вліяніе на финновъ сохранило въ финнскомъ языкѣ доказательство того, что это вліяніе происходило въ періодъ, когда восточная отрасль славянства, двинувшаяся на сѣверо-востокъ съ мѣста своей прародины, съ сѣвернаго Поднѣпровья, очутилась въ сосѣдствѣ съ финнами и оказала на послѣднихъ свое вліяніе; по этому вліянію можно видѣть, что слав. языкъ восточной отрасли, т. е. *русскій* языкъ того времени, еще имѣлъ *носовые гласные*, *гласные* ъ и ь (=й и ǐ), и *сочетанія неполногласныя* (т. е. tolkno, а не толокно; финск. talkkuna). А, такъ какъ *носовые гласные* въ русскомъ языкѣ были до X-го вѣка (припомнимъ названія Днѣпровскихъ пороговъ у К. Багрянороднаго въ X вѣкѣ), причемъ отдѣльныя нарѣчія р. языка уже извѣстны по письм. памятникамъ р. языка съ XI вѣка, и начальная наша лѣтопись въ XI—XII вѣкѣ уже знаетъ объ *опредѣленномъ* мѣстожительствѣ р. племенъ, *осѣвтихся* къ этому времени, послѣ переселенія изъ своей прародины (верховья Днѣпра), то отсюда мы вправѣ сдѣлать заключенія: 1) что общеславянская эпоха (періоды праславянскій и непосредственно передъ распаденіемъ) длилась отъ I вѣка до IV вѣка по Р. Х. приблизительно [1]). 2) Распаденіе общесл. языка происходило приблизительно въ IV вѣкѣ по Р. Х. 3) Періодъ общерусскаго единства (прарусскій и періодъ непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка) длился приблизительно съ V в. по IX-й вѣкъ по Р. Х. 4) Съ X-го вѣка по Р. Х. русскія племена стали жить особою жизнью, и русскій языкъ распался на нарѣчія (сѣверное, среднее и южное).

---

[1]) По *Соболевскому* «окончаніе общеславянскаго періода приходится относить къ эпохѣ около II в. по Р. Хр.» (Лингв. и археологич. наблюденія. I. В. 1910. Стр. 4). Мы беремъ для этой эпохи еще и III-ій вѣкъ по Р. Хр.

5) Жизнь отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій складывается въ XI—XII вѣкѣ по Р. X.

При этомъ не надо забывать, что *нарѣчія съ теченіемъ времени становятся языками*; если мы имѣемъ въ виду *отношеніе даннаго языка къ прошлому времени*, то онъ является *нарѣчіемъ;* если мы имѣемъ въ виду *отношеніе даннаго языка къ настоящему времени*, то онъ является *языкомъ*. Напр., *языки:* польскій, чешскій, старославянскій, русскій, сербскій, болгарскій и под., являются *нарѣчіями* по отношенію къ своему родоначальнику—общеславянскому языку; по отношенію же другъ къ другу—*языками*. *Языки* сѣверно-русскій, средне-русскій и южно-русскій по отношенію къ своему родоначальнику—общерусскому языку являются *нарѣчіями*; по отношенію же другъ къ другу въ современности—*языками*. (Сѣверно-великорусское, южно великорусское и малорусское съ XIV вѣка, а равно и западная отрасль южно-великорусскаго нарѣчія, т. е. западная отрасль средне-русскаго нарѣчія, бѣлорусское нарѣчіе съ XIV вѣка. Литературу предмета см. здѣсь въ концѣ Введенія). Срв. *Шахматова*: „Къ вопросу о финско-кельтскихъ и финско-славянскихъ отношеніяхъ". I—II. СПБ. 1911 г. (Изв. Академіи Наукъ 1911). Стр. 807, 809—811. *Его-же*. „Древнія ляшскія поселенія въ Россіи". („Славянство". № 4—6. Іюль—Сентябрь 1911 г. СПБ.). Стр. 24, 26, 27, 28—29.

§ 24. Если бы мы захотѣли теперь, на основаніи изложеннаго матеріала, опредѣлить звуковой и морфологическій характеръ славянскаго праязыка среди языковъ индоевропейской семьи, съ одной стороны, и опредѣлить его отличіе отъ общерусскаго языка (русскаго праязыка),—съ другой, то теперь намъ можно было бы сдѣлать это довольно легко, т. к. мы познакомились съ тѣми звуковыми явленіями, которыя унаслѣдовалъ русскій праязыкъ отъ общеславянской эпохи *безъ измѣненія*, слѣдовательно, опредѣлили область, въ которой языкъ прарусской—общерусской эпохи является прямымъ

продолженіемъ во времени своего языка—отца, т. е. сохраняетъ сходство и общія черты съ послѣднимъ.

Славянскій праязыкъ (въ эпоху наканунѣ своего распаденія) отличался: 1) отсутствіемъ исчезнувшихъ согласныхъ въ концѣ словъ и слоговъ. Напр., въ греч., лат., литов., др.-инд., мы имѣемъ на концѣ словъ въ им. п. ед. ч. именъ муж. рода согласное окончаніе s: lupus, *λύκος*, wiĨkas, vr̥kas..., но въ слав. языкахъ—ни въ одномъ: *вълкъ* и под. (см. выше). Или: литов. sūnūs, слав. сынъ; греч. *νέφος*, слав. небо; греч. *ἔφερον, ἔφερες...* слав. аор. 1 л. ед. ч. везъ, везохъ, 2 л. и 3 л. везе (безъ *с* и т). Между тѣмъ какъ въ др.-инд. языкѣ мы имѣемъ въ 1 л.—*m*, во 2-мъ—*s*, въ 3-мъ—*t*: avaham, avahas, avahat... Срв. также имѧ (съ носов. гласнымъ) и лат. nomen (съ носов. *согласнымъ*) и под., гдѣ мы имѣемъ носовое ę (ѧ)—*гласный носовой* въ соотвѣтствіи съ гласнымъ + носовой *согласный* латин. языка. 2) Образованіемъ простыхъ долгихъ гласныхъ изъ болѣе раннихъ (Срв. лит. яз.) дифтонговъ: срв. выше: литов. eĩti; греч. *εἶμι* и слав. и-ти; греч. *Fεῖδος*, лит. véidas и слав. видъ; лит. ausìs, лат. auris и слав. оухо (*ухо*); лит. род. ед. sūnaũs и слав. сыноу (*сыну*); лит. baisũs и слав. бѣсъ. 3) Появленіемъ ирраціональныхъ (глухихъ) звуковъ ъ и ь изъ чистыхъ *ŭ* (ŏ) и *ĭ* (ĕ), причемъ чистые гласные полнаго образованія сохранялись также: лит. lìnas, греч. *λίνον*, лат. linum и слав. льнъ; лит. esmi, греч. *εἰμί* (изъ *ἐσμί*), др.-инд. asmi (и въ 3 л. ед. греч. *ἐστί*, др.-инд. asti...) и слав. ѥсмь, ѥсть (ѥстъ—діалектически). Срв. ъ въ словѣ дъшти изъ *ŭ*: литов. d*u*ktē и выше въ концѣ словъ ъ изъ *ŭ* (вълкъ, бѣсъ, остръ при литов. aštrùs и проч.). Эти ъ и ь, какъ увидимъ ниже, сохранили въ отдѣльныхъ слав. языкахъ доказательства того, что они, какъ *ирраціональные*, т. е. соотвѣтствующіе въ большинствѣ случаевъ индоевропейскому *краткому* ирраціональному гласному звуку, который получался изъ сокращенія краткихъ звуковъ *ă*ᵉ, *ă*ᵒ и *ă*ᵃ (*ĕ, ŏ, ă*), были или *болѣе сильными* (въ опредѣленныхъ положеніяхъ въ словѣ. См. ниже), или *болѣе слабыми* въ зависимости отъ

фонетическаго положенія въ словѣ и отъ ударенія. И на это ихъ различное качество указываетъ ихъ *судьба* въ отдѣльныхъ слав. языкахъ (см. ниже). Такъ какъ *ирраціональные* звуки требуютъ выясненія и по самому термину своему, и по своему значенію, то я постараюсь сейчасъ же выяснить то и другое. Академикъ и бывшій профессоръ Моск. Университета Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ числѣ гласныхъ звуковъ общеиндоевропейскаго языка указываетъ такой звукъ, который получался въ общеиндоевроп. языкѣ *изъ сокращенія краткихъ* звуковъ *a* различнаго качества (см. выше) и былъ частью *слоговымъ*, частью *неслоговымъ*. *Неслоговымъ* ирраціональный звукъ былъ въ общеиндоевроп. языкѣ, именно, въ сочетаніи съ *сонорными* (плавными и носовыми: *r*, *l*, *m*, *n*) согласными, которые сами *при этомъ* являлись *слоговыми*. Звукъ этотъ проф. Фортунатовъ обозначаетъ въ общемъ индоевроп. языкѣ греческою буквою *α*, такъ что буква *α̥* означаетъ *слоговой* ирраціональный общеиндоевропейскаго языка, а буква *α*—*неслоговой* ирраціональный гласный. Этотъ гласный былъ *очень краткимъ*, короче обыкновеннаго краткаго гласнаго, который требовалъ для своего произнесенія менѣе времени, чѣмъ нормальный краткій звукъ. Названіе „ирраціональный“ выражаетъ такой звукъ, въ соотвѣтствіи съ которымъ въ различныхъ потомкахъ общеиндоевропейскаго языка являлись различные гласные звуки, а иногда даже ему соотвѣтствовало полное отсутствіе гласнаго въ данномъ сочетаніи, изъ чего видно, что *въ судьбѣ ирраціональныхъ звуковъ* въ отдѣльныхъ потомкахъ общеиндоевроп. языка возможно было отмѣтить даже *исчезновеніе* ирраціональныхъ, ставшихъ настолько *глухими* (сравн. франц. глухіе—нѣмые звуки „muet“, напр., въ словѣ „mère“—конечное *e*), что съ теченіемъ времени въ разныхъ языкахъ (напр., въ старосл., въ русскомъ) они совсѣмъ утратили свое произношеніе. Во всякомъ случаѣ эти звуки (старосл. ъ и ь) были звуками *неполнаго образованія*. Выше мы видѣли, что въ періодъ историческаго существованія стрсл. языка *въ концѣ словъ* уже потеряли свое произношеніе ъ и ь; въ такихъ случаяхъ эти

ъ и ь были *менѣе сильными*; но въ такихъ словахъ, какъ съпъ (=сонъ), дьнь (=день), т. е. *въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ* эти ъ и ь были *болѣе сильными* и потому впослѣдствіи стали звуками *полнаго* образованія, т. е. прояснились: ъ стало *о*, а ь стало *е*: *сон*, *ден* съ мягкостью конечнаго *н'*: *ден'*; эта мягкость—единственный слѣдъ конечнаго ь, которое, значитъ, смягчало собой предшествующую согласную. Срв. сънъ вм. съпнъ, какъ показываетъ литовское sãpnãs, лат. somnus изъ sopnus, греч. (σ) ὕπνος, др. инд. sup, svapnas; рус. *сон*. Изъ этого примѣра мы видимъ, что въ соотвѣтствіи стрсл. ъ другимъ звукамъ родственныхъ языковъ не наблюдается *постоянной закономѣрности* соотвѣтствія звуковъ, какъ это мы наблюдаемъ въ звукахъ *полнаго образованія*. Напр:, въ словѣ *сонъ* мы видимъ по языкамъ въ корнѣ и гласный *о*, и гласный *ŭ* (греч.), и гласный *u* (ụa въ др. инд.), и гласный *а*, и гласный глухой ъ. Въ словѣ vъ̥lkъ̥s мы видѣли въ корнѣ и гласный *u* (лат.), и гласный *ŭ* (греч.), и гласный *і* (польск., литов.), и гласный ъ (болг., стрсл. яз.), и гласный *о* (рус.) и полное отсутствіе гласнаго (чш., серб., др.-инд. яз.). Срв. род. ед. отъ слова *сонъ—сна*, гдѣ ъ исчезъ вовсе подъ вліяніемъ *новаго* фонетическаго положенія, т. е. появленія въ слѣдующемъ слогѣ гласнаго полнаго образованія и перехода ударенія, вслѣдствіе этого, на конечный и единственный гласный этого слова. Далѣе, въ словѣ, напр., порядъкъ, городъкъ, горькъ, отьць, и под., гдѣ за слогомъ съ гласными ъ и ь слѣдуютъ слоги тоже съ ъ и ь (менѣе сильными) мы видимъ, что эти ъ и ь становятся съ теченіемъ времени *гласными полнаго образованія*, т. е. *о* и *е*: порядокъ, городокъ, горекъ, отецъ и проч. Слѣдовательно, *болѣе сильными* ъ и ь *являются вообще въ положеніи передъ слогомъ съ* ъ и ь менѣе сильными и въ начальномъ слогѣ слова *подъ удареніемъ*.

Такимъ образомъ, ъ и ь *болѣе сильные* являются *въ двухъ опредѣленныхъ случаяхъ фонетическаго ихъ положенія*.

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *ъ* и *ь* были менѣе сильными и исчезали въ жизни отдѣльныхъ слав. языковъ. Срв. также: дьнь, болг. ден, серб. дан, чш. deň, польск. dzień; но литов. dëna, др.-инд. dina. (О звукахъ *ъ* и *ь* въ положеніи ихъ передъ *i̯* см. ниже).

Далѣе, 4) Слав. праязыкъ отличался *развитіемъ носовыхъ гласныхъ звуковъ* („ринезмъ"), которыхъ не было въ литов. языкѣ. Напр., стрсл. пѧть, польск. pięć, но лит. penkí; стрсл., рѫка, польск. ręka, но лит. ranká.

5) Развитіемъ характернаго звука *ы* изъ *ū* (*у* долгаго): дымъ—др. инд. dhūmas, греч. *θυμός*, лат. fumus, литов. dúmai; сынъ—др. инд. sūnus, литов. sūnùs.

6) Образованіемъ зв. *х* изъ индоевр. *s* послѣ звуковъ *i*, *u*, *r*, *к*, но не въ сочетаніяхъ: *sk*, *sp*, *st*: доухъ—лит. daũsas, оухо—лит. ausìs. Срв. аорист. стрсл. языка на—охъ и греч. на—*σα* и проч.

7) Основные индоевроп. палатальные *k̑*, *ĝ* и *ĝh* отразились здѣсь въ звукахъ *s* и *z*: съто, греч. *ἑ-κατόν*, лат. centum, др.-инд. çatam, лит. šimtas; десѧть, греч. *δέκα*, лат. decem (c=k, какъ и выше), литов. dešimtis; ꙁнати,—греч. *ἔ-γνων*, лат. (co) gnosco, др. инд. ĝnatás, литов. žinoti; веꙁѫ,—греч. (*F*)*ἔχω*, лат. veho, др. инд. vah-āmi, литов. vežu. (Срв. общеславянскую эпоху выше). Общесл. языкъ въ этомъ отношеніи поэтому принадлежитъ къ группѣ языковъ, называемыхъ „satəm" (=„сто" на языкахъ иранской вѣтви), а греч. языкъ —къ группѣ „centum" („kentum").

8) Задненебные чистые, не смягченные *г*, *к*, *х* здѣсь въ извѣстномъ положеніи перешли въ *ж'*, *ч'*, *ш'*, *з'*, *ц'*, *с'*. Напр., живъ—лит. gývas, чистъ—лит. kýstas, цѣна—лит. kaĩna. (Срв. общесл. явленія, перешедшія въ общер. эпоху выше).

9) Въ праславянскій языкъ не перешли, такимъ образомъ, звуки k̑, ĝ, ĝh, которые здѣсь дали или *s* и *z* (см. 7), или въ положеніи передъ i̯ (j)—*š* и ž: веꙁѫ, ꙁима, сь, прасѧ; но: пишѫ, лижѫ и под. Сюда перешли только въ видѣ *к* и *г*

основные велярные (q, g...) и лабіовелярные (q^u, g^u....): гость, мьгла, копати, прокъ и под.

10) Здѣсь сохранились первичныя сочетанія *or*, *ol*, *er*, *el* между согласными: borda—борода, bergъ—берегъ, melko—молоко (срв. нѣм. melken—доить), zolto—золото и под.

Въ морфологіи:

11) Здѣсь сохранился *средній родъ* имен. сущ. и прил.

12) Сохранилось прич. прош. вр. дѣйств. з. на — *лъ*: „зналъ" и под.

13) Сохранились прошедшія *простыя* времена: imperfectum и два аориста. (Срв. стрсл. яз.: ведѣахъ, ведохъ и ведъ).

14) Исчезло время perfectum, желат. наклон. и будущее время. Наше будущее по формѣ есть настоящее. Срв. въ греч., лат., и др.-инд., а также въ литов., гдѣ эти формы сохранились.

15) Сохранилось разнообразіе древняго ударенія: музыкальное и экспираторное.

16) Сохранилась древняя *долгота* гласныхъ. Срв. ѣ и є и проч. Сдѣлаемъ изъ этого выводъ.

---

§ 25. Выводъ изъ характеристики славянскаго праязыка. Если мы на основаніи добытаго сравнительнымъ изученіемъ славянскихъ нарѣчій и литовскаго языка пожелаемъ теперь построить картину историческихъ измѣненій, происшедшихъ въ общеславянскій періодъ въ языкѣ, разсмотримъ тѣ явленія, которыя принадлежатъ ранней эпохѣ общеславянскаго періода языка, и сопоставимъ ихъ съ явленіями языка, перешедшими *безъ измѣненія* въ общерусскую эпоху, въ качествѣ наслѣдства, полученнаго общерусскимъ языкомъ ко времени его древнѣйшей, прарусской эпохи, то мы получимъ, именно, рядъ измѣненій языка, испытанный въ теченіе *всего*

общеславянскаго періода, отъ времени выдѣленія общеславянскаго языка изъ литовско-славянской семьи до выдѣленія общерусскаго языка изъ общеславянской семьи.

Въ самомъ дѣлѣ, за означенный періодъ времени общеславянскій языкъ успѣлъ пережить слѣдующія явленія: *онъ потерялъ конечные согласные фрикативные* (*взрывные согласные* были утрачены въ концѣ словъ еще въ предшествующую балтійско-славянскую, или литовско-славянскую эпоху), передъ которыми *открытые гласные успѣли закрыться* и въ такомъ видѣ, но уже безъ конечныхъ согласныхъ, эти закрытые гласные дожили до эпохи распаденія общеславянскаго языка; послѣ эпохи распаденія, уже въ историческое время, нѣкоторые слав. языки (стрслав. яз.) сохраняли лишь слабое воспоминаніе о конечномъ закрытомъ гласномъ, который сталъ *слабымъ* ирраціональнымъ и былъ на пути къ исчезновенію въ этомъ фонетическомъ положеніи уже и въ старосл. языкѣ *въ періодъ письменности.* Далѣе, конечные закрытые гласные въ положеніи передъ старыми конечными фрикативными согласными пережили послѣ своего измѣненія въ закрытые общую судьбу съ бывшими уже въ этотъ періодъ (праславянскій) языка ирраціональными гласными звуками, которые, въ свою очередь, образовались на почвѣ общеславянской изъ болѣе раннихъ гласныхъ краткихъ *ŭ* и *ĭ* предшествовавшей, литовско-славянской эпохи. Далѣе, старый звукъ *ē*, сохранивъ свою долготу, распался на дифтонгическое сочетаніе *i͡e*, которое извѣстно было съ двумя видами долготы въ томъ случаѣ, если оно по происхожденію своему восходило къ дифтонгу литовско-славянской эпохи. Слѣдовательно, за время общеславянской жизни возникли послѣдовательно звуки *ē* и *i͡e*, изъ которыхъ послѣднее сочетаніе, въ зависимости отъ перваго или второго составлявшаго его слогового элемента (i̯e и ie̯) и качества долготы, успѣло пережить измѣненія въ *ī* и измѣненія въ *ē* (ѣ) черезъ звукъ ô. Далѣе, за это же время выяснилось чередованіе *j* и *i̯*, и произошла утрата различія

j и i̯ въ положеніи въ начальномъ слогѣ слова, вслѣдствіе чего начальное *ē* въ болѣе ранній періодъ (праславянскій) въ положеніи послѣ альвеолярныхъ, палатальныхъ, смягченныхъ согласныхъ, ž́, č́, š́ и послѣ *j*, который въ такомъ случаѣ сталъ появляться передъ всякимъ начальнымъ гласнымъ, перешло въ *a*, но въ болѣе поздній періодъ утраты различія *j* и i̯ не всякое уже *jѣ* переходило въ *ja* (ѣмь-jѣмь—jамь-ѩмь), а сохранилось уже и параллельное *ē* (ѣ). За это же время развился звукъ *ä* изъ начальнаго *ĕ* въ положеніи послѣ смягченнаго согласнаго (*j* или другого звука) передъ слогомъ съ *i* или *e*; это *ä діалектически* незадолго передъ распаденіемъ общеславянскаго языка перешло стадію измѣненія въ *ö*, откуда въ общерусской эпохѣ мы уже видимъ *o* (одинъ, олень....). Далѣе, дифтонги уже вообще, какъ таковые, успѣли замѣниться *долгими* гласными, изъ которыхъ нѣкоторые совпали въ качественномъ отношеніи съ тѣми гласными, которые восходятъ къ ирраціональнымъ гласнымъ въ положеніи ихъ передъ i̯ (dobrыi̯, sinii̯ изъ dobrъ + i, sinь + i, а эти изъ dobrŭ, sinĭ..., dobrŭs, sinĭs,—dobrŏs, sinĕs...). Эти *ы* и *i* изъ *ъ* и *ь* передъ i̯, какъ и *ъ* и *ь*, могли и терять свое удареніе, и исчезать, т. е. были, значитъ, *ирраціональными ы* и *i* и подчинялись фонетическому положенію, становясь то *слабыми*, то *сильными*, какъ и *ъ* и *ь* въ соотвѣтственныхъ положеніяхъ: срв. пити—пиѭ—пьѭ; рус. p'ju (орѳ. „пью"). Или: мыти—мыѭ—мъѭ; рус. „мою" и под.—уже явленія позднѣйшей эпохи русскаго языка. См. ниже. Наконецъ, за этотъ же періодъ образовались *носовые гласные* звуки, которые остались безъ измѣненія все время общеславянскаго періода и изъ него перешли въ эпоху общерусскаго языка, въ которомъ уже исчезли къ X-му вѣку, какъ это мы видѣли выше; въ азбукѣ же Кирилла и Меѳодія, въ IX вѣкѣ, эти носовые гласные нашли для себя выраженіе въ буквахъ ѫ и ѧ. Въ этотъ періодъ были извѣстны гласные u̥ и u̯, какъ и i̥ и i̯ краткіе и долгіе; причемъ u̯ былъ въ чередованіи съ *ю*

(билабіальный) и *v* (зубно-губной согласный), а ḭ былъ въ чередованіи съ *j* (средне-небнымъ согласнымъ). Въ положеніи послѣ *k*, *g*, *ch* были извѣстны, именно, сочетанія съ слѣдующимъ *w*, хотя и *діалектически*, что и засвидѣтельствовано судьбой такихъ словъ, какъ рус. *цвѣтъ* и проч. въ разныхъ слав. и рус. нарѣчіяхъ. (См. выше).

Такова была картина движенія въ области гласныхъ звуковъ. Въ области согласныхъ звуковъ произошли за этотъ періодъ измѣненія плавныхъ l̑ и ȓ въ l̥ и r̥, причемъ стоявшіе при нихъ ирраціональные ъ и ь, въ положеніи *передъ* ними, сами стали *неслоговыми*. Я, именно, предполагаю въ раннемъ періодѣ общеславянскаго языка, въ праславянскомъ періодѣ, l̑ и ȓ, основываясь на литовскомъ kirmis—чрьвь, geltas—жльтъ и под., даже въ сочетаніи „ирраціональная + плавная" между согласными, и думаю, что слоговые r̥ и l̥ въ такомъ положеніи развивались къ концу этого періода и перешли затѣмъ въ отдѣльные слав. языки (діалектически—чешскій, сербскій, старославянскій), а частью образовались въ отдѣльной жизни слав. языковъ. Далѣе, за это же время развились *смягченные ж, ч, ш, з, ц, с* изъ задненебныхъ *k*, *g*, *χ*, которые были извѣстны сами по себѣ только какъ *твердые* въ положеніи передъ гласными задняго ряда въ соотвѣтствіи съ *k*, *g*, *χ* предыдущаго періода, причемъ само *χ* развилось уже въ эту эпоху, но только въ извѣстномъ положеніи изъ болѣе ранняго (лит.-слав.) звука *s*. Далѣе, звуки *s* и *z* развились тоже въ эту эпоху въ соотвѣтствіи съ основными *k̑*, *ĝ*, *ĝh* (палатальными), которые стали измѣняться еще въ лит.-слав. эпоху по направленію къ передне-небнымъ. (Ср. литов. *sz*, *ž* въ такихъ случаяхъ).

Наконецъ, мы имѣемъ въ этотъ періодъ слѣды утраты *количества* слоговыхъ r̥ и l̥, хотя количество гласныхъ само по себѣ еще здѣсь сохранялось (долгота и краткость), равно какъ сохранялось и разнообразіе удареній по качеству и мѣсту. Такъ приблизительно мы должны себѣ представить

картину фонетическихъ процессовъ во времени за общеславянскій періодъ, причемъ слѣдуетъ упомянуть еще, что за это время стали извѣстны смягченные согласные всѣ, *кромѣ к, г, х* и *h*, т. е. *задненебныхъ*; т. е. стали извѣстны: *р'*, *л'*, *н'*, смягченные губные передъ смягченнымъ *л'* и уже вышеназванные, хотя діалектически уже было извѣстно въ эту эпоху сочетаніе несмягченной *губной+j*. Звукъ *l* послѣ *d* и *t* извѣстенъ былъ *діалектически*, т. е. *l* являлось уже въ эту эпоху вмѣсто *dl* и *tl*. Что касается морфологіи, то мы обратимся къ ней, когда разсмотримъ морфологич. измѣненія уже въ общерусскую эпоху: тогда это будетъ виднѣе.

Глава IX-ая.

Общерусскій періодъ. Звуки.

§ 26. Эпоха общерусская. Охарактеризовавъ эпоху общерусскую выше со стороны тѣхъ звуковъ и формъ, которые перешли въ эту эпоху изъ общеславянской безъ измѣненія, т. е. разсмотрѣвъ наслѣдство общерусской эпохи отъ общеславянской, мы видѣли тѣ звуковыя явленія, которыя, такимъ образомъ, произошли, значитъ, еще въ общеславянскую эпоху. Но нѣкоторые общеславянскіе звуки, т. е. нѣкоторыя общеславянскія явленія *измѣнились* въ общерусскую эпоху, и къ разсмотрѣнію этихъ-то явленій *общерусской* эпохи, мы и переходимъ. 1) Дѣло въ томъ, что изъ сравненія такихъ словъ, какъ: стрсл. ношть, болг. ношт, серб. ноћ, чш. noc, польск. noc, рус. ночь съ литовскимъ naktìs (Срв. нѣм. nacht, лат. noct-is, греч. *νυκτ-ός*, др. инд. nakti), видно, что общеславянскій языкъ уже отличался отъ литовскаго измѣненіемъ сочетанія kt (которое еще было въ лит.-слав. эпоху) въ положеніи передъ мягкими гласными (передняго ряда) въ

šť (ш'т') черезъ št'š изъ χ'ť'χ', которое восходитъ къ χ'ť, а это—къ k'ť изъ индоевр. kt. Изъ праслав. χ'ť'χ' получалось черезъ št'š частью šť (стрсл. шт), частью t'š (рус. ч): срв. свѣшта и свѣча изъ *svētja. Такимъ образомъ, tj, какъ и kt+мягкая гласная давали въ праслав. št'š, откуда šť и ť'š. Само же по себѣ *t* въ сочетаніи съ *j* давало въ общеславянскомъ сочетаніе также ť'χ', какъ и *gt*+мягкій гласный или *j*, какъ видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: стрсл. свѣшта, болг. свѣшта, серб. свијеца, чш. svíce, польск. świeca, рус. свѣча изъ svētja, общесл. svēšt'ša. Или: стрсл. *мошти*, болг. мошт, серб. моци, чш. moci, польск. moc, рус. мочь изъ общесл. mošt'ši (изъ mogti). Вотъ это-то общеслав. сочетаніе št'š изъ болѣе ранняго χ'ť'χ' разнаго происхожденія (изъ tį, ktį, gtį) перешло въ *общерусскую* эпоху въ ť'š, откуда ч: общер. свѣча, ночь, мочь, какъ показываютъ великорусское, бѣлорусское и малорусское нарѣчія, въ которыхъ мы вездѣ въ этихъ словахъ находимъ ч' съ его видоизмѣненіями, по говорамъ въ отдѣльной уже жизни отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій впослѣдствіи. (См. ниже). Равнымъ образомъ изъ сравненія такихъ словъ, какъ: стрсл. межда, болг. межда, серб. међа, чш. meze, польск. miedza, рус. межа и меджа (малор. въ Австріи) съ др. инд. madhja, греч. *μέσος* (изъ *μεδjος*), лат. medius, мы видимъ, что изъ medja—medįa уже въ общесл. эпоху возникло med'ža, откуда mežd'ža, и далѣе mežd'a въ стрсл. и med'ža въ русскомъ при meža, какъ показываютъ слав. нарѣчія, т. к. *dj* измѣняется въ žd'ž или ž'd' и d'ž. Вотъ эти-то общесл. сочетанія перешли уже въ *общерусской* эпохѣ въ *ж'*, какъ видно изъ русскихъ нарѣчій: *меж'а* причемъ *ж'* прежде мягкое. (См. выше).

Примѣры: русское *ж'* и *ч'* въ соотвѣтствіи со стрсл. жд и шт, общеславянское št'š и žd'ž изъ tj и dj или ktj и gtj: древне-русское *вожь* мы находимъ въ Галицкомъ Евангеліи 1144 г.: *вожи* соуть слѣпи—л. 32 и об. Ср. л. 33 об.; *вожь, вожа*—Апостолъ Ростовскій 1220 г. л. 18 и

др. Старосл. кождь. Современное „вождь“ заимствовано изъ старослав. языка черезъ посредство церковно славянскихъ книгъ. Срв. ѵжжю—Изборникъ 1076 г. 294. одежю—ib. 295. дажь—ib. 334. промежю—ib. 349. понужайте—ib. 366. преже—ib. 368. межю—Синод. Корм. 378. надежю имамъ—Корм. 1282 г. 391. чюжь конь—ib. 395. всякои скорби и нужи—Служебникъ Кипріана XV в. (см. Погодина „Образцы“; Срезневскаго „Атласъ“. № 49). Отсюда мы видимъ, что *чужóй*, *нужá*, *одежа*, *дажъ*, *мéжъ*, *понужáть*, *прежъ*, *надежа*, а равно и другія подобныя образованія суть слова *чисто русскія*; слова же: *чуждый*, *нужда*, *одежда*, *даждь* (срв. въ молитвѣ „Отче нашъ“: „даждь намъ днесь“), *между*, *понуждать*, *прежде*, *надежда*—не русскія, а заимствованныя изъ стрсл. языка черезъ посредство церк.-слав. книгъ. Равнымъ образомъ: приходяче—Изб. 1076 л. 366, хотяче, ходяче—Кормчая 1282 г. стр. 386 вмѣсто современныхъ церковно-славянскихъ: приходяще, хотяще, ходяще (прич. наст. вр. дѣйств. зал.). Въ *печерахъ*—Изб. 1076 г. (Буслаевъ. ib. 294) вмѣсто стрсл. пещерахъ. Срв. „*Печерскій* монастырь“ и проч. Клевечжща—вин. п. ед. ч. м. рода прич. наст. вр. дѣйств. зал.—Изборникъ Свят. 1073 г. л. 27 d. Срв. не русское: *клевещу*, *клевещущій* и под. Но: трепечоѵшта—вин. ед. м. р.—ibid. 54 b. Въ этой формѣ мы имѣемъ смѣшеніе русскаго элемента (-чоѵ-) со стрсл. (шта=ща, какъ и въ формѣ: клевечжща—выше). Срв. *клевет*-а, *клевет*-а-ть и т. п. Срв. также въ Изборникѣ 1076 г. (Кіевскій памятникъ. См. выше): Простри срдьчьныи съсоудъ да накаплють ти словеса *слажьша* (слад.—; сравн. ст. по стрсл. была бы: *слаждьша*) медоу... Съмотри житиꙗ ѥго *хожениꙗ* (по стрсл. было бы: *хождениꙗ*. Срв. современное „хожденіе“, заимствованное изъ церк.-слав. книгъ), сѣданиꙗ, ѣдениꙗ... Съ *стражжштими* страдати... (по стрсл. было бы: *страждѫштими*. Срв. современное: „страждущій“—заимствовано изъ церк.-слав. письменности и осталось въ литературномъ русскомъ языкѣ, но народу не-

извѣстно). *Осоуженоу* быти... (Срв. „су́женый“ — русская форма и „присужде́нный“, „суждено́“ и под.—не русскія, а заимствованы изъ книжнаго языка церк.-слав. письменности; равнымъ образомъ—„сужде́ніе“, которое простому народу и до сихъ поръ неизвѣстно. По стрсл. было бы: *осоужденоу быти*). Здѣсь же мы часто встрѣчаемъ русскія формы: *дажь, вижь,* вм. стрсл. и церковносл. *даждь, виждь* — пов. накл. отъ гл. *дати, видѣти,* Срв. у Пушкина: „Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли“... Пророкъ. 1826 г.

2) То начальное *ä,* которое было получено изъ общесл. эпохи діалектически вм. *je* въ положеніи передъ слогомъ съ *i* и *e* перешло въ эпоху общерусскую въ *ö* и далѣе въ *o*: общесл. ädinъ въ общерусскую эпоху перешло черезъ *ödinъ,* въ *одинъ.* Или: jesetrъ при äsetrъ перешло здѣсь въ ösetrъ и далѣе въ *осетръ.* Срв. *озеро, олень* и проч. Это начальное *ö* необходимо было въ общерусскую эпоху (ранняго періода), т. к. начальное *ä* могло дойти до *o* *физіологически* лишь при посредствѣ промежуточнаго звука *ö,* т. е. при переходѣ очень открытаго *e* (*ä*) въ болѣе закрытое лабіализованное *o* появляется промежуточный звукъ *e͡o*—*ö*—o. Срв. древнерус. заме́рзну и современное зам'о́рзну (пишется: замёрзну или замерзну) при діалектическомъ Казанскомъ (лаишев., тетюш. уѣздовъ) зам'е͡орзну, но 2 лицо: зам'е́р'з'н'ьш (пишется: „замерзнешь“). Сочетаніе е͡о—дифтонгическое сочетаніе одного слога съ преобладающей силой на второмъ составномъ элементѣ, какъ я самъ слышалъ въ названныхъ уѣздахъ Казанской губерніи.

3) Въ общерусскую эпоху произошло взаимное сближеніе между гласными и согласными. Это сближеніе вызвало собой *новые ряды звуковъ согласныхъ* смягченныхъ и согласныхъ лабіализованныхъ, въ зависимости отъ того, съ какими гласными эти согласные сблизились: въ связи съ гласными задняго ряда (твердыми) *согласные лабіализовались,* а въ связи съ гласными передняго ряда (мягкими) *согласные смягчались.*

Въ свою очередь, и гласные, приспособляясь къ сосѣднему согласному, измѣнялись по направленію къ *ї* (палатализовались) или по направленію къ *u* (лабіализовались). Это сближеніе мы называемъ *закономъ полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ*. Этотъ законъ въ частности заключался въ слѣдующемъ: a) передъ гласными передняго ряда, т. е. передъ гласными, *е*, *ę*, ѣ, *и*, *ь*—согласные палатализировались; b) передъ гласными задняго ряда, т. е. передъ гласными: *о*, *ǫ*, *у*, *ъ*—согласные лабіализировались. Однако какъ палатализація, такъ и лабіализація происходили не во всѣхъ случаяхъ въ одинаковой степени: передъ звукомъ *ї* согласные стали въ эту эпоху *мягки*, а передъ звукомъ *е* только *полумягки*. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ общерусскую эпоху должны были возникнуть *новыя мягкія согласныя* передъ звукомъ *ї*. (Припомнимъ, что въ болѣе раннюю эпоху мы имѣли лишь *смягченные* согласные *ж*, *ч*, *ш*, *з*, *ц*, *с*, *р'*, *л'*, *н'*, и губные *б*, *п*, *в*, *м* передъ смягченнымъ *л'* изъ *j*. А теперь могли быть палатализованными и *д* и *т* и проч. въ положеніи передъ *мягкими*—палатальными гласными передняго ряда, и эти то *мягкіе* согласные, напр., въ словѣ: *дикій*, *дѣло*, *дерево*, ѣдать, дьнь и под. мы будемъ называть *мягкими* въ отличіе отъ *старыхъ смягченныхъ* согласныхъ, т. е. *исконно смягченныхъ*, полученныхъ таковыми изъ общеслав. эпохи. При этомъ однако будемъ помнить, что въ разсматриваемую эпоху общер. языка звукъ *д* въ словѣ *дерево*, звукъ *т* въ словѣ *тебѣ* и вообще согласные передъ *е* были *полумягки*, т. е. тверже, чѣмъ эти же согласные передъ *и*, ѣ и т. д., напр., въ словахъ: тѣло, дѣло, люди, кости и под. Это видно ясно изъ дальнѣйшей судьбы согласныхъ въ русскихъ нарѣчіяхъ въ положеніи передъ *е* и передъ *ѣ*, *и* и проч. Напр., въ малор. нарѣчіи нынѣ мы имѣемъ: тэбэ (в тэбэ=у тебя, род. п. ед. ч.), дэрево и проч., но: т'іло, д'іло; звукъ же *и* въ нѣкоторыхъ говорахъ малор. нарѣчія отвердѣлъ подъ вліяніемъ особыхъ условій, имѣвшихъ мѣсто уже въ позднѣйшей исторіи

отдѣльныхъ нарѣчій р. языка, напр., ходи, ходити въ говорахъ малор. нарѣчія произносится почти ходы́, ходы́ты и проч. Достовѣрные примѣры такого произношенія или смѣшенія зв. *и* и *ы* мы имѣемъ въ памятникахъ галицко-волынскаго нарѣчія, именно, въ грамотахъ XIV—XV вѣка. (См. *Соболевскаго.* Лекціи по исторіи р. языка. М. 1907. Изд. 4. Стр. 135. Срв. *Крымскаго*: „Филологія и Погодинская гипотеза“. Кіевъ. 1904 г. Стр. 60. *Его-же*: „Деякі непевні критеріі для діялектольогічноі клясифікаціі старо-руських рукописів“. Львів. 1906. Стр. 29—42. Срв. у *Соболевскаго.* Лекціи. Въ изданіяхъ: 1-мъ стр. 63. Кіевъ. 1888 г. и 2-мъ, стр. 73. М. 1891 г. Въ обоихъ первыхъ изданіяхъ есть особыя статьи подъ названіемъ: „Отождествленіе *ы* съ *и*“, но въ 3-мъ и въ 4-мъ изданіи „Лекцій“ такой статьи уже *нѣтъ*). Далѣе, вновь возникшія сочетанія согласныхъ съ гласными *и* (*і*) и *е* подвергались дальнѣйшимъ измѣненіямъ: согласная, ставшая *мягкой*, т. е. передъ *и* (*і*), ѣ (см. его распаденіе на дифт. сочетаніе *і͡е* выше), такъ и *оставалась мягкой*; но согласная *полумягкая*, т. е. въ положеніи передъ *е* (ę, ь—болѣе сильнымъ. См. выше), ставшая, именно, полумягкой, подвергалась измѣненію въ слѣдующемъ направленіи: согласная стала *все болѣе смягчаться, переходить отъ полумягкой къ мягкой*, а затѣмъ и гласная стала все болѣе измѣняться, причемъ ея измѣненія состояли *въ стремленіи къ утратѣ своей палатальности.* Такъ, гласный *е* въ положеніи послѣ согласной, сдѣлавшейся *мягкой изъ полумягкой,* напр., послѣ *т'*, *въ концѣ слова* сталъ приближаться къ гласному *ä*, теряя свою палатальность: изъ jeste получилось jest'ä. Но если за этимъ *е* (*ä*) была *палатальная* согласная, то это *е* не переходило въ *е* открытое (т. е. *ä*), а—въ *е* закрытое (e^i): такъ, изъ meliątь (мелѭть) постепенно образовалось м'е̂ⁱлють. Если же за этимъ *е* находилась *лабіализованная* согласная, то *е* измѣнялось по направленію къ *ö*: medu (медѹ) переходило въ м'о̂ду.

Гласный ę (ѧ), теряя палатальность, переходилъ въ 'ą: общеславянское pętь, общер. pętь, p'ętь перешло въ p'ątь (п'ѧть).

Гласный ъ *болѣе сильный* передъ *палатальною* согласной переходилъ въ болѣе *закрытое*: dьnь—dьnь—d'ьn'ь—дьнь. Срв. наше: д'е̇ᶦн'. Но передъ *лабіализованной* согласной этотъ ъ переходилъ въ *й ирраціональное*.

Напр., d'ӥnъ, откуда наше: *д'е́н*—род. п. мн. ч.

Согласный *полумягкій* (см. выше), находясь въ положеніи передъ *менѣе сильнымъ ъ*, *не пріобрѣталъ полной мягкости*: н'еᶦс'е́ть—т—полумягкое (точкой внизу мы обозначаемъ полумягкіе звуки). Но: кост'ъ съ мягкимъ *т* подъ вліяніемъ мягкаго *т* въ формѣ кост'и и под.

Такъ возникли въ общерусскую эпоху слѣдующія *мягкія* согласныя:

a) губные, которые прежде, въ общесл. эпоху и въ ранній періодъ—прарусскій—общерусской эпохи, были извѣстны только передъ смягченнымъ *л'*. Стало быть: явленія *б'е*, *в'е*, *п'е*, *м'е* и под. суть явленія не общеслав. періода, а общерусскаго. Въ первомъ же были сочетанія: бе, пе, ве, ме и под. еще ранѣе: *бе*, *пе*, *ве*, *ме* и под. со звуками *б*, *п*, *в*, *м* не палатализованными, *не сближавшимися* въ артикуляціи съ слѣдующими гласными передняго ряда.

b) зубные: *т*, *д*, *с*, *з*, *р*, *л*, *н*, изъ которыхъ только *с*, *з*, *р*, *л*, *н* были извѣстны искони *смягченными* въ предшествующую эпоху. Такимъ образомъ, явленія: *т'е*, *д'е*, *с'е*, *з'е*, *р'е*, *л'е*, *н'е* суть явленія общерусской эпохи. Срв. общесл. tebe и общер. t'eb'e.

Такъ возникли въ общерусскую эпоху и *новые гласные*.

1) *ӓ* въ конечномъ открытомъ слогѣ изъ *е*.

2) *ӧ* въ положеніи передъ лабіализ. согласными изъ *е*.

3) *е*ᶦ закрытое въ положеніи передъ палатальными согласными изъ *е*.

4) ą (носовое *а*) изъ ę (носового *е*) вслѣдствіе потери своей палатальности. Иначе мы получили бы не: *пять*, а *петь*. Срв. лит. penki, греч. πέντε и проч.

5) ъ закрытое въ положеніи передъ палатальной согласной изъ болѣе сильнаго (не исчезавшаго) ъ. Наше: д'е'н' изъ д'ьн'.

6) *ӥ* ирраціональное въ положеніи передъ лабіализ. согласной изъ болѣе сильнаго ъ. Наше дён (д'öн): иначе должно бы остаться *д'ен*. Срв. л'ён (л'öн) изъ льнъ, греч. λίνον. Въ поясненіе этого скажу, что формы мёду и лён не одновременны и не одинаковаго происхожденія въ звуковомъ отношеніи: м'öду появилось *раньше* (см. выше) подъ вліяніемъ лабіализованнаго слѣдующаго *д*, чѣмъ м'öд: въ то время, какъ было уже *м'öду* еще было *м'ед* и не было *м'öд*; *л'öн* же появилось тогда, когда появилось и *м'öд*. Для появленія *л'öн* требовалось ирраціональному ъ болѣе сильному въ положеніи въ первомъ слогѣ подъ удареніемъ перейти въ *ясный гласный полнаго образованія е*, а это случилось въ слѣдующую эпоху, непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка на русскія нарѣчія, когда и звукъ ирраціональный болѣе сильный *ӥ* (изъ ъ передъ лабіализ. согл.) перешелъ въ *ö*, т. е. когда *д'ӥнъ* перешло въ *д'öнъ*; *д'ън'ъ* перешло въ *д'ен'*; *п'ъсъ*—въ *п'ес*—*п'öс* и т. д.

§ 27. Развитіе лабіализаціи въ общерусскомъ языкѣ. Мы видѣли выше, что изъ общеславянскаго языка были получены общерусскимъ языкомъ *только* задненебные *k*, *g*, *h*, *x*, какъ звуки *велярные*; остальные же согласные перешли въ общерусскій языкъ, успѣвши уже *палатализоваться* въ предшествующую эпоху и такими были получены общерусскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, только задненебные согласные не были извѣ-

стны въ смягченномъ видѣ, т. е. звуки *k*, *g*, *h*, *x* не были извѣстны, какъ смягченные: *k'*, *g'*, *h'*, *x'*. Звуки же *смягченные*: *ж'*, *ч'*, *ш'*, *ц'*, *з'*, *с'*, *р'*, *л'*, *н'* уже были получены *таковыми*, т. к. они, какъ и *губные*, уже въ сочетаніи съ *j* средненебнымъ или съ ị, были извѣстны и въ общеславянскую эпоху, когда они и перешли въ вышеуказанные смягченные звуки, произносившіеся *мягко*, т. е. сочетанія въ словахъ: ж'ивъ, ч'истъ, ш'есть, ш'ити, ц'ѣна, грязь, вьсь, море, поле, конь и под. или въ словахъ: з'емля, капля, люблю, ловлю и под. были уже извѣстны въ общеслав. эпоху, откуда они перешли и въ общерусскій языкъ, представляя лишь *діалектическія* разновидности еще въ общесл. языкѣ. Мы помнимъ также, что въ общерусскую эпоху *лабіализованные* согласные *вообще* возникали *въ положеніи передъ лабіализованными гласными*— задняго ряда: *о*, *ǫ*, *u*, *ъ*. Но съ теченіемъ времени, однако въ эту же эпоху, *такіе лабіализованные согласные* стали возникать *и передъ нелабіализованными гласными*, лишь бы послѣдніе были *не* палатализованными. Это возникновеніе новыхъ *лабіализованныхъ* согласныхъ, быть можетъ, происходило подъ вліяніемъ общеслав. ряда *велярныхъ* задненебныхъ *k*, *g*, *h*, *x*. (См. выше). Такое *возникновеніе новыхъ лабіализованныхъ согласныхъ* въ общерусскую эпоху доказывается, во-первыхъ, *развитіемъ звука ö* вмѣсто стараго *е*, и *не только въ положеніи передъ слѣдующей лабіализованной гласной въ слѣдующемъ слогѣ*, какъ мы видѣли выше въ такихъ фонетическихъ положеніяхъ, какъ: м'öду, *но вообще въ слогѣ передъ слѣдующей непалатализованной гласной*, напр., с'öла. Слѣдствіемъ такого развитія звука *ö* изъ *е* общеславянской эпохи было то, что звукъ *ö* очутился въ новыхъ положеніяхъ, вытѣснивъ собой старый звукъ *е* даже послѣ искони *смягченныхъ* (см. выше) согласныхъ: мы получили, такимъ образомъ, звукъ *ö* въ положеніи послѣ: *j*, *ж'*, *ч'*, *ш'*, *ц'*, *з'*, *с'*, *р'*, *л'*, *н'*, и изъ *jему* получилось *jöму*. Срв. сѣв.-влкр. ёму́, юврю яму́, малор. јому́, москов. јеⁱму́: всѣ эти діалектическія разновид-

ности объяснимы только изъ общерусскаго *jöму*, которое восходитъ къ общеславянскому *jemu*: срв. стрсл. ѥмоу; то же мы имѣемъ и въ прочихъ слав. нарѣчіяхъ. (Срв. сказанное выше объ общеслав. начальномъ *je-*, діалектически *ä*—въ положеніи при *i* или *e* слѣдующаго слога, при русскомъ ä-, которое дало впослѣдствіи русское *o* въ начальномъ слогѣ слова, перешедши черезъ ступень *ö* въ общерусскую эпоху ранняго, прарусскаго, періода). Также: общесл. č'ego, č'eho перешло здѣсь въ č'ögo, č'öho. Срв. малор. чоhó, юvр. ч'аhó, ч'аво́, свр. ч'ово́, мск. ч'еіво́ и проч. Равнымъ образомъ: общесл. ž'eny здѣсь перешло въ ž'öny, ж'ōны. Срв. свр. жоны́, юvр. жаны́, блр. жаны́, малор. жоны́, мск. жэⁿны́ и проч. Это явленіе наблюдается по памятникамъ уже съ XII вѣка. Срв. въ Евангеліи Тяпинскаго XVI в. (печатномъ), западно-русскомъ: *жоны*—род. п. (*Соболевскій*. Лекціи.[4]. Стр. 59—67. Здѣсь см. и другіе примѣры, которые однако намъ пригодятся не сейчасъ и не по этому поводу). Срв. далѣе: общесл. š'estь, общер. š'est'ь, затѣмъ прилагаг. š'estъj, откуда š'östoj. Срв. свр. шосто́й, юvр. шасто́й и проч. Также: изъ л'етать-л'ōтать. Срв. свр. лёта́ть, юvр. л'ата́ть и др. под. А вслѣдъ за этимъ развилось вытѣсненіе звукомъ *ö* звука *e и въ конечныхъ открытыхъ слогахъ*. Напр., бож'ö, лиц'ö; твоjö, ваш'ö и под. Срв. ликjo, лиц'е, общер. лиц'ö. Соврем. лицо́. Или: твоё, ва́шо— въ свр. говорахъ, ва́шӑ—въ юvр. говорахъ. См. Соболевскаго тамъ же. Въ Изборникѣ Святослава 1073 г. встрѣчается уже: чоловѣка—179. См. тамъ же. Срв. малор. *чоловік*. Если даже и не вѣрить раннему примѣру Изборника XI вѣка, то подобныхъ примѣровъ во всякомъ случаѣ такъ много уже въ XII—XIII в., что возможно только разсуждать о томъ, насколько сравнительно поздно проникаютъ *живыя* произношенія въ нашу древнюю письменность по условіямъ развитія самой древней русской письменности среди лицъ *духовнаго* званія. Въ грамотахъ съ XIV вѣка мы имѣемъ уже очень много примѣровъ. Тоже въ смоленской лѣтописи 1495 года. (См.

Соболевскій. Тамъ же и *мое* „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ").

Только въ одномъ случаѣ звукъ *е остался безъ измѣненія*, именно *въ положеніи послѣ ꙇ въ конечномъ открытомъ слогѣ*: доброје, листије, колије и под. Срв. написанія др. р. памятниковъ: листвие прозябнеть—Остр. Ев. 1056—1057 г. колие—въ кн. Исходъ по сп. XIV в. Срв. также: копие въ Остр. Ев. и под.

§ 28. Во-вторыхъ, возникновеніе новыхъ лабіализованныхъ согласныхъ еще въ общерусскую эпоху доказывается *вытѣсненіемъ звука l (л) звукомъ ł (л) лабіализованнымъ*.

Такъ же, какъ развитіе звука *ö* вмѣсто *е* повлекло за собой цѣлый рядъ послѣдствій, по которымъ мы и судимъ собственно о причинахъ, т. е. по произношеніямъ: с'ола́, жоны́, јому́, чого́ и проч. мы судимъ объ общей причинѣ—измѣненіи звука *е* въ звукъ *о* не сразу, а черезъ посредство звука *ö* и не вездѣ въ одно время, а послѣдовательно: сперва въ положеніи передъ лабіализованными согласными, напр., въ случаяхъ, какъ меду—м'еду—м'öду—м'оду.., а затѣмъ и въ другихъ случаяхъ, какъ: ж'ена—ж'öна—ж'öны́—ж'оны́ и под., затѣмъ: твоѥ (=твоје)—твојö—твојó (твоё) [Срв. есте́ (а не: естё—ест'ó—2 л. мн. ч.) и под.], такъ точно и вытѣсненіе звука *l* (средняго) звукомъ *ł* (лабіализованнымъ) повлекло за собой цѣлый рядъ фонетическихъ послѣдствій—явленій, которыя мы не въ состояніи были бы объяснить, еслибы они сами не указывали намъ на свою причину, на переходъ звука *l* въ звукъ *ł*. Эти послѣдствія слѣдующія: 1) новый звукъ гласный ö (изъ *е*), появившійся сначала передъ лабіализованными, а потомъ и передъ всякими непалатализованными согласными, въ положеніи передъ *ł* лабіализованнымъ перешелъ въ *о* въ закрытомъ слогѣ, гдѣ звукомъ *ł* замыкался слогъ: *молко* непосредственно изъ *m'öłko*, а это изъ *m'ölko*, которое, въ свою очередь, изъ-*m'elko*, *melko*, *mełko*. (См. выше). 2) Но-

вый звукъ гласный—*й* (изъ ъ болѣе сильнаго) ирраціональное въ положеніи передъ *ɫ* перешло теперь въ ъ (болѣе сильное) ирраціональное при тѣхъ же условіяхъ: *вълкъ* непосредственно изъ *в'йлкъ*, а это изъ *v'йɫкъ*, изъ *v'ъlкъ*. (См. выше). Если мы сравнимъ стрсл. влъкъ при діалектич. вльк (въ памятникахъ), затѣмъ польское wilk, то увидимъ, что слѣдовало бы ожидать и въ русскомъ гласнаго палатальнаго (передняго ряда), но вмѣсто такого мы видимъ гласный *о* (задняго ряда), однако при этомъ и звукъ *л* (*ɫ*) *лабіализованный*, а не такой, какъ въ этомъ словѣ польскаго языка или діалектическій старославянскаго языка, напр., въ діалектѣ Саввиной Книги, л. 125. b. влька. При сравненіи съ литов. vilkas мы можемъ полагать, что и въ литов.-слав. эпоху былъ здѣсь гласный передняго ряда, мягкій, и звукъ *l* (средній, европейскій), т. е. былъ ирраціональный ь общеславянскій и *l*: vъ̥l̥kъ̥—праславянскаго періода, при жизни Кир. и Меѳодія. Изъ *вълкъ* общерусской эпохи уже потомъ получилось *волкъ* (волк), какъ увидимъ впослѣдствіи, и другого ничего не могло получиться, какъ мы только что видѣли. Другіе родственные языки (греч., лат., др. инд.) указываютъ тоже на *ирраціональный* звукъ и для общеиндоевропейскаго языка, но здѣсь мы имѣемъ, по указанію Ф. Ѳ. Фортунатова, уже дѣло съ *неслоговымъ* ирраціональнымъ при *слоговомъ* плавномъ, т. к. Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ сочетаніи съ *сонорными* (плавными и носовыми) звуками допускаетъ для эпохи распаденія общеиндоевропейскаго языка лишь *неслоговые* ирраціональные въ положеніи *послѣ* сонорныхъ не передъ гласною или *передъ* сонорными, съ слѣдующимъ за ними согласнымъ или гласнымъ, т. е. сочетанія: неслоговой ирраціональный + слоговой плавный въ данномъ случаѣ: *vər̥kă⁰s; другіе лингвисты (Brugmann) вообще въ такихъ случаяхъ видятъ просто *слоговой плавный* безъ неслогового ирраціональнаго: vr̥kŏs.

Литература. Акад. *А. А. Шахматовъ.* Рецензія на Украинскую грамматику А. Крымскаго. (Rocznik slawistyczny. Tom. II. Kraków. 1909. Nadbitka. Стр. 149 сл.

Акад. *А. И. Соболевскій.* Лекціи по исторіи рус. языка. М. 1907. Изд. 4-ое. Стр. 59 и сл.

Болѣе подробно см. въ концѣ книги.

---

§ 29. Потеря носового свойства гласными. Выше мы видѣли, что историческое время уже не знаетъ носовыхъ гласныхъ въ русскомъ языкѣ, что и въ X вѣкѣ ихъ уже не было здѣсь, но въ VIII—IX вѣкѣ ихъ еще можно предполагать. Слѣдовательно, мы будемъ разсматривать теперь явленіе жизни русскаго языка, именно, приблизительно въ это время. Это была эпоха еще общерусскаго единства. Въ эту эпоху произошла *утрата носового свойства* гласными: именно, гласный ǫ, потерявши свое носовое свойство, какъ долгій гласный, распался сначала на *uo* или на *ou*, затѣмъ по ассимиляціи на *uu*, откуда *u*, (срв. выше *законъ конца словъ*: вин. ед. женѫ изъ женōn, а это изъ *genōn—genān при закрытіи гласнаго въ закрытомъ слогѣ слова: др. инд. ĝanām; общеиндоевроп. $g^{n}\bar{a}^{e}n\bar{a}^{a}m$), такъ что, напр., слово пѫть (pǫtь) послѣ потери носового свойства долгимъ гласнымъ ǭ, т. е. послѣ перехода въ пōть, дало поуть, вѣроятно съ *длительной* долготой, откуда *пууть и далѣе: *путь*. Слово женѫ (ž'enǫ) дало женоу, откуда *женуу и далѣе *жену, воду* и под. Звуки ѫ (ǫ) и ѧ (ę) вообще были *долгими* въ общесл. эпоху и получили изъ балт.-слав. эпохи два вида долготы (см. выше), которая собственно принадлежала въ балт.-слав. эпоху *носовымъ согласнымъ*, а эти послѣдніе передали свою долготу предшествующимъ гласнымъ. Такъ получилось вмѣсто ǫ—*у*. Мы знаемъ, что въ балт.-слав. эпоху были сочетанія гласныхъ съ носовыми согласными, какъ долгими, такъ и краткими. При образованіи изъ этихъ сочетаній въ общеслав. эпоху *носовыхъ гласныхъ* послѣдніе были долгими, получивъ долготу, вѣроятно, отъ

долгихъ носовыхъ согласныхъ. Что носовые гласные въ общеславянскую эпоху были долгими, это видно изъ того, что ихъ потомки въ русскомъ языкѣ (у, а, ѣ. См. ниже) предполагаютъ собой дифтонги или дифтонгическія сочетанія, изъ которыхъ образовались эти сами потомки. Интересно, что нѣкоторые русскіе говоры, напр., Рязанск.-Касимов., а также Вятскій—Котельнич. (Дер. Шумихино, село Юма) въ вин. п. ед. ч. именъ сущ. ж. рода на-*а* произносятъ дифтонгическое сочетаніе у͡о. Напр., *на тра́хку͡о*=на травку (Касим.). *Сію мину́тку͡о* (Вят. Котельн.). Другой разъ: *сію мину́тко͡о*—ib. Кромѣ звука ǫ, потерявшаго носовое свойство, это свойство потерялъ также звукъ ǫ̈, извѣстный въ общерусскую эпоху *въ грамматическихъ окончаніяхъ*: напр., вин. п. мн. ч. ꙁемл͡ѧ или моужа, кон͡ѧ имѣютъ въ стрсл. языкѣ въ окончаніяхъ—ѧ. Мы помнимъ, что этотъ ѧ(ę) образовался (см. выше) изъ сочетаній—jons, откуда—jēns и далѣе—jēn,-ję̄: konjons, konjēns, konjēn, konję̄—кон͡ѩ (кон͡ѧ). Въ русскихъ памятникахъ уже съ XI вѣка мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ въ вин. п. мн. ч. именъ ж. рода на-*ja* и именъ муж. рода на-*jъ* (-ь), откуда далѣе и въ род. п. ед. ч. именъ на-*ja*, окончаніе ѣ. Слѣдовательно, общеславянскому окончанію падежей—ѧ (ѩ), ę, соотвѣтствуетъ русское окончаніе—ѣ. Повидимому это *ē* (ѣ) извѣстно было и западно-слав. языкамъ въ окончаніяхъ соотвѣтствующихъ падежей. Напр., въ Остр. Ев.—великыѩ недѣлѩ—152. 153.; въ Изборн., 1073 г.: ѥдиныи отъ троицѣ—л. 8 об., ср. здѣсь же: ѥдинъ отъ троица—съ *а* вм. ѧ по церковнославянски; отъ неѣ—155 об., въ Арханг. Ев. 1092 г.: святыѩ Еуфимиѣ—130: Анны пророчицѣ—157. пророка Илиѣ—169 об. и проч. Или еще: ѩко каплѣ кръви—Остр. Ев. 160. Изб. 1073 г.: пътицѣ лѣтаѭть—129 об., приѥмлѩ душѣ человѣчьскы—156. Срв. въ Арханг. Ев. 1092 г. дамь тобѣ ключѣ—168 об. Срв. на чарѣ черниговскаго князя Владимира Давыдовича ок. 1151 года (въ Спб. Эрмитажѣ): а се

чара кня володимерова давыдовча кто из *нее* пь тому на здоровье а хваля бога своего ѡсподаря великого кня.... Срв. въ мученіи Бориса и Глѣба (по сп. Успенскаго Собора XII вѣка. Изд. Шахматовымъ и Лавровымъ. М. 1899 г.): къто бо не въсплачетьсѧ съмрьти *тоѣ пагоубьноѣ* приводѧ предъ очи срдца своего—л. 10 столб. а. Стр. ді. Срв. ниже: призъва поутьшю и вышегородьскыѣ *моужѣ* и рече имъ—ib. л. 10 с. Срв. ниже: и жалость *ꙁемлѣ* моѥѧ (по церк.-слав.) сънѣсть мѧ—ib. л. 13: а. Срв. хотѧше же и црквь начати ꙁьдати на мѣстѣ *ветъхоѣ деревѧноѣ*—Житіе Бор. и Глѣба. Сказ. Іакова мниха. Изд. Бодянскаго. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Росс. 1870 г. I. Стр. гі обор. По тому же списку Успен. Собора). Ср. Запись тіуна Наслава около 1125 г. при Мстиславовомъ Евангеліи (кіевск.?): и обрѣсти честь и милость ѿ Бога и ѿ своѥго црѧ и ѿ братиѥ. (ѥ вм. ѣ). Въ Ипат. Лѣтописи подъ 1156 г.: *порозноѣ недѣлѣ* въ суботу: Нѣси приѩлъ благословениѩ отъ святѣй Софьѣ. Этотъ списокъ принадлежитъ XIV—XV вѣку. Въ Грамотѣ 1230 г. (Смолен.): или гость ис которое *земле* приедеть въ мои Смолньскъ... (*е* вм. *ѣ*). Срв. въ грамотахъ Двинскихъ: оу Григорье..., въ Тріоди Постной Новг. Соф. библ. 1100 г.: въ багърѧницѣ мѣсто понѧвою прѣпоѩсасѧ... и проч. Во многихъ памятникахъ: чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще. Срв. въ соврем. р. говорахъ: въ ювр. „*её*“, не „*еѣ́*“; „у нее́“, не у „неѣ́“; „ат зямле́“ и проч., въ млр. „у неі“ и под., гдѣ *і*=*ѣ* по-малорусски. Такимъ образомъ, мы видимъ это русское *ѣ* (*е*) въ род. ед. именъ сущ. ж. р. на-*ja*, въ им. п. мн. ч. тѣхъ же именъ, въ вин. п. мн. ч. тѣхъ же именъ и въ вин. п. мн. ч. именъ сущ. на-*jъ* (-ь) муж. рода. Это же окончаніе *ѣ* (*е*) извѣстно въ тѣхъ же падежахъ и въ именахъ прилагат. (членныхъ и нечленныхъ), и въ мѣстоименіяхъ такихъ же основъ или окончаній (-*ja* и-*jъ*: синѩ, синѩѩ, добраѩ, доуша, моѩ, вьсѩ,

ѩ=она, и=они и проч.). Посмотримъ теперь образованіе этого ѣ въ русскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи со стрсл. ѧ и замѣтимъ, что такое же ѣ (*е̇*) является и въ чешск., и въ словац., и въ польскомъ языкахъ уже въ древности. Дѣло въ слѣдующемъ: общеславянское—ję̄ (изъ-jens) винительнаго падежа множ. числа именъ съ основою на-jъ (-ь) изъ-jǭ въ эпоху общерусскаго языка ко времени потери носового свойства гласными должно было превратиться въ-jē; но общеславянское ē̇ діалектически, какъ мы видѣли выше, еще въ общеславянскую эпоху распадалось на дифтонгическое сочетаніе i͡e, которое, смотря по качеству сохранившейся отъ балтійско-славянской эпохи долготы, давало или *і* при *прерывистой* долготѣ, или *е* (ѣ)—при *длительной* долготѣ. Слѣды такой долготы сохранялись и въ отдѣльной жизни отдѣльныхъ новыхъ славянскихъ языковъ, между прочимъ *подъ удареніемъ*, причемъ само *качество удареній*, напр., въ сербскомъ языкѣ, указываетъ на качество бывшей когда-то долготы: длительная долгота давала перевѣсъ второму звуку изъ двухъ составныхъ дифтонгическаго сочетанія звуковъ, на которое распался долгій звукъ съ длительной долготой, т. ч. въ голосѣ происходило какъ бы *повышеніе второго составного звука*, т. е. получалось удареніе *восходящее* (сербское удареніе ` или ´); при долготѣ же *прерывистой* какъ бы происходилъ перерывъ голоса, и удареніе получалось *нисходящее* (сербское ̏ или ̑) *съ повышеніемъ голоса на первомъ* изъ составныхъ звуковъ. Это дифтонгическое сочетаніе i͡e дошло до общерусской эпохи и діалектически сохранило свои слѣды, но вообще оно здѣсь дало ē̇ (ѣ) носового происхожденія, перешедши черезъ звукъ промежуточный *ō̈* носового происхожденія:—ję̄,—jǭ̈,—jō̈—jē—ѣ: ꙁемлѧ, моужа—рус. ꙁемлѣ, моужѣ.

Далѣе, звукъ ą изъ ę (см. выше потерю палатальности: п'ąть...), потерявъ носовое свойство въ это же время, далъ звукъ *'а*, т. е. *а* со смягченіемъ предшествующаго согласнаго:

п'ать, ход'а, ида (вм. *иды* по *аналогіи* съ формами, въ которыхъ согласный *д* произносится *твердо*: напр., *идуща*, *идущу* и т. д. Также: *неса* вм. *нес'а* подъ вліяніемъ *несы*, *несуща*, *несущу* и проч., гдѣ сохранились твердые согласные. Срв. *ид'а*, *нес'а* и наше: *идя*, *неся*). Вообще, основы на согласный образуютъ эту форму прич. наст. вр. на-*ы*: *несы*, *иды*, *рекы*, *могы*, *текы* и проч. Формы же: *неса*, *река*, *ида*, *мога*, *тека* и под. имѣютъ свое *а* вм. *'а* изъ *ą*, которое, въ свою очередь, изъ *ę* въ эпоху потери носового свойства послѣ возникновенія въ общерусскомъ языкѣ мягкихъ согласныхъ и утратъ гласными въ эту же эпоху своей палатальности, какъ результата закона *полной ассимиляціи* сосѣднихъ звуковъ въ словѣ. Самъ же по себѣ звукъ *ę* (ѧ) былъ суффиксомъ формы прич. настоящ. времени глаголовъ съ основою *на гласный*, а не на согласный. Напр., ходи-, ходѧ; люби-, любѧ; зна-, знаѧ и т. д. Наши же современные: идя, неся, везя, ведя и под. суть образованія *по аналогіи* съ гласными основами. Древнія же образованія р. языка: *ида*, *неса*, *веда* и под. взяли свой конечный гласный изъ глаголовъ съ гласными основами, а предшествующій конечному гласному *согласный* взяли изъ формъ, гдѣ этотъ гласный былъ твердымъ. Такихъ формъ причастія много въ др. р. памятникахъ XI вѣка; въ грамотахъ онѣ исключительно. (См. Соболевскаго. Лекціи. [4]. Стр. 164—165).

§ 30. О звукахъ *р* и *л* въ различныхъ сочетаніяхъ. Потеря долготы ихъ. Утрата чистыхъ *р* и *л*. Полногласіе. Мы видѣли выше, что въ общеславянскій языкъ перешли долгіе звуки, т. е. что *долгота* звуковъ *и ихъ краткость*, бывшія еще извѣстными въ балт.-слав. эпоху, перешли въ общеславянскую эпоху; такъ, мы знаемъ общесл. долгіе гласные, соотвѣтствующіе балтійско-славянскимъ дифтонгамъ (см. выше). Напр., и-ти при литов. e͡i-ti; ух-о при лит. aus-ìs, бѣсъ при литов. bais-us, дымъ при лит. dūmai, др. инд. dhūmas и проч.

Носовые ѫ и ѧ, какъ мы видѣли, были также долгими: припомнимъ примѣры: женѫ или конѧ и проч. Въ литовскомъ языкѣ, какъ и въ др. индійскомъ, были извѣстны также и звуки *r* и *l* *краткіе* и *долгіе*. Наши формы, которыя называютъ *полногласными*, т. е. съ сочетаніями *оро*, *оло*, *ере*, *еле* между согласными, представляютъ основное отличіе восточной вѣтви славянства, т. е. русскаго языка, отъ всѣхъ прочихъ слав. языковъ и объяснимы только при предположеніи, что звуки *r* и *l* перешли и въ общерусскую эпоху изъ общеславянской въ двоякомъ видѣ: *долгими* и *краткими*. Это предположеніе доказывается сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Дѣло въ томъ, что *еще въ балтійско-славянскомъ языкѣ плавная согласная въ сочетаніяхъ* общеиндоевропейскаго языка, представляющихъ собою *дифтонгическія сочетанія гласной ă или ā различнаго качества съ слѣдующей плавной согласной, являлась не краткою*, независимо отъ ея происхожденія изъ общеиндоевропейской долгой или краткой въ положеніи передъ согласной. Стало быть, въ балтійско-слав. языкѣ происходило *удлиненіе краткой плавной согласной* (*r* или *l*) *передъ согласной*, если эта краткая плавная получалась въ общеиндоевроп. языкѣ въ дифтонгическомъ сочетаніи, оканчивавшемся на краткую плавную. Замѣчу, что сочетанія гласныхъ съ *сонорными* (т. е. плавными и носовыми) согласными по самой природѣ *сонорныхъ* согласныхъ могли образовывать *дифтонгическія* сочетанія, въ которыхъ сонорный согласный примыкалъ въ слоговомъ отношеніи или къ предыдущему, или къ послѣдующему гласному такъ, какъ это можетъ быть и въ дифтонгахъ. Такія дифтонгическія сочетанія возможны, конечно, потому, что сонорныя согласныя (плавные *р* и *л*; носовые *н* и *м*) ближе всего приближаются по своей артикуляціи къ такъ называемымъ *гласнымъ* звукамъ и потому чаще другихъ звуковъ могутъ быть *слоговыми*, составлять слогъ. Такъ вотъ эта удлиненная плавная согласная въ дифтонгическомъ сочетаніи получала въ положеніи передъ согласной

14*

же *прерывистую долготу*, причемъ эта прерывистая долгота представляла долготу цѣлаго дифтонгическаго сочетанія, а не одной только его части. При этомъ, если была плавная согласная такого сочетанія не удлиненной въ балт.-слав. эпоху, а *долгой* еще въ общеиндоевропейскомъ языкѣ, то все дифтонгическое сочетаніе имѣло *длительную* долготу, которая таковой же перешла и въ балт.-слав. эпоху. Въ слѣдующую затѣмъ, *общеславянскую* эпоху, сама гласная *a* различнаго качества, если она была *долгая*, *получала сокращеніе*, т. ч. дифтонгическія сочетанія съ *a* и плавной совпали въ общеславянскомъ языкѣ съ дифтонгическими сочетаніями съ *ă* и плавной, а плавная, стало быть, была во всякомъ случаѣ *долгою* или *удлиненной*. Такимъ образомъ, сокращенія гласной *a* различнаго качества давали въ общесл. языкѣ ŏ или ĕ въ сочетаніи съ плавной. Эти дифтонгическія сочетанія съ ихъ дальнѣйшими измѣненіями продолжали сохранять въ общеславянскомъ языкѣ тѣ виды долготы, какіе были получены въ этихъ сочетаніяхъ изъ балт.-славянскаго языка. Но впослѣдствіи въ общесл. языкѣ *исчезло различіе между двумя видами долготы въ положеніи безъ ударенія; подъ удареніемъ же это различіе* двухъ древнихъ видовъ долготы *отразилось въ качествѣ ударенія*. Такъ, сербскій языкъ въ двухъ своихъ нарѣчіяхъ сохранилъ различія удареній въ соотвѣтствіи съ качествомъ праславянской долготы, перешедшей изъ балт.-слав. эпохи. Такъ, *штокавское* нарѣчіе сербскаго языка употребляетъ удареніе ⁀ долгое нисходящее, указывающее на долготу ударяемаго звука, въ томъ случаѣ, гдѣ *чакавское* нарѣчіе сербскаго языка употребляетъ *восходящее удареніе* ' *въ соотвѣтствіи съ балт.-слав.* и *праславянской длительной долготой. Въ этомъ же соотвѣтствіи съ такимъ качествомъ праславянской долготы чешскій языкъ сохранилъ долгіе гласные*. Словѣнскій языкъ въ этихъ случаяхъ представляетъ также восходящее удареніе. Такимъ образомъ, *сербское-чакавское восходящее удареніе* ' указываетъ на прасла-

вянскую длительную долготу; а въ чешскомъ языкѣ *чешскіе долгіе гласные* указываетъ на такую же долготу праславянской эпохи. На такую же долготу праславянской эпохи указываютъ и ударенія въ русскомъ языкѣ въ словахъ разсматриваемаго нами теперь общеславянскаго сочетанія ŏ (ĕ) + r̄ (l̄) въ положеніи передъ согласными. Такимъ образомъ, сравнительное изученіе данныхъ, предлагаемыхъ сербскимъ удареніемъ, чешской долготой гласныхъ и русскимъ удареніемъ въ словахъ съ дифтонгическими сочетаніями *ŏr*, *ŏl*, *ĕr*, *ĕl* между согласными ведетъ насъ къ заключенію: 1) что плавные *r* и *l* были долгими въ означенныхъ сочетаніяхъ въ общеславянскую эпоху и 2) что качество долготы сохранило слѣды свои въ качествѣ удареній въ отдѣльныхъ новыхъ славянскихъ языкахъ. Срв. по ударенію и долготѣ гласнаго слова: серб. гра̑х, мра̑з, при чешск. hrách, mráz съ долгимъ *а* и при русскомъ горóхъ, морóзъ съ удареніемъ на *второмъ* слогѣ, указывающемъ на длительную долготу — восходящее удареніе. Срв. серб. кра̑љ, кра̑ва при чешск. králj, kráva съ долгимъ *а* и при рус. корóль, корóва съ удареніемъ на *второмъ* слогѣ. Срв. серб. мла̑тӣш — штокав., mlȃtīš — чакавское и рус. молóтишь. Затѣмъ важно еще отмѣтить, что *вообще* признавая, что въ общесл. языкѣ *r* и *l* были *нéслоговыми* (см. выше), мы, согласно съ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, въ то же время признаемъ, что въ самомъ общесл. языкѣ, въ періодъ общеславянскаго единства, дифтонгическія сочетанія *ŏ*, *ĕ + плавная* подвергались такимъ измѣненіямъ (какъ и въ отдѣльныхъ слав. языкахъ), что эти измѣненія свидѣтельствуютъ о томъ, что *плавныя согласныя въ этихъ сочетаніяхъ стали* съ теченіемъ времени *слоговыми* еще въ общесл. эпоху. Таковыми же становились плавные согласные и въ сочетаніяхъ съ общесл. ирраціональными *ъ* и *ь* въ отдѣльныхъ слав. языкахъ, какъ показываютъ измѣненія этихъ сочетаній (*ъ*, *ь + r*, *l* между согласными) въ отдѣльныхъ слав. языкахъ. Такимъ образомъ, какъ сочетанія общесл. языка: ъ̥(ь̥) + r̥(l̥) между согласными,

такъ и сочетанія общесл. языка: ŏ(ĕ) + r̥(l̥), между согласными, съ теченіемъ времени, вѣроятно, еще въ общесл. періодъ переходили въ сочетанія ъ̥(ь̥) + r̥̄(l̥̄) и въ сочетанія ŏ(ĕ) + r̥̄(l̥̄), причемъ въ послѣднемъ сочетаніи плавные были получены еще кромѣ того *долгими*. Судьба сочетаній ŏr̥̄, ŏl̥̄, ĕr̥̄, ĕl̥̄ между согласными въ отдѣльныхъ слав. языкахъ была различная: въ части діалектовъ общесл. языка гласные ŏ и ĕ этихъ сочетаній *удлинились* и перешли *въ долгіе гласные*: *ŏ* въ *ā*, а *ĕ* въ *ē*, откуда затѣмъ дифтонгическое сочетаніе *i͡e*, какъ и изъ всякаго общесл. *ē* еще въ общеславянскій же періодъ. Такое удлиненіе гласной ŏ и ĕ надо понимать, какъ *перенесеніе долготы слѣдующаго за ней плавнаго согласнаго r и l* на предшествующую гласную. (См. выше). Въ этой части діалектовъ, кромѣ удлиненія *ŏ* и *ĕ*, была пережита еще *перестановка* („*метатезисъ*“) гласной и плавной, одной на мѣсто другой. Такъ, изъ общесл. *bŏl̥̄to, *bĕr̥̄gъ, *pĕl̥̄na, *gŏr̥̄dъ и под. въ этой части діалектовъ получились: blāto, brēgъ, plēna, grādъ (это—въ стрсл., болг., серб., чешск., словац. діалектахъ). Въ другой части діалектовъ (польскій) произошла перестановка, но краткость гласныхъ сохранилась: błoto, brzeg, *plena (plionka), gród. Въ третьей части діалектовъ мѣсто гласнаго сохранилось, но произошло большею частью удлиненіе (полабскій и кашубскій). Наконецъ, въ четвертой части діалектовъ (вост. слав.=русскій языкъ) мѣсто гласнаго сохранено, но плавный подвергся измѣненіямъ: сперва долгій плавный распался на два краткихъ, а затѣмъ второй изъ нихъ *вокализовался*, измѣнившись въ гласный такой, какой былъ передъ плавнымъ—по ассимиляціи. Такъ произошло русское „*полногласіе*“, начатки котораго восходятъ къ діалектич. явленіямъ общеславянской эпохи (въ восточной части общесл. языка). Такъ получилось здѣсь: изъ *bŏl̥̄to—bollto—boll̥to—bołoto; изъ *bĕr̥̄gъ—berrgъ—berr̥gъ—beregъ.

Такимъ образомъ, въ части діалектовъ общесл. языка сочетанія: ŏr̥̄, ŏl̥̄, ĕr̥̄, ĕl̥̄ перешли въ ār̥, āl̥, i͡er̥, i͡el̥, а въ дру-

гой части діалектовъ сохранились съ краткой гласной, какъ прежде: ŏr̥, ŏl̥, ĕr̥, ĕl̥, причемъ r̥ и l̥ слоговые изъ старыхъ *неслоговыхъ*. Общеславянское діалектическое āl̥ получалось не только изъ ŏl̥, но и изъ ĕl̥ при извѣстныхъ условіяхъ, именно, послѣ согласныхъ ž, č, š, которые были въ общесл. языкѣ *смягченными* и таковыми перешли въ общерусскій языкъ, (см. выше) и при *l* (зазубномъ, веляризованномъ) передъ слѣдующей *твердой* согласной. Измѣненіе общесл. *ĕl̥* въ āl̥ діалектическое произошло не непосредственно, а черезъ ȏl (срв. выше измѣненія *е* въ *ö* и потомъ въ *о* при веляризованномъ ł, а это, въ свою очередь, возникло въ указанныхъ фонетическихъ положеніяхъ изъ ŏl съ діалектическимъ удлиненіемъ гласнаго. Слѣдовательно, измѣненіе *ĕl* въ ȏl послѣ ž, č, š при твердомъ ł произошло, какъ видимъ, *раньше* діалектическаго удлиненія гласной (ĕ—ē, ŏ—ā) въ такого рода звуковыхъ сочетаніяхъ. *Такія діалектическія сочетанія звуковъ съ удлиненіемъ гласной перешли изъ общесл. языка въ южнославянскіе* языки, въ томъ числѣ, *и въ старославянскій языкъ*, а также въ языки *чешскій и словацкій*, причемъ *во всѣхъ этихъ языкахъ произошла* перестановка *гласной и плавной, и эта-то плавная при перестановкѣ обратилась опять уже въ неслоговую изъ слоговой*. Вотъ откуда въ стрсл. языкѣ въ этихъ случаяхъ мы находимъ сочетанія: ра, ла, рѣ, лѣ. При этомъ надо замѣтить, что изъ ȏl послѣ ž, č, š съ *ł* твердымъ получалось въ діалектахъ общесл. языка не только āl, но также и ēl, откуда далѣе—ie̯l, хотя ie̯l при *āl̥* (а это послѣднее изъ ĕl̥ при извѣстныхъ условіяхъ. См. выше.) могло быть также и слѣдствіемъ вліянія аналогіи однѣхъ формъ словъ на другія (т. е. вліянія формъ словъ съ āl̥ изъ ŏl̥ на формы слова съ ēl̥ изъ ĕl̥. См. выше).

Далѣе, общесл. сочетаніе ār̥ указаннаго происхожденія *безъ перестановки гласной и плавной*, но уже съ плавной *неслоговою*, извѣстно намъ *изъ полабскаго* языка *и изъ кашубскаго языка. Въ русскій языкъ, какъ и въ польскій языкъ,*

перешли въ этихъ общеславянскихъ сочетаніяхъ: ŏ, ĕ + r̥̄, l̥̄ *гласные краткіе безъ удлиненія ихъ*,—но въ то же время въ русскомъ языкѣ въ указанныхъ сочетаніяхъ стало развиваться такъ называемое *полногласіе*. Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ порядокъ звуковъ въ этихъ сочетаніяхъ (or, ol, er, el), сохранился старый, но при этомъ образовался *новый гласный звукъ полнаго образованія, тождественный по большей части съ гласнымъ, стоящимъ передъ плавной*, и этотъ новый гласный звукъ образовался *послѣ плавной, которая стала неслоговою*. Стало быть, изъ общесл. *or* въ указанныхъ нами случаяхъ получилось русское *оро*; изъ *oł*—*оло*; изъ *er*—*ере*; изъ *el* черезъ *öl* получилось русское *оло*, причемъ *l* стало твердымъ, веляризовалось. (Срв. выше: изъ общесл. ьl̥̯—ül̯—ъl̥̯—ол. Первыя три стадіи этого перехода мы разсмотрѣли, т. к. онѣ произошли въ эпоху общерусскую ранняго, т. е. прарусскаго, періода; переходъ же ъl̥̯ въ *ол* относится къ эпохѣ позднѣйшей этого періода, т. е. къ эпохѣ непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка, а потому послѣднюю стадію мы еще не разсматривали. Срв. vьl̥̯kъ̥—vül̯kъ̥—vъl̥̯kъ̯... Въ какое время общеславянскаго языка звукъ l̯ (какъ и r̯ въ подобныхъ сочетаніяхъ) сталъ *слоговымъ* (l̥, r̥), рѣшить трудно, но въ общерусскую эпоху должны были быть извѣстными слоговые *r* и *l*, какъ будетъ видно ниже; эти слоговые *r* и *l* перешли изъ общеславянскаго языка, въ которомъ они образовались, какъ я думаю, *въ позднѣйшій періодъ*, непосредственно передъ распаденіемъ общеславянскаго языка, но уже въ общерусскомъ періодѣ эти слоговые *r* и *l* въ самомъ началѣ отдѣльной жизни русскаго члена славянской семьи перешли въ неслоговые, и образовалось *полногласіе*. Далѣе, изъ общесл. ēl образовалось въ русскомъ языкѣ *еле*, но при какихъ условіяхъ было, именно, это образованіе, а не *оло* (которое было въ положеніи послѣ *ж'*, *ч'*, *ш'* и при звукѣ *л* твердомъ), остается пока неизвѣстнымъ. Наконецъ, изъ общесл. ēl черезъ öl съ *л твердымъ* въ

положеніи послѣ смягченныхъ согласныхъ получалось въ русскомъ языкѣ и ŏlo, откуда *оло* или *ело при отсутствіи ударенія на первой гласной*; иногда же изъ общесл. *ŏl* получалось русское *еле*. Сравни: стрсл. брѣза, рус. берёза, литов. béržas. Стрсл. мрѣти, рус. мереть. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ общесл. *er* (ĕr̥: bĕr̥za), откуда—ēr̥, i͡e̥r̥, по перестановкѣ rē, откуда ri͡e̥. Срв. сербское брȅза. Далѣе: стрсл. влѣкж, рус. волоку, литов. velkù;—изъ общесл. *el* (ĕl̥: vĕl̥ko̥), откуда ēl̥, i͡e̥l̥, по перестановкѣ—lē, li͡e̥. Срв. серб. *влијек-. Срв. стрсл. жлаДж, жласти и жлѣдж, жлѣсти (=уплачивать), гдѣ стрсл. чередованіе ла и лѣ указываютъ на общеславянскія сочетанія: āl изъ ŏl̥ при ēl, i͡e̥l изъ ĕl̥; по перестановкѣ lē, li͡e̥ и lā, которое изъ ŏl черезъ ŏl послѣ смягченныхъ согласныхъ. Въ русскомъ мы ожидали бы *оло*, *ело* изъ *ŏlo* и также могло бы быть *еле*. Срв. русское *жóлобъ*, но *желобóкъ*, чш. žlab и žleb. Срв. стрсл. вранъ и врана, рус. *вóронъ* и *ворóна* при литов. var̃nas и várna. Здѣсь мы имѣемъ слѣды различнаго качества общесл. ударенія въ русскомъ удареніи, какъ и выше. Срв. въ сербскомъ: русскому *вóронъ*, *гóлосъ* соотвѣтствуютъ *врâн*, *глâс* съ *нисходящимъ* удареніемъ на *долгой* гласной; а русскимъ: *ворóна*, *берéза*, *корóва* соотвѣтствуютъ въ сербскомъ: *врȁна*, *брȅза*, *крȁва* съ извѣстнымъ удареніемъ на *краткой* гласной, т. е. здѣсь произошло *сокращеніе* долгой гласной съ бывшимъ восходящимъ тономъ или сокращеніе дифтонга изъ общеславянскаго сочетанія i͡e̥.

Въ такихъ случаяхъ, какъ: *вóронъ*, *гóлосъ*, *гóродъ*, *пóрохъ*, *гóлодъ*, *хóлодъ*, *бéрегъ* и под., при серб.—шток.: врâн, глâс, грâд, прâх, глâд, хлâд, бриjeг, т. е. гдѣ русскія полногласныя формы имѣютъ удареніе на *первомъ* слогѣ полногласнаго сочетанія, *общеславянскій языкъ получилъ изъ балтійско-славянскаго языка дифтонгическія сочетанія на плавную согласную съ прерывистой долготой цѣлаго сочетанія подъ удареніемъ*. Въ такихъ же случаяхъ, какъ: *ворóна*, *бе-*

ре́за, хоро́мы, горо́хъ, моро́зъ, коро́ва, поло́нъ, соро́мъ и под., при серб.—шток.: вра̏на, бре̏за, хра̏м, гра̏х, мра̏з, кра̏ва, сра̏м, сла̏ма, т. е. гдѣ русскія полногласныя формы имѣютъ удареніе на *второмъ* слогѣ полногласнаго сочетанія, *общеславянскій языкъ получилъ изъ балтійско-славянскаго языка дифтонгическія сочетанія на плавную согласную съ длительной долготой цѣлаго сочетанія подъ удареніемъ.* Въ первомъ случаѣ мы видѣли *въ литов. языкѣ* vaȓnas, а во второмъ—várna, т. е. *балтійско-слав. прерывистая* долгота (во́ронъ) подъ удареніемъ вызвала въ литовскомъ языкѣ *восходящее* качество удареія (vaȓnas—съ восходящимъ удареніемъ), хотя сама долгота эта не была восходящею; а *балтійско-славянская длительная* долгота (воро́на) подъ удареніемъ вызвала въ литовскомъ языкѣ *нисходящее* качество ударенія (várna—съ нисходящимъ удареніемъ), хотя сама долгота эта и не была нисходящею. Въ такихъ же случаяхъ, какъ русское *голова́, ворота́, борода́, пелена́* и под. при серб.—шток.: гла́ва, вра́та, хра́нити, бра́да мы имѣемъ и литовское *galvà* и проч. Стрсл. глава указываетъ на перестановку и удлиненіе общеславянскаго дифтонгическаго сочетанія: ŏḷ между согласными, откуда āḷ, а затѣмъ ḷā—ла.

§ 31. Звуковыя явленія общерусской эпохи, предшествовавшія развитію русскаго полногласія. Мы изложили положеніе дѣла относительно плавныхъ звуковъ *r* и *l* въ балтійско-славянскую и общеславянскую эпохи и пришли къ заключенію, что эти эпохи сохранили слѣды *долгихъ* плавныхъ согласныхъ съ различными качествами долготы въ извѣстныхъ звуковыхъ сочетаніяхъ плавныхъ *r, l* съ гласными, восходящихъ къ общеславянскимъ сочетаніямъ *ŏr, ŏl, ĕr, ĕl* между согласными. Въ общерусской же эпохѣ произошли дальнѣйшія измѣненія этихъ общеславянскихъ сочетаній, и теперь мы будемъ слѣдить за этими измѣненіями въ *общерусской* эпохѣ. Въ эту эпоху, именно, произошелъ *переходъ долгихъ* r̄ *и* l̄ *послѣ ŏ*

и ё и передъ согласными въ группы: ȓr̥ и l̑l̥, такъ что изъ общесл. vŏr̥na, gŏl̥va образовались въ общерусскую эпоху: voȓr̥na и gol̑l̥va. Дальнѣйшія измѣненія заключались въ томъ, что группы: ȓr̥ и l̑l̥, стремясь вокализировать второй изъ элементовъ каждой группы, *превращали этотъ второй элементъ* (r̥, l̥) *въ гласную*, именно: въ гласный *о*, когда предшествующій слогъ имѣлъ гласную *о*, и въ гласный *е*, когда предшествующій слогъ имѣлъ гласную *е*. Такъ получились русскія *полногласныя* формы: *ворóна* изъ *вор̥рна*, а это изъ *vŏr̥na*; *бéрегъ* изъ *бер̓р̥гъ*, а это—изъ bĕr̥gъ; *шóлóмъ* (откуда далѣе—*шолóмъ*) изъ шŏл̑л̥мъ, а это изъ шĕл̥мъ—šĕl̥mъ. (О звукѣ *ŏ* изъ *е* послѣ общесл. и общерусскихъ *смягченныхъ* согласныхъ въ слогѣ передъ слѣдующей непалатализированной, а затѣмъ въ слогѣ, который оканчивался на *ł—л* твердое изъ *l* средняго,— было говорено выше. Этотъ звукъ въ общерусской же эпохѣ переходилъ въ *о*).

§ 32. **Второе полногласіе.** Далѣе, такъ какъ мы допускаемъ (см. выше), что въ общеславянской эпохѣ непосредственно передъ распаденіемъ общеславянскаго языка образовались *слоговые* r̥ и l̥ и таковыми они были получены въ общерусскомъ языкѣ, то, разсматривая дальнѣйшую судьбу этихъ слоговыхъ r̥ и l̥ въ общерусскомъ языкѣ, мы видимъ, что здѣсь они *стали замѣняться неслоговыми* лабіализованными и палатализованными, согласно общему закону полной ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ въ словѣ (см. выше), вслѣдствіе котораго всѣ звуки русскаго языка стали уже или лабіализованными, или палатализованными, а *чистыхъ уже не могло оставаться,* какъ было *до ассимиляціи,* и потому *чистые r* и *l* также были утрачены въ общерусскую эпоху. Слѣдствіемъ утраты чистыхъ *r* и *l* и замѣны r̥ и l̥ *неслоговыми* было то, что предшествующіе имъ *болѣе слабые ирраціональные ъ* и *ь переходили въ болѣе сильные*, т. к. въ нихъ сосредоточивался гласный элементъ слога: мъл̑ва, вьр̑хъ, дьр̑нъ и проч. съ сильными ирраціо-

нальными ъ и ъ. Срв. *молва, верхъ, дернъ* въ дальнѣйшемъ измѣненіи.

При этомъ ь переходило въ ъ черезъ *й* въ положеніи передъ *ł*, замыкавшемъ собою слогъ, какъ это мы видѣли выше: vьlkъ—vülkъ—vъłkъ—*вълкъ*. Само собой разумѣется, что мы здѣсь уже не обозначаемъ слогового или неслогового характера ь, *й*, ъ, такъ какъ въ эту эпоху слоговой *l* сталъ уже *неслоговымъ* и не чистымъ, а веляризованнымъ, вслѣдствіе чего и произошли измѣненія ь въ ъ, конечно, въ данную эпоху бывшіе *слоговыми*. Если же ь стояло передъ лабіализованнымъ *r*, то это ь переходило также въ *й* ирраціональное, какъ это мы видѣли и въ положеніи ь передъ веляризованнымъ *ł*, пока это *l* было еще *чистымъ* (см. выше), и какъ мы это видѣли въ положеніи ь передъ всякой другой лабіализованной согласной (см. выше примѣръ: *дйнъ*, откуда *дёнъ* при имен. п. ед. ч. *д'ьн'ь* съ *закрытымъ* ь передъ *палатальною* согласною). Такимъ образомъ, по отношенію къ звуку *r* лабіализованному мы получаемъ: *дйрнъ*, откуда *дёрнъ*. Наконецъ, если ь стояло передъ палатализованнымъ *r*, то это ь переходило въ ь *закрытое*, какъ и передъ всякой палатальной согласной, такъ что мы получаемъ въ эту эпоху: *в'ьр'хъ*, откуда *верьхъ*. Срв. выше: *д'ьн'ь*, откуда: *д'е'н'ь*.

Такимъ образомъ, дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго, мы заключаемъ, что: 1) въ общерусской эпохѣ *были утрачены* вслѣдствіе закона о полной ассимиляціи рядомъ стоящихъ звуковъ въ словѣ *чистые r* и *l*; а, ставши или лабіализованными—твердыми, или палатализованными—мягкими, эти *r* и *l* вліяли соотвѣтствующимъ образомъ на предшествующіе гласные звуки, какъ и всѣ прочіе *согласные*, появившіеся послѣ лабіализаціи и палатализаціи въ общерусскомъ языкѣ, т. к. сами *r* и *l* *стали неслоговыми*, потеряли въ эту эпоху свой *слоговой* характеръ, унаслѣдованный ею въ извѣстныхъ положеніяхъ изъ позднѣйшаго періода общеславянской эпохи. 2) Въ общерусскую эпоху произошло рас-

паденіе *долгихъ r* и *l* на два краткихъ *r* и на два краткихъ *l* въ извѣстныхъ фонетическихъ положеніяхъ, причемъ вторые изъ этихъ двухъ *r* или этихъ двухъ *l* перешли въ гласные, вокализировались, и этимъ было дано начало *полногласію*. 3) *Полногласіе*, начавъ свое развитіе въ общерусской эпохѣ, стоитъ *въ связи съ утратой долготы и слогового характера плавныхъ r* и *l*. 4) Долгота и слоговой характеръ плавныхъ согласныхъ древнѣе полногласія; слѣдовательно, долгіе и слоговые плавные были извѣстны въ самый ранній періодъ общерусскаго языка, въ періодъ прарусскій, и очень недолго. Наконецъ, 5) звукъ *l* чистый въ общерусскую эпоху перешелъ въ *ł* лабіализованный, твердый, и обусловилъ собой спеціально русское явленіе перехода *е* въ *о* и ь въ ъ передъ этимъ твердымъ *л*, вслѣдствіе чего мы имѣемъ и соотвѣтственное измѣненіе согласнаго передъ этимъ *о* и ъ изъ бывшаго мягкаго въ твердый: вълкъ—волкъ при польскомъ wilk; пълнъ—полнъ при польскомъ pełny, а въ стрсл. плънъ и діалектическое плънъ. Срв. литов. pìlnas.

Второе полногласіе, какъ и разсмотрѣнное нами выше *первое* полногласіе, есть явленіе общерусской эпохи русскаго языка. Это явленіе заключается въ слѣдующемъ: какъ мы знаемъ, въ общеславянскомъ языкѣ рядомъ съ сочетаніями ŏr, ŏl, ĕr, ĕl, давшими въ русской вѣтви сочетанія *oro*, *ołо*, *ele*, *ere* въ положеніи между согласными („первое полногласіе"), были сочетанія: ъr, ъl, ьr, ьl—тоже между согласными. Судьба этихъ послѣднихъ сочетаній въ русской вѣтви была такова: ъr, ъł и проч. между согласными звуками въ общерусскую эпоху, однако послѣ обнаруженія фонетическаго закона о *слабыхъ* и *сильныхъ* ирраціональныхъ ъ и ь, подверглись двоякому ряду измѣненій. Именно, въ положеніи сочетаній ъr, ъł... передъ согласнымъ, за которымъ стоялъ гласный *полнаго* образованія, звуки *r* и *l* не подвергались удлиненію, а передъ согласнымъ, за которымъ слѣдовалъ гласный

неполнаго образованія (редуцированный), т. е. ъ или ь, звуки *r* и *l* предшествующаго слога *удлинялись, становились долгими,* какъ и краткіе гласные *о* и *е, ö,* становившіеся въ такомъ же положеніи долгими. Такимъ образомъ еще въ общерусскую эпоху рядомъ съ: dъlga, tьrga, vьrchu, vьlku—vъłku существовали: dъl̄gъ, tьr̄gъ, vьr̄chъ, vьl̄kъ—vъl̄kъ, откуда далѣе: дологъ, торогъ, верехъ, волокъ (черезъ völkъ), изъ болѣе старыхъ: дълъгъ, търъгъ, вьрьхъ, вълъкъ и под. Такое удлиненіе звуковъ *r* и *l* въ означенномъ фонетическомъ положеніи необходимо допустить въ виду фактовъ древней русской письменности во всѣхъ мѣстахъ и фактовъ современныхъ русскихъ нарѣчій и на югѣ и на сѣверѣ Россіи. Такъ, въ Остр. Ев. мы читаемъ: скръбь, съмьрьть, мрътвъ, пьрьстъ; въ Минеѣ 1095 г.: стълпъ; въ Лавр. сп. молонья и мн. др. Во многихъ случаяхъ мы имѣемъ уже чисто *графическіе* образцы или написанія по аналогіи, но фонетическія причины такой вокализаціи плавнаго *r* или *l* могли быть только въ положеніи передъ слѣдующимъ слогомъ съ ъ или ь. Срв. въ рус. говорахъ: молонья́, беревно́, смерётушка (отъ *смереть и под.), верёхъ, го́робъ, го́рость, до́логъ, Пе́ремь, се́репъ, столо́бъ, четве́регъ и мн. др. Это—„*второе полногласіе*" (терминъ А. А. Потебни). Въ открытомъ слогѣ, какъ напр., „до вереха" или „сто́лобомъ" и под.—второе полногласіе, большею частью, *по аналогіи.* Надо замѣтить, что случаи второго полногласія были сравнительно рѣдки и необязательны: срв. *долгъ, волна, чернъ...* Такимъ образомъ, современные русскіе: до́лог, молонья́, беревно́, го́роб, сме́рёть (откуда въ былинахъ „смерётушка") и под., имѣя при себѣ параллельныя формы съ *ор, ер, ол* между согласными: долг, молнія, берёно (откуда—берно́), горб, смерть и проч., восходятъ къ старымъ сочетаніямъ *ъr, ьr, ъl, ьl* между согласными и имѣютъ гласные полнаго образованія передъ плавными (сонорными *р* и *л*), именно, *о* и *е* изъ *сильныхъ* ирраціональныхъ ъ и ь, какъ и

въ такихъ словахъ, гдѣ не было сочетаній ъ и ь съ плавными, напр., „рот“ изъ рътъ; „сон“ изъ сънъ; „лоб“ изъ лъбъ; „лен“ изъ льнъ и под. Если являются въ словахъ типа „долг“, „торг“, „вервь“ (вьрвь—вьрьвь—веревка) и под. гласные *о* и *е* еще и послѣ плавныхъ *р* и *л*, то это свидѣтельствуетъ о бывшей когда-то *долготѣ* плавныхъ *r* и *l* въ *закрытомъ* слогѣ слова въ такомъ положеніи, долготѣ, изъ которой и развилось *прежде всего въ закрытыхъ слогахъ второе полногласіе*, а потомъ оно было перенесено *по аналогіи* съ закрытыми слогами *и въ открытые*.

§ 33. Объ измѣненіяхъ въ общерусскую эпоху дифтонгическаго сочетанія $\widehat{ie}$, **перешедшаго изъ общеславянской эпохи, когда** *ē* **распалось на это сочетаніе. (Стрсл. ѣ).** Въ неударяемомъ слогѣ *передъ слогомъ съ ударяемымъ и(і)* это ѣ перешло въ *и(і)*. Напр., *сидит̀ь* образовалось изъ сѣдити; *дит̀ина* изъ дѣтина; *мизѝный* изъ мѣзинъ и под. Но въ положеніи передъ слогомъ съ слѣдующимъ звукомъ *а* или ѣ это ѣ по ассимиляціи переходило въ *'а* (смягчающее предшествующую согласную). Напр., въ русскихъ памятникахъ письменности мы уже встрѣчаемъ: вм. несѣахъ — несꙗахъ; вм. бѣахꙋ — бꙗахꙋ и под. Срв. малор. *мизинець*, малор. *сидить*, малор. дитина. Эти малорусскія произношенія доказываютъ, что это явленіе *общерусской* эпохи. Срв. также: бяаху въ Изборникѣ 1073 г., въ Арх. Евангеліи 1092 года часто, и въ другихъ памятникахъ. Срв. *Соболевскаго*. Лекціи. [4]. Стр. 162. 82. 91.

Въ эту же эпоху указанныя выше формы imperfect'а (бѣахꙋ — бꙗахꙋ) стянули свои группы: *аа* и ꙗа въ одно *а*, и получились: *несяху, печаше, хожахъ, видяху, бяше, бяху, любляхомъ* и под. Срв. *Соболевскаго*. ib. 162—164. Эти формы несомнѣнно были въ первые вѣка письменности въ русскомъ языкѣ, т. к. онѣ извѣстны въ массѣ памятниковъ почти до

XIV вѣка и извѣстны большинству славянскихъ нарѣчій, такъ что ихъ видоизмѣненіе въ указанномъ смыслѣ принадлежитъ лишь общерусской эпохѣ. Но въ русскихъ *грамотахъ* формъ imperfect'а не встрѣчается. Отсюда мы вправѣ заключить, что эти формы очень рано вышли изъ употребленія въ разговорномъ русскомъ языкѣ.

Теперь мы перейдемъ къ общему заключенію и подведемъ итоги тому, что пережилъ въ своихъ звукахъ русскій языкъ въ эпоху до распаденія на нарѣчія, т. е. въ общерусскую эпоху. Затѣмъ посмотримъ его особенности въ морфологическомъ отношеніи.

§ 34. Если мы подведемъ итоги всѣмъ тѣмъ звуковымъ явленіямъ, которыя пережиты были русскимъ языкомъ въ эпоху общерусскаго единства, и которыя подготовили звуковой строй русскаго языка ко времени распаденія послѣдняго на нарѣчія—сѣверное, среднее и южное,—то мы получимъ выводъ общаго характера, выводъ, который дастъ намъ возможность углубиться въ звуковую физіономію русскаго языка и понять особенности послѣдняго въ ихъ общемъ значеніи. Дѣло въ томъ, что по выдѣленіи русскаго языка изъ общеславянской семьи въ немъ мало по малу развился, можно сказать, цѣлый новый міръ звуковъ, обусловленный тѣмъ разнообразіемъ произношенія (артикуляціи), которое возникло подъ вліяніемъ особаго уклада органовъ рѣчи, принявшихъ новыя положенія въ восточной вѣтви общеславянской семьи языковъ. При развившемся участіи губъ въ произношеніи гласныхъ русскаго языка еще въ общерусскую эпоху получилось особое произношеніе и согласныхъ вслѣдствіе вліянія на нихъ со стороны сосѣднихъ съ ними *лабіализованныхъ* гласныхъ, т. е., вслѣдствіе начавшейся и развившейся въ общерусскую эпоху *полной ассимиляціи* сосѣднихъ звуковъ въ словѣ. Вообще, лабіализація вноситъ большое разнообразіе какъ въ произношеніе гласныхъ, такъ и въ произноше-

ніе согласныхъ звуковъ, а потому мы остановимся подробнѣе на физіологической сторонѣ звуковъ, появившихся въ восточной части славянства (въ русскомъ языкѣ) вслѣдствіе лабіализаціи и палатализаціи. Дѣло въ томъ, что при образованіи гласныхъ звуковъ необходимо принимать въ разсчетъ положеніе подвижныхъ частей полости рта, т. е. *положеніе губъ* и *мягкаго неба. Отъ положенія губъ зависитъ присутствіе или отсутствіе лабіализаціи и степень ея.* Такъ, напр., при производствѣ гласныхъ передняго ряда (*ä, е, і*) губы не участвуютъ: онѣ прижимаются къ зубамъ, растягивая губную щель въ длину, т. е. примѣняясь къ формѣ зубной щели. Такіе гласные называются *нелабіализованными.* Но гласные *передняго ряда,* т. е. такіе, при производствѣ которыхъ соотвѣтствующая часть спинки языка подымается по направленію къ твердому небу, къ переднему небу (отчего они называются также *палатальными* (отъ лат. *palatum*—твердое небо) или *передненебными* или *твердонебными,* а также *переднеязычными*), такъ же, какъ и всѣ вообще гласные, могутъ сопровождаться и *лабіализаціей, т. е. извѣстнымъ участіемъ губъ, состоящимъ въ уменьшеніи губного отверстія, въ округленіи губъ, обыкновенно съ большимъ или меньшимъ кольцеобразнымъ вытягиваніемъ губъ впередъ.* Поэтому *при лабіализаціи* гласныхъ передняго ряда: *і, е, ä* слышится вмѣсто *і* и *е* (припомнимъ, что ь общерусской эпохи полученъ изъ общеславянской эпохи, а въ болѣе раннюю эпоху—балтійско-славянскую—на мѣстѣ ь былъ гласный *ĭ*) звуки: *ӥ* и *ӧ*. Припомнимъ примѣры: дьнь, d'ünъ—д'он (дёнъ); медъ—m'öd—м'од и проч. Такіе лабіализованные гласные передняго ряда (твердонебные, палатальные) по мѣсту образованія въ полости рта, т. е. гласные *ӥ* и *ӧ* встрѣчаются діалектически въ извѣстныхъ условіяхъ и донынѣ въ русскомъ языкѣ, напр., въ московскомъ произношеніи слова: *надъӥсь* (въ орѳографіи: *надѣюсь*), *смъӥтъ* (=*смѣютъ*), *лӥбитъ* (=*любитъ*), сѣверно-русское *знаӧш* (=*знаешь*) и мн. др. (Ср. *Томсонъ.* Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1910 [2]. г. Стр. 161—162). Среди самихъ

гласныхъ передняго ряда (твердонебныхъ, передненебныхъ, переднеязычныхъ, палатальныхъ) *ӓ*, *е*, *і* слѣдуетъ различать гласные съ различной *степенью приближенія* спинки языка къ небу: чѣмъ больше разстояніе отъ спинки языка до твердаго (или средняго, или задняго неба) неба, тѣмъ ниже лежитъ языкъ, и въ зависимости отъ этого получается *низкое* положеніе языка при *ӓ*, *среднее* положеніе языка при *е* и *высокое* положеніе языка при *і* (спинка языка подымается выше всего, приближаясь къ твердому, переднему небу). Такъ получаются гласные: низкій гласный передняго ряда, средній гласный передняго ряда и высокій гласный передняго ряда. Или: низкій твердонебный, средній твердонебный и высокій твердонебный. Но положеніе языка (низкое, среднее и высокое) надо отличать отъ *мѣста сближенія* спинки языка съ небомъ: если спинка языка подымается къ твердому переднему небу, то гласный называется гласнымъ *передняго ряда* или *передненебнымъ*; если—къ среднему небу, то гласный получается *средняго ряда* или *средненёбный*; если, наконецъ,—къ мягкому, заднему небу, то гласный получается *задняго ряда*, *задненёбный*. Переднее твердое небо лежитъ ближе къ зубамъ; если мы будемъ вести пальцемъ по нёбу, начиная отъ переднихъ верхнихъ зубовъ въ направленіи къ заду, къ зѣву, то мы по ощущенію въ пальцѣ замѣтимъ то мѣсто, гдѣ твердое небо переходитъ въ мягкое, въ задней части полости рта. Такимъ образомъ, гласные передняго ряда могутъ быть: *нелабіализованные* при *низкомъ* положеніи языка—*ӓ* и *лабіализованные* при *низкомъ* положеніи языка—*ӧ*ᵃ; *нелабіализованные* при *среднемъ* положеніи языка—*е* и *лабіализованные* при *среднемъ* положеніи языка—*ӧ*; наконецъ, *нелабіализованные* при *высокомъ* положеніи языка—*і* и *лабіализованные* при *высокомъ* положеніи языка—*ӥ*. Такимъ же порядкомъ: гласные средняго ряда: *нелабіализ. низкіе* и *лабіализ. низкіе*, *нелабіализ. средніе* и *лабіализ. средніе*; *нелабіализ. высокіе* (*ы*) и *лабіализ. высокіе*. Так-

же: гласные задняго ряда: *нелабіализ. низкіе* (*а*), и *лабіализ. низкіе* (a^o, o^a); *нелабіализов. средніе* и *лабіализов. средніе* (*о*); *нелабіализ. высокіе* и *лабіализов. высокіе* (*у*). Гласные ъ и ь были гласными *неполнаго* образованія, а потому они не вошли ни въ какой разрядъ, но ближе всего они подходятъ: ъ—къ гласному лабіализованному низкому задняго ряда, а ь—нелабіализованному среднему средняго ряда, хотя въ эпоху общерусскаго языка ъ и ь имѣли еще свои оттѣнки большей или меньшей лабіализаціи (ъ) и большей или меньшей палатализаціи (ь), смотря по тому, какого происхожденія они были и какую силу сохраняли: были ли они *болѣе сильными* или *менѣе сильными*. (См. выше).

§ 35. Отъ положенія мягкаго неба зависитъ участіе или неучастіе *носовой* полости въ производствѣ звука, т. е. *назализація и степень ея*. Гласные *неназалированные* называются *чистыми* гласными. Съ *открытой* носовой полостью произносятся *носовые согласные м, н* и *назалированные* (носовые) *гласные* ǫ, ę (ѫ, ѧ). Если мягкое небо закрываетъ собой проходъ въ носовую полость, поднимаясь вверхъ, то воздухъ не проходитъ въ носовую полость, и она не участвуетъ въ производствѣ звука, какъ резонаторъ, а потому получается при такомъ поднятомъ положеніи мягкаго неба гласный или согласный чистый, не назалированный и не носовой. Таковы звуки: *а, о, к, г, с* и проч. *Но каждый звукъ можетъ быть назалированнымъ*, если носовая полость открыта при его произнесеніи, т. е. если небная занавѣска (мягкое, заднее небо) опущена. Такимъ образомъ, каждый звукъ можетъ быть *лабіализованъ, назалированъ* и *палатализованъ* (смягченъ). *Полная же ассимиляція* сосѣднихъ звуковъ въ словѣ, начавшаяся еще въ общерусскую эпоху, *и состоитъ*, на основаніи вышеуказаннаго, *въ примѣняемости* каждаго звука въ словѣ къ сосѣднимъ справа и слѣва, такъ что начальный укладъ органовъ рѣчи при произнесеніи перваго звука слова уже

мѣняется, приспособляясь къ артикуляціи (производству) слѣ-
дующаго звука, усвоеннаго въ данномъ словѣ и въ данномъ
языкѣ (говорѣ, нарѣчіи) путемъ акустическаго (слухового) вос-
пріятія и установившейся привычки. Поэтому все слово рус-
скаго языка проникается какъ бы общимъ тòкомъ дѣйствую-
щей ассимиляціи (уподобленія) слѣва направо, съ начала слова
къ концу его. Этого-то явленія не было въ эпоху общесла-
вянскую, и потому въ ту пору звуки слова артикулировались
какъ бы болѣе самостоятельно, каждый самъ по себѣ, вслѣд-
ствіе чего, надо полагать, была бòльшая возможность разли-
чать отдѣльные звуки, составляющіе слово. И въ современ-
ныхъ русскихъ нарѣчіяхъ нынѣ не вездѣ замѣчается одина-
ковое стремленіе связать составные звуки общей артикуля-
ціонной ассимиляціей. При слабо развитомъ стремленіи къ
ассимиляціи такого характера замѣчается какъ бы прерыви-
стая или „рубленая“ рѣчь, которую я наблюдалъ въ говорахъ
Вятской губерніи, въ говорахъ Новгородской и Петербургской
губерніи (Ладожскаго уѣзда) и въ говорахъ малороссійскихъ.
Но эти явленія, вѣроятно, не восходятъ къ эпохѣ общерус-
ской, и объ нихъ мы будемъ говорить гораздо позже. Такъ,
напримѣръ, южновеликорусское н'е^{i}с'óт' цѣликомъ проникнуто
стремленіемъ къ такой ассимиляціи, чтò видно и изъ *тран-
скрипціи фонетической*, т. е. изъ приведеннаго мною графи-
ческаго изображенія этого произношенія; въ малорусскомъ
несет'ь слышатся переходы отъ *среднихъ* по мягкости звуковъ
н и *с* (обозначено *точкою* внизу этихъ буквъ) къ *мягкому*
т' и къ звукамъ болѣе широкимъ *е*, чѣмъ южновеликорус-
ское *узкое е*^{i}. Въ вятскомъ говорѣ въ этомъ словѣ я слышу *н*
не такое мягкое, какъ въ южновеликорусскомъ, и не такое
твердое, какъ въ малорусскомъ; а между звуками *с* и *е* есть
еще какой-то звукъ, прекращающій на одно мгновеніе мяг-
кую (палатальную) артикуляцію звука *с'*, и потомъ гласный
звукъ *ŏ*, такъ что *фонетически* я написалъ бы вятское произ-
ношеніе этого слова (въ Котельническомъ уѣздѣ) такъ: нес'ŏт.

Въ общерусскую эпоху ранняго періода надо предположить, согласно вышесказанному, произношеніе этого слова: н'е^{і}с'е́т.

§ 36. Теперь мы познакомились съ тѣми общими отличіями *по качеству* звуковъ русской вѣтви славянства, которыя образовались мало-по-малу въ общерусскую эпоху послѣ отдѣленія русскаго языка отъ славянской семьи, но еще до распаденія общерусскаго языка на нарѣчія. Этими отличіями по качеству звуковъ и обусловился особый типъ русской вѣтви славянства, который сформировался уже въ эпоху отдѣльной жизни общерусскаго языка. Такимъ образомъ, планъ нашего курса былъ до сихъ поръ такой:

I. Характеристика эпохи общерусской въ звукахъ и формахъ:

a) Звуки и формы, унаслѣдованные отъ общеславянской эпохи *безъ измѣненія.*

b) *Измѣненія* въ звукахъ и формахъ, происшедшія въ общерусской эпохѣ ранняго періода, т. е. въ прарусской эпохѣ.

c) Звуки и формы праславянскаго языка, т. е. ранней эпохи общеславянскаго языка, какъ выводъ нашъ изъ разсмотрѣнія звукового и формальнаго состава прарусскаго языка, т. е. ранней эпохи общерусскаго языка.

Очень понятно, что, зная, съ одной стороны, *неизмѣненное наслѣдіе* въ общерусскомъ языкѣ отъ общеславянскаго языка, а, съ другой стороны, *тѣ измѣненія*, которыми отличалась общерусская эпоха *сравнительно съ общеславянской*, и *тѣ измѣненія*, которыми общеславянскій языкъ ранней эпохи отличался *отъ родственныхъ языковъ*, по преимуществу отъ литовскаго языка, мы могли составить характеристику общерусской эпохи и характеристику общеславянской эпохи по отношенію къ звукамъ этихъ эпохъ въ начальныхъ, ран-

нихъ періодахъ ихъ жизни. Это мы и сдѣлали до сихъ поръ. Мы остановимся еще на характеристикѣ *формальнаго* состава общерусской эпохи, но и въ этой части мы будемъ такъ же, какъ и до сихъ поръ, держаться прежняго плана: сначала скажемъ о формальномъ составѣ (о формахъ склоненія и спряженія), *не подвергшемся измѣненію* сравнительно съ общеславянской эпохой въ общерусскомъ языкѣ, а затѣмъ — *о тѣхъ измѣненіяхъ* въ формахъ склоненія и спряженія, которыя пережиты общерусской эпохой. Далѣе, мы перейдемъ ко II-му отдѣлу курса, къ характеристикѣ эпохи общерусской, *позднѣйшаго* періода, т. е. эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію общерусскаго языка. И въ этой эпохѣ мы разсмотримъ: a) Общія явленія и b) Діалектическія явленія этой эпохи. (Срв. въ I-мъ отдѣлѣ — *діалектическія* явленія общеславянской эпохи, напр., смягченные губные, звукъ *ä*; звукъ *дз*, сочетанія *dl* и *tl* и сочетанія *kw*, *gw*, *xw*. Всѣ эти явленія были извѣстны въ общеславянскомъ языкѣ еще, но *діалектически*. Такъ же было и въ общерусскую эпоху: одни явленія были извѣстны *всему* общерусскому языку непосредственно передъ его распаденіемъ на нарѣчія, другія явленія были извѣстны отдѣльнымъ частямъ его, и это-то и обусловило собой распаденіе и образованіе особыхъ нарѣчій). Наконецъ, въ III-мъ отдѣлѣ нашего курса мы займемся *характеристикой эпохи русскаго языка послѣ его распаденія* въ звукахъ и формахъ его, т. е. разсмотримъ *судьбу* (*исторію*) *звуковъ и формъ общерусскаго языка въ его трехъ нарѣчіяхъ* (южномъ, среднемъ и сѣверномъ). И здѣсь опять остановимся на звукахъ и формахъ, хотя и діалектическихъ, т. е. уже принадлежащихъ *одному русскому языку* (не славянскимъ родственнымъ; значитъ, на *діалектическихъ* звукахъ и формахъ по отношенію *къ прошлому*, болѣе раннему времени), но общихъ всѣмъ тремъ русскимъ нарѣчіямъ, а затѣмъ, — на діалектическихъ явленіяхъ, общихъ двумъ какимъ-либо нарѣчіямъ русскаго языка. Такимъ образомъ, историческое прош-

лое каждаго нарѣчія передъ нами возстановится въ звукахъ и формахъ, свидѣтельствующихъ о *совмѣстной* жизни и общей судьбѣ данныхъ нарѣчій—племенъ или объ *отдѣльной* жизни и судьбѣ того или другого нарѣчія—племени. Наконецъ, въ IV-мъ отдѣлѣ своего курса мы сдѣлаемъ характеристику отдѣльныхъ главнѣйшихъ нарѣчій русскаго языка въ отдѣльной ихъ жизни, т. е. характеристику малорусскаго нарѣчія, характеристику южновеликорусскаго нарѣчія, характеристику бѣлорусскаго нарѣчія и характеристику сѣверновеликорусскаго нарѣчія. Что же касается исторіи *литературнаго* русскаго языка (припомнимъ различіе терминовъ „русскій языкъ": русскій языкъ, какъ совокупность составляющихъ его нарѣчій въ ихъ исторіи и современности; и русскій языкъ, какъ языкъ письменности и литературы русской, языкъ русской интеллигенціи), то она должна составить и составитъ предметъ особаго моего курса.

Литература: *А. А. Шахматовъ.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Полногласіе. (Изв. Отд. рус. яз. и слов. А. Н. 1902 г. Т. III. Кн. 1. Стр. 280—318).

А. И Соболевскій. Лекціи по исторіи р. языка. М. 1907⁴. Стр. 22—28.

Е. Ѳ. Будде. Очеркъ исторіи современнаго литературнаго русскаго языка. (Энциклопедія слав. филологіи. Изд. Отд. рус. яз. и слов. А. Н. Выпускъ 12. Спб. 1908. Стр. 1—132).

Глава X-ая.

Общерусскій періодъ. Формы.

Прарусская эпоха.

§ 37. Итакъ, держась намѣченнаго плана, я займусь теперь *формами* склоненія и спряженія въ общерусской эпохѣ ранняго періода (прарусской). Прежде всего замѣтимъ,

что *большая часть* формъ склоненія и спряженія перешла въ общерусскую эпоху изъ общеславянскаго языка *безъ измѣненія.* Такъ, склоненіе именъ существительныхъ перешло въ общерусскій языкъ съ тѣми особенностями, которыя образовались уже въ общеславянскую эпоху, т. е. въ общерусскую эпоху было уже извѣстно *смѣшеніе именныхъ основъ* на *о* и на *ŭ*, *на согласные* и на ъ или на *о*, на-*jo* и на ъ и проч. Такъ, напр., смѣшеніе въ склоненіи словъ *сынъ* и *рабъ* или *волкъ*, *мать* и *кость, тѣло* и *чело*, *зять* и *конь* и под. Нѣкогда, еще въ эпоху литовско-славянскую и общеиндоевропейскую слова: *сынъ* и *рабъ*, принадлежа къ разнымъ основамъ, имѣли и разныя падежныя окончанія. Слово *мать* имѣло согласную основу на-*ер*-, а слово *кость* — основу гласную на-*ĭ*; слово *тѣло* принадлежало къ основамъ на согласный—*ес*-, а слово—*чело*—на гласный. Слово *зять* принадлежало къ основамъ на-*ĭ*, а слово *конь*—къ основамъ на-*jo* и т. д. Но уже въ старославянскихъ памятникахъ и въ живыхъ слав. нарѣчіяхъ мы имѣемъ указаніе, что смѣшеніе именныхъ основъ было извѣстно всѣмъ имъ и, слѣдовательно, принадлежало общеславянскому періоду. Равнымъ образомъ, общеславянскому языку уже были извѣстны многія явленія употребленія *вин. падежа* при отрицаніи глагола дѣйствительнаго залога и проч. Былъ извѣстенъ сигматическій аористъ (съ характеромъ *с*, въ родѣ формы *ведохъ*) и другія глагольныя формы. Все это перешло въ общерусскую эпоху изъ общеславянской *безъ измѣненія.* Но цѣлый рядъ формъ однако утраченъ уже въ общерусскую эпоху, и въ этомъ заключались *формальныя измѣненія, пережитыя общерусской эпохой.* Эти измѣненія были слѣдующія:

1) Общерусскій языкъ утратилъ рядъ формъ сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ. Именно: въ тѣхъ сложныхъ формахъ прилагательнаго краткаго (безчленнаго), гдѣ сохранялись въ окончаніяхъ мѣстоименныя формы (формы мѣстоименія личнаго 3-го лица, служившаго для образованія

опредѣленныхъ, т. е. *членныхъ* формъ имени прилагательнаго), начинавшіяся съ основы *je*, въ первой части сложенія, т. е. въ имени прилагательномъ, являлась основа на-*о* вмѣсто падежной формы имени прилагательнаго. Поясним это примѣромъ. Для этого припомнимъ образованіе *членныхъ* прилагательныхъ путемъ сложенія ихъ съ мѣстоименіемъ—членомъ. Возьмемъ прилагательное добръ. Оно въ этой краткой, безчленной формѣ склонялось, какъ и сущ. *столъ*, т. е. принадлежало къ основамъ на-*о*, слѣдовательно, основой его въ прежнее время, въ эпоху написанія старославянскихъ памятниковъ и далѣе въ эпоху X—XI вѣка, была основа *добро*.—Мѣстоименіе личное 3-го лица, которое присоединялось къ имени прилагательному краткому (къ *существительной* его формѣ: *добръ—столъ*) въ качествѣ опредѣляющаго его *члена*, ставилось *послѣ* прилагательнаго (такъ называемый *постпозитивный членъ*. Срв. нѣмецкій или французскій языкъ, гдѣ *членъ* присоединялся къ имени въ началѣ его: *препозитивный членъ*; le bon, der gute; le bon Dieu; der liebe Gott и под.) въ славянскихъ языкахъ. Напр., въ старославянскомъ языкѣ это мѣстоименіе было: и-для муж. р., ꙗ-для жен. р., ѥ-для средняго рода въ именительномъ падежѣ ед. числа. Мѣстоименіе и, ꙗ, ѥ имѣло род. п. ед. ч. ѥго, ѥѩ, ѥго и т. д. Слѣдовательно, сравнительно съ современнымъ русскимъ языкомъ въ этомъ мѣстоименіи только имен. падежъ ед. ч. былъ другимъ, и онъ-то съ теченіемъ времени утратился, какъ отдѣльное слово, а сохранился только, какъ *членъ*, опредѣляющій собой имя прилагательное (срв. также нѣм. gut+er=gut*er*, lieb*er*, schön*er*, но *der* gute, liebe, schöne и т. п.), именно: добръ+и (*й*), добра+ꙗ (*я*), добро+ѥ (*е*). Современное русское: *добрый*, *добрая*, *доброе* и проч. Вмѣсто же стараго именительнаго падежа ед. ч. этого мѣстоименія и, ꙗ, ѥ сталъ употребляться именительный падежъ совершенно отъ другого мѣстоименія, *указательнаго*: онъ,

она, оно (*онъ, она, оно*), которое прежде имѣло свое особое склоненіе и было *указательнымъ* мѣстоименіемъ, а не *личнымъ* (род. ед. оного, оноѩ, оного и т. д.), и могло также *опредѣляться* мѣстоименіемъ — членомъ и, ꙗ, ѥ: онъ + и (=оный), она + ꙗ (=оная), оно + ѥ (=оное) и т. д. Въ современномъ же русскомъ языкѣ, съ утратою им. п. ед. ч. и, ꙗ, ѥ, мѣстоименіе *онъ, она, оно* стало служить мѣстоименіемъ *личнымъ* 3-го лица и заимствовало свои прочіе падежи отъ стараго личнаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ, т. е. стало употребляться отъ именительнаго *онъ, она, оно*, родительный ѥго (его), ѥѩ (ея), ѥго (его) и т. д. И вотъ въ стрсл. языкѣ *членная* (опредѣленная) форма прилагательнаго была построена такъ: добръ + и, добра + ꙗ, добро + ѥ. Образованіе членныхъ прилагательныхъ въ общеславянскомъ языкѣ *состояло въ соединеніи падежныхъ формъ прилагательныхъ безчленныхъ* (неопредѣленныхъ), *склонявшихся точно такъ, какъ и существительныя, съ падежными формами того мѣстоименія, которое въ старославянскомъ языкѣ мы находимъ въ* и-, ꙗ-, ѥ- — (въ мѣст. иже, ꙗже, ѥже), ѥго, ѥѩ, ѥмоу, ѥи и т. д. Употребленіе этого мѣстоименія въ положеніи послѣ прилагательныхъ для образованія членной формы *существовало еще въ литовско-славянскомъ языкѣ* (Срв. въ литов. яз. jis=онъ, гдѣ ji изъ лит.-славянскаго ј̑ĭ-, а это изъ ј̑ĕ-, изъ индоевроп. ј̑ăᵉ), какъ показываетъ сравненіе славянскихъ и балтійскихъ (литовскихъ) языковъ. Въ общеславянскомъ языкѣ съ теченіемъ времени формы прилагательнаго и формы слѣдовавшаго за нимъ мѣстоименія *слились въ одномъ словѣ*, причемъ общеславянскій языкъ получилъ *новыя звуковыя сочетанія*: гласная + ј̑ + гласная, какъ видно изъ формъ, напр., добро + ј̑ + е и проч. Во всѣхъ тѣхъ формахъ членнаго прилагательнаго, въ составъ которыхъ вошли *неодносложныя* формы мѣстоименія, *звукъ* ј̑ въ положеніи между гласными *исчезъ* въ общеславянскомъ языкѣ; между тѣмъ какъ въ началѣ *однослож-*

ныхъ формъ мѣстоименія, вошедшихъ въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, тотъ же *звукъ* į въ положеніи между гласными *совпалъ въ общеславянскомъ языкѣ съ* j, напр., въ dobrā + jā, откуда старославянское добраꙗ, русское *добрая*. Это *различіе въ исторіи звука* į *между гласными* въ разныхъ формахъ именъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, по мнѣнію академика и профессора Ф. Ѳ. Фортунатова, *стоитъ въ связи съ различіемъ тѣхъ и другихъ формъ этого мѣстоименія по отношенію къ ударенію*. Въ *двусложныхъ* формахъ этого мѣстоименія, слѣдовавшаго за прилагательнымъ, вслѣдствіе *энклитическаго* (сливавшагося съ предыдущимъ словомъ въ одно) употребленія, *являлось удареніе перваго слога*, второстепенное по отношенію къ ударенію имени прилагательнаго; *односложныя* же формы этого мѣстоименія въ такомъ же употребленіи *вовсе не имѣли ударенія*. Въ такомъ случаѣ į между гласными *исчезало* въ общеславянскомъ языкѣ, именно *передъ гласными съ удареніемъ*; между тѣмъ какъ *передъ гласными неударяемыми* į *это переходило* въ j. Односложными формами этого мѣстоименія были не только односложныя *по своему происхожденію*, т. е. формы имен. и вин. п. всѣхъ трехъ родовъ и всѣхъ трехъ чиселъ (единств., двойств. и множественнаго), но и *сокращенныя* формы, а именно, *двусложныя*, въ началѣ второго слога которыхъ было j, т. к. *такими сокращенными эти формы вошли въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ*, т. е. *безъ перваго своего слога* įe-. Срв. стрсл. ѥ-(įe-) ꙗ,-ѥѩ, въ род., дат., твор. и мѣстномъ ед. ч. жен. рода и ѥ-ю въ род. и мѣстн. двойственнаго числа всѣхъ трехъ родовъ. Надо замѣтить, что въ эпоху распаденія общеславянскаго языка въ разсматриваемомъ нами мѣстоименіи при *всѣхъ тѣхъ двусложныхъ формахъ, которыя начинались съ je-*(изъ болѣе древняго įe-), *были извѣстны сокращенныя энклитическія формы, безъ этого* je-. Въ стрсл. яз. эти сокращенныя формы почти

не сохранились, но онѣ засвидѣтельствованы другими славянскими языками.

Такимъ образомъ, въ общесл. языкѣ необходимо предположить при формахъ: jeγo, jemu и проч. еще формы: γo, mu... (Греч. буквой γ изображается звукъ въ родѣ лат. h, какъ мы говорили выше; а что въ формѣ jeγo былъ звукъ γ, а не g (*г*), видно изъ формъ рус. языка, гдѣ на мѣстѣ этого звука мы видимъ и звукъ *h* въ бѣлор. и малор. нарѣчіяхъ и звукъ *в* въ великор. нарѣчіи: *еhó*, *evó* и проч.: изъ *g* не могло бы получиться *h* (γ) или *в* (*v*). Срв. *дóбрhво* и проч.). На основаніи же того, что въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ *вошли* общеславянскія: jeγo, jemu, откуда позже: jeγo, jemu, въ этомъ же *полномъ* видѣ, а не въ видѣ сокращенныхъ формъ, γo, mu, Ф. Θ. Фортунатовъ заключаетъ, что *въ эпоху образованія* общеславянскихъ прилагательныхъ опредѣленныхъ энклитическія формы γo, mu *еще не существовали*, и что онѣ возникли позже въ общеславянскомъ языкѣ, по аналогіи съ прочими энклитическими формами этого мѣстоименія, утратившими начальное je и вошедшими, какъ мы видѣли, въ составъ прилагательныхъ опредѣленныхъ, т. е. по аналогіи съ тѣми формами, которыя утратили начальное je—предъ слогомъ, начинавшимся съ j. Но и эти послѣднія формы *ранняго* происхожденія обязаны своимъ возникновеніемъ *аналогіи*, можетъ быть, такихъ формъ какъ: синѩѩ—род. ед. ж. р., гдѣ послѣднее ѩ вмѣсто ѥѩ, т. е. слѣдовало бы: синѩ + ѥѩ, а вмѣсто ѥѩ явилось просто ѩ безъ начальнаго ѥ по аналогіи съ формой прилагательнаго синѩ, т. к. мѣстоименныя формы склонялись, какъ имена сущ. соотвѣтственнаго *мягкаго* склоненія въ жен. родѣ. Это было еще въ ту эпоху, повидимому, когда мѣстоименіе въ данномъ случаѣ было вспомогательнымъ словомъ, не успѣвшимъ еще слиться съ прилагательнымъ. Подобныя сокращенныя формы получились и въ дат., мѣстн. и твор. пад. ед. ч. жен. рода и въ род. и мѣстномъ пад. двойств.

числа всѣхъ трехъ родовъ. Эти сокращенныя формы изъ *мягкихъ* основъ были затѣмъ перенесены и въ твердыя основы, напр., въ: добры+ꙗ вм. добры+ѥꙗ, какъ слѣдовало бы ожидать, еслибы не было раньше примѣра *мягкихъ* основъ: синꙗꙗ и проч. Кромѣ указанныхъ выше формъ членнаго прилагательнаго *нефонетическаго образованія*, такого же образованія были и формы другихъ падежей въ этомъ сложномъ склоненіи прилагательныхъ, именно, тѣ формы, *гдѣ падежное окончаніе прилагательнаго было одинаково съ окончаніемъ вспомогательнаго мѣстоименія и заключало въ себѣ сочетаніе: согласная + гласная.* Вотъ такое-то окончаніе при сложеніи отбрасывалось въ имени прилагательномъ. Напр., въ твор. п. ед. ч. муж. и ср. рода: добрѣмь+имь послѣ отбрасыванія окончанія—мь въ прилагательномъ получилось добрѣимь. Таково было построеніе формъ членныхъ прилагательныхъ и такова исторія этихъ формъ въ эпоху до общерусскаго языка. Подведемъ итоги.

§ 38. Итакъ, прилагательныя краткія склонялись, какъ существительныя соотвѣтствующихъ основъ. Прилагательныя членныя получались путемъ приложенія къ краткимъ прилагательнымъ въ ихъ падежныхъ формахъ соотвѣтственныхъ падежныхъ формъ мѣстоименія и-, ꙗ-, ѥ-. Это мѣстоименіе не сразу слилось съ прилагательнымъ въ одно слово, а сначала было вспомогательнымъ словомъ. Уже тогда образовался рядъ формъ (род., дат., твор., мѣстн. п. ед. ч. жен. р., род. и мѣстн. п. двойств. ч. всѣхъ родовъ), въ которыхъ *по аналогіи съ прилагательнымъ* въ соотвѣтствующихъ падежныхъ формахъ мѣстоименія получились *сокращенныя формы безъ начальнаго слога* ie (je). Это было явленіемъ только *мягкихъ* основъ: синꙗꙗ, синии, синѥѩ, синии, синюю. Затѣмъ это явленіе распространилось и на *твердыя* основы: добрыꙗ, доброѩ, доброую и т. д. Само же мѣстоименіе представляло два ряда формъ: одинъ рядъ— *односложныя формы по про-*

исхожденію; другой рядъ формъ—*двусложныя по происхожденію*. Ко времени сложенія формъ прилагательныхъ съ формами мѣстоименія, но еще *до полнаго сліянія* этихъ составныхъ частей членнаго прилагательнаго въ одно слово, въ общеславянскомъ періодѣ появился *третій рядъ формъ* мѣстоименій — сокращенныхъ *нефонетическаго* (по аналогіи) *происхожденія*. Какъ первый рядъ формъ, такъ и второй рядъ формъ въ сложеніи съ прилагательнымъ были извѣстны лишь *въ энклитическомъ употребленіи*, и потому первый рядъ формъ при сложеніи *терялъ совсѣмъ свое удареніе*, а второй рядъ формъ *сохранялъ второстепенное удареніе*. Еще въ литовско-славянскую эпоху это мѣстоименіе имѣло въ началѣ į. Въ общеславянскую эпоху это į въ положеніи между гласными, какъ и въ началѣ слова, совпало съ j. *При второмъ рядѣ* формъ мѣстоименія *такое į* исчезло, т. е. *оно исчезло передъ гласными съ удареніемъ*. *При первомъ рядѣ* формъ мѣстоименія *такое į совпало съ j*, т. е. *į переходило въ j передъ гласными безъ ударенія*. Наконецъ, двусложныя формы мѣстоименія становились при сложеніи односложными (сокращались) въ томъ случаѣ, если второй ихъ слогъ начинался съ j. Позже, въ эпоху распаденія общеславянскаго языка *при всѣхъ двусложныхъ формахъ* мѣстоименія, начинавшихся съ įе-(je-), уже стали извѣстны односложныя, энклитическія формы, безъ этого начальнаго įе-(je-). Такимъ образомъ, въ эпоху распаденія общеславянскаго языка были извѣстны формы и ѥго и го, и ѥмоу и моу.

Литература: *А. А. Шахматовъ*. Къ вопросу о различеніи іота и неслогового *i* въ исторіи славянскихъ языковъ. Р. Ф. В. 1903 г. № 3.

Ф. Ѳ. Фортунатовъ. Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка. М. 1890 г. (Изданіе не окончено). Стр. 109—120.

Другія соч. см. въ концѣ книги.

§ 39. Дательный падежъ ед. ч. муж. и ср. рода именъ прилагательныхъ *членныхъ*, по вышесказанному, долженъ былъ образовываться такъ: доброу + ѥмоу. Въ стрсл. памятникахъ письменности мы находимъ эту форму дат. падежа уже *измѣнившеюся* въ доброуоумоу, откуда также: доброумоу, а въ сочетаніи съ мягкимъ звукомъ—юоумоу,—юмоу: вышьнюоумоу, вышьнюмоу и под. Старославянское — оуоу — можетъ быть объясняемо изъ формы съ оуѥ-, т. е. изъ той формы, которая, по вышесказанному, въ общеславянскомъ языкѣ должна была звучать съ окончаніемъ—ŭemŭ изъ-ŭįemŭ, т. к. мы уже доказали выше, что дат. п. мѣстоименія ѥмоу, какъ *двусложная* форма, *при энклитическомъ употребленіи*, въ сложеніи съ прилагательнымъ, *должна была*, во-первыхъ, *сохранять второстепенное удареніе*, *а, вслѣдствіе этого*, при сложеніи съ соотвѣтствующей формой падежа имени прилагательнаго, *долженъ былъ получиться между двумя гласными*, т. е. между гласнымъ, оканчивающимъ собою форму дат. падежа прилагательнаго—оу, и между гласнымъ, начинающимъ собою форму дат. падежа энклитическаго мѣстоименія—члена, є, не согласный j, а *гласный* į (см. выше), т. е. должно было появиться сочетаніе общеславянской эпохи: -ŭįemŭ, въ которомъ į затѣмъ исчезло; во-вторыхъ, къ концу общеславянскаго періода, къ эпохѣ распаденія общеславянскаго языка, *появились уже*, какъ мы помнимъ, *сокращенныя энклитическія формы мѣстоименія* не только тѣхъ двусложныхъ мѣстоименныхъ формъ, въ которыхъ второй слогъ начинался съ j, но и *всѣхъ вообще двусложныхъ формъ*, стало быть, и формъ: -моу (-mŭ) вм. ѥмоу (įemŭ) и проч. Слѣдовательно, еще въ общеславянскомъ языкѣ, какъ показываетъ между прочимъ форма старославянскихъ памятниковъ письменности—оуоумоу, окончаніе—ŭemŭ изъ ŭįemŭ обратилось въ-ŭomŭ, гдѣ ĕ перешло въ ŏ вслѣдствіе уподобленія предшествовавшему ŭ. Если мы не допустимъ этого уподобленія въ общеславянскомъ періодѣ, то мы не поймемъ *уподо-*

бленія въ старославянской формѣ—оуоу-, которая должна была получиться *непосредственно* изъ оуо—(-ŭо-), а изъ-оуоу—сокращеніе—оу : доброумоу. Указаніе на *общеславянское*—ŭо—здѣсь изъ-ŭе—даютъ другіе славянскіе языки въ сопоставленіи ихъ *со старославянскимъ языкомъ*. Въ самомъ дѣлѣ, въ стрсл. текстахъ *болгарской* редакціи, а равно и *русской* редакціи (переписанныхъ *русскимъ* человѣкомъ) мы находимъ формы дат. п. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательныхъ опредѣленныхъ—оомоу или въ сочетаніи съ мягкими звуками—ѥомоу и-ѥемоу (въ *болгарскихъ* текстахъ). Такимъ образомъ, окончаніе—оомоу *можетъ быть сопоставляемо* со старославянскимъ окончаніемъ—оуоумоу *лишь при посредствѣ* общаго для нихъ первообраза—оуомоу. Такимъ образомъ, мы получаемъ изъ формы мѣстоименія—ȷemŭ или-emŭ въ сложеніи ея съ формою прилагательнаго форму—омоу. Припомнимъ при этомъ вообще переходъ начальнаго ȷe-, ȷe-черезъ ȷö-въ ŏ, въ *о* выше, хотя и въ другомъ фонетическомъ положеніи. Вотъ эта то форма-омоу и-ѥмоу является въ *русской* редакціи старославянскихъ памятниковъ письменности рядомъ съ несокращенными формами окончаній:—оомоу и-ѥомоу; сокращенныя же—омоу и-ѥмоу извѣстны и въ *сербской* редакціи старослав. текстовъ. Отсюда и въ современномъ русскомъ языкѣ—*ому* и-*ему*, напр., *доброму*, *синему* и проч., и въ *сербскомъ* языкѣ—*ōму*,—*ēму*, *гдѣ долгая гласная изъ соединенія двухъ гласныхъ*. Въ русскомъ языкѣ подъ вліяніемъ *о* и *е* въ этихъ окончаніяхъ—*ому* и-*ему* тѣ же—*о*-и-*е*—проникли и въ форму родительнаго единств. числа муж. и ср. рода прилагательныхъ опредѣленныхъ. Такимъ образомъ, окончаніе формы род. п. ед. числа—*аγо* изъ общеславянскаго—*āеγо*, получившагося, въ свою очередь, изъ общесл.—*āȷеγо* со второстепеннымъ удареніемъ на первомъ слогѣ мѣстоименія,—*ȷеγо*, которое, какъ мы знаемъ, къ концу общеславянскаго періода уже являлось параллельно съ формой сокращенной—*γо*; (Въ этой

формѣ мы ставимъ греч. букву γ=h потому, что на этотъ звукъ указываютъ въ общеславянскомъ языкѣ въ этомъ словѣ другіе славянскіе языки, гдѣ мы имѣемъ h—чешскій, бѣлорусскій, малорусскій, южновеликорусскій, или даже *в*, какъ въ говорахъ русскаго языка—*евó* и т. д.); и вотъ это окончаніе—аγо замѣнилось въ общерусскую эпоху окончаніемъ—оγо и—еγо съ ихъ дальнѣйшими фонетическими измѣненіями въ діалектахъ русскаго языка: *доброго, слѣпого, синего*, какъ и было въ древне-русскихъ памятникахъ, напр., въ грамотѣ смоленской 1229 года: *дѣтского, лучьшего* и др. Вообще, въ грамотахъ русскихъ съ болѣе или менѣе *чистымъ* русскимъ языкомъ, безъ примѣси церк.-славянскаго, мы *совсѣмъ не имѣемъ* формъ старославянскаго (и церковнославянскаго) языка на-аагo и-аго, которыя встрѣчаются еще въ лѣтописяхъ, т. к. послѣднія писались лицами *духовнаго* званія и *смѣшаннымъ* русскимъ со стрсл. (въ церковной формѣ) языкомъ. Поэтому мы совершенно *неправильно* пишемъ по-русски окончанія—*аго* и-*яго*: *добраго, синяго* и проч. Дальнѣйшія фонетическія измѣненія по діалектамъ р. языка этихъ формъ мы видимъ: *дóбрдвд, дóбрӑhӑ, дóбрдhо* и проч. Такимъ образомъ, мы видимъ, что *русская* форма род. п. ед. ч. членныхъ прилагательныхъ на-*ого*,—*его* представляетъ собой сравнительно *новое* образованіе, явившееся уже въ эпоху общерусскаго языка и представляющее собой явленіе, пережитое уже по отдѣленіи общерусскаго языка отъ общеславянской семьи языковъ, т. е. то измѣненіе, которое пережито въ общерусскую эпоху, въ раннемъ ея періодѣ, въ прарусскомъ періодѣ, и представляетъ собой отклоненіе отъ общеславянскаго языка, гдѣ было окончаніе этого падежа—ā еγо изъ-ā ј еγо. Въ старосл. языкѣ отсюда—*ааго*,—аагo по ассимиляціи—*ае*-въ-*а*-, такъ что стрсл. добра+ѥго дало въ эпоху памятниковъ—добраагo и добраго. Но надо замѣтить, что нѣкогда, однако, русскій языкъ, вѣроятно, въ эпоху

прарусскую, хотя еще ранѣе, чѣмъ эта эпоха пережила измѣненіе—оуо, имѣлъ форму на-ауо, получившуюся *фонетически* изъ общеславянской формы на-āеуо, вѣроятно, через посредство формы на-аауо, какъ и въ старославянскомъ языкѣ. Указаніе же на то, что старосл.-аа-(въ род. п.—*ааго*) получилось изъ общеславянскаго—āē-, даютъ тѣ славянскіе языки, напр., чешскій и польскій, въ которыхъ мы находимъ въ этомъ падежѣ-ē-,-е-въ соотвѣтствіи со стрсл.-аа-. Это ē-(ė) можетъ быть сопоставляемо со старославянскимъ-аа-*лишь при посредствѣ общаго для нихъ*—āĕ: срв. стрсл. добраaго, добраго при польскомъ dobrego, чешскомъ dobrého и проч. Кромѣ всего этого, въ русскую форму на-оуо,—еуо звуки—*о* и-*е*—проникли, какъ мы уже знаемъ, *изъ формъ дательнаго падежа*; изъ этихъ же формъ въ русскомъ языкѣ проникли звуки—*о*-и-*е*—и въ формы предложнаго падежа ед. числа муж. и ср. рода прилагательныхъ опредѣленныхъ, гдѣ окончение—*омъ*, напр., *въ добромъ*, имѣетъ—*о-перенесенное* изъ окончаній дательнаго и родительнаго падежей подъ вліяніемъ *аналогіи мѣстоименнаго склоненія*, напр., подъ вліяніемъ формы въ *томъ* при формахъ: *тому*, *того* и проч. Подобнымъ же образомъ и въ другихъ слав. языкахъ, чешскомъ и польскомъ, оказываются перенесенными—*ē*-,-*е*-и въ форму дат. падежа: dobremu, по аналогіи съ dobrego, dobrého; и въ сербскомъ языкѣ звуки-*ō*-,-*ē*—изъ окончанія *дат. падежа* были перенесены и въ окончаніе родительнаго падежа: добрōга, синēга и под., гдѣ *конечное а*—подъ вліяніемъ *а* род. падежа именъ существительныхъ: вм.-āго—āга, а потомъ—ōга послѣ перенесенія-*ō*—*изъ дательнаго падежа*.

§ 40. Итакъ, общерусскій языкъ пережилъ измѣненія:—*ому*,—*ого*,—*омь*,—изъ:-*ōмū*,—*аеуо*, откуда сначала-ауо, а потомъ подъ вліяніемъ—*ому* стало—оуо; наконецъ—*омь*, въ которомъ-*о*—прямо перенесено изъ дательнаго и родительнаго

падежа подъ вліяніемъ формъ въ родѣ *томъ* и проч., т. к. форма предложнаго падежа въ русскомъ языкѣ, еслибы она была образована фонетически, то звучала бы не *добромъ*, а *добремъ*. Срв. стрсл. добрѣѥмь, добрѣємь и добрѣмь въ памятникахъ всѣхъ редакцій, въ томъ числѣ двѣ послѣднія формы и въ *русскомъ* Остр. Евангеліи, изъ общеславянской формы на *ѣјеть*, откуда—*ѣеть*. Изъ предыдущаго ясно, какія сложныя формы именъ прилагательныхъ членныхъ были въ общеславянскомъ языкѣ и въ старославянскомъ діалектѣ. Въ общерусскую эпоху произошла утрата цѣлаго ряда формъ. Именно:

1) Утраченъ рядъ формъ сложнаго склоненія именъ прилагательныхъ: *добраего, добруему, добрѣемъ.* Вмѣсто этихъ формъ появились формы: *доброего, доброему, доброемъ.* Срв. мѣстоименія: *моего, твоему, коемъ* и под. При энклитическомъ употребленіи формъ сложенія въ прилагательныхъ, во второй изъ составныхъ частей сложнаго склоненія получились формы: *доброго, доброму, добромъ.* Срв. діалектическое общерусское, *моѓо*, *твомў*, *свомў*, *твоѓо* и проч. Во всѣхъ этихъ утраченныхъ формахъ общерусскій языкъ имѣлъ дѣло въ окончаніяхъ сложныхъ прилагательныхъ съ такими мѣстоименными формами (ѥго, ѥмоу, ѥмь), которыя начинались съ основы je.—Такъ вотъ *при сохраненіи во второй части сложнаго прилагательнаго основъ је—мѣстоименій въ первой части сложенія являлась вмѣсто падежной формы прилагательнаго основа на-о.* Стало быть, *доброего* и проч., откуда *доброго* и проч. (См. выше—*го,—му* вмѣсто ѥго, *ѥму* и проч. въ общесл. періодъ). Такимъ образомъ, въ данномъ вопросѣ общерусская эпоха отличалась отъ общеславянской какъ будто тѣмъ, что въ общеславянскій періодъ мѣстоименіе присоединялось къ *падежной формѣ прилагательнаго,* а въ общерусскомъ языкѣ—*къ формѣ основы на-о.* Но мы выше видѣли, что формы древняго и современнаго русскаго языка: *доброго, доброму, добромъ* выводятся фонетически изъ общеславянской

формы, по крайней мѣрѣ, для дательнаго падежа, изъ формы—поmŭ, откуда по ассимиляціи—оомоу и *ому*, а затѣмъ *о* изъ-*ому* перенесено и въ род. и въ мѣстный падежи при вліяніи формъ другихъ мѣстоименій, какъ: *тому*, *того*, *томъ*. Весь вопросъ въ томъ, слѣдуетъ-ли предполагать для общерусской эпохи *особое* образованіе членныхъ прилагательныхъ изъ *основы*+энклитической формы мѣстоименія, а *не изъ падежной формы*+энклитическая форма тѣхъ же мѣстоименій?

2) Утраченъ сигматическій аористъ типа: нѣсъ, рѣхъ и под. Извѣстно, что, кромѣ сохранившагося типа аориста *съ соединительной гласной* въ общерусскомъ языкѣ, какъ формы типа: *ведохъ*, *несохъ*, *рекохъ*, были еще въ старосл. языкѣ аористы *безъ соединительной гласной о*, хотя тоже *сигматическіе*, т. е. съ согласнымъ *х* изъ *s*. (См. выше § 24 пункты 6 и 12), но съ *удлиненіемъ* гласнаго глагольной основы: нести, нес+съ, нѣсъ или: рещи, рек+хъ, рѣх+хъ, рѣхъ. Такіе аористы могли образовываться только отъ глаголовъ *съ основой на согласный* безъ примѣты, т. е. отъ глаголовъ I класса съ согласной основой, причемъ происходило удлиненіе коренного гласнаго въ глаголѣ и ассимиляція конечнаго согласнаго основы и характера аориста *х*. Такъ вотъ этотъ типъ аориста сигматическаго (т. е. съ характеромъ *х*, *с* и удлиненіемъ гласнаго основы) утраченъ въ общерусскую эпоху.

3) Утрачены формы, служившія въ общеславянскую эпоху для образованія описательныхъ формъ сослагательнаго наклоненія, бимь, би и проч. отъ вспомогательнаго глагола.

4) Утрачены почти всѣ формы настоящаго времени *безъ соединительной гласной*, т. е. формы наст. времени глаголовъ V класса. Изъ этихъ глаголовъ сохранились въ эту эпоху только: ѥсмь, дамь, ѣмь, вѣмь съ согласной основой и гл. имамь—съ гласной основой. Но общесл. формы въ родѣ: *дѣлаамь*, *знаамь* и под. вытѣснены. Что касается такихъ формъ,

какъ карпато-русская (угрорусская въ Австріи): *співам* и под., то онѣ здѣсь обязаны вліянію польскаго и словацкаго языковъ.

5) Въ эту эпоху личное окончаніе ть—3-го лица ед. и мн. ч. глаголовъ настоящаго времени стало переноситься изъ настоящаго времени въ imperfectum. Напр., *играшеть, бяшеть, бяхуть, молѣхуть, хотѣшеть* и под. вмѣсто: играше, бяше, бяхоу, моляхоу, хотяше и под. Въ стрсл. языкѣ: играаше, бѣаше, бѣахѫ, молѣахѫ, хотѣаше и под. (См. выше звуковыя измѣненія этой эпохи).

6) Окончаніе—*ши* 2-го лица ед. ч. наст. времени въ глаголахъ стало вытѣсняться въ эту эпоху окончаніемъ—*шь*, хотя оба эти окончанія восходятъ къ общеславянской эпохѣ. Подъ вліяніемъ окончанія—*шь* стала образовываться форма *хочь*—2 лица (срв. русское *хошь*) при *хочи*.

§ 41. Прежде чѣмъ перейти ко II-му отдѣлу нашего курса, къ характеристикѣ эпохи общерусскаго языка *непосредственно передъ распаденіемъ* послѣдняго, я приведу примѣры изъ памятниковъ письменности, объясняющіе собой тѣ положенія, которыя мы перечислили выше, характеризуя *раннюю эпоху* общерусскаго языка въ отношеніи тѣхъ *морфологическихъ* измѣненій, которыя были пережиты этой послѣдней эпохой. Рядомъ съ формами род. п. *смольнеского* (=смоленского), *дьтского, гочкого* (=готского), *лучьшего* и др. въ Смоленской Грамотѣ 1229 года мы имѣемъ и для женскаго рода въ этой же грамотѣ формы: оу роускои земли, оу стоѥ бце, оу латинескои црькви, из иноѥ земль; срв. прочіе падежи сложныхъ прилагательныхъ здѣсь же: латинескомоу языкоу, на готскомь березѣ, или на гочкомь березѣ (*ч* вм. *тс*=*ц* по чёкающему произношенію русскихъ говоровъ, въ которыхъ *ч* произносится какъ *ц* или *ц*—какъ *ч*, См. ниже), дѣтьскомоу или: латинеского, дѣтьского, полотьского кнѧзѧ (ѧ здѣсь имѣетъ

только графическое значенiе, т. е. не фонетическое, т. к. *носовыхъ* звуковъ въ XIII вѣкѣ уже не было: они исчезли въ русскомъ языкѣ еще въ X-мъ вѣкѣ. См. выше. Здѣсь, какъ и вездѣ въ такихъ случаяхъ, начертанiе ѧ имѣетъ значенiе ꙗ (я) въ русскихъ памятникахъ, а начертанiя ѫ уже въ это время совсѣмъ нѣтъ: вмѣсто него—оу, ѹ, ү), оу витьбеского кнѧзѧ (=витебского; др. рус. витьбьскъ, которое, по отпаденiи конечнаго ъ, должно было имѣть *сильный* ирраціональный ъ въ слогѣ *тъ*, т. е. должно было получиться: витебьск—витебск; рядомъ съ этой формой могла существовать и форма витьбеск, откуда — витьбеского. См. выше). Рефлексы старыхъ формъ жен. р. род. падежа ед. ч. на-*оѣ*,—*еѣ* (см. выше): святоѣ, пагоубьноѣ, утрьнеѣ живутъ въ современныхъ нашихъ формахъ: *святой*, *пагубной*, *утреней* и под., въ которыхъ конечное *е* отпало: срв. форму из иноѥ земли (гдѣ ѥ вм. ѣ. См. выше); *иноје* по отпаденiи конечнаго *е* дастъ *иноj=иной*. Большинство слав. языковъ тоже сходится во всѣхъ этихъ формахъ сложнаго прилагательнаго съ русскимъ языкомъ, который, хотя и имѣлъ прежде формы, подобныя старославянскимъ, на-*ыѣ*,—*ѣѣ*, на-*ѣи*, на-*ѣмь*,—*имь*, но очень рано утратилъ ихъ. Срв. въ Изборникѣ 1073 г. благовѣрьному—90 об., ближьнему—92 об. Въ Изборникѣ 1076 г. небесному—5, вышьнему—6. Это *кiевскiе* памятники. Въ Минеѣ 1096 г. (новгородской): бѣсовьскому — 153, дрѣвьнему — 207. Даже: прѣчистоому—Изб. 1073 г. 22 об. просящеому—Арх. Ев. 1092 г. 24 об. (см. выше объясненiе такихъ формъ). Также и въ двойств. числѣ въ русскихъ памятникахъ, согласно съ большей частью слав. языковъ, мы имѣемъ формы *съ основами на о*: въ Архангельскомъ Ев. 1092 г.: дьнь *святою* мученику—133 об. *святою* отьцю—163. Въ Минеѣ 1097 г.: *чьстьною* страдальцю—296. Очень много подобныхъ примѣровъ мы имѣемъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи 1377 г. Вообще, чѣмъ памятникъ позже, тѣмъ рѣже встрѣчаются въ немъ формы старославянскаго языка въ церковно-

славянской оболочкѣ, а *въ русскихъ грамотахъ* формы прилагательныхъ на *—ого,—его,—ой,—ей,—ому,—ему,—омъ* встрѣчаются исключительно.

§ 42. Что касается окончанія 3-го лица ед. и множ. числа глаголовъ—ть (съ т, которое не пріобрѣтало полной мягкости передъ ь менѣе сильнымъ, а *оставалось полумягкимъ*, какъ о томъ свидѣтельствуютъ указанія отдѣльныхъ русскихъ нарѣчій, въ которыхъ мы имѣемъ *отвердѣвшее т* въ этихъ лицахъ глагола, при *вполнѣ мягкомъ т* другихъ говоровъ: *сидит*—въ сѣвернорусскихъ говорахъ, *сидитъ*—въ южнорусскихъ говорахъ и под. См. выше), то въ древнее время въ русскомъ языкѣ являются *преобладающими* формами формы на-*ть* при старославянскихъ формахъ на-*тъ* [1]. Напр., въ Остромировомъ Евангеліи всего только 5—6 формъ на-*тъ*, а всѣ остальныя на-*ть*. Въ грамотахъ до XIV вѣка вовсе нѣтъ формъ на-*тъ*. Въ другихъ слав. языкахъ преобладаютъ формы совсѣмъ безъ окончанія въ 3 л. ед. ч. наст. времени: je, będzie, idzie, puszcze и проч. (=*есть, будетъ, идетъ, пуститъ*, въ польскомъ яз. и друг.), хотя остались остатки старыхъ формъ: ješć=есть, въ древнемъ чешскомъ и на *t* (твердое): stanut=станутъ и др. Это окончаніе—*ть* изъ настоящаго времени перенесено еще въ общерусской эпохѣ въ формы imperfectum'а: Остр. Ев. моуждашеть — это *древнѣйшій* примѣръ imperfectum'а въ 3 л. ед. ч. съ окончаніемъ—*ть*. То-же мы имѣемъ въ Арх. Ев. 1092 года: ляжашеть, угнѣтахуть, стрѣжахуть, моляхути и (т. е. моляхуть *и*, гдѣ *и* есть вин. пад. ед. ч. мѣстоименія=*его*, съ которымъ ассимилировалось окончаніе—*ть* формы глагола:—*ть и*=-*ти и*. Такая ассимиляція

---

[1]) См. *Ф. Ө. Фортунатова.* «Старославянское тъ въ 3 л. глаголовъ» Спб. 1909.

Его-же. «О языкѣ Остр. Евангелія» Спб. 1910.

въ этихъ формахъ *обычно* встрѣчается въ *южнорусскихъ* памятникахъ др. р. письменности). Такія формы существовали нѣкогда и въ сербскомъ и въ чешскомъ языкахъ. Въ древнихъ русскихъ *грамотахъ* формъ imperfectum'a вообще нѣтъ.

§ 43. Что касается формъ глагола во 2 лицѣ ед. ч. наст. времени, то *старославянскій* языкъ имѣлъ въ этихъ формахъ два окончанія: — *си* и *-ши*, хотя *общеславянскому* языку было извѣстно и окончаніе—*шь*. (См. выше). Окончаніе—*си* извѣстно въ глаголахъ *безъ соединительной гласной, съ согласной основой*, т. е. въ глаголахъ V класса (см. Грамматику старослав. языка *Лескина* въ русскомъ переводѣ *Шахматова* и *Щепкина*. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache von *A. Leskien*. 4-te Auflage. Weimar. 1905). Напр., юси, вѣси, ѩси, даси. Въ русскомъ языкѣ, за потерею этихъ формъ, вообще формы на-*си* очень рано исчезаютъ и изъ памятниковъ, держась въ нихъ только какъ заимствованіе изъ церковно-славянскихъ книгъ. Формы на-*ши* также встрѣчаются только въ тѣхъ памятникахъ, которые имѣютъ въ своемъ языкѣ въ той или другой степени церковно-славянскіе элементы. Въ русскихъ грамотахъ и юридическихъ актахъ всякаго рода, т. е. въ дѣловыхъ бумагахъ, въ дѣловомъ, чисто русскомъ языкѣ, очень близкомъ къ древнему *разговорному* русскому языку, мы находимъ почти *исключительно* формы на-*шь*. Такъ, въ Смол. Грамотѣ 1229 г.: посулишь; въ рижской грам. 1300 г.: вѣдаешь, слышышь; дѣешь, купишь, емлешь и друг. Само собой разумѣется, что такія формы проникли изъ живого языка и въ церковныя или богословскія книги, напр., въ Кормчей 1282 г.: изгубишь, будешь, узришь, служишь, дьржишь и мн. др. (см. 586 об., 587 об., 592 об., 603 об.). Такія же формы, какъ въ русскомъ языкѣ, извѣстны и южнославянскимъ, и западнославянскимъ языкамъ, въ которыхъ, кажется, даже и не было

никогда окончанія, извѣстнаго старославянскому языку—*ши*. Этимъ я закончу характеристику общерусской эпохи прарусскаго періода въ звуковомъ и формальномъ отношеніяхъ.

Глава XI-ая.

Эпоха, непосредственно предшествовавшая распаденію русскаго языка.

§ 44. Перехожу ко II-му отдѣлу своего курса,—*къ характеристикѣ эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію русскаго языка.* Прежде всего перечислю тѣ явленія этой эпохи, которыя были *общими*, а *не діалектическими.* Къ такимъ общимъ явленіямъ этой эпохи относятся слѣдующія:

1) Въ эту эпоху исчезли изъ произношенія *слабые* (менѣе сильные. См. выше.) *ъ* и *ь*, исчезло изъ произношенія то *слабо-ирраціональное ы*, которое находилось въ положеніи передъ ј, т. е. *ы* неполнаго образованія (вторичное. См. выше), исчезло также то *и*, которое находилось также въ положеніи передъ ј, (вторичное. См. выше). Вникнемъ въ эти явленія: *слабыми* ирраціональные звуки были тогда, *когда они не стояли въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ, или когда за ними не слѣдовало слога со слабыми же и неслоговыми звуками ъ и ь.* Такимъ образомъ, наканунѣ распаденія общерусскаго языка на нарѣчія стали произноситься: княз', дал, гнати, кон'ца, дска, откуда—цка, т. к. *дс* по ассимиляціи=*тс*=*ц*; *тсти* (род. п. ед. ч. отъ сл. тьсть=тесть; въ им. пад. было удареніе *на первомъ слогѣ*, оно и удержалось, а вмѣстѣ съ нимъ—и *сильное ь*), откуда, по вышесказанному,—*цти*; кр'стити, откуда по распаденіи—въ говорахъ: *кстить*=крестить; пл'сков (Псковъ), крвав и друг. Въ предшествовавшую эпоху вмѣсто этихъ произношеній были: кънязь, далъ, гънáти, коньцá, дъскá, тьстú,

крьстйти, пльсќо́въ. (Срв. это слово въ произношеніи съ *варьянтомъ* ударенія на *первомъ* слогѣ, когда получался *сильный ъ*, а потому—Пле́сков. По-нѣмецки донынѣ Псковъ называется Plèskow. Срв. выше: Ви́тьбьскъ, откуда или—Ви́теб'ск, или—Ви́т'беск, смотря по тому, идетъ ли образованіе отъ формы именительнаго падежа Ви́тьбеск, или отъ формы Ви́тебьска и под., гдѣ ъ послѣ *б* былъ слабымъ: во всѣхъ косвенныхъ падежахъ этого названія, гдѣ появлялись *гласныя* въ падежныхъ окончаніяхъ, органически, т. е. фонетически, долженъ былъ исчезать слабый ирраціональный ь въ слогѣ *передъ гласнымъ*, т. е. въ слогѣ—*бъ*-, слѣдовательно, при именительномъ, образовавшемся фонетически: Ви́тьбеск, родительный и проч. падежи представляли уже фонетически образовавшіяся формы: Ви́теб'ска, Ви́теб'ску, Ви́теб'скомь и проч. Такіе варьянты формъ въ разныхъ падежахъ одного и того же слова въ эту эпоху должны были вліять другъ на друга и содѣйствовать ассоціаціи сходныхъ въ звуковомъ отношеніи формъ и образованію формъ *по аналогіи*. Мы уже видѣли варьянты формъ названія этого города въ грамотѣ Смоленской 1229 г. Вообще, въ словахъ, гдѣ сосѣдніе слоги имѣли нѣкогда ирраціональные звуки *ъ* и *ь* въ эту эпоху русскаго языка, легко появлялись варьянты формъ по произношенію. (Срв. др. русскіе: *вьртъпъ*, род. вьртъпа́—верт'па̀ и верте́па по аналогіи съ „вьрте́п"; *шепътъ*, род. ше́пта́ и ше́пота. Срв. у Пушкина: по шепту́ и проч. *Ръпътъ*—ро́пта (ропта́ть) и ро́пота и мн. др.). Древне-русское *крвав* этой эпохи въ предшествующую было: *кръвавъ*. Послѣ сказаннаго ясно, что *слѣдствіемъ исчезновенія слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ ъ и ь*, бывшихъ *неслоговыми* и по акустическому впечатлѣнію *глухими, могло появиться возстановленіе исчезнувшаго звука* ъ или ь *по аналогіи съ родственными образованіями*: такъ, вмѣсто исчезнувшаго слабо-ирраціональнаго *ъ* въ словѣ *крва́в* появлялось *сильно*-ирраціональное *ы*, т. ч. получилось *крыва́в*; вм. *блχа́*—(изъ ранняго блъχа́),—срв. польское pchła изъ

*bchla, а это изъ *blcba изъ общеславянскаго bl̥ъχа, въ стрсл. клъха,—получилось *блыха́*. Также: вм. дръжа́ти—држа́ти получилось *дрыжа́ти* съ *сильнымъ* ирраціональнымъ *ы*. Вмѣсто исчезнувшаго *слабаго* ирраціональнаго ъ появилось, по аналогіи съ другими родственными образованіями, *сильное* ирраціональное *и*: *триво́га*, *слиза́* вм. трьво́га, тр'во́га и сльза́, сл'за́. Срв. чеш. slza и польское łza со слоговыми l, ł, какъ и въ старосл. яз. сльза, слъза. Срв. рус. слеза́, с'л'оза́, с'л'о́зы изъ с'л'о̆за́, с'л'о̆зы́ или изъ еще болѣе ранняго с'л'и́зы при болѣе *сильномъ* ирраціональномъ ъ *подъ удареніемъ въ первомъ слогѣ слова* этой формы. При посредствѣ этой формы объясняется и форма *слиза* и под. вышеприведеннымъ, какъ формамъ, образованнымъ *по аналогіи*. Такое же явленіе исчезновенія *слабаго ы* передъ і̯ и возникновеніе вмѣсто исчезнувшаго *ы слабаго*, по аналогіи съ формами, гдѣ было *сильное ы*, *сильнаго ы*. Напр., въ формѣ мы́і̯емъ мы имѣемъ *сильное ы* передъ і̯ *подъ удареніемъ въ первомъ слогѣ слова*, но при сравненіи этой формы съ формою у̀мъѭ—въ Юрьевскомъ Ев. 1120 г.; 173 об. или съ формою мъється—Кормчая 1282 г., 489; или: мъютъ—Домострой XVI в. (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1881 г. кн. 2. Стр. 87.) и мн. др. мы видимъ, что *сильное ы* исчезло, перешло въ *слабое ъ*, судьба котораго намъ извѣстна: онъ долженъ былъ исчезнуть. Но въ формѣ: у́мыі̯емъ звукъ *ы* является уже болѣе *слабымъ*, возстановленнымъ по аналогіи съ формами съ *болѣе сильнымъ*, ударяемымъ *ы*. Срв. люди́і̯—род. мн. съ *сильнымъ* ирраціональнымъ *и* и лю́диі̯е—со *слабымъ* ирраціональнымъ *и*, какъ видно изъ написаній: людье и под.; поэтому, если мы встрѣчаемъ форму людние, то признаёмъ въ ней *сильное* ирраціональное и, занесенное изъ формы людии, гдѣ это и (передъ и, і̯) *фонетически* образовалось изъ стараго *сильнаго* ирраціональнаго ь (людьи); въ формѣ же людние и стоитъ вмѣсто ожидаемаго ь *слабаго*, обреченнаго исторіей языка потому на исчезновеніе: срв. наше *без-*

людье, по: *людей* изъ *людій.* Срв. также листиє (выше)—листиіе вм. листье. Такимъ образомъ, всѣ приведенные образцы постепенно переходили всѣ эти произношенія, т. е., ўміемъ, людіе, листіе и под., какъ показываютъ и написанія памятниковъ. (См. примѣры изъ памятниковъ др. русскаго языка у *Соболевскаго.* Лекціи. [4]. Стр. 49. 229 и сл.).

2) Вторымъ *общимъ* явленіемъ разсматриваемой эпохи былъ *переходъ сильныхъ ъ, ь, ӥ* въ *о, е, ö.* Въ эту эпоху, именно, получилось изъ *вълкъ—волк* (см. выше.), изъ *сънъ—сон,* изъ *дъску—дóску,* изъ *дьнь—ден',* изъ *пьсъ—п'öс,* изъ *льнъ—л'öн* и под. Такъ что, сначала, по ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ въ словѣ еще въ общерусскую эпоху перваго періода, вслѣдствіе лабіализаціи и палатализаціи (см. выше) гласныхъ и согласныхъ звуковъ, получилось *д'* и *н'* въ словѣ *дьнь, п'* и *л''* въ словахъ: *пьсъ* и *льнъ,* т. е. получились тѣ согласные *мягкіе,* которыхъ *еще не было въ общеславянскомъ языкѣ,* знавшемъ только нѣкоторые *смягченные* согласные (см. выше), хотя сами *гласные* звуки этихъ словъ еще и не были гласными *полнаго образованія е, ö,* т. к. было еще: *д'ън'ь, п'ӥсъ, л'ӥнъ* и проч. съ *ь* и *ӥ ирраціональными,* хотя и *сильными,* но *не полнаго образованія.* Нынѣ же, въ эту эпоху, уже образовались и *д'öрн* вм. *д'ӥрнъ,* и *в'ер'х* вм. *в'ър'хъ* и проч Такимъ образомъ, звуки *ö* и *о* (въ положеніи передъ ł изъ l, замыкавшемъ собою слогъ слова) изъ чистаго *е* были извѣстны ранѣе, чѣмъ звуки *е* и *ö* изъ ирраціональнаго ъ. Напр., *м'öд* изъ *медъ* или *молко* изъ *т'öłко* и изъ *melko* было извѣстно ужъ тогда, когда еще оставались произношенія: *д'ън'ь, п'ӥсъ,* но еще не было: *д'ен', п'öс* и проч. Въ то время какъ *сильные ъ, ь, ӥ* переходили въ *о, е, ö, сильные* ирраціональные *ы* и *и оставались безъ измѣненія;* такимъ образомъ, въ эту эпоху произношенія: мыіемъ, людиі и под. оставались безъ измѣненія. Однако при *фонетически* образовавшейся формѣ людиі или гусиі, жеребиі и под. стали появляться формы: людéй, гусéй, жеребéй, мóемъ и под. Вотъ эти-то послѣднія формы,

дожившія до нашего времени въ нарѣчіяхъ русскаго языка, образовались *не фонетически*, а *по аналогіи* съ формами, гдѣ были ъ и ь *сильные*, которые въ эту эпоху перешли въ *о* и *е*. Такимъ образомъ, форма людиј, имѣя *сильное и*, должна была бы сохранить свое *и* передъ ј, но подпала подъ вліяніе формъ въ родѣ людиіе (изъ людиіе съ *слабымъ и* передъ ј), откуда сначала—людьј, а потомъ людéй. Равнымъ образомъ форма гусиј, имѣя *и сильное* ирраціональное, должна бы была сохранить это *и*, но, подпавъ подъ вліяніе формъ въ родѣ: гу́сьмъ, гу́сьхъ и под., измѣнила свое *и* въ ь, т. е. получилась форма: гусьј, откуда *фонетически* уже *гусéй* съ *е* изъ *сильнаго* ирраціональнаго ь. Точно такъ же форма: жеребиј подъ вліяніемъ формы жеребјá измѣнилась сперва въ жеребьј откуда уже: жеребéй. Срв. древне-бѣлорусское *жеребей*, малор. *соловэ́й*, *ђусэ́й*, бѣлор. и великор. *гусéй*, *людéй* и под. Такимъ образомъ, *общій законъ* этой эпохи заключался въ слѣдующемъ: *слабые-ирраціональные* звуки ъ, ь, *ы*, *и* исчезали, а *сильные-ирраціональные* ъ, ь, *й* переходили въ гласные полнаго образованія: *о*, *е*, *ŏ*. *Сильные-ирраціональные ы* и *и* оставались безъ измѣненія. Теперь поясненія: *ы* и *и* были *ирраціональными* только въ положеніи передъ ј. Они были получены таковыми въ означенномъ фонетическомъ положеніи еще изъ общеславянскаго языка. Въ своей исторіи эти *ы* и *и* оказывались въ чередованіи съ ъ и ь или *сильными*, или *слабыми*, смотря по тому, были ли *ирраціональные ы* и *и* сами *сильными* или *слабыми*. *Сильными* эти *всѣ* ирраціональные звуки были только *въ первомъ слогѣ слова подъ удареніемъ*, которое въ этомъ положеніи удержалось на своемъ мѣстѣ отъ общеславянской эпохи и *сохранило* вмѣстѣ съ собой *силу* ирраціональнаго звука. И, кромѣ этого, *сильными* они были въ положеніи передъ слѣдующимъ слогомъ со *слабымъ* ирраціональнымъ звукомъ ъ, ь. Во всякомъ другомъ положеніи ирраціональные звуки были *слабыми*, т. е. подвергались въ своей дальнѣйшей судьбѣ, выяснившейся наканунѣ

распаденія общерусскаго языка, *исчезновенію. Слабые* ирраціональные звуки, находясь въ неударяемомъ положеніи, въ эту эпоху уже не могли составлять *слога* и потому *были неслоговыми.* Подпадая *подъ удареніе*, хотя бы и не въ первомъ, начальномъ слогѣ слова, *слабые ирраціональные становились сильными* и подвергались измѣненіямъ сильныхъ, т. е. переходили въ гласные *полнаго образованія.* Сильный ирраціональный гласный *ŭ* происходилъ изъ ирраціональнаго гласнаго сильнаго *ъ* въ положеніи передъ лабіализованной согласной или лабіализованнымъ *р.* Этотъ ирраціональный звукъ былъ *сильнымъ* и въ дальнѣйшей своей исторіи переходилъ въ *ŏ,* откуда далѣе—*о.* Это *ŭ* изъ *ъ* въ положеніи передъ ł переходило въ *сильное ъ,* откуда далѣе, въ эту эпоху,—*о.* Въ сочетаніяхъ: *неслоговая* (слабая) ирраціональная *ъ, ъ+слоговая* плавная *р, л* между согласными, вслѣдствіе *потери* слогового характера плавными *р* и *л* въ общерусскую эпоху, становилась *слоговою, сильною* и далѣе переходила въ *о, е.* Съ теченіемъ времени, но въ эту же эпоху, передъ распаденіемъ общерусскаго языка, получились въ языкѣ ряды образованій со слабыми и сильными ирраціональными звуками и взаимно оказывали вліяніе другъ на друга; такъ возникли новыя образованія въ эту же эпоху, гдѣ мы получили *по аналогіи* формы съ сильными *ъ* и *ь* (*о* и *е*) *вмѣсто сильныхъ* же *ы* и *и* передъ į или съ сильными *ы* и *и* (не передъ į) *вмѣсто слабыхъ ъ* и *ь,* исчезнувшихъ въ ихъ фонетическомъ положеніи. Возьмемъ рядъ примѣровъ, въ которыхъ будемъ обозначать черточками между словами направленіе фонетическихъ измѣненій во времени данныхъ формъ, начиная отъ ранней эпохи, или *исторію разсматриваемыхъ нами звуковыхъ измѣненій,* т. е. *исторію звуковъ въ данномъ фонетическомъ ихъ положеніи въ словѣ: сильные ъ, ь:* съ̥́пнъ—съ̥́нъ—со́н; дь̥нь—д'ь̥н'ь—д'ь̥^{i}н'ь—д'е^{i}н'; л'ъ̥нъ—л'ъ̥н—л'ӱ̥н—л'ӧн, вь̥лкъ—вь̥лк—в'ӱлк—*вълк—волк*; дь̥́рнъ—д'ӱ́рн—д'ӧрн—д'орн, мы̯у, ш'и̯а. *Слабые ъ, ь, ы, и:* с-на̀, д'н'и́, мі̯ў

(мъю́, мѣ̑ј—мо́ј—мо́ју=мо́ю...), листје (листье), мы́ју—мі́ју—мо́ју; солови́ј—соловји́—соловѣ̑ј—солове́й. Или *сильные* ы, *и* вм. слабыхъ ъ, ь: кръва́в—крва́в—крыва́в и под. *Безъ измѣненія*: мы́ј, пи́ј и проч. до наступленія: мо́ј, пе́ј въ пов. накл. этихъ глаголовъ черезъ мѣ̑ј, п'ѣ̑ј, откуда сильные ъ и ь дали *о* и *е*. Срв. свęтѣ́ј—свęты́ј—свęты́ј—с'в'ąты́ј—с'в'аты́ј (с'в'ато́γо)—с'в'ато́ј... Или: тр'етѣ́ј—тр'еті́ј—(тр'е́тъја)—тр'ет'е́ј...

§ 45. Перехожу къ третьему явленію этой эпохи, явленію тоже *общему* для всего русскаго языка.

3) Въ эту эпоху совершился *переходъ конечныхъ открытыхъ неударяемыхъ звуковъ и, ы, е, о*, находившихся *въ чередованіи съ такими же звуками ударяемыми* въ родственныхъ формахъ и образованіяхъ, *въ слабыя ирраціональныя и* и ы, *слабыя ирраціональныя* ь и ъ, *которыя* въ силу общаго закона этой эпохи *затѣмъ отпадали*: напр., *бу́ди*—имѣетъ *и* неударяемое, но *иди́, неси́* и проч. имѣютъ *и* ударяемое; поэтому *и* въ словѣ *бу́ди* сдѣлалось *слабымъ ирраціональнымъ и*: бу́ди и затѣмъ отпало: *буд'* (писалось и пишется: *будь*). Срв. великор., малор. и бѣлор.—*буд'* (*будзь*). Тоже мы имѣемъ въ окончаніи неопр. наклоненія—*ти*, если это окончаніе неударяемое: ходи́ти, носи́ти, вози́ти и проч. Рядомъ съ этими формами были: нести́, вести́, ити́, плести́ и проч. Отсюда: ходи́ть—ходи́т'; носи́т', вози́т' и проч. Срв. великор. ходи́т', малор. діалект. ходы́т', бѣлор. хадзи́ц и проч. Звукъ *ы* отпалъ въ такихъ словахъ, какъ: *туды*, откуда малор. *туд*. Напр., въ Новгородской грамотѣ (договорной) 1307 года мы имѣемъ: А ѡпѧ̑т ѣхати тоүды же на Новъгородъ. Звукъ *е* конечный неударяемый открытый перешелъ въ слабое ирраціональное ь и затѣмъ по общему закону отпалъ въ формѣ повел. наклоненія во 2-мъ лицѣ множ. числа, напр., несѣ́т' вм. несѣте. Срв. малор. форму несі́т'; везі́т' вм. везѣ́те и под. Это конечное *е* было въ чередованіи съ такимъ же *е*, но

только *ударяемымъ*, въ тѣхъ же формахъ, напр., *спитé* и под., гдѣ удареніе находилось на конечномъ звукѣ *е* [1]).

Звукъ *о* неударяемый въ конечномъ положеніи, тоже перешедши въ слабое ирраціональное *ъ*, отпалъ, между тѣмъ какъ ударяемое *о* въ томъ же положеніи оставалось. Напр., *тамъ, такъ,* откуда: *там, так* изъ *тамо, тако* древне-русскаго языка.

4) Въ эту эпоху далѣе совершился *переходъ звука е въ положеніи послѣ смягченной согласной + į въ открытомъ конечномъ слогѣ въ звукъ ӓ*. Напр., прежнее ли́стиįе, оставшееся относительно своего конечнаго *е* неизмѣненнымъ въ произношеніи еще въ предшествующую эпоху общерусскаго единства, когда звукъ *е* во всѣхъ прочихъ положеніяхъ уже замѣнился звукомъ *ӧ* вслѣдствіе развитія лабіализаціи въ ранней эпохѣ общерусскаго языка, теперь, наканунѣ распаденія общерусскаго языка на нарѣчія, перешедши въ ли́стįе вслѣдствіе общаго закона объ исчезновеніи слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ, каковымъ въ данномъ словѣ является звукъ *и* передъ į+*е* въ словѣ ли́стиįе, дало въ эту эпоху, по исчезновеніи слабаго ирраціональнаго *и*, произношеніе ли́стįӓ. Равнымъ образомъ: людįӓ вм. людįе изъ болѣе ранняго людиįе. Въ памятникахъ письменности: людиѥ, людьѥ, причемъ конечное ѥ стало произноситься открыто, какъ *ӓ*, что видно изъ указаній русскихъ нарѣчій, гдѣ мы находимъ въ слѣдующую затѣмъ эпоху, *послѣ распаденія*, такія произношенія, какъ ли́стья, ко́лья, ко́мья и проч. съ конечнымъ звукомъ *а* (*ја, я*), который только и могъ развиться при посредствѣ звука *ӓ* изъ болѣе ранняго и доказаннаго памятниками (см. выше) звука *е*, ѥ въ конечномъ положеніи въ словѣ послѣ į.

5) Въ это же время *į въ положеніи послѣ согласной* въ словахъ, разсмотрѣнныхъ нами въ предыдущемъ пунктѣ,

---

[1]) См. Р. Ф. В. 1909 г. №№ 3 и 4. Бѣлозерскій говоръ, описанный бр. *Соколовыми*.

обратилось въ j; такимъ образомъ получилось: людjä, листjä, братjä, откуда: братjа и т. д. Но *если это неслоговое į, стоявшее послѣ согласной, находилось въ то же время въ положеніи передъ и въ словѣ, то это неслоговое į исчезало.* Напр., произношеніе *козій* получилось изъ болѣе ранняго: козįиį, откуда козиį, т. е. орѳографическое козій. Такъ же: третій, птичій и под. изъ: третįиį, птичįиį. Срв. косвенные падежи, гдѣ ясно происхожденіе формы имен. падежа, т. к. į въ этихъ падежахъ находится *не въ положеніи* передъ *и*: коз'įаго, трет'įаго и проч., изъ болѣе раннихъ: козиįего, третиįего, въ которыхъ слабо-ирраціональное *и* передъ į исчезало согласно общему закону, такъ что получилось коз'įего, трет'įего или орѳографическое: козьего, третьего и под. (Написанія: козь*яго*, треть*яго* и под. заимствованы изъ церковно-славянскихъ книгъ. См. выше). Срв. родительные падежи: *козьяго* и *синяго*, а не *синьяго*, и не *козяго* и т. п.

6) Далѣе въ эту эпоху произошло *отвердѣніе полумягкихъ согласныхъ передъ слабымъ ъ* въ конечномъ слогѣ, т. к. такое ъ исчезало. Этому закону могла препятствовать только какая-нибудь *аналогія*. Примѣры: твор. п. ед. ч. *народом* изъ *народом'*, т. к. ранѣе было: *народомъ*. Мѣстный пад. ед. ч. *в том* изъ *въ том'*, т. к. ранѣе было: *въ томъ*. Однако остались съ *мягкими* согласными: *голуб'*, *сем'* изъ болѣе раннихъ: *голубь*, *семь*, т. к. отвердѣнію конечныхъ *б* и *м* въ этихъ словахъ препятствовали тѣ формы, въ которыхъ эти согласные оставались по закону мягкими въ эпоху отвердѣнія полумягкихъ согласныхъ передъ слабымъ ъ въ конечномъ слогѣ, гдѣ ъ, какъ слабый звукъ, исчезалъ. Такія формы съ мягкими согласными были, напр., формы: *голуби*, *семи*, вліяніе которыхъ отразилось и на формахъ имен. падежей *голуб'*, *сем'*. Однако въ отдѣльной жизни русскихъ нарѣчій, напр., въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ, и эти формы имен. пад. ед. числа стали впослѣдствіи произноситься съ *твердыми* согласными: *голуб*, *сем*, *любов*, *кров* и проч. Но это—факты уже

позднѣйшаго періода русскаго языка, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Въ бѣлор. нарѣчіи мы уже увидимъ: ўолуб, любоў, кроў и под. съ *бѣлорусскими* звуками ў вм. *г* и ў (неслоговое *у*) вмѣсто согласнаго *в*. Точно такъ же отвердѣло въ эту эпоху *т* въ 3 л. ед. и множ. числа наст.—будущаго времени глаголовъ въ окончаніи—*ть*, гдѣ *т* было *полумягкимъ* передъ *слабымъ ъ* въ конечномъ слогѣ слова еще въ предыдущую эпоху русскаго языка. (См. выше). Такимъ образомъ, формы: *говорить* или *везеть*, *течеть* и под., *текуть*, *несуть* уже въ эпоху исчезновенія слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ (Припомнимъ примѣры: *сон*, *знал* и под. въ эпоху общерусскаго языка наканунѣ его распаденія) превратились въ: *говорит'*, *везет'*, *течет'*, *текут'*, *несут'* съ *полумягкимъ т*, которое *отвердѣло* и дало въ памятникахъ уже въ XIII-мъ вѣкѣ написанія съ-*тъ* вм.-*ть* съ *полумягкимъ т* въ *сѣвернорусскихъ* памятникахъ. Такое *твердое т* (въ орѳографіи:—*тъ*) сохранилось *до сихъ поръ* въ *сѣверновеликорусскомъ* и *сѣверномалорусскомъ* нарѣчіяхъ. Но въ *южновеликорусскомъ*, въ *бѣлорусскомъ* и въ *южномалорусскомъ* нарѣчіяхъ нынѣ мы имѣемъ *т'* мягкое (въ орѳографіи:—*ть*) подъ вліяніемъ древнихъ формъ на-*ти*, которыя *фонетически*, вслѣдствіе ассимиляціи, образовались изъ формъ на-*ть*, стоявшихъ передъ формою вин. падежа ед. числа мѣстоименія и. Напр., *любити и* вм. *любить и*, *побиюти и* вм. *побиють и*; *моляхути и* вм. *моляхуть и* уже въ Арханг. Ев. 1092 года и друг. Что же касается формы *есть* съ *мягкимъ т'* (-*ть*) въ *сѣверновеликорусскихъ* говорахъ, то она здѣсь сохранилась подъ вліяніемъ формъ *éсте*, *éсти* (бѣлозерскій говоръ) для 3-го лица ед. числа. Срв. ярослав., казан.-лаишевское *éсти*, *éсте*[a] и др.

7) Вслѣдствіе выпаденія слабо-ирраціональныхъ ъ и ь въ эту эпоху въ серединѣ слова неминуемо должны были оказаться въ непосредственномъ сосѣдствѣ согласные звуки, между которыми исчезъ ъ или ь. Отсюда возможно было *со-*

сходство звуковъ въ словѣ, *неоднородныхъ по мягкости своей.* Такіе неоднородные по мягкости согласные, по закону полной ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ въ словѣ, развившемуся въ общерусскомъ языкѣ еще предшествовавшей эпохи, подвергались ассимиляціи, причемъ предшествующіе твердые согласные, послѣ которыхъ исчезъ ъ, ассимилировались слѣдующимъ мягкимъ, если за твердыми слѣдовали мягкіе согласные въ словѣ. Напр., изъ стараго *сълю,* сълѭ—въ Остр. Ев. (Мѳ. XXIII, 34), образовалось *с'лю* черезъ *слю,* которое въ памятникахъ изображается сьлю : да не сьлѭть тамо—Слова Григорія Богослова XI вѣка по рукописи Импер. Публ. Библ. въ СПБургѣ. Листъ 155 *у*. А изъ *с'лю* (сьлю) получилось *ш'лю*: англи на благоѥ *слеми* бываютъ—Жит. Бор. и Глѣба по списку XIV в.; или: сихъ *слюще* во дно адово—Кормчая Чудова мон. XIV в. и др. *Сли* к брату, дондеже ѕладися—Лавр. сп. Лѣтописи подъ 1096 годомъ, листъ 168. Также получилось: *лег'че* изъ *лъгъче* черезъ *легче.* Срв. современныя діалектическія русскія произношенія этого слова: *л'е*[а]*хче*[і] и *л'е*[і]*х'че*[і], причемъ изъ перваго произношенія образовалось діалектическое *л'öкшэ*[а]; срв. *л'öгок* изъ *лъгъкъ, лъгъкыи, л'öгкой, л'öхко*[а]*й* (въ орѳографіи: *легкій*). Понятно, что въ такихъ случаяхъ, гдѣ, по исчезновеніи ь или ъ, встрѣтились въ словѣ согласные, изъ которыхъ второй согласный былъ мягкимъ, а первый согласный, прежде отдѣленный отъ второго звукомъ ъ, теперь сдѣлался мягкимъ по ассимиляціи со вторымъ, съ которымъ онъ встрѣтился, и предшествующій ему гласный, если онъ былъ звукомъ *е*, не могъ перейти въ *'о* (*о* со смягченіемъ предшествующей согласной), когда наступилъ въ эпоху отдѣльной жизни нарѣчій р. языка законъ измѣненія *е* въ *'о* въ ударяемомъ слогѣ слова въ положеніи передъ твердымъ согласнымъ или слогомъ или въ концѣ слова въ великорусскихъ говорахъ. Поэтому слово *лéг'че* (*лéк'че*) до тѣхъ поръ въ говорахъ имѣло ударяемое *é*, а не *'ó* послѣ *л*, пока слѣдую-

щій согласный *г* (*к*) оставался въ этихъ говорахъ *мягкимъ* по ассимиляціи съ слѣдующимъ за нимъ *тоже мягкимъ ч* въ слогѣ-*че*. Но когда измѣнилось качество звука *г*, перешедшаго въ этомъ словѣ потомъ въ *х* или *к* (по говорамъ), то произошли новыя сочетанія согласныхъ, уже ассимилированныхъ по новому, и получилась возможность перехода слога *л'е́-* въ слогъ *л'о́-* передъ отвердѣвшимъ уже по новой ассимиляціи впослѣдствіи звукомъ *х* или *к*. Кромѣ того, и произношеніе *ле́хкоᵃй* въ этихъ говорахъ вліяло и на произношеніе формы сравнит. степени, которая стала звучать здѣсь *ле́кшэᵃ* или *ле́хшэᵃ*. Срв. также *ше́пчешь* изъ стараго *шьпъчешь*, однако *шо́пчиш* въ Рязанской губ. Скопин. уѣзда и друг. Срв. *шо́потъ* изъ *шьпътъ* и проч. Въ древнихъ русскихъ памятникахъ мы находимъ: брѣмѧ моѥ льгъко ѥсть—Остр. Ев. (Мѳ. XI. 30). Въ Юрьевскомъ Ев. 1120 г.: льгъчаѥ боудеть содомоу—Мѳ. XI. 22. Въ Синод. Кормчей 1282 г.: аже терезви, то легъчаѥ и проч. Въ этихъ примѣрахъ ъ имѣетъ чисто графическое значеніе, т. к. онъ, на основаніи изложеннаго выше фонетическаго закона объ исчезновеніи слабыхъ ирраціональныхъ звуковъ, долженъ былъ исчезать и потому не произносился: *лег'чае* и проч. Срв. также: *шли* князю великому—Новгор. Лѣтоп. по Синод. сп. XIV в. подъ 1376 годомъ. Или: *шлющимъ* же имъ межи собою и цѣловавшимъ крестъ, веснѣ приспѣвши, миръ створиша и воротишася...—Лавр. сп. Лѣтописи 1377 г. подъ 1149 годомъ. Между тѣмъ какъ въ другомъ спискѣ лѣтописи въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ читаемъ: слющимъ же имъ; это, именно, въ Радзивиловской Лѣтописи XV вѣка, листъ 185 об. (По изданію Общ. Люб. др. письмен. 1902 года). Такимъ образомъ, форма *шлю* отъ гл. *слати*, сълати, существовала еще долгое время одновременно съ формою слю изъ сълѭ—сълю—слю—*с'лю*.

8) Въ эту же эпоху, вслѣдствіе тѣхъ-же явленій въ области звуковъ *ъ* и *ь*, произошелъ *переходъ группы чн въ*

шн, такъ какъ между *ч* и *н* исчезъ *ъ*. Напр., великор. *помошник, ношной, лавошник* и под.; бѣлор. *памошник*, малор. *смашний* и др. Такое произношеніе обозначалось даже въ нашихъ литературныхъ *печатныхъ* журналахъ конца XVIII и начала XIX-го вѣка, гдѣ, какъ и въ автографахъ нашихъ знаменитыхъ писателей того времени, мы нерѣдко находимъ: *табашникъ, скушно, булошная, помошникъ* и друг. Древне-русскія: *помочь* при старославянскомъ помощь, откуда стрсл., перешедшее къ намъ черезъ церковно-славянскую письменность,—*помощникъ*, др. русское *помочьникъ*, откуда—*помочник* и т. д. Также: *ночьной—ночной—ношной*, въ ювр. говорахъ: *нашной* и под.

9) Въ эту же эпоху, наканунѣ распаденія общерусскаго языка, произошло *измѣненіе звуковъ ä, ö, ӥ въ а, о, у въ положеніи послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ*, не бывшихъ извѣстными русскому языку въ твердомъ видѣ, т. е. въ положеніи послѣ согласныхъ: *ј, ж, ч, ш, ц* и проч. (См. выше). Припомнимъ, когда получились въ русскомъ языкѣ звуки: *ä, ö, ӥ*. Всѣ эти звуки получились въ общерусскую эпоху ранняго періода и отличаютъ собой эту эпоху отъ эпохи общеславянской: *ä* получилось въ конечномъ открытомъ слогѣ изъ *е* вслѣдствіе утраты палатальности гласнымъ *е* въ эпоху полной ассимиляціи рядомъ стоявшихъ звуковъ; далѣе звукъ *ä* мы видимъ въ разсматриваемую нами эпоху, наканунѣ распаденія общерусскаго языка, въ конечномъ открытомъ слогѣ изъ *е* послѣ смягченной согласной + į, сама эта смягченная согласная получилась вслѣдствіе исчезновенія послѣ нея слабаго ирраціональнаго *и* передъ į, причемъ į позже въ этомъ положеніи перешелъ въ *ј*. Такимъ образомъ, изъ *јесте* постепенно получалось: *јесm'ä*, затѣмъ *јес'm'а*. Срв. соврем. форму *е́стя* для 3 л. ед. ч. въ свр. говорахъ. Равнымъ образомъ изъ *людиįе* постепенно получалось: *людįе, людјä. людја*. Или: *колиįе—колįе—колįä—колјä—колја* (наше: ко́лья).

Звукъ *ӧ*, какъ мы уже знаемъ, получался въ раннюю эпоху общерусскаго языка изъ звука *ӓ* общеславянскаго діалектическаго въ *начальномъ* слогѣ слова вмѣсто *je-*, *ie*—передъ слогомъ съ гласнымъ *i* или *e*. Затѣмъ звукъ *ӧ* получался въ эпоху полной ассимиляціи рядомъ стоявшихъ звуковъ въ словѣ въ положеніи сначала передъ слѣдующей согласной *лабіализованной*, а потомъ—передъ всякой согласной *не палатализованной*, этотъ же звукъ въ эпоху развитія лабіализаціи въ русскомъ языкѣ занялъ новыя фонетическія положенія, вытѣснивши собой звукъ *е* послѣ издревле *смягченныхъ* согласныхъ и въ конечномъ открытомъ слогѣ; наконецъ, въ разсматриваемую нами эпоху, наканунѣ распаденія общерусскаго языка, звукъ *ӧ* появился вмѣсто *сильнаго* ирраціональнаго *ӥ*. Звукъ же *ӥ* былъ извѣстенъ намъ въ положеніи передъ *лабіализованной* согласной изъ *сильнаго* ирраціональнаго ь въ эпоху полной ассимиляціи рядомъ стоявшихъ звуковъ въ словѣ. Такимъ образомъ, теперь мы получаемъ: *лиц'ó* изъ ранняго *лиц'ӧ́*, *лиц'é*; *твojó*, изъ *твojӧ́*, *твоé*; *княж'о* изъ *княж'ӧ*, *княж'е*—зват. пад.; *ж'oнá* изъ *ж'ӧнá*, *ж'енá*; *jому́* изъ *jӧму́*, *jему́*; *пш'онó* изъ *пш'ӧно*, *пш'ено*; *ч'отыре* изъ *ч'ӧтыре*, *ч'етыре* и проч. Или: *мужу*, *ношу*, *лицу*, *шучу* и проч. изъ: *мужю—мужӥ*, *ношю—ношӥ*, *лицю—лицӥ* и проч. См. выше. Ср. также, діал. *жалѣзо* изъ *ж'елѣзо* черезъ *ж'ӓлѣзо*. Срв. сѣв. великор. *жолѣ́зо*, ювр. *жалѣзо*, малор. *залiзо*. Припомнимъ при этомъ, что звукъ *ӥ былъ полученъ общерусскимъ языкомъ изъ общеславянскаго языка вообще въ положеніи послѣ общеславянскихъ смягченныхъ согласныхъ*, что доказывается тѣмъ, между прочимъ, что начертаніе ю старославянскаго алфавита нерѣдко обозначаетъ собой звукъ *ӥ* (греч. *υ*) тѣхъ словъ, которыя заимствованы изъ греческаго языка, напр., кюрилъ, кюпарисъ, кюръ, кюрие елеисонъ=*Κύριε ἐλέησον*—Житіе Бор. и Глѣба по сп. XIV вѣка и др. Такимъ образомъ любити или моужю (такъ всегда въ др. рус. рукописяхъ) звучало не: *л'убити*, *муж'у*, но: *лӥбити*, *мужӥ* и под. Нашъ

звукъ *ю=jу* появился значительно позже, какъ видно изъ предыдущаго.

10) Наконецъ, въ эпоху наканунѣ распаденія общерусскаго языка на нарѣчія въ области явленій, *общихъ* всему русскому языку, *произошла также утрата древнихъ отношеній въ количествѣ и удареніи гласныхъ: долгіе гласные исчезли, а въ связи съ этимъ исчезли и разные виды ударенія на этихъ гласныхъ.* Припомнимъ тѣ явленія, которыя предшествовали развитію *полногласія* въ общерусскомъ языкѣ, и указанія прочихъ славянскихъ языковъ выше.

§ 46. Діалектическія явленія эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію русскаго языка.

Въ области звуковъ. 1) Какъ мы знаемъ, *стремленіе къ палатализаціи* началось еще въ общерусскую эпоху ранняго періода; кромѣ того, мы знаемъ, что изъ всѣхъ согласныхъ звуковъ *только задненебные* согласные были унаслѣдованы общерусскимъ языкомъ изъ общеславянской эпохи *въ лабіализованномъ видѣ*, и до разсматриваемой нами теперь эпохи они не могли палатализоваться, т. е. не сочетались съ палатальными, передненебными гласными. Вотъ почему эти согласные задненебные—*г*, *к*, *х*—въ раннее время встрѣчаются только въ сочетаніи съ *лабіализованными, задненебными, твердыми* гласными. Напр., въ древнихъ памятникахъ письменности и старославянскаго и русскаго языка мы находимъ только сочетанія: *гы-*, *кы-*, *хы-*, но не находимъ сочетаній: *ги-*, *ки-*, *хи-*. Эти послѣднія сочетанія вмѣсто первыхъ *появляются* лишь въ разсматриваемую нами теперь эпоху общерусскаго языка, да и то *діалектически*, какъ результатъ палатализаціи звуковъ *г*, *к*, *х*, стремленіе къ которой мы замѣтили еще въ предшествующую эпоху, и которая тогда еще не коснулась только этихъ звуковъ *г*, *к*, *х*, извѣстныхъ искони

лишь въ твердомъ произношеніи. Процессъ измѣненія этихъ звуковъ заключался въ слѣдующемъ: палатальныя *г*, *к*, *х* повліяли и на средненебное *ы*, измѣнивъ его въ *и*; такъ возникли уже въ XII вѣкѣ написанія: *великии*, *паки* и под. вмѣсто прежнихъ: великыи, пакы и под. Однако *діалектически* сочетанія *кы*, *гы*, *хы* держались до XV—XVI вѣка въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Да и донынѣ эти сочетанія довольно явственно слышатся въ говорахъ въ такихъ примѣрахъ, какъ: *потя́гывать*, *пома́хывать*, *опла́кывать* и проч. Въ памятникахъ др. русскаго языка мы находимъ: въ Юрьевскомъ Ев. 1120 г.: *великии*—173. Въ Добриловомъ Ев. 1164 г. :*никии*, *въскисе*, *секира*; въ Житіи Ѳеодосія Печерскаго по списку Моск. Успен. Собора XII вѣка: *великии*—л. 41. столб. d., *паки*—ib., хотя часто и *пакы*. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по тому же списку: *великии*—л. 17. столб. а. Въ Смоленск. Грамотѣ 1229 г.: *латинескии*, *княгини*. Въ Кормчей 1282 г.: *въ Киевѣ*—574. Въ Новгород. Лѣтоп. XIV в,: *другии*, *заморьскии* и мн. др. Такимъ образомъ, говоря вообще, древніе русскіе памятники письменности уже съ XII-го вѣка предлагаютъ намъ примѣръ палатализованныхъ звуковъ *г*, *к*, *х*, но это явленіе охватило собой не весь составъ русскаго языка, не во всѣхъ мѣстностяхъ употребленія русской рѣчи, да притомъ и не сразу; долгое время въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ письменности встрѣчается параллельное употребленіе *ки* и *кы* и проч. Съ этимъ явленіемъ палатализаціи задненебныхъ *г*, *к*, *х* и перехода послѣдующаго звука *ы* въ *и* подъ вліяніемъ предшествовавшихъ палатализованныхъ *г'*, *к'*, *х'* не надо смѣшивать другого явленія, явленія не фонетики русскаго языка, а его морфологіи, и притомъ явленія, обусловленнаго *не фонетическими* измѣненіями задненебныхъ *г*, *к*, *х*, а новообразованіями *по аналогіи* съ формами другого состава. Такъ, напр., мы еще въ XI вѣкѣ находимъ въ Изборникѣ

Святослава 1073 года примѣры непосредственнаго сочетанія задненебнаго *к* съ слѣдующимъ ѣ въ ꙁолобѣ женьскѣ—174 об., или: въ ꙋловѣꙋьскѣи доꙋши—132. Въ Записи Минеи 1096 года: рабꙋ своıемꙋ дъмъкѣ; въ Словахъ Григор. Богослова XI вѣка: воскѣ—188 об. Въ Сборникѣ XII в. Моск. Успен. Собора: въ Житіи Өеод. Печ.: въ селѣ манастырьскѣ—25 об. Въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ XII в.: въ княжении пиньскѣ. Въ Кормчей 1282 г.: въ Изборьске—573 об. и мн. др. Такія и подобныя формы, образованныя по аналогіи съ формами, въ которыхъ звуки *к*, *г*, *х* оставались фонетически (напр., въ формахъ род. ед. муж. р., дат. ед. муж. р., твор. ед. муж. р., вин. ед. жен. р., твор. ед. ж. р. и проч., гдѣ не было общеславянскаго смягченія *к*, *г*, *х* въ *ц*, *з*, *с*), встрѣчаются въ памятникахъ все чаще и чаще съ теченіемъ времени, хотя, съ другой стороны, и *донынѣ* въ цѣломъ рядѣ русскихъ народныхъ говоровъ звучатъ старыя формы съ фонетически законнымъ переходнымъ смягченіемъ. Таковы говоры: малорусскій, бѣлорусскій и часть сильно акающихъ южновеликорусскихъ говоровъ. Напр., при ў дарóзя (=при дорогѣ)—Тул. губ., жінці (=жонкѣ дат. ед.)—малорос. Полтавск. губ., ў руцѣ—бѣлор. Витебск. губ., въ вусі (=въ ухѣ)—малор. Кіевск. губ. Канев. у. и мн. др. Срв. въ пѣснѣ „во лузяхъ, во зеленыхъ во лузяхъ“ вмѣсто „въ лугахъ“ изъ стараго лꙋꙁѣхъ.

2) Въ эту эпоху *діалектически* обнаружился *переходъ звука в въ ў* (неслоговое), благодаря лабіализованному характеру звука *в*. Это явленіе было извѣстно во многихъ древнерусскихъ говорахъ. Въ др. р. памятникахъ мы часто встрѣчаемъ, съ одной стороны, оуселеннаꙗ вм. въселеннаꙗ, вселеннаꙗ (Изб. 1073 г. и др.), съ другой,—въгодьника вм. оугодьника (Жит. Өеод. Печ. и др.). Въ Страннникѣ игум. Даніила по сп. XIV вѣка читаемъ: Болдвинъ вм. Балдуинъ. Въ Грамотѣ 1229 г.: ȣздȣмалъ князь смольнескыи,.... та два была

послъмь оу Ризѣ и мн. др. вмѣсто вздумалъ, *въ* Ризѣ и проч. Въ Русской Правдѣ по Синод. списку XIII в.: а оже оубьють кого оу клѣти вм. *въ* клѣти и мн. др. Срв. чередованіе оу и в въ Изборникѣ Свят. 1073 г.: пьрвыи съборъ бысть оуселеныи въ никеи — л. 23. b. вьсея оуселеныя — 27. а. Но: въунинена—14 с. въгодьно бѫдетъ боу—35. b. въуьнемъ—38. b. вм. *учнемъ*, *начнемъ* и др. Такое чередованіе звуковъ *в* и *ў* вслѣдствіе перехода звука *в* въ *ў* въ различныхъ говорахъ еще въ XI—XII вѣкѣ повлекло за собой смѣшеніе въ тѣхъ же говорахъ др. русскаго языка предлоговъ *у* и *въ* (*в*). Такой переходъ *в* въ *ў* характеризуетъ собой и донынѣ говоры южновеликорусскаго нарѣчія (въ Тульской, Рязанской, Калужской, Тамбовской и др. губерніяхъ), гдѣ мы слышимъ: дѣўка, ўбўся (=вовсе), ла́ўка и др. вмѣсто: дѣвка (дѣфка), лавка (лафка), а также говоры бѣлорусскаго и нѣкоторыхъ малорусскихъ нарѣчій. Срв. смѣшеніе предлоговъ: ў ха́ті—малорус. въ Галиціи; карбованьці *в* мене е—малор. Полтав. губ., гдѣ *в мене* вмѣсто *у мене*, *у меня*; иди́тя *ув* ы́збу вм. ў ы́збу въ Рязан. губ. и друг.

3) Въ эту же эпоху произошелъ *діалектическій переходъ звука л* (ł) *въ ў* (*неслоговое*). Это явленіе до сихъ поръ извѣстно во многихъ говорахъ малор. и сѣверновеликорусскаго нарѣчій: воўк, ўзяў, быў, даў. Это извѣстно и въ бѣлорусскихъ говорахъ, напр., Могилевской губерніи.

4) Въ эту эпоху мы видимъ также *діалектически ассимиляцію j предшествующей согласной*; въ малорусс., бѣлорус. и въ ювр. говорахъ, въ западной ихъ части это явленіе наблюдается и понынѣ. Въ сѣверно-великор. говорахъ это встрѣчается крайне рѣдко. Срв. современные: свиння́—малор. изъ свинjа, а это изъ свиниjа, откуда, на основаніи вышесказаннаго, свинjа, а затѣмъ—свинjа. Сочетаніе *нj* по ассимиляціи дало *н'н'*, откуда: *свин'н'á*. Срв. также: пла́т'т'я, трет'т'яго, суд'д'я́, суд'д'ю; зілля, весілля вм. зелье, веселье—въ украин-

скомъ малороссійскомъ произношеніи изъ ҫеліє, веселіє и т. д. Срв. въ Орлов. Брянск.—ночʼчʼю; въ Ряз. налʼлʼю и друг. изъ ночню, налию, налью и под.

5) Въ эту же эпоху произошелъ *діалектическій* переходъ звука *а* между двумя смягченными согласными въ звукъ *е* закрытое. Напр., *пе́ть, де́дя*—въ сѣв.-влкр. говорахъ, ћре́зь, пуправле́ють и под.—въ южновеликор. говорахъ. Это явленіе перехода замѣчается въ положеніи звука *а подъ удареніемъ*.

Въ древне-русскомъ языкѣ это явленіе перехода звука *а* въ звукъ *е* было обусловлено лишь фонетическимъ положеніемъ этого *а* между смягченными согласными, но не стояло въ зависимости отъ ударенія. Это явленіе перехода *а* въ *е* объясняется *ассимиляціей* съ предыдущимъ мягкимъ согласнымъ. Такъ, въ Псковскихъ памятникахъ XIV вѣка мы наблюдаемъ, напр., написаніе: въ стькл*ѣ*ници—Прологъ 1383 г. вмѣсто: въ стьклѧници; въ Параклитикѣ 1386 г.: потресеся вмѣсто потрѧсесѧ и др. Въ Новгородской рѣчи это явленіе извѣстно уже въ XI вѣкѣ, какъ показываютъ памятники. Напр. сугражениъ—Минея 1095 г. 222. див*ѣ*щесѧ—Минея 1097 г. 380. Путятина Минея XI вѣка: бол*ѣ*щимъ—98. Въ Кормчей 1282 года: освѧщєєть—462 об. и др. Тоже мы находимъ и нынѣ въ говорахъ Новгородской губерніи: потере́ли, хозе́инъ, но уже *подъ удареніемъ*. Это же явленіе мы наблюдаемъ и въ Рязан. губерніи и въ бѣлорусскихъ, хотя не такъ часто. Слѣдовательно, явленіе это діалектически восходитъ еще къ общерусской эпохѣ. Въ южновеликор. говорахъ (Рязан., Тул., Калуж. губ. и друг.) мы слышимъ: *апе́ть, пътяре́ли* (=потеря́ли), *пъкаче́ли* (=покача́ли), *уле́дя* (=глядя), *пъкае́нья* и мн. др. Въ памятникахъ западнорусскаго языка мы тоже находимъ это явленіе въ Четьѣ 1489 г.: непреетелю—206 и друг. Наконецъ, и въ малорусскихъ говорахъ (въ Галиціи) мы встрѣчаемъ: *жель, тежʼко* и нѣк. друг. Но вездѣ уже выступаетъ это явленіе нынѣ *подъ удареніемъ*. Такое *е* закрытое по ассимиляціи съ предыдущимъ смягченнымъ

согласнымъ въ нѣкоторыхъ говорахъ появляется не только изъ стараго звука *а*, но и изъ стараго звука *о* въ положеніи послѣднихъ послѣ *мягкой* согласной и *даже передъ слѣдующей твердой* и *при неударяемости*. Такъ, сѣверновеликорусское *зве̇ла́* изъ *вз'ала́* изъ възѧлл; *не̇су́* изъ н'ȯсу́, несу́, несо—въ эпохахъ общерусскаго языка: прарусской и наканунѣ распаденія, а также и въ общеславянской эпохѣ. (См. выше). Надо думать, что *е̇* закрытое въ формахъ *не̇су́*, *взе̇ла́* и др. въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ появилось подъ вліяніемъ фонетически происшедшаго еще въ предыдущую эпоху общерусскаго языка закрытаго *е̇* въ положеніи передъ слѣдующими *палатализованными* согласными въ эпоху полной ассимиляціи сосѣднихъ звуковъ слова, напр., въ формахъ: *н'е̇с'й*, *н'е̇с'л'й*, *в'е̇л'й*, *в'е̇д'й* и проч. Срв. общерус. п'а́ть въ эпоху полной ассимиляціи и потери при этомъ палатальности и род. ед. п'ат'й. откуда—*п'е̇т'й*, а затѣмъ и *п'е̇т'*, *з'е̇т'* и проч.—въ им. п. ед. ч. вмѣсто: *пять*, *зять* и под.

6) Въ эту же эпоху совершился *переходъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе въ конечномъ слогѣ и передъ глухими согласными*—тоже *діалектически*. Напр., въ великорус., бѣлорус. и западно-малорусскомъ мы имѣемъ: *сут'* вм. *суд*; *вос* вм. *воз* и проч. Но діалектически звонкіе сохраняются: напр., въ украинскомъ малор. нарѣчіи: *віз*, *хліб*, *суд* и проч. Слѣдуетъ думать, что въ тѣхъ южновеликорусскихъ говорахъ, гдѣ мы нынѣ находимъ въ конечныхъ слогахъ слова неслоговое *ў* вмѣсто *в*, этотъ, именно, ранній переходъ *в* въ *ў* воспрепятствовалъ переходу звонкаго *в* въ глухой *ф* (или глухой *х* черезъ *ф*) въ конечномъ положеніи въ словѣ, какъ это было съ прочими звонкими согласными въ означенномъ положеніи въ южновеликорусскихъ говорахъ. Напр., почему мы при ясномъ: *вос*, *сут*, *рып*, *нош* и проч. такъ же ясно слышимъ въ говорахъ южнорязанскихъ, тульскихъ, калужскихъ, орловскихъ: *лоў*, *домо́ў*, *мужыко́ў*, *роў* и проч.? Между тѣмъ какъ

въ другихъ говорахъ, тоже южновеликорусскихъ, мы слышимъ: *домо́ф, мужыко́ф* и др., а отсюда, при чередованіи въ нихъ *ф* и *х*: *домо́х, мужыко́х* и наоборотъ: *до́брыф* и проч. вм. *до́брых.*

§ 47. **Въ области формъ** произошли въ эту эпоху слѣдующія явленія.

1) Замѣна формы именительнаго падежа мн. числа муж. рода формою вин. падежа множ. числа. Причина этой замѣны лежала въ совпаденіи этихъ формъ имен.—вин. падежа множ. числа въ именахъ женскаго и средняго родовъ. Напр., им.—вин. мн. ч. *воды, землѣ* (изъ *землѧ*) и *села, полѧ* и под. Отсюда, подъ вліяніемъ бывшаго уже въ языкѣ совпаденія этихъ падежныхъ формъ въ жен. и средн. родѣ, развилась *замѣна формы им. падежа мн. числа формою вин. падежа мн. числа и въ мужескомъ родѣ.* Такъ, въ великорус. нарѣчіяхъ мы имѣемъ: *столы, сады, грибы* и проч. Это—формы собственно *вин. падежа*, мн. числа, а имен. падежъ имѣлъ до этого окончаніе *-и*: *столи, сади, гриби, раби, волки* (изъ *волци*) и проч. Но формы вин. падежа стали въ это время служить и формами имен. падежа во множ. числѣ. Въ малорус. нарѣчіяхъ мы имѣемъ: *паны, коні* (изъ *конѣ*, а въ малор. нарѣчіи *ѣ=і*), *вітці* (=отцѣ—отці—вотці—вітці по фонетическимъ законамъ, имѣвшимъ мѣсто въ малорусскомъ нарѣчіи, гдѣ всякое начальное *о* получало передъ собой согласный *в*, а само, если только оно было *основнымъ о*, т. е. если только оно не произошло изъ *сильнаго* ирраціональнаго *ъ* и стояло въ закрытомъ слогѣ, переходило въ украинскомъ малорусскомъ нарѣчіи въ *і* черезъ цѣлый рядъ звуковыхъ промежуточныхъ ступеней: у͡о, у͡э, у͡э[і], у͡і, ụі, і; такимъ, образомъ; отьць—от'ець—вотэць—воутця—вітця. Въ имен. падежѣ это *о* въ словѣ *отецъ* было въ *открытомъ* слогѣ, т. к. слогъ съ гласнымъ *о* не оканчивался на согласный звукъ, а въ род., дат., твор., предложн. падежахъ, т. е. въ тѣхъ падежахъ, гдѣ *е* изъ *ь сильнаго* смѣни-

лось звукомъ *ъ слабымъ* и впослѣдствіи исчезло, звукъ *о* основы очутился въ *закрытомъ* слогѣ и потому въ укр.-малор. нарѣчіи перешелъ въ *і*. Срв. великор. *окно*, малор. *вікно*; великор. *онъ*, малор. *він*; *овца—вівця* и т. п.) и проч. Тоже явленіе мы наблюдаемъ и въ им. пад. мн. ч. именъ прилагательныхъ: великор. *добрые* вм. стараго *добрии*, т. к. *добры+ѣ=добрые* есть форма стараго вин. падежа мн. числа, а *добри+и=добрии*—форма стараго имен. падежа мн. числа муж. рода. Въ др. р. памятникахъ мы находимъ такія явленія уже въ XIII вѣкѣ, въ житіи Нифонта 1219 г.: *чины* раставлени быша—113. Въ Паремейникѣ 1271 г.: *рабы*—14. Въ Рязанской Кормчей 1284 г.: *посылаемы* суть—254, *рабы* ражаються—313. Въ Духовной грамотѣ вел. князя Ивана Ивановича: отци мои *душевныѣ*. Въ Лаврент. спискѣ лѣтописи: придоша *рязаньскыѣ* князи. Въ Двинской рядной XIV—XV вѣка: *виноваты* ль юсте, *посадники* спросиша (изъ *посадникы*). Въ Новгор. лѣтописи XIV вѣка: *върхы* огорѣша — 206. Подъ 1217-мъ годомъ. (*Върхы-върхи.* Срв. выше: *посадники*. Наши: *врагы*, *посадники*, *верхи* и под. изъ старыхъ: *врагы*, *посадникы*, *верхы* послѣ измѣненія *гы*, *кы*, *хы* въ *ги*, *ки*, *хи*, въ эту же эпоху. См. выше). Нерѣдко въ др русскихъ памятникахъ мы наблюдаемъ и обратную замѣну: вин. падежа именительнымъ, напр., въ Лавр. Лѣтописи 1377 года: нача *вои* совкупляти вм. *воѣ* и мн. др. Или: собра *вои* многи и храбры—ibid. подъ 946 годомъ.

2) Замѣна формъ им.-вин. мн. ч. средняго рода именъ прилагат. и мѣстоименій на-*а* и-*ая* формами соотвѣтственныхъ падежей женскаго и мужескаго родовъ. Напр., вм. добраꙗ появилась *добрыѣ*; вмѣсто тꙗ появилось *тѣ*. Такъ что мы встрѣчаемъ вмѣсто старыхъ *села старая* въ вин. мн. *села старыѣ*; вмѣсто *села та—села тѣ* и под. Если мы припомнимъ старое склоненіе имени прилагательнаго, то увидимъ' что имен. п. мн. ч. былъ для муж. р.: *старии*, для жен. рода: *старыѣ*, для средн. рода: *старая*. То же для мѣстоименія

тъ, та, то во множ. числѣ: *ти*, *ты*, *та*, и проч. При этомъ сама форма *тѣ* для имен.-вин. п. мн. ч. образовалось подъ вліяніемъ мягкихъ основъ на твердыя вмѣсто *ти* и *ты* въ муж. родѣ; примѣры этого вліянія мы имѣемъ уже въ XIII—XIV вѣкѣ въ др. р. памятникахъ.

3) Замѣна въ именахъ муж. и ср. рода формъ дат., твор. и мѣстнаго падежей мн. числа на-*омъ*,—*ы*,—*ѣхъ* формами соотвѣтственныхъ падежей именъ женскаго рода:—*амъ*,—*ами*,—*ахъ*. Такая замѣна произошла, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ формъ средняго рода на-*а*: *села*, откуда: *селамъ* и, кромѣ того, подъ вліяніемъ склоненія именъ прилагательныхъ, въ которыхъ всѣ три рода имѣли для этихъ падежей общія окончанія. Срв. *добрымъ*, *добрыми*, *добрыхъ* или *синимъ*, *синими*, *синихъ* для всѣхъ трехъ родовъ. Эту замѣну мы находимъ въ памятникахъ тоже уже съ XIII вѣка: по крайней мѣрѣ, въ Паремейникѣ 1271 года мы уже читаемъ: матигорьц*амъ* въ Записи; югуптян*амъ*—9, съ клобук*ами*—214 и др. Въ грамотахъ и договорахъ XIV вѣка уже довольно часто въ разныхъ мѣстностяхъ.

4) Замѣна формы род. п. мн. ч. именъ муж. рода на-*ъ*,—ь формою на-*овъ*,—*евъ*. Мы знаемъ изъ предыдущаго, что окончанія-*овъ*,—*евъ* въ род. п. мн. числа именъ муж. рода принадлежатъ именамъ съ основою на-*й* въ балтійско-славянскую эпоху. Такимъ образомъ, въ общеславяскомъ языкѣ эта основа на-*й* должна была рефлектироваться основою на-*ъ*, и къ этой основѣ въ эпоху стрсл. памятниковъ принадлежали по преимуществу имена: сынъ, медъ, волъ, полъ, домъ и нѣкр. др. Но уже въ общеславянской и, стало быть, въ общерусской эпохѣ ранняго періода стало замѣчаться смѣшеніе основъ на-*ŏ* и на-*й*; это смѣшеніе основъ эволюціонировало въ русскомъ языкѣ до того, что непосредственно передъ распаденіемъ общерусскаго языка на нарѣчія замѣчается уже *не смѣшеніе основъ, а замѣна формъ*, такъ что формы старыхъ основъ на-*ŏ* были почти совершено вытѣснены въ род.

п. множ. числа именъ сущ. муж. рода, и въ *современномъ* русскомъ языкѣ въ его нарѣчіяхъ мы почти совсѣмъ уже не имѣемъ въ род. п. мн. ч. именъ муж. р. формъ отъ старой основы на-ŏ, а вмѣсто нихъ имѣемъ формы род. п. мн. ч. отъ основъ на старое-*й*, т. е. окончанія-*овъ* и-*евъ*. Тотъ фактъ, что эти формы на-*овъ* и-*евъ* извѣстны нынѣ большинству русскихъ нарѣчій, говоритъ намъ о томъ, что эта замѣна формъ принадлежитъ еще *общерусской эпохѣ, хотя можетъ быть сперва только и діалектически.* Напр., *въ малорус.* мы имѣемъ *часів*; *панів*—род. п. мн. ч. отъ сл. *часъ*, *панъ*—изъ *пановъ*, гдѣ *о* въ *закрытомъ* слогѣ въ украинскомъ-малороссійскомъ нарѣчіи перешло фонетически въ *і* (см, выше), т. к. это *о этимологическое*, т. е. *не произошло изъ сильнаго* ирраціональнаго *ъ*, а изъ *о*, ибо, въ противномъ случаѣ, какъ мы уже знаемъ, на малорусской почвѣ не могло бы образоваться-*і* изъ-*ъ*, Равнымъ образомъ мы имѣемъ *въ бѣлор. и великор.* нарѣчіяхъ: *садовъ*, *рабовъ*, *столовъ*, *волковъ*, *роговъ* и проч. Послѣ этихъ примѣровъ очевидно *общерусское происхожденіе замѣны* формъ род. п. мн. ч. именъ муж. рода на-*ъ* формами на *овъ*. Срв. *краевъ*, *обычаевъ*, *покоевъ*, *разбоевъ*, *ульевъ*, *воробьевъ* и под. Въ современномъ русскомъ языкѣ мы уже можемъ считать лишь *единичными* остатки формъ род. п. мн. ч. именъ сущ. муж. рода отъ старой основы на-ŏ, т. к. почти всѣ эти формы *замѣнены* формами на *овъ* и-*евъ*. Срв. наши современныя формы: *глазъ*, *разъ*, *солдатъ*, *аршинъ*. У нашихъ писателей XVIII—XIX вѣка, даже у Крылова и Пушкина да въ пословицахъ, можно еще найти слѣды старыхъ формъ: *зубъ*, *рогъ* при формахъ *зубовъ*, *роговъ* и под. Срв. въ пословицѣ: „бодливой коровѣ Богъ *рогъ* не даетъ“ и под. Въ др. р. памятникахъ языка мы находимъ эту замѣну формъ род. п. мн. ч. уже въ XII вѣкѣ въ большомъ количествѣ, хотя есть примѣры уже и въ XI вѣкѣ. Такъ, въ Изборникѣ Святослава 1076 года мы имѣемъ: *вождевъ*-7. Въ Житіи Ѳеод. Печерскаго по Сборнику Москв. Успенскаго Со-

бора XII вѣкѣ читаемъ: *грѣховъ*—л. 29, d. *манастыревъ*—л. 32. a. *бѣсовъ*—л. 44. b. и др. Въ Договорѣ Смоленска съ Ригою 1230 г.: *розбойниковъ*. Въ Договорѣ Новгорода съ Тверью 1265 г.: *купцевъ*. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: *хлѣбовъ, уборковъ, послуховъ*. Въ Рязан. Кормчей 1284 г.: *образовъ*—6 об. *трудовъ*—7 и друг. Въ Духовной Ивана Калиты ок. 1327 г.: *бортниковъ, судовъ, поясовъ*. Въ Лавр. лѣтописи 1377 г.: *сторожовъ, преятелевъ* и др. Въ Новгород. Лѣтоп. XIV в.: *дворовъ*; *кораблевъ, коневъ, злодѣевъ*. Само собой разумѣется, что въ XIV вѣкѣ и позже нѣкоторое время еще встрѣчаются и формы отъ старыхъ основъ на-ŏ, но все рѣже и рѣже.

5) Замѣна формъ род. п. мн. ч. именъ муж. рода на-ъ формами на-*ĭй*, т. е. начавшееся издавна, еще въ доисторическую эпоху, *смѣшеніе основъ* на-*ŏ* съ предыдущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ съ основами на-*ĭ* (стрсл. и русское—ь) окончилось въ разсматриваемую нами эпоху общерусскаго языка наканунѣ распаденія тѣмъ, что *діалектически* въ русскомъ языкѣ произошла полная замѣна старыхъ формъ отъ основы на-*jŏ* въ род. п. множ. числа муж. рода формами род. п. мн. числа муж. рода отъ основъ на-*ĭ* (-ь). Такимъ образомъ, къ этому времени получилось въ русскомъ языкѣ: *князей*—род. п. мн. числа въ великорусскихъ говорахъ, и *конїй*—въ говорахъ малорусскаго нарѣчія. Что касается звука *е* въ формѣ *князей* изъ старой формы кънѧзьи—кнѧзии, какъ *гостей* изъ *гостьи, гостии*, то объ исторіи звука *и* въ положеніи передъ ĭ, какъ звука *сильнаго* ирраціональнаго, подвергшагося измѣненію въ *сильное* ирраціональное ѣ, откуда—*е*, мы говорили уже выше, т. к. это измѣненіе звука *и* было явленіемъ *не діалектическимъ* данной эпохи, а *общимъ*. Срв. *гусиĭ* подъ вліяніемъ *гусьмъ, гусьхъ* и проч. — *гусьĭ*, откуда: *гусеĭ*—*гусей*. Такъ же: *гостии*—*гостьи* (подъ вліяніемъ: *гостьмъ*...)—*гостей*. Такъ же: *князии*—*князьи*—*князей*, хотя сама по себѣ форма *князии* вм. *князь* въ род. п.

мн. ч. обязана вышеуказанному *смѣшенію* основъ, за которымъ послѣдовала *замѣна* формъ. Въ др. р. памятникахъ это явленіе замѣны означенныхъ формъ мы видимъ тоже съ XIII вѣка: въ Рязанской Кормчей 1284 года: мужии—178. Въ грамотѣ кор. Казимира 1361 г.: князии. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г.: князии—265 и мн. др. Въ южнорусской грамотѣ еп. Даніила 1398 г.: коній. Въ Служебникѣ препод. Сергія XIV—XV в.: *князей*—22 об. Въ Ипатскомъ сп. лѣтописи князѣй—391. мѣсяции—384. Въ зап.-русской Четьѣ 1489 г.: мѣсяцеи—16 об. и мн. др. Какъ видимъ, въ памятникахъ и южнорусскихъ, и сѣвернорусскихъ, и западно-русскихъ. Слѣдовательно,—явленіе *общерусское*. Срв. современныя формы: *рублей*, *князей*, *мужей*, *ножей*, *товарищей*, *плащей*, *мечей* и под. Срв. въ говорахъ: *рублёвъ*, *ножо́въ* и под.

6) Въ предыдущихъ пунктахъ мы видѣли замѣны формъ род. п. мн. ч. именъ муж. рода основъ на-*ŏ* и на-*jŏ* формами род. п. мн. ч. именъ муж. рода основъ на-*ŭ* и на-*ĭ*. Такимъ образомъ, мы отмѣтили вторженіе формъ склоненія на-*ŭ* и на-*ĭ* (т. е. ъ и ь) въ склоненіе основъ на-*ŏ* и на-*jŏ* (т. е. тоже ъ и ь, отождествившіе собой еще въ общеславянскомъ языкѣ по фонетическимъ причинамъ формы имен. падежей ед. числа муж. рода двухъ различныхъ основъ. См. законъ конца словъ—выше). Тождество формъ им. пад. ед. числа по окончаніямъ: сынъ и рабъ; конь и зять и под. отчасти обусловили собой смѣшеніе этихъ основъ и въ другихъ падежахъ, затѣмъ замѣну однѣхъ формъ другими, закрѣпленную за род. падежомъ множеств. числа, а затѣмъ и за другими падежами, такъ что мы имѣемъ въ результатѣ смѣшенія основъ замѣну однѣхъ формъ другими во всемъ процессѣ склоненія словъ указаннаго типа. Такъ, род. ед. числа сталъ извѣстенъ не только въ формѣ сыноу, но и въ формѣ сына; род. ед. числа не только гости, зяти, но и: гостя, зятя. Отсюда и мѣстный падежъ ед. числа основъ на-*ŭ*, т. е. мѣстный падежъ на-оу,

вытѣснилъ собою мѣстный падежъ на-ѣ, особенно въ положеніи послѣдняго *послѣ согласныхъ задненебныхъ*: др. рус. *торжку*, современное малорус. *чоловіку*, бѣлор. *жырабёнку*, на *ђвóздику* и друг. Въ словахъ съ *подвижнымъ* удареніемъ, т. е. въ такихъ, гдѣ удареніе мѣняетъ свое мѣсто въ косвенныхъ падежахъ сравнительно съ мѣстомъ ударенія въ имен. падежѣ, окончаніе *у* въ мѣстномъ пад. ед. числа вытѣснило собой *ударяемое ѣ* этого падежа *въ углѣ—въ углý* и проч. Такъ какъ судьба *ударяемаго ѣ* въ мѣстномъ падежѣ ед. числа разсматриваемыхъ основъ была такова, т. е. этому *ѣ* пришлось уступить свое мѣсто окончанію *ý*, то *въ древнемъ русскомъ языкѣ уже мы замѣчаемъ въ словахъ съ подвижнымъ удареніемъ ѣ въ мѣстномъ пад. ед. числа всегда не ударяемое*: срв. *на низý, на дубý, на борý, въ логý, на лугý, въ пологý, въ ровý, (во рвý), въ садý, на токý, на полý, въ зобý* и мн. др. примѣры изъ нашихъ писателей и живыхъ современныхъ великорусскихъ говоровъ. Но: сáдѣ, рáбѣ, зóбѣ, ýжинѣ, хóрѣ, дáрѣ, жáрѣ, вóзѣ, хлѣ́бѣ.... Ср. др. рус.: на дýбѣ, въ бóрѣ, на лýгѣ, въ рóвѣ, въ сáдѣ... Др. русскія имена съ подвижнымъ удареніемъ имѣли *ѣ неударяемое*, иначе оно замѣнилось бы окончаніемъ *ý*, котораго однако мы въ др. р. памятникахъ не находимъ. Срв. рàбѣ, грѣсѣ, оученúцѣ, кóлѣ въ др. русскомъ и: во грѣхý, на колý въ современномъ—при означеніи неодуш. предметовъ.

Далѣе, изъ основъ на-*й* взяты въ склоненіе на-*ŏ* и формы имен. п. мн. ч. на-*ове*: др. рус. *попове*, сѣв. великор. діалект. *столове*, малорус. *панове* и др. Въ имен. п. мн. ч. мы имѣемъ—*ове* и-*еве* въ Новгород. грамотѣ 1300 г.: пословѣ; въ Духовной Ив. Калиты: татарове; въ записи Евангелія 1355 г.: попове; въ Лавр. сп. лѣтописи—воробьеве—58 и др.—Въ Лавр. сп. подъ 946 г.: дат. п. ед. ч. *воробьеви* и имен. п. мн.числа—*воробьеве*. Такъ же изъ основъ на-*й* проникъ род. ед. ч. на-*у* особенно въ склоненіе именъ сущ. неодушевленныхъ предметовъ: *пескý, рóму, пéрцу, сáхару, пóроху, квáсу* и друг.—у Пушкина и

въ современныхъ русскихъ говорахъ. Въ др. р. памятникахъ уже съ XI-го вѣка: въ Изборникѣ Святослава 1073 г.: отъ льноу—218 об.; въ Русск. Правдѣ по сп. 1282 г.: гороху—22. Въ Новгород. грамотѣ 1305 г.: ис Търъжку; въ Полоцкой грамотѣ около 1331 г.: отъ воску, отъ хмѣлю. Въ Волынской вкладной 1376 г.: обаполъ Бугу. Въ Лавр. лѣтописи: роду княжа—22 стр. подъ 882 годомъ, гдѣ читаемъ рядомъ: „вы нѣста князя, ни *рода княжа,* но азъ есмь *роду княжа*". Въ Новгородской лѣтоп.: просяце пълку; с мосту и с моста—подъ 977 годомъ; съ пълку подъ 1136 годомъ; с Торжьку—подъ 989 г.; с Нового Торгу-ibid. Срв. на Новемь търгу—подъ 1147 годомъ и подъ 1158-мъ годомъ и друг. Въ Коломенской Палеѣ 1406 г.: отъ мозгу—46, сь холъму—190 об.

Въ мѣстн. п. ед. ч. мы имѣемъ въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. XII вѣка: *на бору*—4 об., въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г. *въ пиру*, *на търгу* и др. Въ Рязан. Кормчей 1284 г.: *на воску*—194. Въ Духовной Ивана Калиты XIV в.: *на шелку.* (Собраніе Госуд. грамотъ и договоровъ. I). То же мы встрѣчаемъ и въ зап.-русскихъ памятникахъ: въ Полоцкой грамотѣ 1407.: у Полоцку; въ Лѣтоп. Переяславля Суздальскаго: въ Смоленску, у Курьску и др. То-же въ грамотахъ московскихъ XVI—XVII в.: *въ Можайску* и др.

Въ дат. п. ед. ч. мы имѣемъ въ грамотѣ Мстислава 1130 г.: Георгиеви; въ грамотѣ рижанъ въ Витебскъ 1300 г.: мостови, манастыреви и мн. др. То же мы имѣемъ и въ галицкихъ грамотахъ, въ Волынской лѣт. по Ипат. списку: холмови, ледови, цареви и проч. Срв. въ современномъ малорус. нарѣчіи: *панови*, *хлопцеви* и друг. Изъ всѣхъ этихъ формъ, существовавшихъ въ древнемъ русскомъ языкѣ, формы на-*ови,—еви* и формы на-*ове,—еве* нынѣ уже исчезли изъ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, но въ малорусскомъ онѣ сохранились довольно въ широкомъ употребленіи, хотя въ языкѣ великорусскихъ былинъ мы находимъ формы им. п. мн. ч. на-*ове*: *татарове* и др., но вообще не часто. Въ говорѣ

Курской губ. въ Путивл. уѣздѣ показана форма *царeве* у проф. Халанскаго, а въ Бѣлорусскомъ Сборникѣ Романова мы находимъ и форму: *сватове,* но вообще эти формы въ этихъ говорахъ сохранились въ незначительныхъ остаткахъ, тогда какъ въ др. р. языкѣ мы ихъ видѣли на всемъ пространствѣ русской письменности, а формы род. п. мн. ч. на-*овъ,—евъ,* наоборотъ, вытѣснили собой формы на-*ъ* и *ь* и до сихъ поръ господствуютъ во всѣхъ говорахъ.

7) Въ эту же эпоху мы замѣчаемъ полное объединенie склоненій съ основами согласными на-*ес* и на-*ŏ* средняго рода. Съ одной стороны, еще въ стрсл. памятникахъ мы замѣчаемъ род. п. ед. ч. тѣла, дѣла, нека вм. тѣлесе, дѣлесе, небесе и проч., а, съ другой стороны, даже въ *русскихъ* памятникахъ и еще въ XII вѣкѣ, въ Житіи Өеод. Печерскаго мы читаемъ: оукрашенъ добрыими дѣлесы —л. 26. с. по списку Моск. Усп. Собора и проч. Далѣе, наши прилагательныя *древесный, словесный, небесный, тѣлесный, чудесный* и проч.; наши формы: *небеса, чудеса, древеса* (даже у Пушкина) и под. доказываютъ, что согласныя основы частично долго сохранялись и вошли въ различныя образованія, но вообще въ процессѣ склоненія основы ср. рода на-*ес* почти совсѣмъ исчезаютъ въ разсматриваемую нами эпоху, уступая свое мѣсто оснавамъ на-*ŏ*: срв. склоненіе слова *небо, тѣло, дѣло, слово* и проч. во всѣхъ русскихъ говорахъ, слѣд., это явленіе принадлежитъ еще общерусской эпохѣ, хотя вначалѣ, быть можетъ, и діалектически. Наше слово *колесо* есть новообразованіе изъ основы *колес*—по аналогіи съ основами на-*ŏ.* Срв. др. русское *коло—колесе—колеси* и т. д. Но и это послѣднее слово уже встрѣчается въ формахъ на *гласную* основу, какъ *небо*: въ Лавр. сп. лѣтописи подъ 1015 г. читаемъ: „възложивше на *кола* повезоша и"; или подъ 1097 годомъ: „поидоша с нимъ вскорѣ на *колѣхъ*" и др. Древне-русское *кола=колеса* означаетъ *повозка.* Срв. польск. *koło* (кругъ, кружокъ) и наши: *о-коло, о-кол-ън-ый,* старин. литерат. *коло-вратный, коло-воротъ* и под.

8) Равнымъ образомъ въ эту же эпоху русскаго языка замѣчается сближеніе окончаній основъ на твердыя гласныя съ окончаніями основъ на мягкія гласныя, т. е. по образцу окончаній-*овъ* мы находимъ и окончанія-*евъ*. Такъ, мы видѣли уже примѣры: *рублевъ* вм. древняго *рублъ* или по основѣ на-*ĭ*: *рублей*. Вмѣсто *конь* или *коней* мы находимъ *коневъ*. Въ дат. п. ед. ч. мы видѣли: *монастыреви* вм. *монастырю*. Срв. окончанія-*овъ* и-*ови* отъ основъ на-*й*, гдѣ эти окончанія являются морфологически *законными*.

9) Наконецъ, въ эту же эпоху появляются окончанія-*и* въ род. п. ед. ч. *землѝ*, въ имен.-вин. п. множ. числа жен. рода мягкаго склоненія—*зéмли* вмѣсто стараго, древне-русскаго ѣ въ этихъ формахъ, въ соотвѣтствіи со старославянскимъ ѧ. (См. выше). Это окончаніе-*и* появилось подъ вліяніемъ окончанія-*ы* твердыхъ основъ женскаго ро́да, т. е. подъ вліяніемъ формъ: *водѝ* и *вóды*, *кнѝги*, *женѝ* и *жéны* и проч. Такимъ образомъ, мы имѣемъ въ эту эпоху начало нашего современнаго склоненія въ род. ед. *братии* вм. *братиѣ*, *души* вм. *душѣ*, *овци* вм. *овцѣ* и проч. такъ же, какъ и въ имен.-вин. п. мн. числа этихъ и подобныхъ именъ существительныхъ. Припомнимъ, что *общимъ* явленіемъ этой эпохи было появленіе *ги*, *ки*, *хи* вм. *гы*, *кы*, *хы*; стало быть, прежде всего основы на задненебные согласные передъ основнымъ *а* жен. рода въ твердомъ склоненіи должны были фонетически измѣниться въ формахъ род. ед. ч. и имен.-вин. мн. числа, гдѣ мы должны получить вмѣсто *книгы*, *наукы*, *сухы* и проч.—*книги*, *науки*, *сухи* и проч. Отсюда прежде всего развивается и въ мягкомъ склоненіи жен. рода: *души*, *кожи*, *свѣчи* и проч., затѣмъ и: *земли*, *воли*, *бури* и проч. вмѣсто древнихъ: *душѣ*, *кожѣ*, *свѣчѣ*, *землѣ*, *волѣ*, *бурѣ* и проч. Мы уже выше видѣли примѣры: из ыноѥ *земли* и проч. Срв. въ Сказаніи о Борисѣ и Глѣбѣ по сп. Моск. Успен. Собора XII в. л. 25. столб. b. отъ вьсеѣ роусьскы ꙁемлѣ; но въ Минеѣ 1095 г. мы уже видимъ: изъ отроковичи—45. Въ Житіи Ѳеод. Печ.: по тому

же списку Успен. Соб. XII вѣка: отъ судии и др. Въ Духовн. Ив. Калиты 1327 г.: княгини моѥѥ. Въ Духовной Симеона Гордаго: у овци, своее купли и мн. др. примѣры какъ въ сѣв.-русскихъ, такъ и въ южнорусскихъ памятникахъ. Въ говорахъ малорусскихъ, гдѣ на мѣстѣ древняго *ѣ* мы имѣемъ *і*, эти формы еще сохраняются, но въ великор. и бѣлор. говорахъ старыя формы на *ѣ* уже почти утрачены и замѣнены формами на-*и*.

Такимъ образомъ, въ области морфологіи мы за эту эпоху видимъ полное проникновеніе формъ склоненія именъ отъ различныхъ основъ другъ другомъ: формы склоненія именъ отъ разныхъ основъ взаимно перекрещиваются и переплетаются. Основы не различаются уже въ сознаніи говорящихъ: новообразованія идутъ уже прямо подчиняясь фактору аналогіи, которая измѣняетъ старые типы въ новые подъ вліяніемъ различныхъ ассоціацій въ нашихъ представленіяхъ. Старой правильности въ смыслѣ выдержанности формъ въ склоненіи отъ соотвѣтственныхъ основъ именъ мы уже не видимъ, и въ общемъ мы замѣчаемъ преобладаніе формъ отъ основъ на-*й* и на-*ĭ* въ муж. родѣ, вытѣсненіе формъ муж.-ср. рода формами жен. р. на-*амъ*,—*ами*,—*ахъ* и полное вымираніе старыхъ основъ на согласные звуки. Такимъ образомъ, процессъ смѣшенія основъ, начавшійся еще частью въ общеславянскій періодъ, частью продолжался въ прарусскій періодъ, и наканунѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія этотъ процессъ можно считать діалектически законченнымъ: формы склоненія именъ, какъ показываютъ говоры русскаго языка, устанавливаются послѣ взаимной борьбы основъ за свое существованіе въ русскомъ языкѣ. Вѣрнѣе: новый путь для новыхъ отношеній въ типахъ словоизмѣненія установился; по этому пути возможно и дальнѣйшее измѣненіе.

§ 48. Явленія въ области синтаксиса за эту эпоху.

1) Прежде всего мы должны отмѣтить *вытѣсненіе формы вин. п. ед. числа* именъ сущ., означающихъ предметы одушевленные, муж. рода, тождественной съ формою имен. п. ед. числа этихъ именъ, *формою родительнаго падежа ед. числа*; а отсюда и *во множ. числѣ* эта форма вытѣснена формою род. п. мн. числа отъ именъ, означающихъ лица муж. рода. Т. е. вин. п. ед. ч. вмѣсто: *волкъ, сынъ, рабъ, учитель, конь* и проч. сталъ: *волка, сына, раба, учителя, коня* и проч.—по формѣ родительные падежи; такъ же и во множ. числѣ: *волковъ, сыновъ, рабовъ, учителей, коней* и под. Это явленіе мы имѣемъ и въ памятникахъ др. русскаго языка, независимо отъ ихъ происхожденія

2) Утрату формы вин. п. ед. ч. муж. р. мѣстоименія и (Срв. въ Житіи Ѳеод. Печер. *моляхути и, укаряхути и, пѣхашети и, моляше и, сътворяти и, поущашети и* и мн. др.), вмѣсто котораго появился *родительный падежъ*: *его*. Позднѣе эта форма *его* стала употребляться и для означенія *неодушевленныхъ* предметовъ. Эта же форма (*его, ихъ*) пріобрѣла̄ и значеніе притяжительнаго мѣстоименія на вопросъ „*чей*".

3) Начало утраты *двойственнаго числа* въ склоненіи и спряженіи. Вмѣсто двойств. числа начинаетъ употребляться множественное. Этотъ процессъ закончился полной утратой двойств. числа, формы котораго сохранились въ ничтожномъ количествѣ для означенія *парныхъ* предметовъ: *очи, уши* (множ. число было бы *очеса, ушеса*, вмѣсто которыхъ, послѣ потери согласныхъ основъ склоненія на-*ес*, были бы формы основъ на-*ŏ*: *ока, уха*), или остатки формъ различныхъ падежей двойств. числа, какъ напр., *двою*-родный, *дву*-главый и под., или, наконецъ, формы именъ при числительномъ *два, двѣ*, какъ: два *брата*, двѣ *стѣ* (откуда при энклитическомъ употребленіи формы *стѣ*—дв. число отъ *сто*—получилось *ѣ*

въ словѣ *стѣ неударяемое* и фонетически въ говорахъ великорусскаго нарѣчія перешло въ *и*: *двѣсти.*) и нѣкр. другіе.

4) Теперь произошла утрата и *аориста* и *имперфекта* въ глаголахъ, а вмѣсто нихъ стало употребляться исключительно прошедшее сложное: форма прич. несклоняемаго прош. вр. на-*лъ* со вспомогательнымъ глаголомъ: вм. *ведохъ—велъ есмь*; вм. *ведѣахъ—велъ есмь* и проч.

5) При этихъ формахъ прошедшаго сложнаго сталъ опускаться вспомогательный глаголъ *есмь* сначала въ формѣ 3-го лица ед. и множ. числа, т. к. само подлежащее при этихъ глагольныхъ формахъ указывало на лицо глагола, а потомъ и въ прочихъ формахъ, т. е. и въ 1-мъ и во 2-мъ лицѣ. Такъ получились наши формы: *велъ, вели* или *вела, вело* для всѣхъ лицъ. Этимъ объясняется, что наше прошедшее время: *несъ* изъ *неслъ*; *велъ* изъ *ведлъ* и проч. измѣняются *не по лицамъ*, а *по родамъ* и *числамъ*, какъ имена прилагательныя, т. к. эти формы и есть, именно, отглагольныя прилагательныя, т. е. *формы причастія.* Опущеніе формы 3-го лица ед. числа *есть* при причастіи на-*лъ*, т. е. *ходилъ* вм. *ходилъ есть* и под., въ образованіяхъ прошедшаго сложнаго было извѣстно уже *общеславянскому* языку, какъ показываютъ славянскія нарѣчія. Слѣдовательно, русскому языку этой эпохи принадлежитъ *опущеніе вспом. глагола* при формахъ прич. на-*лъ во всѣхъ лицахъ и числахъ.*

6) Въ это же время появляются обороты, въ великорусскомъ и малорускомъ нарѣчіяхъ извѣстные донынѣ: *бывало ходилъ, бывало гуляю* и проч., восходящіе къ формамъ древняго русскаго языка *давнопрошедшаго* времени—plusquamperfectum.

7) Въ связи съ утратой формъ вспом. глагола въ наст. времени при причастіи на-*лъ* для образованія формъ прошедшаго сложнаго времени стоитъ вообще *утрата формъ вспом. глагола, какъ связки,* въ настоящемъ времени. Такимъ обра-

зомъ, старый оборотъ: ты земля *еси*, Богъ *есть* добръ и проч. замѣнился оборотомъ: ты—земля, Богъ добръ и проч.

8) Старая конструкція числительнаго *пять*, которое по формѣ есть имя сущ. съ основою на-ĭ, какъ *гость*, *путь* и проч., и потому соединялось съ глаголомъ *въ единств. числѣ*, распространилась на числительныя: *два*, *три*, *четыре*, которыя по формѣ не походили на имена въ единств. числѣ. Конечно, числительное *пять* по формѣ тождественно съ числительными: *шесть*, *семь*, *восемь* и проч., т. ч. сказанное о конструкціи числительнаго *пять* относится и къ прочимъ числительнымъ подобнаго образованія. Нынѣ въ нарѣчіяхъ *бѣлорусскомъ* и *великорусскомъ* возможны такіе обороты (конструкціи), какъ: *прошло два* лѣта, *летѣло два* лебедя вмѣсто: *прошли*, *летѣли* и под. Срв. у Пушкина: „ужъ *много* лѣтъ *прошло* съ тѣхъ поръ", гдѣ сказуемое согласовано *по формѣ* съ словомъ *много*. Формально было бы правильно согласовать: „*пять* лѣтъ *прошло*", т. к. слово *пять* по формѣ есть единств. число, но: „*три*, *четыре*, *два* лѣта *прошло*" обязано своимъ появленіемъ вліянію конструкціи „*прошло пять*, *шесть*" и т. д. Само собой разумѣется, что этой конструкціей *по формѣ* не исключается конструкція *по смыслу* по способу согласованія сказуемаго съ подлежащимъ *по значенію* подлежащаго, какъ напр., при подлежащихъ—именахъ *собирательнаго* значенія, которыхъ форма—единств. число, а значеніе—собраніе многихъ лицъ или предметовъ. Срв. въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: *рекоша дружина* Игореви. Такъ точно сохранился оборотъ и „*прошли два* года" или „*прошли пять* лѣтъ". Срв. у Пушкина: „Ужъ *десять* лѣтъ *ушло* съ тѣхъ поръ" и под. Отсюда стало возможнымъ и *употребленіе род. п. мн. числа при именахъ въ имен.-вин. п. мн. числа въ качествѣ опредѣленій именъ, стоящихъ при этихъ числительныхъ: два, три, четыре.* Такимъ образомъ, по слѣдамъ такихъ оборотовъ, какъ: „пять *молодыхъ усачей*", гдѣ род. п. „*усачей*" стоитъ въ зависимости отъ числительнаго *пять*,

которое *по формѣ* тождественно съ именемъ существительнымъ, образовались такія соединенія, какъ: „два *молодыхъ* усача“, „двѣ *красныхъ* коровы“, „три *черныхъ* ворона“ и проч. Это мы имѣемъ въ великорусскихъ говорахъ, это же и въ малорусскихъ: „три дошчі *добрих*“ и под. Или въ др. русскомъ языкѣ: „по два гроши *польскихъ*“. Срв. при этомъ въ млр. *три дошчі*, а въ великор. нынѣ: *три дождя*; въ древнемъ русскомъ языкѣ возможно было сочетаніе: *два гроши*, а нынѣ: *два гроша*, *стола* и проч. Однако въ великор. говорахъ и донынѣ: *два рубли*, *три рубли* и проч. вмѣсто литературнаго: *два*, *три рубля*. Впрочемъ, у Гоголя есть и *два дни*, *три дни* и проч., какъ въ народныхъ говорахъ и въ древнемъ русскомъ языкѣ этого періода, когда формы двойств. числа стали исчезать.

§ 49. Примѣры. Теперь приведу примѣры изъ др. русскихъ памятниковъ на эти явленія въ области синтаксиса др. русскаго языка и его отраженій въ современныхъ русскихъ нарѣчіяхъ. *Род. падежъ вм. винительнаго п. ед. ч. въ основахъ на-ŏ*; въ Остр. Ев. 1056 г.: чьтѫ отьца моего, живота вѣчьнааго имате и мн. др. вмѣсто: отьць мои и животъ вѣчьнын. Въ Словѣ о полку Игоревѣ: поостри *сердца своего*. Ср. родъ—особое значеніе. Въ Прологѣ 1262 г.: старець *трупа* бьяше—93. Рязан. Кормчая 1284 г.: въсхытиста *святительскаго сана* и мн. др. Въ Лавр. Лѣт. XIV в. подъ 1216 г.: *мира* просяше. *Не* даси *мира* (при отрицаніи—ibid.), Ни *мира* емлю, ни отступаю—ib. подъ 1216 г. *Не* заимаючи *полковъ*—ib. (при отрицаніи и род. п. на-*овъ* отъ основы на-ŏ). *Мои люди* к *боеви* не дерзи—ib. (*люди*—вин. вм. именит. падежа *людие*; *боеви*—дат. п. на-*еви* отъ осн. на-*jŏ*). Зряще *на креста честнаго* и на правъду—ib. (вм. *на крестъ честный*). Срв. однако въ Остр. Ев. же: прослави сынъ твои и проч. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: отдасть за *конь*

или за *волъ*; аже кто переиметь чюжь *холопъ*. Срв. современное: возьму *зá-мужъ*, пойду *зá-мужъ* и под. Въ Лавр. сп. лѣтописи 1377 г.: *мужа* твоего убихомъ—подъ 945 г.; поиди *за князь нашъ за Малъ*—ib. Посла *по гости*—ib. княгини наша хочеть *за вашь князь*—ib. Копье летѣ сквозѣ *уши коневи*, удари въ *ноги* коневи—ib. подъ 946 г. (*коневи*—дат. п. ед. ч. на-*еви* отъ осн. на-*jŏ*). Творихъ трызну *мужеви*—ib. Дадите ми отъ двора по 3 *голуби* да по 3 *воробьи* подъ 946 г. (согласованіе числительнаго *три* съ имен. п. множ. числа по-старому). Раздая воемъ *по голуби* комуждо, а другимъ *по воробьеви*—ib. (дат. ед. ч. на-*еви* отъ осн. на-*jŏ* и дат. ед. ч. на *и* отъ осн. на-*ĭ* муж. рода. Срв. выше) и мн. др. Это же употребленіе род. п. вмѣсто вин. п. перешло и во множ. число: въ Грамотѣ Ивана Калиты XIV в.: пожаловалъ *есмь сокольниковъ печерскихъ*; въ Лавр. сп. Лѣт.: *страньствующихъ* убиваху—14, прочая люди *овыхъ* изби, а другия работѣ предасть—58, созва *болярѣ* и *кыянѣ*—250 и мн. др. Однако въ Духовной Семена Гордаго и въ другихъ памятникахъ XIV—XVI в. мы еще находимъ и вин. п. мн. ч.: приказываю *дѣти свои* своей княгинѣ и мн. др. под. „Приказываю“ означаетъ „отказываю“, „отдаю“ по завѣщанію.—Въ Духовной Димитрія Донского. Срв. также въ зап. и южнорус. памятникахъ: въ Ев. Тяпинскаго XVI в. читаемъ: любите *вороги ваши* (вм. *ворогов*ъ); солнце розсвечаетъ на *лихие* и *добрие* и дожчіть на *справедливые* и др. Въ послѣднемъ примѣрѣ мы имѣемъ интересные случаи образованія именъ прил. членныхъ: вин. п. мн. ч. образованъ въ первыхъ двухъ случаяхъ (*лихие*, *добрие*) изъ формъ *им.* п. мн. ч. *имени* и *вин.* п. мн. ч. *мѣстоименія* (члена); въ третьемъ случаѣ (*справедливые*)—изъ формы *вин.* п. мн. ч. *имени* и формы *вин.* п. мн. ч. *мѣстоименія*. Въ современномъ русскомъ языкѣ мы въ орѳографіи до сихъ поръ имѣемъ:—*ые* (*вин.* имени и *вин.* члена),—*іе* (*имен.* имени и *вин.* члена). Окончанія—*ыя*,—*ія* (для жен. и ср. родовъ) въ современной русской орѳографіи не осно-

ваны, какъ мы теперь видимъ, на исторіи формъ въ р. языкѣ, т. к. *ы* и *и*—окончанія русскихъ формъ *вин.* и *имен.* п. множ. ч. именъ, но окончаній—*я* не было и нѣтъ въ рус. языкѣ: въ стрсл. яз. было ѧ въ вин. п. и имен. п. мн. ч. мѣстоименія жен. рода (им. ед. ꙗ), но въ русскомъ языкѣ этому ѧ, какъ мы знаемъ, всегда соотвѣтствовало въ грамматическихъ падежныхъ формахъ—ѣ. Наше же *я* (ꙗ) есть книжное церк.-слав. окончаніе въ русскомъ церковномъ произношеніи, никогда не бывшее въ *живомъ* русскомъ языкѣ, гдѣ мы слышимъ: *добрыи*, *синіи* для всѣхъ трехъ родовъ; слѣдовательно, сочетаніе *вин.* п. мн. ч. *имени* (*добры*) + *имен.* п. мн. ч. мѣстоименія (*и*) или—*имен.* п. мн. ч. *имени* (*сини*) + *имен.* п. мн. ч. *мѣстоименія* (*и*). *Старый имен.* п. мн. ч. былъ бы: *добрии* и *синии*. *Старый вин.* п. мн. ч. былъ бы: *добрыѣ*, *синѣѣ*. А въ стрсл. языкѣ было: им. п.: *добрии*, *синии*. Вин. п. мн. ч.: *добрыѧ*, *синѧѧ* для муж. рода. Слѣдовательно, мы уже поэтому видимъ, насколько старыя дифференцированныя формы склоненія, перемѣшавшись между собой въ различныхъ соотношеніяхъ, подверглись *униформированію*, *однообразію* и обусловили собой въ новомъ видѣ различные новые синтактическіе обороты. (Примѣры здѣсь взяты мною у *Соболевскаго*. Лекціи[4]. Стр. 193 и сл.). Такое же употребленіе род. п. вм. вин. мы видимъ и въ мѣстоименіи: срв. въ Чудовскомъ спискѣ Новаго Завѣта XIV в.: „вамъ бѣ лѣпо глаголати слово Божье, но вы отрѣваете *его*"—68 и др.

Утрату двойств. ч. мы видимъ: въ Житіи Нифонта 1219 г.: помози *рабомъ своимъ Ивану и Олексию написавшема* книгы сия—въ Записи. Въ Духовной Дм. Донского: два ковши *золоты*, изъ двою *моихъ жеребьевъ*, *мои* два жеребья. Въ Нов. Завѣтѣ Чудов. мон. XIV в.: *быста друзи*—40. Въ мѣстоименіяхъ это смѣшеніе чиселъ *дв.* со *множ.* очень часто уже съ XI вѣка. Въ Грамотѣ Свидригайла 1422 г.: по два гроши *польскихъ*. (Срв. выше). Въ Лѣтоп. Переяслав-

скомъ, зап.-русскомъ памятникѣ XVI вѣка: по двѣ кунѣ *чръных*ъ—12. Въ Библіи Скорины: вделаемъ *два кружки златых*ъ; въ Ев. Тяпинскаго: стрели (встрѣтили) его два *бешаных*ъ. (См. *Соболевскаго*. Лекціи[4]. Стр. 206). Изъ примѣровъ западно-русскаго нарѣчія („два кружки"...) мы видимъ, что здѣсь (какъ и до сихъ поръ въ бѣлорусскомъ и малорусскомъ) формы им.-вин. п. двойств. ч. муж. рода на-*а* почти исчезли. Нынѣ въ блр. и млр. говорятъ *два столы*, а не *два стола*; *два кресты*, а не *два креста*, какъ въ великорусскомъ. Въ Ипат. сп. Лѣтописи XV в. (галиц.-волынск. памятн.): *два городы*—257. Но эти же формы *женскаго рода* на старое *ѣ* еще сохраняются здѣсь въ единичныхъ случаяхъ: бѣлор. *дзвѣ нозѣ*, малор. *дві нóзі* (съ фонетич. *і* изъ ѣ). Проф. Халанскій даетъ примѣры, подобные выше приведеннымъ, и изъ области южновеликорусскихъ говоровъ, въ Путивл. у. Курской губерніи (говоръ „Горюнóвъ"): *два дворы, три сосѣ* (отъ сл. *сохá*).

Потерю формъ имперфекта и аориста мы наблюдаемъ въ др. р. памятникахъ не въ одно время: въ то время, какъ формы имперфекта уже совершенно перестаютъ встрѣчаться въ чисто-русскихъ памятникахъ, изъ которыхъ, напр., *въ грамотахъ мы даже вовсе не встрѣчаемъ формъ имперфекта*, какъ и въ Русской Правдѣ, формы аориста живутъ еще довольно долго и въ чисто-русскихъ памятникахъ по языку и происхожденію. Напр., *въ лѣтописяхъ*, чисто-русскихъ по происхожденію (Лавр. списокъ, Ипатскій, Новгородскія лѣтописи и проч.), *мы очень часто встрѣчаемъ формы имперфекта* потому, что языкъ ихъ *не чисторусскій*, а *смѣшанный* съ церковно-славянскимъ (см. выше), не говоря уже о памятникахъ церковнаго содержанія и богословскаго, гдѣ формы имперфекта—дѣло обыкновенное; *въ грамотахъ же и формы аориста встрѣчаются не особенно часто*. Изъ этого мы заключаемъ, что эти формы (имперфекта и аориста) вообще въ живомъ разговорномъ русскомъ языкѣ вымерли очень давно,

причемъ формы имперфекта, можетъ быть, даже и вовсе не были извѣстны *въ историческое время* разговорному русскому языку. Формы же аориста, вѣроятно, были извѣстны до XIV-го вѣка и дѣловому русскому языку и, кажется, разговорному. Въ грамотахъ мы находимъ: въ Новгород. грамотѣ 1262—1263 г.: *отложихомъ*, *поставихомъ*; въ Смоленской грам. 1284 г.: грамота псана *бысть*; въ Духовной Ивана Калиты: *написахъ*; въ Двинскихъ грамотахъ XIV—XV в.: *заложи*, *позва*, *купи*, *спросиша*, *даша*, *изоиде* та пять лѣтъ и друг. Въ Рус. Правдѣ по списку 1282 г.: *отложиша*, *уставиша* и под. Уже въ этихъ и под. памятникахъ съ XIII вѣка мы замѣчаемъ *паденіе формъ аориста*, которыя замѣняются формами *прошедшаго сложнаго*. Даже въ XII вѣкѣ, именно, въ грамотѣ мы найдемъ такіе случаи замѣны: такъ, въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г. (*Новгородской*, а не Кіевской, какъ думалъ *Соболевскій* раньше, и какъ теперь, въ виду разъясненій *Крымскаго*, думать уже нельзя) нѣтъ уже *ни одной формы аориста*, вмѣсто которыхъ стоятъ *четыре раза формы прошедшаго сложнаго*, именно: *повелѣлъ юсмь*, *язъ далъ*, *далъ юсмь*, *велѣлъ юсмь*. Въ Смолен. Грам. 1229 г.—цѣлый рядъ формъ прош. сложнаго: *умьрлъ*, *уздумалъ*, *прислалъ*, *было*, *юхали* и проч. Въ Грамотѣ Рижанъ въ Витебскъ 1300 г.: *пришли*, *поведали*, *еси отъялъ*, *былъ*, *бывалъ*, *заблудилъ*, *хотелъ*, и проч. Тоже и въ Рус. Правдѣ, гдѣ однако встрѣчаются и формы аориста наряду съ формами прош. сложнаго. Въ Новгородскихъ грамотахъ даже и въ XV вѣкѣ формы аориста еще встрѣчаются, но въ другихъ мѣстахъ онѣ уже выходятъ изъ употребленія. Стало быть, можно навѣрное сказать, что въ XIV—XV вѣкѣ формы аориста въ рус. языкѣ вымерли. (См. мою статью: „Русскій глаголъ сравнительно со старославянскимъ“ въ Журн. „Рус. Фил. Вѣстникъ“ за 1891 годъ. Здѣсь, на стр. 24—27, опровергнуто мнѣніе *Соболевскаго* о томъ, что формы „знай“ и „заржай“—остатки русскихъ аористовъ. Во второмъ изданіи своихъ „Лекцій“ Соболевскій уже самъ отка-

зался отъ формы „знай“. А въ третьемъ изданіи (М. 1903 г.), послѣ моей статьи, Соболевскій отказался и отъ формы „заржай“, хотя нигдѣ не упоминаетъ о моей статьѣ. (Замѣтимъ, что первое изданіе „Лекцій“ *Соболевскаго* было напечатано въ 1888 году, второе—въ 1891 году, а третье—въ 1903 году) [1]. Про *современный* русскій языкъ относительно формъ аориста можно сказать теперь то приблизительно, что сказалъ проф. *Соболевскій* въ своемъ третьемъ изданіи (1903 года) своихъ „Лекцій“, именно: *Кромѣ одной формы аориста*, встрѣченной нами въ Онежскихъ былинахъ у Рыбникова: *бысть* князь веселъ и радостенъ,—мы можемъ указать *лишь частицу, междометіе чу*: „тише, *чу*, гитары звонъ“.... „да, *чу*, и къ завтренѣ звонятъ“ [2)... (Лекціи [4]. Стр. 235). Эта частица *чу* есть остатокъ 2-го лица ед. ч. формы аориста отъ гл. *чути*=слышать—въ значеніи: „слышалъ“?, какъ вводное предложеніе. Срв. наши: „онъ, слышно, туда ужъ не ходитъ“ или: „онъ, слышь, туда уже не ходитъ“ или: „*чу*, колокола звонъ“!=„*слышалъ*, колокола звонъ“! Такъ говорится *тотчасъ послѣ раздавшагося* звона, причемъ неизвѣстно, повторится-ли еще разъ звонъ, или нѣтъ. Въ виду этого трудно думать. чтобы *чу* имѣло значеніе только *настоящаго* времени (Соболевскій [3]. 231. Срв. нѣсколько иначе уже въ 4-мъ изданіи у Соболевскаго: стр. 235): оно имѣетъ значеніе и прошедшаго—аориста и сохраняетъ это значеніе и до сихъ поръ. Срв. у Пушкина: „Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ. (Русалка. Ш). Это выраженіе можетъ означать: „*Слышь*, кажется, трубятъ“, т. е. „*слышишь*“? Но можетъ означать и: „*слышалъ*“? (трубный звукъ): „кажется, это звукъ трубы“?! Во всякомъ случаѣ въ русскомъ синтаксисѣ *чаще* извѣстно употребленіе настоя-

---

[1]) Въ 4-омъ изданіи (М. 1907) *А. И. Соболевскій* на стр. 235 своихъ «Лекцій» уже не повторяетъ прежнихъ ошибокъ.

[2]) Это же осталось и въ 4-мъ изданіи 1907 года.

щаго времени вмѣсто прошедшаго для живости разсказа, чѣмъ наоборотъ: прошедшее время въ значеніи настоящаго. Что же касается формы *бысть* (единственной) въ былинахъ, то неизвѣстно, *какъ* она попала въ народную пѣсню; во всякомъ случаѣ народъ ея не понимаетъ. Начиная съ XIII—XIV вѣка и въ письменныхъ памятникахъ мы уже наблюдаемъ полное забвеніе правильныхъ формъ аориста: его формы смѣшиваются постоянно съ формами имперфекта и съ формами наст. времени, и это все чаще и чаще, чѣмъ позже памятникъ.

Опущеніе формъ вспом. глагола при прошедшемъ сложномъ времени во всѣхъ лицахъ и числахъ составляетъ отличіе разсматриваемой эпохи русскаго языка, но сокращеніе этихъ формъ прошедшаго сложнаго путемъ опущенія формы вспом. глагола *въ третьемъ лицѣ всѣхъ трехъ чиселъ* мы уже имѣемъ въ эпоху написанія стрсл. памятниковъ, слѣдовательно, въ самомъ *старославянскомъ* языкѣ. Въ *древнерусскомъ* языкѣ мы имѣемъ случаи опущенія формы вспом. глагола въ 3-мъ лицѣ при формѣ причастія прош. времени на-*лъ* уже *въ первомъ вѣкѣ* историческаго періода русскаго языка, періода, засвидѣтельствованнаго письменными памятниками. Такъ, въ надписи на Тмутороканскомъ камнѣ 1068-го года мы читаемъ: „Глѣбъ князь *мѣрилъ* море по леду“, причемъ форма *мѣрилъ* употреблена безъ вспом. глагола *есть*, т. е. вмѣсто ожидаемой формы: *мѣрилъ есть*. Въ записи Юрьевскаго Евангелія 1120 г.: Угриньць *псалъ* (вм. *псалъ есть*). Въ Смол. грамотѣ 1229 г. читаемъ: коли Альбрахтъ владыка ризкии *умьрлъ*..... или: *уздумалъ* князь смольнескыи... *прислалъ*... та два *была* у Ризѣ (вм. *была еста*)... изъ Ригы *ѥхали* (вм. *ѥхали суть*). Въ Новгор. грамотѣ 1262—1263 г. мы имѣемъ: что ся *учинило* тяже. Въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: отецъ ти *умьрлъ*; бысть сѣча зла, яка же не *была* въ Руси; се половци *росулися* по земли (вм. *росулися суть*) и мн. друг. Надо думать, что процессъ сокращенія формъ прошедшаго сложнаго начался, именно, съ опущенія формъ 3 го лица вспом. глагола, т. к. при выше

приведенныхъ формахъ 3-го лица *безъ* вспом. глагола мы имѣемъ во многихъ памтникахъ формы 1-го и 2-го лица всѣхъ чиселъ *со* вспом. глаголомъ; но уже въ XII вѣкѣ мы находимъ опущеніе формъ вспом. глагола и въ 1-мъ и во 2-мъ лицахъ прош. сложнаго: такъ, въ Мстиславовой грамотѣ 1130 г. мы читаемъ: *язъ далъ* рукою своею (вм. *язъ далъ юсмь*) и под. Этому опущенію вспом. глагола способствовало употребленіе *мѣстоименій—падлежащихъ* при формѣ прош. сложнаго. Такъ, напр., въ этой грамотѣ достоточно для ясности смысла было бы сказать: *далъ есмь* или *язъ далъ* но: *язъ далъ есмь* было бы нѣкоторымъ плеоназмомъ, который уже сталъ чувствоваться въ языкѣ при такихъ оборотахъ. Поэтому, съ одной стороны, мѣстоименія—подлежащія при формахъ прош. сложнаго стали употребляться въ особенно важныхъ по смыслу случаяхъ, т. е. или тогда, когда на эти мѣстоименія—подлежащія падало *логическое удареніе*, или, когда при этихъ мѣстоименіяхъ—подлежащиъ стояло *приложеніе*, удостовѣряющее нерѣдко въ грамотахъ и записяхъ тождество лица, писавшаго грамоту, запись, или приказавшаго писать, съ лицомъ, подписавшимся подъ грамотой, или выдающимъ грамоту. Съ другой стороны, эти же мѣстоименія—подлежащія дѣлали излишнимъ мало-по-малу употребленіе формъ вспом. глагола при наличности мѣстоименія—подлежащаго. Такимъ образомъ, употребленіе мѣстоименій шло и распространялось за счетъ формъ вспом. глагола при прошедшемъ сложномъ времени, т. к., кромѣ выше указанныхъ важныхъ случаевъ употребленія мѣстоименій—подлежащихъ, эти мѣстоименія стали также употребляться вмѣсто соотвѣтствующихъ по лицамъ формъ вспом. глагола. Срв. въ Лавр. Лѣтописи: аще одолѣеши *ты*, то возьмеши имѣнье мое, аще ли *азъ* одолѣю, то возму твое. Или: въ записи Мстисл. Ев. 1128—1130 г. мы читаемъ: *азъ грѣшьныи рабъ* написахъ... Въ Грамотѣ Мстислава 1130 г.: се *азъ Мьстиславъ* повелѣлъ *юсмь* и мн. др. Однако въ этой же грамотѣ уже: *язъ далъ*

рукою своѥю. А въ грамотѣ Рижанъ 1300 г.: *мы* вашее братие не *обидѣли* ни *грабили* (вм. *обидѣли, грабили ѥсмы* или *ѥсмъ*); *ты* его товаръ *узялъ* (вм. *узялъ—взялъ ѥси*); *ты* ему не *далъ*; *ты* ему *велѣлъ* продати; въ Лавр. сп. Ольга говоритъ: *азъ мьстила* уже обиду; или: *ты* ему добра *хотѣлъ* и мн. др. Надо однако замѣтить, что старыя формы *со вспом. глаголомъ* во всѣхъ лицахъ *на письмѣ* употребляются еще довольно долго, даже въ XVII-мъ вѣкѣ. Въ живомъ разговорномъ языкѣ онѣ вымерли, конечно, задолго до этого времени, и остатковъ ихъ даже не сохранилось. Указанія на языкъ былинъ не можетъ имѣть значенія, т. к. мы не знаемъ, *откуда* эти формы попали въ пѣсенный языкъ былинъ, переживших и книжныя вліянія, къ которымъ могутъ быть отнесены въ языкѣ былинъ подобныя формы, какъ и вышеуказанная форма аориста *бысть*. Въ *современныхъ* же русскихъ говорахъ мы этихъ формъ не имѣемъ и помину, и это служитъ *доказательствомъ книжности* такихъ рѣдкихъ формъ въ былинной пѣснѣ: въ бытовыхъ пѣсняхъ такихъ формъ мы не находимъ.

Въ исторіи нашего синтактическаго оборота: *пошелъ было, взялъ было, взяла было, пошли было, жилъ былъ* (въ народн. сказкахъ) и под. надо различать нѣсколько стадій развитія. Въ былое время причастіе на-*лъ* для образованія *давнопрошедшаго* времени (plusquamperfectum) вступало въ сложеніе съ прошедшимъ сложнымъ типа: *былъ есмь*, и получалось: *пошелъ былъ есмь, жилъ былъ есмь, еси, есть... жили были есмъ, есте, суть*. Однако въ этихъ образованіяхъ уже скоро, какъ мы знаемъ, глаголъ *есмь* и проч. опускался, т. ч. получалось: *жилъ былъ, жила была, жило было, жили были* и под. Это и служило формою давнопрошедшаго времени глагола рядомъ съ формами: *жилъ бѣхъ* или *жилъ бѣахъ* и т. д., которыя вымерли, какъ только прекратили свое существованіе формы аориста (*бѣхъ*) и имперфекта (*бѣахъ*), и остались формы перваго типа. Съ теченіемъ времени однако и въ формахъ

перваго типа (болѣе позднихъ вообще) вторая часть сложенія (*былъ* безъ *есть*) превратилась въ частицу *было*, которая стала употребляться независимо отъ рода, лица и числа *энклитически* въ сложеніи съ формами причастія на-*лъ* отъ спрягаемаго глагола: я́ было пошелъ,.. ты́ было пошелъ,.. о́нъ было пошелъ,.. мы́ было пошли,... вы́ было пошли,... они́ было пошли,... и под. А затѣмъ, кромѣ формы *былъ*, стало возможно сочетаніе прич. на-*лъ* и съ формой другого вида отъ глагола *быть*: *бывало*; напр., *бывало ходилъ*, *бывало ходили*. Особенностью этого оборота служило то, что въ немъ возможно было сочетаніе и формы *настоящаго* времени спрягаемаго глагола; напр., *хожу бывало*, *иду бывало*, *читаю бывало*, *пойду бывало*, „*прочту бывало* страницъ пять и больше ужъ не могу", *пройдемъ бывало*, *бывало ходимъ*, „*ходятъ бывало* по грибы, и дѣла имъ нѣтъ ни до чего" и проч. под. Этотъ оборотъ надо понимать такъ: „*бывало*" стало особымъ эллиптическимъ предложеніемъ вводнаго характера: „бывало (есть) такъ: лежу и читаю", откуда: „*бывало* лежу и читаю", т. е. лежу и читаю неоднократно, какъ бы *обычно*. (См. *Потебни*. Изъ записокъ по русской грамматикѣ). Въ др. р. памятникахъ мы находимъ: Смолен. договоръ съ Ригою 1229 г.: ишлъ былъ=изошло было; Смолен. Грам. 1284 г.: ищьло было=изошло было, прошло; Рус. Пр. 1282 г.: Ярославъ былъ уставилъ; Лавр. сп. Лѣт.: ударилъ еси пятою Новъгородъ и *шелъ еси былъ* на стрыя—363. Въ Москов. грам. 1455—1462 г.: язъ велѣлъ былъ ихъ судити; въ грам. арх. Геннадія 1490 г.: которые еретикы были покаалися. Въ печатной книгѣ о ратномъ строеніи 1647 года: ему же не *довелося было* и мн. др. Пока формы аориста и имперфекта были хоть въ письменномъ языкѣ, мы находимъ: въ Житіи Ѳеод. Печ. XII вѣка: *бѣ* въ искушеніи *былъ*; *приведоша* разбоиникы, ихъ же *быша яли* въ селѣ.. и др. Въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: еще бо не *бяху* ся *утвердили* вѣрою, си не *бѣша слышали* словесе книжного; срв. въ этой же лѣтописи обычное еще прошедшее сложное:

„и не свѣмы, на небѣ ли *есмы были*, ли на земли“ и мн. др. Не надо смѣшивать съ вышесказанными оборотами *давнопрошедшаго* (plusquamperfectum) времени изъ прич. на-*лъ* съ глаголомъ *былъ*, при которомъ опущены формы *есмь* и проч., тѣхъ оборотовъ *прошедшаго условнаго*, которые дали начало нашему *условному* (*NB*. сослагательному) наклоненію, и которые образовывались изъ прич. на-*лъ* спрягаемаго глагола въ сложеніи съ аористомъ *быхъ, бы, бы, быхомъ, быстe, быша*: пріялъ (а, о) быхъ, бы, бы; пріяла (ѣ, ѣ) быховѣ, быста, быста; пріяли (ы, а) быхомъ, быстe, быша. Изъ этихъ формъ мало по малу остались только въ употребленіи формы съ 3-мъ лицомъ ед. числа глагола *быти* въ аористѣ: *бы*, и эта форма аориста 3-го лица ед. числа—*бы*, обратившись въ *частицу*, стала соединяться съ формами всѣхъ лицъ и чиселъ спрягаемаго глагола въ причастіи на-*лъ*: *я* пришелъ *бы*; *ты* пришелъ *бы*; *мы, вы, они* пришли *бы* и под. Въ этомъ видѣ получилось наше условное наклоненіе. Срв. уже въ Лавр. Лѣт. 1377 г.: „аще бы лихъ законъ гречьский, то не *бы* баба твоя *прияла*, Ольга, яже бѣ мудрѣйши всѣхъ человѣкъ“—подъ 987-мъ годомъ.

Въ связи съ утратою формъ наст. времени *есть* и проч. при причастіи на-*лъ* стоитъ вообще утрата этихъ формъ, когда онѣ служили въ предложеніи *связкою*. Формы наст. времени глагола *есмь* въ роли *связки* вообще во всѣхъ языкахъ изрѣдка опускались: это же явленіе мы имѣемъ и въ др. русскомъ языкѣ: въ записи Изборника Святосл. 1073 года читаемъ: оже ти *себѣ не любо*, того и другу не твори. Срв. въ Грамотѣ Смолен. 1229 г.: *товаръ* его *свободенъ* на водѣ и на березѣ; ся *грамота утвьржена* пьчатию и друг. (Эта грамота 1229 г. орѳографически крайне неряшлива, что зависѣло отъ плохого писца, который почти вездѣ ставилъ въ ней *ъ* и *ь* вмѣсто *о* и *е* и наоборотъ, а также *ѣ* вм. *е* и наоборотъ. Мы не передаемъ этого правописанія въ своихъ примѣрахъ, т. к. оно имѣетъ значеніе лишь *графики*, а не *фонетики*

языка). Срв. въ Лавр. Лѣт.: *добра ли* вы *честь* и друг. Однако: *люба* ми *есть рѣчь* ваша и мн. др. Въ наше время эти формы, *какъ связка*, совсѣмъ неизвѣстны, а если употребляется форма „*есть*", то въ значеніи глагола существительнаго: „есть деньги"; „и *ноты есть* у насъ и инструменты" и проч. въ смыслѣ: „существуетъ", „имѣется". Связка *есть* потеряна была раньше формъ связки въ другихъ лицахъ, какъ и въ формахъ прошедшаго сложнаго. Срв. въ Лавр. Лѣтописи: *мы недужи* (безъ *есмы*) противу вамъ стати; се *язъ готовъ* (безъ *есмь*); *ты господинъ* (безъ *еси*) и мн. друг. Нынѣ уже языку *связка* вообще неизвѣстна въ формѣ наст. времени глагола *быть*. Остатки ея надо признать *книжными*.

Такъ, напр., былинное воззваніе: „охъ, *ты* гой *еси*" и под., во-первыхъ, вовсе *не* современное, а донесенное до насъ съ неизвѣстныхъ временъ въ пѣснѣ, выраженія которой всегда передавались по наслѣдству, изъ поколѣнія въ поколѣніе, путемъ устной передачи, а, во-вторыхъ, мы не можемъ рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при изученіи народной пѣсни былиннаго характера, подъ какими вліяніями—книжными туземными и при какихъ условіяхъ культурнаго заимствованія международныхъ сношеній росла и развивалась данная пѣсня на мотивъ изъ родной старины. Что касается языка нашихъ былинъ и историческихъ пѣсенъ народныхъ, то въ этомъ отношеніи простое сравненіе языка данной былины или исторической пѣсни съ языкомъ народа нашего времени соотвѣтствующей мѣстности или на всемъ пространствѣ современной народной русской рѣчи представляетъ собой самый надежный методъ, рѣшающее значеніе котораго въ вопросѣ о составѣ языка даннаго народнаго произведенія уже обнаружилось по многимъ вопросамъ языка нашихъ былинъ и пѣсенъ. Въ данномъ случаѣ, сравненіе такихъ оборотовъ нашихъ пѣсенъ, какъ: „ужъ, *ты* гой *еси*" или: „*вы* дочери *есте* купецкія" или малор. „добре *еси*, мій кобзарю" и под. выраженій съ формами *еси*, *есте*, исключительно извѣстными

великорусской и малорусской пѣснѣ, съ данными современныхъ великорусскихъ и малорусскихъ говоровъ показываетъ намъ, что нынѣ въ *разговорномъ* русскомъ языкѣ вовсе нѣтъ этихъ формъ др. русской связки, слѣдовательно, глаголъ *быть*, какъ *связка*, въ формахъ наст. времени исчезъ изъ русскаго языка такъ давно, что даже не сохранилъ нигдѣ воспоминанія о себѣ, т. е. прочно и навсегда повсюду забылся.

Литература: *Е. Ѳ. Будде*, «Основы синтаксиса русскаго языка». Р. Ф. В. 1910 г. №№ 3 и 4.
Его-же: «Основы синтаксиса русскаго языка». Каз. 1913 г. (Изд. книжн. магазина *Голубева*).
Е. К. Тимченко: «Функціи генитива въ южнорусской языковой области». Варш. 1913 г.
В. А. Богородицкій: «Синтаксисъ род. падежа». Р. Ф. В. 1912 г. № 3.
Потебня: «Изъ записокъ по русской грамматикѣ». Харьковъ. Тт. I и II. 1887 и 1899 г. (Особенно II-й томъ). *Vondrák*. Vergleichende Sl. Grammatik. II.

Глава XII-ая

Эпоха послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія.

§ 50. Теперь я перехожу къ III-му отдѣлу своего курса.

Характеристика эпохи послѣ распаденія русскаго языка на нарѣчія.

Въ этомъ отдѣлѣ мы займемся изученіемъ судьбы звуковъ и формъ общерусскаго языка въ его трехъ нарѣчіяхъ: южнорусскомъ, среднерусскомъ и сѣвернорусскомъ. И здѣсь, какъ и раньше, мы прежде всего должны замѣтить, что каждая

эпоха жизни языка смѣнялась новою эпохой не сразу, а постепенно, при чемъ старый составъ языка во всѣхъ отношеніяхъ, какъ мы уже видѣли неоднократно при смѣнѣ эпохъ и при изученіи русскаго языка по эпохамъ въ его исторіи, продолжалъ бытовать въ языкѣ долгое время параллельно съ развивающимся новымъ составомъ, новымъ строемъ. Мы уже не разъ видѣли, что новыя явленія языка развивались на почвѣ стараго наслѣдства, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ коренньмъ образомъ измѣнялось, но въ другихъ случаяхъ продолжало цѣликомъ переходить изъ эпохи въ эпоху. Такъ и въ данную эпоху, когда русское племя (около XI-го вѣка по Р. Х.) внутри своего многочисленнаго состава успѣло дифференцироваться соотвѣтственно новымъ потребностямъ, новымъ нуждамъ времени и новымъ условіямъ жизни на новыхъ мѣстахъ, соотвѣтственно слагавшимся новымъ взаимоотношеніямъ сосѣдей и соотвѣтственно перемѣнамъ, происходившимъ въ новой сферѣ хозяйства и культуры, то это русское племя разнесло въ лицѣ своихъ общественныхъ группъ свое общее достояніе, которое слагалось изъ стараго наслѣдства и новыхъ пріобрѣтеній, по разнымъ мѣстамъ русской территоріи, на пространствѣ которой это общее достояніе продолжало развиваться и видоизмѣняться уже при новыхъ условіяхъ, прежде всего отличавшихся отъ старыхъ тѣмъ, что развитіе и видоизмѣненіе общаго достоянія совершалось не совмѣстнымъ содѣйствіемъ *всѣхъ членовъ* русскаго племени, а лишь только совмѣстнымъ содѣйствіемъ *тѣхъ членовъ* этого племени, которые составили теперь болѣе мелкую общественную единицу, группу людей, связанныхъ на новыхъ мѣстахъ и въ новыхъ условіяхъ жизни, во-первыхъ, общими старыми связями *діалектическаго* представительства, конечно, бывшаго уже въ извѣстной *зачаточной* формѣ и въ старыхъ условіяхъ совмѣстной племенной жизни, (т. к. мы не знаемъ ни одного языка ни въ одну эпоху его жизни безъ всякаго діалектическаго дробленія внутри своего хотя бы и замкнутаго сплоченнаго, но

многочисленнаго по числу говорящихъ лицъ на этомъ языкѣ состава, и можемъ себѣ *представить идеальное единство языка лишь только въ отдѣльной, одной говорящей особи*), во-вторыхъ, общими интересами культурно-экономической жизни, родомъ занятій и проч. А затѣмъ это общее достояніе, и полученное готовымъ и пріобрѣтенное продолжительной совмѣстной жизнью на старыхъ мѣстахъ, продолжало видоизмѣняться и развиваться при новыхъ условіяхъ не только измѣнившихся *количественно*, но и *качественно* въ зависимости отъ степени участія въ этомъ новомъ процессѣ новыхъ укладовъ въ органахъ рѣчи и въ зависимости отъ зарожденія новыхъ потребностей, развивающихъ вмѣстѣ съ собой и новыя понятія, отражающіяся въ формахъ жизни и въ языкѣ. Поэтому мы и въ этой эпохѣ должны сперва отмѣтить:

А) Діалектическія звуковыя явленія до утраты единства языка, общія всему языку рядомъ съ *мѣстными* звуковыми явленіями. Именно:

а) Явленія въ *южнорусскихъ* говорахъ:

1) Появленіе дифтонгическихъ сочетаній *уо*, *йӧ*, *іе*, въ этихъ говорахъ въ то время, когда еще въ общерусскомъ языкѣ существовали *долгіе гласные*: *ō*, *ȫ*, *ē*. Слѣдовательно, эти *долгіе* гласные *діалектически распались* на вышеприведенныя дифтонгическія сочетанія *раньше*, чѣмъ наступила во всемъ русскомъ языкѣ потеря долготы гласныхъ, а эта потеря, какъ мы знаемъ, произошла въ общерусскомъ языкѣ въ эпоху наканунѣ распаденія послѣдняго. Такимъ образомъ, объединенію части русскаго племени въ южнорусскую группу содѣйствовало, помимо всего прочаго, между прочимъ и то, что уже наканунѣ распаденія общерусскаго языка мы замѣчаемъ діалектическое образованіе дифтонгическихъ сочетаній изъ долгихъ гласныхъ, которые *вообще* въ это же время еще продолжали существовать въ языкѣ. Такое діалектическое образованіе дифтонгическихъ сочетаній изъ долгихъ гласныхъ

въ южнорусскихъ говорахъ въ эпоху, когда еще не были эти говоры *южнорусскими* (въ узкомъ смыслѣ), доказывается дальнѣйшей судьбой старыхъ долгихъ гласныхъ, именно, въ *современныхъ* южнорусскихъ (малорусскихъ) говорахъ и въ древнихъ южнорусскихъ памятникахъ письменности. Въ самомъ дѣлѣ звуки: *ō*, *ō̄*, *ē*, были получены общерусскимъ языкомъ изъ общеславянскихъ *ō* и *ē*, (Срв. Vondrák. Vergl. Gram. I. Стр. 85—90. На эти звуки указываютъ намъ серб., словац., словен., кашуб. и русскій языки), но въ общерусскомъ языкѣ они замѣнили собой и краткіе *ŏ*, *ĕ*, вслѣдствіе перехода ъ и ь въ сосѣднемъ слогѣ въ *слабые* и *неслоговые* ирраціональные, которые потомъ исчезли, т. ч. эти *ŏ* и *ĕ* очутились въ закрытыхъ слогахъ, оканчивавшихся на согласную. Вотъ въ этомъ то положеніи эти *ŏ* и *ĕ* замѣнились въ общерусскую эпоху звуками *долгими*, а послѣдніе въ южнорусскихъ говорахъ перешли въ дифтонгическія сочетанія указаннаго типа. Такимъ образомъ, въ южнор. говорахъ мы имѣемъ дуо͡м изъ до̄м изъ до̆мъ; мӱо͡д изъ м'ōд изъ мĕдъ; п'іеч' изъ п'ēч' изъ пĕчь. Къ XII вѣку этотъ процессъ уже закончился: въ памятникахъ этого времени южнорусскихъ по языку и написанію мы имѣетъ: пѣчь и дѣти съ одинаковымъ начертаніемъ ѣ, хотя эти два слова восходятъ къ разнымъ типамъ относительно звука е: слово *печь* имѣетъ *ĕ*, а слово *дѣти* — *ē*. Ясно, что *ĕ* въ словѣ *печь* и под. въ южнорусскихъ говорахъ къ этому времени стало *долгимъ* вслѣдствіе утраты конечнаго ъ, ставшаго *слабымъ*, *неслоговымъ* звукомъ. Такъ какъ начертаніе и звукъ ѣ мы имѣемъ вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ издревле были долгіе звуки *ē*, а иногда и тамъ, гдѣ доказанъ основной звукъ—дифтонгъ (см. выше, напр., въ мѣстн. п. ед. ч. основъ на-*ŏ*, въ формахъ 2-го лица ед. и мн. ч. повел.-желат. наклоненія и проч.), то—ясное дѣло, что ѣ слова пѣчь и под. въ *южнорусскихъ* памятникахъ, гдѣ *нынѣ* мы имѣемъ *піч* или *піеч*—въ малорусскихъ говорахъ, свидѣтельствуетъ о

древнемъ переходѣ въ южнорусскихъ говорахъ ĕ въ ē, *которое* въ разсматриваемую нами эпоху русскаго языка *перешло въ дифтонгическое сочетаніе* ie, откуда и получилось современное *піч'* или *печ'* по говорамъ съ различными оттѣнками въ послѣднемъ случаѣ. При этомъ, конечно, въ дифтонгическомъ сочетаніи ie необходимо предположить то первую, то вторую его часть слоговою или неслоговою, т. е. ie, откуда— *е*, или ie, откуда—*і* по говорамъ. Ниже мы увидимъ, что, *въ сѣверно-малорусскихъ* говорахъ до сихъ поръ сохранились дифтонги: *уо, юо, іе: куонь, мюод, піеч'* и др. Срв. въ др. южнор. памятникахъ: шѣсть, камѣнь и проч. рядомъ съ: сѣсти, горѣти и проч. и при этомъ современное малорусское: *шіст', камін'* (*камінна*) и проч. Въ этомъ вопросѣ рѣшающее значеніе должно быть признано за графикой южнорусскаго Добрилова Евангелія 1164 г. (Нынѣ хранится въ Москвѣ, въ Румянц. Музеѣ), гдѣ ѣ вм. є проведено совершенно послѣдовательно въ указанныхъ положеніяхъ.

b) Явленія *среднерусскихъ* говоровъ.

1) Появленіе такъ называемаго *аканья*, которое было связано съ судьбой ударенія. Судьба же ударенія въ русскомъ языкѣ въ общихъ чертахъ сложилась къ этому времени въ слѣдующихъ главнѣйшихъ стадіяхъ: удареніе къ этому времени пріобрѣло *силу*, которой раньше не имѣло; эта сила ударенія сдѣлала ударяемый звукъ болѣе яснымъ и сильнымъ въ произношеніи, а *въ связи съ этой силой ударяемаго слога* произошло въ общемъ *ослабленіе неударяемыхъ слоговъ* слова, причемъ гласные не вполнѣ закрытые, т. е. не звуки: *и, у, ы, переходили* въ этихъ неударяемыхъ слогахъ, вслѣдствіе ихъ ослабленія *въ гласные неполнаго образованія*, именно неударенные *а* и *о* перешли въ звукъ ŏ (неполнаго образованія), гласные: *е, ŏ, ă* перешли въ звукъ ĕ (неполнаго образованія). Напр., вŏдá, сĕлó, цвĕты́, плĕсáть, пŏстухá, пĕтухá, гóрŏдŏ, ŭмрĕтĕ и под. изъ: во-да, се-ло, цве-ты, пля-сать,

па-сту-ха, пе-ту-ха, го-ро-да, у-мре-те и под. Здѣсь мы обозначаемъ *черточками условно* самостоятельное и ясное звучаніе каждой части изъ приведенныхъ выше словъ въ эпоху до усиленія ударяемаго гласнаго, который, пріобрѣвъ силу, стянулъ около себя прочія части (звуковыя) слова, подчинивъ послѣднія своей силѣ и заставивъ прочіе гласные слова ослабнуть и потерять самостоятельное звучаніе при полномъ образованіи *ясно* слышимаго звука, каковое было до этой эпохи. Затѣмъ въ судьбѣ ударенія по отношенію къ гласнымъ звукамъ наступило *усиленіе слога*, ближайшаго къ ударенію, въ положеніи этого слога *непосредственно передъ ударяемымъ* и съ гласнымъ неполнаго образованія. Такимъ образомъ, при произношеніи получалась градація въ силѣ звука гласнаго по мѣрѣ приближенія послѣдняго къ ударяемому гласному слова; напр., если мы обозначимъ условно числами силу каждаго гласнаго звука въ словѣ, то *трехсложное* слово съ ударяемымъ гласнымъ на концѣ (слово съ *тремя* гласными) по силѣ этихъ трехъ гласныхъ звуковъ слова получитъ слѣдующее числовое обозначеніе: 1-2-3; при этомъ числомъ 3 мы обозначаемъ наибольшую *силу* звука гласнаго въ данномъ словѣ и, слѣдовательно, обозначаемъ и *мѣсто* ударенія. Примѣръ: хъ̆ро^a ша́. Если мы обозначимъ относительную силу гласныхъ звуковъ этого слова не цыфрами, а буквами, принимая ъ за выраженіе слабѣйшаго изъ гласныхъ звуковъ этого слова, то въ фонетической транскрипціи этого слова послѣ наступившаго закона объ измѣненіи гласныхъ въ зависимости отъ ударенія мы получили бы его графическое изображеніе такое: хъро̆ша́. Еще въ 70-годахъ проф. Потебня установилъ отношеніе по силѣ гласныхъ звуковъ между собой въ зависимости отъ положенія гласныхъ звуковъ слова относительно ударенія въ великорусскихъ нарѣчіяхъ, причемъ оказалось, что сила звука, непосредственно стоящаго послѣ ударяемаго равна силѣ звука, находящагося въ слогѣ третьемъ передъ удареніемъ, т. е. въ слогѣ, непосредственно предше-

ствующемъ предударному слогу. Такимъ образомъ, если слово *четырехсложное,* т. е. заключаетъ въ себѣ *четыре* гласныхъ звука, и удареніе въ немъ стоитъ *на третьемъ слогѣ отъ начала*, на третьемъ гласномъ, то *четвертый* гласный по силѣ своей оказывается равный *первому* гласному слова, а *второй* гласный (предударный) будетъ сильнѣе перваго и четвертаго, но слабѣе *ударяемаго* (третьяго). Значитъ, по формулѣ проф. Потебни отношеніе гласныхъ въ четырехсложномъ словѣ по ихъ силѣ другъ къ другу при удареніи на третьемъ слогѣ отъ начала слова выразится слѣдующимъ образомъ: —1 : 2 : 3 : 1. Цыфрою *три* обозначенъ *ударяемый* гласный слова. Напр., *пйрŏгáмй*, или при обозначеніи силы гласныхъ буквами: *пь*^{і}*ро*^{а}*гáмь*^{і} и под. Вслѣдствіе разсматриваемаго закона объ измѣненіи гласныхъ звуковъ въ зависимости послѣднихъ по положенію относительно ударенія, мы замѣчаемъ, что *гласные неполнаго образованія* въ положеніи непосредственно передъ ударяемымъ гласнымъ въ *двухсложныхъ* словахъ *переходятъ въ гласные полнаго образованія* при положеніи этихъ гласныхъ въ *трехсложномъ* словѣ непосредственно передъ ударяемымъ гласнымъ. Такимъ образомъ, гласный *о* въ словѣ *гŏдá неполнаго* образованія, и тотъ же гласный *о* въ словѣ *пŏго*^{а}*дй* будетъ уже *полнаго* образованія. Или сравните: *гŏдá* и *гŏрадá*, *пŏгадй*; *вŏдá* и *пŏвадá*; *сĕлó* и *в’ĕс’алá*, *вĕснá* и *прŏв’адý*, *с’ĕр’абрó* и проч. Позже предударный слогъ получилъ въ акающихъ говорахъ и въ окающихъ также—*полное* образованіе: ювр. гада̀, свр. года̀ и под. Эти два ряда произношеній существовали рядомъ и параллельно въ языкѣ вслѣдствіе наступившаго новаго закона въ *среднерусскихъ* говорахъ объ измѣненіи качества гласныхъ въ зависимости отъ измѣненія характера ударенія, къ этому времени пріобрѣвшаго *силу* и ставшаго *сильно экспираторнымъ* (основаннымъ на силѣ выдыханія) взамѣнъ утраты прежней *музыкальности* и *качества*, сохранившагося еще донынѣ отчасти въ сербскомъ языкѣ

(см. выше). Въ этомъ и заключался фонетическій процессъ *аканья*.

Именно, уже въ скоромъ времени этотъ гласный *а* (пǒвадá), находившійся въ слогѣ, ближайшемъ отъ ударенія *передъ* ударяемымъ слогомъ и *послѣ* слога съ гласнымъ неполнаго образованія (пǒвадá), появился и тамъ, гдѣ ему не предшествовалъ слогъ съ гласнымъ неполнаго образованія, а гдѣ онъ самъ находился въ слогѣ, ближайшемъ къ ударяемому, а именно, *передъ* этимъ ударяемымъ слогомъ, т. е. въ начальномъ слогѣ двусложнаго слова съ удареніемъ на второмъ слогѣ отъ начала слова. Такъ, появилось произношеніе: *вадá* вм. бывшаго *вǒдá* при *пǒвадá*. Появилось произношеніе: *с'аló* вм. бывшаго *сě́ló* при *в'ěс'алá* и под. (Шахматовъ). Но при этомъ обнаружилось также и обратное явленіе, т. е. обнаружилось вліяніе предшествовавшаго гласнаго неполнаго образованія въ *предшествующемъ* слогѣ на гласный *слѣдующаго* слога, ближайшій къ ударенію и притомъ полнаго образованія, такъ что гласный полнаго образованія передъ удареніемъ сталъ гласнымъ неполнаго образованія подъ вліяніемъ гласнаго неполнаго образованія въ предыдущемъ слогѣ. Напр., получилось рядомъ съ *гǒрадá* и *гǒрǒдá*, рядомъ съ *в'ěс'алá* и *в'ěс'ěлá*. Таково фонетическое состояніе среднерусскихъ говоровъ въ общихъ чертахъ было въ расматриваемую эпоху, разграниченіе же этихъ гласныхъ неполнаго образованія *ǒ*, *ě* и гласнаго *а* принадлежитъ уже позднѣйшей эпохѣ и произошло *въ отдѣльныхъ среднерусскихъ говорахъ*.

Наконецъ, если мы теперь возьмемъ во вниманіе слоги (гласные звуки), стоящіе въ словѣ *направо* отъ ударяемаго слога, т. е. послѣ ударенія, то замѣтимъ, что перевѣсъ въ силѣ получилъ тотъ слогъ, который былъ *наиболѣе удаленъ* вправо, къ концу слова, отъ ударяемаго слога. Именно, изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ въ сосѣднихъ слогахъ послѣ ударяемаго здѣсь *ǒ* и *ě* переходили въ *а*: напр., *слóвǒ*, но рядомъ: *óлǒва* (им. п. ед. ч.); *нарóд'ě*, но рядомъ въ то

же время: *го́рӧд'а* (мѣстн. падежи ед. числа). А отсюда далѣе—по аналогіи и: *сло́ва* (им. п. ед. ч.), *наро́д'а,* съ одной стороны,—а: *о́лӧвӧ, го́рӧд'ӗ*—съ другой стороны. И въ этомъ ряду звукосочетаній разграниченіе этихъ *послѣ-ударныхъ* звуковъ *ӧ, ӗ* и звука *а* въ этихъ случаяхъ (послѣ ударяемаго слога) принадлежитъ уже *отдѣльнымъ среднерусскимъ говорамъ* въ ихъ отдѣльной жизни.

с) Явленія *сѣвернорусскихъ* говоровъ.

1) Совпаденіе звуковъ *ч* и *ц* въ одномъ звукѣ, причемъ *позднѣйшіе два* звука *ч* и *ц* въ своемъ удотребленіи не соотвѣтствовали первоначальному различію.

Мы знаемъ, при какихъ условіяхъ перешелъ въ общерусскій языкъ звукъ *ч* *изъ общеславянскаго* въ смягченномъ видѣ; знаемъ также, при какихъ условіяхъ получился звукъ *ц* въ самомъ общеславянскомъ языкѣ изъ индоевропейскаго задненебнаго *к*; наконецъ, знаемъ и то *ц*, которое образовалось на почвѣ общеславянскаго языка *позже* и перешло и въ общерусскій языкъ. Такимъ образомъ, на основаніи предыдущаго мы знаемъ, что слова: *цѣна, церковь, чело, цѣлый, вѣнецъ, число, ночь, дочь, печь, свѣча* и проч. уже были получены общерусскимъ языкомъ съ такими звуками *ц* и *ч*, причемъ слова: *чело, червь* и под. имѣли еще въ *общеславянскую* эпоху звуки *ч* и съ такими звуками были получены *изъ этой эпохи* и *общерусскимъ* языкомъ, слова же: *ночь, дочь, печь, свѣча* и под. развили этотъ звукъ *ч* уже на *русской* почвѣ, однако еще въ *общерусскую* эпоху *до* распаденія. Стало быть, современное *сѣвернорусское* (новгородское, вятское-котельнич. и друг.): *чена, чарь, целó, челый, черковь, вѣнечь, отроковича, доцъ, свѣца* и под. развились уже на почвѣ отдѣльной жизни сѣвернорусскихъ говоровъ, и въ этихъ сѣвернорусскихъ говорахъ звуки *ч* и *ц* этихъ словъ, какъ и другихъ подобныхъ, не соотвѣтствуютъ въ своемъ употребленіи *первона-*

чальному различію ихъ въ этихъ словахъ. Это, конечно, произошло оттого, что сѣвернорусскіе говоры пережили *совпаденіе* первоначальныхъ звуковъ *ч* и *ц*, *смягченныхъ искони*, стало быть, *мягкихъ* по своей славянской природѣ, каковыми они были извѣстны и прарусскому языку, въ одномъ звукѣ, среднемъ между *ч* и *ц*: звукѣ *ч*[ц] или *ц*[ч]. Необходимо допустить, что *діалектически* эти звуки совпадали въ одномъ среднемъ звукѣ *свистяще-шипящемъ* уже въ общерусскомъ языкѣ *наканунѣ его распаденія*, причемъ самое распаденіе на извѣстныя діалектическія группы было, между прочимъ, обусловлено и этой фонетической особенностью той діалектической группы общерусскаго языка, которая является въ общерусскій періодъ жизни русскаго языка прямымъ *предкомъ* современныхъ сѣвернорусскихъ (сѣверновеликорусскихъ) говоровъ. Это предположеніе становится неопровержимымъ фактомъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что смѣшеніе звуковъ *ц* и *ч* засвидѣтельствовано *письменными* памятниками *новгородской* области уже *въ первый вѣкъ* существованія русскаго языка, засвидѣтельствованнаго письменными памятниками. Именно, въ Минеяхъ 1095—1097 г., не смотря на то, что это—памятникъ *церковной* письменности, хотя и *Новгородскій*, мы уже имѣемъ цѣлый рядъ написаній, несомнѣнно свидѣтельствующихъ о томъ, что въ новгородской рѣчи уже въ XI-мъ вѣкѣ было развито явленіе *цоканья* и *чеканья*. Если это явленіе извѣстно даже изъ памятниковъ *церковной* письменности отъ XI вѣка, *памятниковъ, не оригинальныхъ* по языку и содержанію, то о памятникахъ оригинальныхъ и свѣтскихъ, каковыми являются новгородскія грамоты, и говорить нечего: въ нихъ живое народное произношеніе выступаетъ гораздо рѣзче. Весьма вѣроятно, что такое *свистяще-шипящее* („шепелеватое“) произношеніе этихъ звуковъ *ц* и *ч* восходитъ *не только діалектически къ общерусскому періоду*, когда это произношеніе было извѣстно, вѣроятно, *не одной*, а *нѣсколькимъ* діалектическимъ группамъ русскаго племени,

но и къ общеславянскому, хотя *тоже діалектически.* (См. мое изслѣдованіе: „Къ исторіи великорусскихъ говоровъ". Казань. 1896 г.). Это предположеніе основывается на томъ фактѣ, что въ русскихъ говорахъ, разсѣянныхъ *и на сѣверѣ, и въ центрѣ, и на югѣ,* мы встрѣчаемъ *спорадически* (не сплошь) слѣды совпаденія звуковъ *ц* и *ч* въ одномъ *среднемъ,* т. к. мѣна *ц* и *ч* и обратно сохраняется діалектически и донынѣ и въ бѣлорусскихъ, и въ южновеликорусскихъ, и даже въ малорусскихъ говорахъ. Что же касается западнославянскихъ и южнославянскихъ нарѣчій, то и здѣсь языки: польскій, словацкій, сербскій и друг. являются языками, которымъ въ большей или меньшей мѣрѣ знакома мѣна звуковъ *ц* и *ч.* (Срв. выше о рефлексахъ—отраженіяхъ общесл. сочетаній *č't'* и *d'ž'd'* въ славянскихъ языкахъ и объ отраженіи звука *к'* средненебнаго индоевропейскаго въ литовско-славянскую, общеславянскую эпохи и въ отдѣльныхъ слав. языкахъ).

2) Переходъ дифтонгическаго сочетанія *i͡e* (ѣ) въ *и* и въ *e*ⁱ закрытое. Это фонетическое явленіе, какъ и первое, извѣстно по памятникамъ *сѣвернорусской* письменности уже съ XI-го вѣка. Здѣсь мы имѣемъ нерѣдко: *тило* моѥ; к *жени*; *търъпиниѥ*; *претьрьпилъ* ѥси; *лицемирьствовавъ* и мн. др. въ памятникахъ новгородскихъ и псковскихъ. Срв. современное новгородское, вятское и др.: *сйно, хлйбъ, дйло* и под. (См. у Шахматова въ „Изслѣдованіи въ области русской фонетики", особенно данныя изъ Олонецкаго говора, гдѣ отмѣченъ звукъ *e*ⁱ передъ *твердымъ* слогомъ). См. Изслѣдованіе *Брока* о Тотемскомъ говорѣ Вологодской губ. (Сборникъ II-го Отд. А. Н. Томъ 83-ій).

d) Западная часть *среднерусскихъ* говоровъ, какъ видно изъ данныхъ діалектологіи, пережила общія явленія съ польскими говорами. Именно:

1) Звуки *д'* и *т'* пріобрѣли здѣсь *свистящій* оттѣнокъ: бѣлор. *дзя́дзя, тсётся, дзѣтси, хадзйц', несéц'* и проч. Срв.

польскія: *działo*, *dziady*, *rodzica*, *pic'*, *jes'c'*, *vidzę*, *kuc'*, *kochac'*, *pięc'*, *chodz'* и проч.

2) Мягкій *р* здѣсь утраченъ. Бѣлор. *рака́* (=рѣка), *тра́пка*, *пара́докъ* и проч. Срв. польскія: *rz* вмѣсто *r'*, причемъ *rz* произносится *твердо*: *porządek*, *rzec'* (=рѣчь), *przyjemnie* (пріятно) и проч. (См. мое изслѣдованіе: „Нѣкоторые выводы изъ позднѣйшихъ трудовъ по великорусской діалектологіи" въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь проф. В. Ѳ. Миллера, а также *Шахматова* указанныя выше сочиненія о древнѣйшихъ ляшскихъ поселеніяхъ въ Россіи и о вліяніи польскихъ говоровъ на русскіе).

Теперь мы переходимъ къ діалектическимъ звуковымъ явленіямъ *послѣ утраты единства р. языка.*

§ 51. Б) Діалектическія звуковыя явленія *послѣ утраты единства* русскаго языка, *общія нѣкоторымъ частямъ русскаго языка.*

а) Явленія, общія южнорусскимъ (малорусскимъ) говорамъ и западно-среднерусскимъ (бѣлорусскимъ).

Въ области звуковъ.

1) Распространеніе произношенія *в* какъ *ў* (*w*) въ концѣ словъ и передъ согласными. (Срв. выше діалектическія явленія въ области звуковъ, въ эпоху непосредственно *передъ* распаденіемъ русскаго языка). Напр., украин.-малор. *сыні́w*, бѣлор. *сыно́ў*. Этимъ фонетическимъ явленіемъ обусловлено распространеніе и случаевъ смѣшенія предлоговъ *въ* и *у* въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ. Въ этихъ нарѣчіяхъ почти неизвѣстенъ звукъ *ѳ*, вмѣсто котораго мы слышимъ здѣсь *хв* и *х*. Напр., малор. *Хвёдор*, *Хве́дъ*; бѣлор. *хвартук* и *хартук*, *хвортка*, Хвилип и др. Это совпаденіе въ фонетикѣ малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій въ томъ, что оба

они почти не знаютъ конечнаго *в*, вмѣсто котораго въ большинствѣ случаевъ является *ў*, а въ связи съ этимъ и вообще почти полное отсутствіе глухого, беззвучнаго *ф*, вмѣсто котораго является *х* или *хв*, ясно свидѣтельствуетъ намъ о пережитой совмѣстной жизни въ прошломъ этихъ двухъ нарѣчій, которыя, очевидно, не знали измѣненія конечнаго согласнаго *звонкаго* въ *глухой* и обращенія *звонкаго* согласнаго передъ глухимъ въ глухой. Срв. великор. *сыно́ф*, и малор. *сыні́w* при бѣлор. *сыно́ў*: звукъ *ў* или *w* во всякомъ случаѣ—*звонкій*, а не глухой; звукъ же *ф*—*глухой*, почему его мѣсто и занялъ звукъ *х* въ указанныхъ нарѣчіяхъ въ эпоху измѣненія звонкихъ въ глухіе передъ глухими. Нѣкоторые изъ восточно-среднерусскихъ говоровъ (въ Калуж., Тул., Ряз. губерніяхъ) раздѣляютъ тоже эти особенности западно-среднерусскихъ говоровъ. И это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми фонетическими чертами сѣвернорусскихъ говоровъ, ясно свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о быломъ единствѣ общевеликорусскаго нарѣчія, во-вторыхъ, объ отдѣленіи въ очень раннее время изъ этого нарѣчія обще-среднерусскаго поднарѣчія, которое позже еще распалось на западный и восточный среднерусскій говоры.

2) Распространеніе произношенія *л* какъ *ў* въ концѣ словъ и передъ согласными. Напр., малор. *воўк*, *воwк*, *ходыў*, *ходыw* и проч.; бѣлор. *воўк*, *спаў*, *даў*, *взяў*, *ходиў* и проч.

3) Переходъ *сильно-ирраціональныхъ и* и *ы* (См. выше—эпоху наканунѣ распаденія), образовавшихся изъ древне-русскихъ ь и ъ въ тѣхъ положеніяхъ, гдѣ послѣдніе *не могли выпасть въ и* и *ы полнаго образованія*. Напр., *крывавий*, *улытаты*, *улытай*, *дрыжаты*—въ малор. нарѣчіи; *дрыжы́ть*, *триво́уа*, *блисти́ть* и др.—въ бѣлор. нарѣчіи. Срв. древнее русское: *кръвав*, откуда *крывав* черезъ *крвав*; но: *кръвь*, откуда по исчезновеніи конечнаго слабаго ъ—*кров'*. Срв. древнее: *глотати* изъ *глътати* черезъ *глтати*—*глытати*. Срв. *дръжати*,—*држати*—*дрыжати*, но: *дрож'*. Или: *тревога*—*тръво-*

га—тревога—тривога. Срв. также: *бльскъ, блъстѣти—блстѣти—блистѣти...* Это же измѣненіе старыхъ *ъ* и *ъ* въ *ы* и *и* мы имѣемъ и въ положеніи ихъ передъ *й* (į): *ший, бий* и др., хотя *діалектически* въ бѣлорусскомъ нарѣчіи *извѣстно* и другое измѣненіе сильно-ирраціональныхъ *и* и *ы*. См. ниже.

4) Отвердѣніе звуковъ *ж, ч, ш*: *жыть, слышыш, чын* и проч. въ малор. и бѣлор. нарѣчіи.

5) Появленіе звукового сочетанія *дж* вмѣсто *ж* изъ общесл. *d'ž'd'* изъ *dj*. Напр., *роджу, суджу, меджа, ходжу* и друг. Срв. малор. *виджу, роджу*; бѣлор. *урыджай* (*урожай*), *праваджаць* (*провожать*) и под.

6) Ассимиляція *j* предшествующимъ согласнымъ, напр., *з+j=з'з', лj=л'л'* и под., гдѣ *j* уподобляется согласному, стоящему передъ нимъ или, что тò же, *j* переходитъ въ такой же согласный, какой стоялъ передъ нимъ въ соотвѣтствующихъ словахъ другихъ нарѣчій и другой, болѣе ранней эпохи. Напр., малор. *зілля* изъ *зелье—зелјй—зелįе—зелиѥ* (См. общія явленія эпохи непосредственно передъ распаденіемъ—выше). Или: малор. *нічу=ночью=ночию=ночју*. *Ночь* по малорусски: *ніч*. См. выше. Такъ же: *суддя́, бо́жжа, свиння́* и под. Бѣлор. *суддзя́, свиння́, ко́ззя, налля́* и под.

7) Отвердѣніе *губныхъ б, в, м, п, ф* передъ *мягкими* согласными и въ концѣ словъ. Напр., въ малор. *сім* вм. *семь*; *восим* вм. *восемь*; *зэмлю, любов, кров* (или: *любоў, кроў*—по говорамъ), *уолуб, сып* (*=сыпь*); *пъю, бъю* (*=пъју—пју*), *мъясо* (діалектически: *мнясо*). Въ бѣлор. *сем, восем, землю, пъю, уолуб, сып, любов* (*любоў*, частью и *любоф*) и под.

8) Переходъ неударяемаго *и* послѣ гласнаго и въ началѣ словъ въ *й* (į): млр. *йму, ймеш, наймую* и проч. Вслѣдствіе этого въ малор. нарѣчіи начальное неударяемое *й* (į) часто отпадаетъ тамъ, гдѣ оно должно было бы оставаться: *урати* изъ *йурати* изъ *играти* или: *уолка* изъ *йуолка* изъ *иголка* и друг. Въ бѣлор. *йрваць* (*рвать*), *нейдзѣ* (*не иде, не идетъ*), *за йзвозчика, пайскаць* (*поискать*) и под.

9) Появленіе приставочныхъ *в* и *г* передъ начальными *у* и *о*. Напр., малор: *вусениця* вм. *усеница*, *вутка*, *уорати* и *ворати* (орать=пахать; оратай=пахарь), *не вміла* = *не умѣла*, *вумний*=*умный*. Вслѣдствіе этого здѣсь—чередованіе *в* и *у*: *воробей* и *уоробець*, *вусли* и *уусли*, *вус* и *уус* (=*усъ*) и под. При этомъ надо замѣтить, что вышеприведенное *не вміла* (въ пѣснѣ), вѣроятно, изъ *не ўміла*, а можетъ быть, черезъ *не вуміла*. Въ бѣлор. такъ же: *вутка*, *вусы*, *уорачь*, *уострый* и *вострый* изъ *острый* и проч.

Изъ этого общаго обзора фонетическихъ явленій, пережитыхъ вмѣстѣ и южнорусскими (малорусскими—впослѣдствіи), и бѣлорусскими (впослѣдствіи) нарѣчіями, т. е. западной частью среднерусскихъ говоровъ, мы заключаемъ, что эти говоры въ прошедшемъ были долгое время связаны другъ съ другомъ *общею судьбою*, переживали *общую исторію* и, слѣдовательно, предполагаютъ собой *эпоху единства южнорусскихъ и западно-среднерусскихъ говоровъ*, т. е. *эпоху малорусско-бѣлорусскаго единства*. Это же подтверждаетъ и морфологія, и синтаксисъ, и удареніе этихъ говоровъ.

Въ области формъ.

1) Сохраненіе падежныхъ формъ со звуками *з*, *ц*, *с* въ именахъ съ основами на задненебные согласные. (*Новыя основы* послѣ утраты конечныхъ *ъ* и *ь*. Напр., основою слова съ *исторической* точки зрѣнія въ словѣ *порогъ* была основа на-*ŏ*, общерусское и общеславянское *ъ*, а основою этого слова *порогъ* въ *современномъ* русскомъ языкѣ является уже основа на *г*: *порог-*, т. к. мы теперь уже забыли представленіе о старыхъ основахъ, къ которымъ присоединялись падежные суффиксы, и разсматриваемъ часть слова этого *порог-*, какъ часть, *неизмѣняемую* при перемѣнѣ падежныхъ окончаній, т. е. какъ *основу* этого слова въ склоненіи его). Напр., въ малор. *ў боци* (=*въ боки*, *въ бокá*), *руцй* (=*рукѣ*), *на порози*,

ў страси (*въ страхѣ*) и под. Бѣлор. *на пáрозѣ*, *ў боцихъ*, *ў вусѣ* (*въ ухѣ*), *дзѣўцѣ* (*дѣвкѣ*), *жонцѣ* (*жонкѣ*). Срв. въ млр. дат. п. ед. ч. *жінці* (*жонкѣ*), но род. ед. *жінки* и проч. Слѣдовательно, звуки *з*, *ц*, *с* въ падежныхъ формахъ въ этихъ нарѣчіяхъ сохраняются тамъ, гдѣ эти звуки были и въ древнемъ русскомъ и въ старосл. языкѣ, т. е. въ мѣстн. и дат. ед. ч. и въ имен. и мѣстн. п. мн. ч.: срв. древне-русское и старославянское склоненіе: ржка, род. ржкы, но дат. и мѣстн. ржцѣ, им. п. мн. ч. ржкы, но въ муж. родѣ: оученици и мѣстн. мн. ч. оученицѣхъ, т. е. *г*, *к*, *х* переходятъ въ *з*, *ц*, *с* передъ ѣ и и дифтонгическаго происхожденія изъ оі и *аі*. См. выше: влъци, влъцѣхъ, влъцѣ или: нозѣ; врази, вразѣ, вразѣхъ, страси, срасѣ, страсѣхъ и под. Или: дат. и мѣстн. ед. ч. жен. рода: книзѣ и под. Въ этомъ, конечно, заключается *архаизмъ* данныхъ двухъ нарѣчій русскаго языка, и въ другихъ нарѣчіяхъ его мы этого архаизма нынѣ уже не имѣемъ, кромѣ единичныхъ и вообще очень рѣдкихъ случаевъ.

2) Сохраненіе формы *зват.* падежа на *е*, *о*, *у*, причемъ окончаніе *у* имѣется не только въ мягкихъ основахъ муж. рода, но и въ основахъ на гортанный (задненебный) звукъ. Напр., въ млр. *сы́нку* (у Гоголя), *сні́гу*, *вóвку* (но и: *вовче*: „кусь мене, вовче"), *жінко*, *Оксано*, *голубонько*, *хлопче*, *козаче*, *„Боже жъ мій"*, *свате*, *кýме*, *кóню*, дóню — у Шевченка въ поэмѣ „Катерина" и под. Въ бѣлор. *сынку*, *батько*, *Науме* и др.

3) Сохраненіе нѣкоторыхъ единичныхъ формъ *двойств.* числа въ именахъ жен. рода. Напр., въ малор. галицкомъ (въ Австріи) нарѣчіи: *дві нозі*, *дві руці*, *три дорозі* и др. Въ бѣлор. *тры бядзѣ*.

4) Распространеніе окончанія 1-го лица мн. ч. — *мо* вмѣсто *мъ*(*м*): малор. *ведемó*, *мы ї́мó* (мы ѣдимъ), *хвалымó*, *пи́шемо* и под. Въ бѣлор. *спимó*, *дамó*, *бяжымó* и под.

5) Появленіе окончанія *пов.* наклоненія: *ѣм*(ъ), *ѣте* вм. *им*(ъ), *ите* въ глаголахъ съ примѣтою *и* типа *хвалити*. Напр., малор. *хвалім*, *хваліте*, гдѣ *ім*, *іте*, какъ показываетъ звукъ *і*=въ малор. нарѣчіи ѣ, образовались изъ *ѣмъ*, *ѣте*, которыя въ сущности могли быть окончаніями повел. наклоненія только отъ глаголовъ съ *согласною* основой типа: *нести*, *везти* и под., откуда пов. накл.: *несѣмъ*, *несѣте*; *везѣмъ*, *везѣте*. Такимъ образомъ, малор. *хвалім*, *хваліте*, какъ видно *не фонетическое* явленіе, а явленіе *морфологіи*, т. е. занесеніе окончанія пов. наклоненія глаголовъ 1-го класса типа *нести* въ пов. наклоненіе глаголовъ IV-го класса типа *хвалити*, вѣроятно, подъ вліяніемъ произношенія ѣ какъ *і* (мягкое), съ одной стороны, и *ы* какъ *и* (среднее),—съ другой, откуда возможно было смѣшеніе двухъ видовъ *і* средняго и мягкаго. Срв. въ малор. *міло*=великор. *мыло* и *міло*, причемъ малор. *мило* произносится съ среднимъ *и*: *и*ы или *ы*и: *мы*и*ло*, *ми*ы*ло*. Въ бѣлор. также, напримѣръ, *да хадзѣм*, малор. *ходім*, а не: *ходим*, наше: „пойдемъ“!—отъ другой основы. Срв. въ древне-бѣлор. *хвалѣте* и друг. (Карскій).

6) Исчезновеніе формъ *причастія* (=дѣепричастія) на *а*, *я*: *ведя* изъ *веда*, *неся* изъ *неса*, *учя* (орѳ. *уча*), *хваля* и под., вмѣсто которыхъ стали употребляться формы на: *учи*, *ючи*, *ячи* (морфологически-русскія формы имен. п. ед. ч. жен. рода краткаго окончанія), т. е. *сидючи*, *глядючи*, *пишучи*, *ходючи*, *играючи*, *ждучи* и под., причемъ *сидючи* и под. уже имѣютъ *ючи* вм. *ячи* по особенности произношенія рус. говоровъ, въ которыхъ окончанія 3-го лица мн. ч. наст. времени *атъ* и *ятъ* II-го спряженія въ произношеніи, *при неударяемости гласнаго звука этихъ окончаній*, переходятъ въ *утъ*, *ютъ*, т. е. въ I-ое спряженіе: *ходют*, *носют*, *возют* и проч. Срв. *сидят*, но: *сидючи* и под. выше.

7) Сохраненіе окончаній *ем*, *ех* древнихъ основъ на ъ (ĭ). Напр., въ др. русскомъ языкѣ: костьмъ, костьхъ, двьрьмъ,

дверьхъ и под. Въ малор. и бѣлор.: *костем, костех*; бѣлор. *сянёх, лошадёх, костёх* и др. Вмѣстѣ съ этимъ начинается распространеніе этихъ окончаній *ем, ех* и даже *ох* (изъ основъ на *й*: домъхъ, сынъхъ) на другія основы. Млр. *людёх, лісох, конёх*; блр. *кораблёх, калачóх, ў нутрóх, рублёх* и др.

8) Появленіе стяженныхъ формъ въ именахъ прилагательныхъ.

Напр., въ малор. вмѣсто *молодая дѣтина* мы имѣемъ: *молодá дитúна*; вм. *доброе—добре*, вм. *бѣлыјн—билы*; вм. *добрѣи*—въ дат. п. ед. ч. жен. рода—мы имѣемъ: *добріи*, откуда *добри* и проч. Въ бѣлор. мы имѣемъ: *бѣла, сѣра* (*утица*), *синю, чистó* вм. *чистое*; *вясёлы* вм. *веселые* и друг. под. Въ им. п. ед. ч. вмѣсто *ый, ій* мы находимъ и въ малор. и въ бѣлор.—*ы, и*: *сини, уолы, святы́, мáлы* и под.

9) Употребленіе, почти исключительное, окончаніе *у* въ мѣстн. п. ед. ч. словъ муж. и ср. рода, въ особенности въ словахъ на задненебную (гортанную) согласную. Млр. *в ýху, хлóпцю, весíллю, чоловíку* и др. Бѣлор. *ў полю, ў ýху, на коню́, при канцý, на кóнику, на рынку, на ры́ночку* и др.

10) Появленіе окончанія *е* вмѣсто *и* въ 3 лицѣ ед. ч. наст.-буд. времени глаголовъ типа *хвалúти*, т. е. во II спряженіи съ основой на-*и*. Малор. *уовóре, лю́бе, хóде*... Бѣлор. *косе, хóдзе, кýпе*...

Въ области синтаксиса.

1) Общее малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ образованіе описательной формы будущаго времени глаголовъ при посредствѣ присоединенія глагола *и́му, и́меш, и́ме (т)*... (наст. время отъ гл. *имѣти—имати*) къ формѣ неопр. наклоненія спрягаемаго глагола: малор. *звати + иму=звáтиму, звáтимеш, звáтиме, звáтимуть* и под. *Знáтиму, знатимуть*... *писáтиму, хвалитимеш*; бѣлор. *рабіціму* и друг.

2) Вытѣсненіе древнихъ формъ *двойств.* числа имен.-вин. падежа формами множ. числа въ именахъ муж. рода. Напр., малор. *два сыны, два козаки...* Бѣлор. *два браты, два паны, два ваўкі...*

3) Сохраненіе различія между формами родительнаго и винительнаго п. мн. числа въ названіяхъ животныхъ. Млр. род. *коні́в*, винит. *коні*; род. *рыб*, вин. *рыбы*. Бѣлор. *ко́няй* и *ко́ни, соба́к* и *соба́ки.*

4) Распространеніе мѣстоименной основы *як-* на счетъ *как* : млр. *які́й-то, як-небудь*: бѣлор. *якийся, яка́сь, яку́сь*, какъ и въ малорусскомъ.

5) Употребленіе предлога *за* съ вин. падежомъ при сравненіяхъ вм. нашего великорусскаго *чѣмъ* съ имен. падежомъ: малор. *„земля бильша за місяць"*; бѣлор. *„паме́ній за ѓуо"* = поменѣе, чѣмъ онъ; или: поменьше его.

6) Измѣненіе предлога *съ* въ *зъ* подъ вліяніемъ фонетическихъ причинъ и вызванное этимъ смѣшеніе предлога *съ* съ предлогомъ *изъ*. Напр., малор.-бѣлор. *з тых часів, з тоѓо року, з тоѓо разу; из нами, из вами; що с тоѓо, що из тоѓо* „я ўсё люблю с тѣста" (=изъ тѣста); „прі̆ѣхаў з ѓораду" (=изъ города) и под.

Въ области удареній.

1) Частый переносъ удареній *съ предлога на зависящее имя:* по лѣ́су, под но́ги, на сто́роны—въ бѣлор., на зе́млю, під ѓолову, на бе́ряг, до мо́сту, за ду́шу и др.—въ малор.

2) Формы женскаго рода въ причастіи на-*лъ* нерѣдко принимаютъ удареніе *средняго* рода. Напр., малор. спа́ла, бра́ла, жда́ла, взя́ла, да́ла, пода́ла, відда́ла и др. Бѣлор. спа́ла, зва́ла, бра́ла, ўзя́ла и друг. При предлогахъ удареніе съ предлога переносится *на корень во всѣхъ родахъ*: млр. порва́ла, наня́в, наня́ла, підне́сла, поме́р, ўме́р и под. Въ бѣлор. уме́р, адда́ли, падня́ли, приня́ли, заня́ў и под.

§ 52. б) Явленія, общія сѣвернорусскимъ (сѣверновеликорусскимъ) и среднерусскимъ (бѣлорусскимъ и южновеликорусскимъ) говорамъ. Т. е. явленія *всего* будущаго великорусскаго нарѣчія. Уже изъ этого видно, что общія явленія всей великорусской (*будущей*) рѣчи предполагаютъ собой продолжительную совмѣстную жизнь *въ прошломъ* у тѣхъ нарѣчій, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ такъ называемой Великороссіи и великорусскаго языка въ отличіе его отъ всей массы говоровъ такъ называемой Малороссіи и малорусскаго языка (см. *Крымскій*: Укр. Грамматика Предмова). Ясно, что, различая явленія, общія свр., ювр. и блр. нарѣчіямъ, съ одной стороны, и явленія, общія малорусскому и бѣлорусскому нарѣчію,—съ другой, мы тѣмъ самымъ отмѣчаемъ *общую судьбу* въ исторіи, въ жизни этихъ связанныхъ между собою общими явленіями нарѣчій, изучаемъ исторію этихъ говоровъ или эти говоры въ ихъ исторіи. Такимъ образомъ, мы строимъ *лингвистическія эпохи*: сѣверно-и среднерусскаго единства, съ одной стороны, и эпоху южно-западно-среднерусскаго единства,—съ другой. Только при такомъ построеніи, которое вытекаетъ само собой изъ данныхъ русской діалектологіи при сравнительно-историческомъ изученіи этихъ данныхъ, становятся понятными и объяснимыми сходныя и тождественныя діалектическія явленія въ области различныхъ русскихъ говоровъ. Чѣмъ болѣе близокъ одинъ говоръ къ другому, тѣмъ болѣе продолжительная была ихъ совмѣстная жизнь въ ихъ исторіи, въ ихъ прошломъ. И, наоборотъ, чѣмъ менѣе близокъ одинъ говоръ къ другому, тѣмъ менѣе продолжительна была ихъ совмѣстная жизнь въ прошломъ, тѣмъ ранѣе они отдѣлились другъ отъ друга и начали независимую жизнь. Эти выводы историко-сравнительнаго изученія русскихъ говоровъ подтверждаются и фактами русской политической и культурной исторіи, въ которой мы находимъ указанія на различныя политическія комбинаціи древнихъ русскихъ областей и племенъ въ періодъ отъ удѣльной Руси и

вплоть до образованія центральнаго Московскаго Государства въ XVI-мъ вѣкѣ съ его видоизмѣненіями, наступившими въ XVII-мъ вѣкѣ. Не надо только смѣшивать близость нарѣчій, образовавшуюся эволюціонной исторіей этихъ нарѣчій, съ близостью вслѣдствіе позднихъ колонизаціонныхъ насильственныхъ переселеній: послѣдняго рода близость всегда выдаетъ себя тѣмъ несоотвѣтствіемъ даннаго говора съ его сосѣдними говорами, какое замѣчается нерѣдко въ различныхъ областяхъ въ поздніе періоды русской исторіи, въ эпоху крѣпостной зависимости крестьянъ отъ воеводъ и помѣщиковъ.

Въ области звуковъ.

1) Переходъ дифтонгическаго сочетанія i͡e (ѣ) въ *е закрытое передъ мягкими* согласными и въ *е открытое въ другихъ случаяхъ*, т. е. передъ твердыми согласными и въ концѣ слова и фразы. Срв. сѣвернорусское и среднерусское произношеніе слова: ме́ра и ме́рить, де́ло и въ де́ле, се́ла и се́ли, на стале́ и „на стале́ лечь“ и проч. Фонетически слѣдовало бы изобразить эти различія въ произношеніи вышеприведенныхъ словъ и выраженій приблизительно такъ: *м'е́^{а}рӑ* и *м'е́^{і}рйт'*, *д'е́^{а}ло̆* и *вд'е́^{і}л'ĕ*, *с'е́^{а}лӑ* и *с'е́^{і}л'й*, *нӑ стал'е́^{а}* и *нӑ стал'е́^{і} л'е́^{і}ч'*. Срв. также *м'е́^{а}л* и *м'е́^{і}л'*. (Гротъ).

2) Переходъ звуковъ *ä*, *ö*, *ӥ*, *послѣ мягкихъ* согласныхъ въ *а*, *о*, *у*. (Срв. *болѣе ранній* переходъ этихъ же звуковъ *послѣ издревле смягченныхъ* звуковъ—выше, въ эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка, когда это звуковое явленіе было *общимъ*, а не діалектическимъ. Припомнимъ примѣры *колја* изъ колјä изъ колјä изъ колије—колиѥ; *жона* изъ žöna изъ ž'ena; *лицу* изъ licü—лицю и друг.). Теперь мы имѣемъ: среднерусское: *уцёк*, *пёс*, *нёс* подъ удареніемъ; сѣв.-русское: *нёс*, *нёсла́*, *сёло́*. Древне-русскія: *есмя*, *естя*; свр. и ювр. *меня*, *тебя*; діалект. сѣвернорус. *да́йтя*, *грузи́тя*, *е́стя*—3 л. ед. ч. (Ярослав. Пошехоп.).

Діалектически звуки *ö* и *ӱ* сохраняются *передъ мягкими* согласными, *особенно между мягкими согласными*: ювр. *т'öтя, бјöть, бјӱть, пјӱть* и под. Срв. выше. (*О. Брокъ.* Сборникъ II Отд. А. Н. Т. 83).

3) Вытѣсненіе (*нефонетическое*) звука *е* изъ ѣ звукомъ *ё*, восходящимъ къ *ö*. Напр., сѣвернорус. и среднерус. *вёдра* изъ *в'öдра* изъ *в'ёдра* изъ вѣдра. Такъ же: *гнёзда, убёг, звёзды* и друг. Срв. діалект. Казан. „вéдра", „звéзды" и др.

4) Появленіе звука *е открытаго передъ твердымъ* согласнымъ, съ одной стороны, и появленіе звука *е открытаго* изъ *е закрытаго* въ положеніи *передъ отвердѣвшею* согласною,—съ другой. Дѣло въ слѣдующемъ: звукъ *е открытый* былъ извѣстенъ въ разсматриваемыхъ говорахъ въ положеніи *передъ твердыми* согласными *и въ концѣ* слова (См. выше, въ этомъ же отдѣлѣ, пунктъ 1); подъ вліяніемъ этого *е открытаго* въ означенномъ положеніи *передъ твердыми* звукъ *е открытый* появился *и передъ отвердѣвшею* согласною *вмѣсто* звука *е закрытаго*, который былъ здѣсь еще *до отвердѣнія* согласной. Напр., старыя: коньць, отьць и под. имѣли ц *мягкое* даже и тогда, когда, въ эпоху наканунѣ распаденія русскаго языка, звукъ ь, какъ *сильный* ирраціональный, передъ этимъ ц, обратился въ звукъ *е* полнаго образованія, а конечный ь, какъ *слабый* ирраціональный, *исчезъ*, т. е. когда получилось: *конéц', отéц'*. Въ эту эпоху звукъ *е* былъ еще *закрытый*, п. ч. звукъ ц *не отвердѣлъ еще*, слѣдовательно, было: *кон'é^{i}ц', от'é^{i}ц'*, откуда въ говорахъ, гдѣ развилось въ связи съ измѣненіемъ характера и силы ударенія *аканье*, получилось *кан'é^{i}ц', ат'é^{i}ц'* съ *е^{i} закрытымъ*; когда же *ц* отвердѣло, то предшествующій звукъ *е^{i}* закрытое перешло въ *е^{а} открытое* подъ вліяніемъ *е^{а} открытаго* передъ искони твердымъ согласнымъ, напр., *с'е^{а}ло́, м'é^{а}ра*; такъ получилось: *кан'é^{а}ц, ат'é^{а}ц* и проч. Срв. діалект. *с'é^{а}м, в'é^{а}рх* и проч. Кромѣ того, звукъ *е^{а}* открытый появился *по звуковой аналогіи* въ нѣкоторыхъ

грамматическихъ формахъ вмѣсто звука *ё*, который отсюда былъ вытѣсненъ подъ вліяніемъ формъ, гдѣ звука *ё* не было, а былъ звукъ *е*^{і} *закрытый передъ мягкими* согласными въ грамматическихъ окончаніяхъ. Такъ здѣсь появились формы: ювр. и блр. *б'яр'е́*^{а}*м*, *в'яз'е́*^{а}*м*, *пл'яц'е́*^{а}*м*.

Въ формѣ *пл'яц'е́*^{а}*м* при произношеніи въ блр. звукъ *ц мягкій*, т. к. вообще въ бѣлорусскомъ нарѣчіи только старый звукъ *ц* отвердѣлъ, а *ц* изъ *т'* остался мягкимъ. Напр., *ц'яни́* (=тяни), но: *цана́*, *ац'е́ц* (=отецъ) и под. Въ сѣверно-великорусскомъ мы имѣемъ, хотя *рѣдко*, напр., *в'е*^{і}*д'е́*^{а}*м* и др. Срв. при этомъ въ ювр. и блр. *б'е*^{і}*р'е́*^{і}*т'* и *б'е*^{і}*р'е́*^{і}*ц'*, *в'е*^{і}*з'е́*^{і}*т'е*^{а} и *в'аз'е́*^{і}*т'е*^{а}, *в'аз'е́*^{і}*ц'а*; *пл'ат'е́*^{і}*т'* и *пл'ац'е́*^{і}*ц'* и под., гдѣ *е*^{і} *закрытое фонетически* въ положеніи передъ старыми *мягкими* согласными:—*ть* въ 3 л: ед. ч.,—*те* во 2 л. мн. ч. Что касается окончанія—*шь* и-*ши* во 2-мъ лицѣ *единств.* числа, то здѣсь о звукѣ *ш* мы то же можемъ сказать, что выше говорили о звукѣ *ц* такихъ словъ, какъ *отец* изъ *отецъ* и проч., т. е. звукъ *ш* былъ здѣсь *мягкимъ*, и, пока онъ былъ мягкимъ, формы въ родѣ *пляце́*^{і}*ш'* и под. имѣли передъ нимъ *е*^{і} *закрытое*, но когда звукъ *ш* отвердѣлъ, то получилось передъ нимъ *е*^{а} *открытое* подъ вліяніемъ звука *е*^{а} *открытаго*, стоявшаго передъ твердыми согласными, а частью оно въ этихъ случаяхъ перешло въ *ё* черезъ *о̆*, такъ что: *пл'я'ц'е́*^{і}*ш'*—*пл'яц'ёш* и *пл'яц'е́*^{а}*ш* въ блр.—и под. Такимъ образомъ, въ формахъ въ родѣ: *берёмъ* мы имѣемъ *фонетически* образовавшееся *ё* черезъ *о̆* изъ *е* передъ твердымъ согласнымъ, но въ произношеніи (ювр. и блр.) этой формы: *бере́*^{а}*м* мы уже имѣемъ *не фонетическое е*^{а}, появившееся здѣсь вмѣсто *е*^{і}, бывшаго въ формахъ: *бере*^{і}*ть*, *бере*^{і}*те* и под., гдѣ мы имѣемъ *фонетически* образовавшееся *е*^{і} закрытое. Стало быть, въ ювр. и блр. нарѣчіяхъ вытѣснено *ё* звукомъ *е*^{а} подъ вліяніемъ звука *е*^{і}, причемъ этому вытѣсненію способствовали въ разныхъ случаяхъ *отвердѣвшие* къ этому времени согласные изъ старыхъ мягкихъ. Такъ же образовались въ блр. нарѣчіи

уме́ᵃрли, прыне́ᵃсло подъ вліяніемъ *е*ⁱ въ *ум'е́ⁱр'ц'и, пры-н'е́ⁱс'ц'* и под.

5) Появленіе звука *е* вмѣсто *я* въ конечномъ открытомъ *ударяемомъ* слогѣ, развившееся благодаря установившемуся чередованію звука *е* открытаго *ударяемаго* и звука *е* открытаго *неударяемаго*, съ одной стороны, и совершенной единичности чередованія звука *а* (*я*) ударяемаго съ звукомъ *е* неударяемымъ. Напр., въ блр. мы имѣемъ вмѣсто: *спи́ця, бяжы́ця* и под. *спиц'е́, бяжыц'е́* подъ вліяніемъ чередованія *е́* и *е* въ *пляц'е́* и *ѣд'з'е*, откуда, съ одной стороны, *пляц'и́ц'е, заве́ц'е*, какъ *ѣд'з'е*; съ другой,—*спиц'е́, бяжыц'е́*, какъ *пляц'е́* и под. Въ свр. нарѣчіи: *хотите́, ѣдите́, несете́* подъ вліяніемъ формъ *хо́дите, игра́ете* и др. со звукомъ *е* неударяемымъ при формахъ: *веде́, бере́*, но: *ѣде, со́хне, ста́не, бу́де* и под. Срв. *бѣлор. діалектическое: спи́ц'ё*, великор. *хоти́тё* вмѣсто: *спиця́, хотитя́* подъ вліяніемъ чередованія *ё* съ неударяемымъ *е*. Срв. *по́ле* и *по́лё* при *несё* и под.

6) Измѣненіе *сильно*-ирраціональнаго *ъ* передъ *й*, въ *ӧ*, *не смягчавшее* предшествовавшей согласной. Такъ образовалось здѣсь: *добрӧй, слѣпӧй, мӧю* изъ *добрый, слѣпый, мыю.* Изъ этого звука *ӧ въ сѣвернорусскомъ и восточномъ среднерусскомъ* образовалось *о*: *доброй, слѣпой, мою*; а *въ западномъ среднерусскомъ* (и нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ, хотя очень рѣдко) изъ этого *ӧ* образовалось *э*: *добрэй, слѣпэй, мэю.* Діалектически въ юврр. (среднерусскомъ) сохраняется звукъ *ӧ* изъ *ы*: Калуж. Жиздр. (Шахматовъ)—*мӧю, крӧю* и друг.

Въ области формъ.

1) Стремленіе къ еще большему сближенію твердыхъ и мягкихъ основъ въ склоненіи. См. выше діалектическія явленія въ области формъ въ эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка. Отсюда возникло *вытѣсненіе звука* ѣ въ имен.-вин. п. множ. ч. жен. рода и въ род. п. ед. ч.

жен. рода и въ вин. п. мн. ч. муж. р. мягкихъ основъ: *кони*, *ужы*, вм. *конѣ*, *ужѣ*, *мужѣ* и под.; *землй*, *душы* вм. *землѣ*, *душѣ*. Рядомъ съ этимъ въ твор. п. ед. ч. жен. рода мы видимъ *ёю* вм. *ею*: *землёю*, *душóю*, *семьёю* и под. Въ блр. даже въ мѣстоименіяхъ: *таёю*, *ўсёю*, *маёю*, *тваёю* и под. Срв. въ твердыхъ основахъ: *горóю*, *водóю*, *тьмóю* и под. Далѣе, вслѣдствіе наступившаго при этомъ совпаденія трехъ формъ въ падежахъ женскаго рода, именно, *землй*—для *род.*, *дат.* и *мѣстнаго* ед. числа, всѣ эти три падежа получили возможность имѣть и *въ другихъ основахъ* женскаго рода *общее окончаніе*: напр., въ великор. и бѣлор. нарѣчіяхъ окончаніе—*ой* именъ прилагательныхъ стало переноситься изъ род. п. ед. ч. жен. рода въ дат. и мѣстный падежи ед. числа. Такъ получилось: *молодой* въ род., дат. и мѣстн. п. ед. ч. жен. рода изъ формы первоначально только *род. падежа*: *молодыѣ*—*молодыіе*—*молодоіе*—*молодой*—*молодой*. (О звукѣ *о* изъ *ы* см. выше). Эта форма *молодой* (*молодые*—*молодыіе*—*молодоіе*) стала формой и дат. и мѣстн. падежа, кромѣ родительнаго. Такъ объясняется появленіе формы *молодэй* въ говорахъ, имѣющихъ *э* изъ *ы* передъ *й*. Напр., ювр. *маладэ́й*—Калуж., Тульск., Орловск. губ. Бѣлор. *улупэ́й*, *дурнэ́й*, но: *чюжый*. Сѣверновеликор. *сѣрэй*, *другэ́й*.—Олонец. губ. Самыя окончанія род. п. ед. ч. жен. рода прилагательныхъ, т. е.-*ый*, откуда *ой*,—*ой* (см. выше) въ великор. и бѣлор. говорахъ явились *нефонетически* вмѣсто-*ые*,—*ое* изъ *ыѣ*,—*оѣ* подъ вліяніемъ формъ дательнаго и мѣстнаго п. ед. ч. на-*ой*. (Срв. выше сказанное объ образованіи *членныхъ* прилагательныхъ въ русскомъ языкѣ въ эпоху общерусскаго единства въ отличіе отъ образованій общеславянскаго періода. *Здѣсь же* необходимо различать распространеніе окончаній-*ой* на формы род. падежа ед. ч. именъ прил. женскаго рода *въ болѣе раннюю эпоху* отъ распространенія окончаній-*эй* (черезъ-*ой* изъ-*ый*—*ыѣ*—*ыіе*) въ *діалектахъ* среднерусскихъ и сѣвернорусскихъ нарѣчій съ родительнаго падежа на дат. и мѣстный

п. ед. ч. жен. рода *въ болѣе позднюю эпоху*). Равнымъ образомъ въ этихъ же говорахъ, въ противоположность малорусскимъ говорамъ, окончаніе твор. падежа ед. ч. жен. рода-*ою* перешло въ-*ой нефонетически*, а подъ вліяніемъ *стремленія сблизить по числу слоговъ* форму твор. падежа съ формами другихъ падежей ед. числа. Срв. влр. и блр. *молодой—молодою*. Произносится: *мăладóй*. Или: *травой* (два слога)—*травою* (три слога). Срв. по количеству слоговъ въ этомъ словѣ прочія падежныя формы ед. числа: *трава, травы, травѣ, траву, травѣ* (во всѣхъ формахъ по *два* слога), но твор. п.—*травою* (*три* слога); вотъ почему сокращеніе одного слога въ формѣ твор. п., именно, въ формѣ-*травой* (*молодой, золотой, доброй* и проч. въ трехъ падежахъ) образовало собой полное *уравненіе всѣхъ падежныхъ формъ* ед. числа жен. рода по количеству слоговъ.

Далѣе, подъ вліяніемъ чередованія окончаній-*ой* и-*ŏй* (-*эй*) въ род., дат. и мѣстн. падежахъ ед. числа въ твор. падежѣ ед. числа явилось также-*ŏй* вмѣсто-*ой* изъ-*ою*. Напр., блр. *старэй бабэй*, юврв. *съ аднэй*, свр. *под плитэй* въ Олонец. губ. (Шахматовъ). Точно такъ же и въ формахъ имен.-вин. п. мн. ч. вмѣсто-*ые фонетически* должно было бы явиться-*ŏе*, но звукъ *ŏ* и въ великор. и въ бѣлор. уступалъ мѣсто звуку *ы* полнаго образованія, который былъ заимствованъ изъ *именного* склоненія; срв. *трáвы, вóды, жóны, дóбры, чúсты* и проч. Однако въ блр. діалектахъ извѣстно и: *нашнэя, унилэя, мăладэя* и проч. при: *нашныя, мăладыя* и под. (См. *Добровольскаго*. Смоленскій Сборникъ). Нѣчто подобное мы имѣемъ и въ Поволжскихъ губерніяхъ: *крутэя, такéя* и проч.—изъ говоровъ южновеликорусскихъ.

2) Смѣшеніе твор. и мѣстн. падежей ед. ч. въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ муж.-ср. рода. Напр., блр. *ф тѣм, на сúвым, ў другúм*; „*номер за ём*“ (=за нимъ, т. е. остался)—въ Казан. губ. Лаишев. у., „*в Лядскúм садúки*“, „*во фторым доми*“—Казан. губ. (Срв. *въ третьимъ*, гдѣ по

условіямъ ударенія формы твор. падежа и мѣстнаго дѣлаются тождественными въ звуковомъ отношеніи въ ювр. говорахъ, откуда и въ Казанскомъ: *„ф трéтъјим дóми“* и *„трéтъјим дóмъм“* изъ: *третъимъ*—твор. п. и *третъемъ*—мѣстн. п.). Срв. также въ великор. говорахъ: *в ним, ф такúм слýчаѣ*; но: *с нёмъ, за ёмъ, въ тѣмъ, въ такéмъ, въ нóвымъ* и мн. др.

3) Мы помнимъ, что еще въ общерусскую эпоху ранняго періода (прарусскаго) звукъ *е* остался *неизмѣненнымъ* отъ общеславянскаго періода *только* въ положеніи послѣ ḭ въ конечномъ открытомъ слогѣ слова, напр., *доброḭе*, тогда какъ во всякомъ другомъ положеніи, вслѣдствіе развитія *лабіализаціи* въ русскомъ языкѣ этой эпохи, звукъ *е* обратился въ *ӧ*, откуда потомъ-*о*. Это *ӧ* мы видѣли и въ серединѣ слова и въ концѣ его послѣ новыхъ *палатализованныхъ русскихъ* согласныхъ звуковъ и послѣ *издревле смягченныхъ согласныхъ*, стало быть, и послѣ *ј*. Припомнимъ примѣры: *јӧго, јого*; *лицӧ, лицо, јӧму, јому,* наконецъ, вслѣдствіе уже бывшаго чередованія, а потомъ и смѣшенія звуковъ ḭ и *ј* въ русскомъ языкѣ этой отдаленной эпохи, мы видѣли и *твојӧ—твојо*. Теперь замѣтимъ, что вотъ это самое *е*, которое долѣе другихъ звуковъ *е* сохранялось неизмѣненнымъ, именно, въ положеніи послѣ ḭ въ конечномъ открытомъ слогѣ, теперь въ формахъ имен.-вин. п. ед. ч. средняго рода замѣнилось окончаніемъ *ё послѣ гласной* въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ. Напр., *дóброё (дóбројо), моё (мојó)* и друг., чего мы не видимъ въ малорусскомъ, гдѣ продолжаетъ существовать: *мoé, дóброе, твоé, своé* и под. Это великорусское *ё (јо)*, какъ діалектическое, образовалось довольно поздно и могло быть заимствовано изъ болѣе старыхъ произношеній, какъ: *лицó, плечó, яйцó* и проч. См. выше. Въ влкр. и бѣлор. мы имѣемъ: *маё* при *діалектическомъ* бѣлорусскомъ *маé, таé* и проч. Отсюда и въ формахъ род. ед. ч. жен. рода въ великор. мы имѣемъ: *моеё, своеё* вмѣсто *моеé, своеé* и под. изъ древняго: *моеѣ, своеѣ*—моѥѣ, своѥѣ; стрсл. моѥѩ, своѥѩ.

4) Такъ же подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ: *лицó*, *плечó* и друг. под. произошло вытѣсненіе ударяемаго *я́* въ им.-вин. п. ед. ч. именъ средняго рода. (Объ этомъ *я* см. выше въ эпохѣ непосредственно передъ распаденіемъ рус. языка). Напр., діалектическое общерусское *житья́*; срв. малор. *життя́* и под. Или: *рытья́*, древ. малор. *вырытя* и под. теперь въ разсматриваемую эпоху, перешли въ: *рытьё*, бѣлор. *жыцьц'ё*; *житьё* и друг. Отсюда появилось *ё* и въ бѣлорусскомъ: *мужьё*, *звярjó*, *жард'з'ьё* и др. Въ великор. діалект. мы имѣемъ: *кумовьё*, однако при: *кумовья́*.

5) Распространеніе основъ на-*ыва*,—*ива* въ глаголахъ, причемъ коренное *о* въ глаголѣ замѣняется звукомъ *а* (ударяемымъ) при подобныхъ образованіяхъ многократнаго учащательнаго вида глагола въ *великорусскихъ* говорахъ въ противоположность *малорусскимъ* говорамъ, гдѣ это *а* изъ *о* (однократнаго несовершеннаго вида глагола) почти неизвѣстно, а вмѣсто-*ыва*, — *ива* являются въ малор. говорахъ-*ува*,—*юва*. Напр., влр. *зана́шивать* (носить), *поха́живать* (ходить), *отмора́живать* (отморóзить) и др. Въ бѣлор. мы находимъ: *заγáливаць* (заголить), *заγáрнываць* (загорнуть), *ула́мливаць* (уломить) и друг. Если въ малор. мы видимъ иногда подобное, напр., *прыγовáрuваты*, то это почти всегда подъ вліяніемъ великорусскаго и бѣлорусскаго.

6) Появленіе формъ со звуками *к*, *г*, вмѣсто *ч*, *ж*, въ личныхъ формахъ глагола съ основой на задненебные—гортанные звуки *к* и *г*. Напр., влкр. *пекётъ*, *пекётъ*; блр. *пякéц'ъ* и др.

Въ области синтаксиса.

Въ этой области замѣтимъ *потерю формъ рода и падежей въ сравнительной степени*, которая обратилась въ *нарѣчіе*, употребляемое и въ качествѣ *сказуемаго-прилагательнаго*. Напр., въ великор. и бѣлор. „правда *свѣтлѣе* солнца“,

„этотъ домъ *свѣтлѣе* того“, „это стекло *свѣтлѣе* того“, „эти дома (окна, двери) *свѣтлѣе* другихъ“ и т. п. Здѣсь мы видимъ форму сравн. степени *свѣтлѣе* въ роли сказуемаго—прилагательнаго, однако безъ всякаго согласованія въ родѣ или числѣ съ подлежащимъ, т. е. въ формѣ неизмѣняемой части рѣчи—нарѣчія. Срв. *добрѣе*, *лучше* и под. Въ роли нарѣчія: онъ сидитъ *крѣпче*, ходитъ *быстрѣе* другихъ и т. под. Такимъ образомъ, здѣсь *сравнительная степень*, потерявъ свое измѣненіе по родамъ, числамъ и падежамъ, *превратилась въ нарѣчіе.*

§ 53. в) Явленія, общія сѣвернорусскимъ (сѣверновеликорусскимъ) и восточно-среднерусскимъ (южновеликорусскимъ) говорамъ.

Въ области звуковъ.

1) Переходъ звука *ö*, образовавшагося изъ-*ы* (см. выше), въ звукъ *о*. Напр., свр. и ювр. *мою*, *крою*, *ною*, *вою*, *доброй*, *сильной*, *слѣпой*, *глухой*. Путь, пройденный этими звукосочетаніями, стало быть, былъ такой: мыю—мöю—мою; добрын—добрöй—доброй. Срв. выше III-й отдѣлъ, пунктъ Б, подраздѣленіе *б*, статья *6* въ области звуковъ (§ 52).

2) Переходъ сильно-ираціональнаго *и* передъ i̯ въ *е*. Напр., *пей*, *шея*, *бей* и под. изъ болѣе раннихъ: *пий*, *ший*, *шия*, *бий* и под. Срв. древне-рус. пии, шии, шиѩ, бии изъ *pii̯, *šii̯a (*šíja. См. § 38), *bii̯ и под. Сравните съ этимъ переходомъ сильно-ираціональнаго *и* передъ i̯ въ *е болѣе ранній* (см. выше) переходъ сильно-ираціональнаго *ы* передъ i̯ (=*ый*) въ *ö* (откуда *öй*, а затѣмъ-*ой*). Такимъ образомъ, мы имѣемъ: *добрый*: *бий*=*добрöй*: *бей*=*доброй*: *бей* и под.

3) Переходъ сильно-ираціональныхъ *ы* и *и*, происшедшихъ изъ древнихъ ъ и ь (см. отдѣлъ II. а. 1) въ положеніи ихъ среди группы согласныхъ по аналогіи съ родствен-

ными образованіями, еще въ эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка, въ звуки *о* и *е*. Напр., *блоха*, *дрожать*, *крошить*, *гремѣть*, *тревога*, *трезвонъ*, *слеза* и др. въ противоположность малорусскому и бѣлорусскому, гдѣ мы имѣемъ въ этихъ случаяхъ *ы* и *и* *полнаго образованія*. См. выше: *блыха*, *дрыжать*, *тривога*, *слиза* и проч. Произношеніе *крышить* извѣстно и въ Новосильск. уѣздѣ Тульск. губ. и въ Орлов. губ. Брянскаго уѣзда. Ср. „крыхшечка" у Шевченка „Катерина". (См. мои изслѣдованія о говорахъ Тульской губ. и о говорахъ Орловской губ. Спб. 1898 г. и Спб. 1904 г., а также мое изслѣдованіе о нѣкоторыхъ говорахъ Тульской и Калуж. губ. Спб. 1897 г.).

4) Отвердѣніе *ж* и *ш*, которое однако произошло *не повсемѣстно*, но, если это отвердѣніе произошло, то въ соотвѣтствующихъ свр. и ювр. говорахъ предшествующій этимъ, *отвердѣвшимъ ж* и *ш* звукъ *е* измѣняется въ *ё*. Напр., *лёжа*, *одёжа*, при бѣлор. *адзежа*, *надёжа*, *Мёша*, (рѣка въ Тульск. губ. и въ Каз. губ., Каз. уѣзда), *мёжы*, *молодёж*, *падёж*, *втерпёж*, *кутёж*, *правёж*, *идёш*, *умрёш*, *Стёша*, *Матрёша*, *врёш*, *орёш*, *Олёша* (*Алёша*—въ акающихъ говорахъ), *жжош* изъ *ж'ж'еш'*, *жгу—жъгу*; *жжешь—жьжеши—жъжешь*. Здѣсь *ъ слабо*-ирраціональный звукъ. См. выше). Срв. *иностранныя* въ родѣ: *манёж* и под. Но: *ёж* и друг.

5) *Болѣе позднее* отвердѣніе звука *ц*, но тоже *не повсемѣстное*. Напр., *коне́ц*, *оте́ц*, *молоде́ц*, *ове́ц*, *рѣзе́ц* и мн. др. См. выше III. Б. б. 4—*общевеликорусскія звуковыя явленія*: появленіе звука *е* открытаго передъ *отвердѣвшею* согласною, а потомъ, по аналогіи, и передъ *твердою*.

6) Сохраненіе звука *ч* *мягкаго* вообще; только кое-гдѣ изъ свр. и ювр. говоровъ звукъ *ч* отвердѣлъ. Напр., въ Казанск. губ. говорятъ: *утшы́сь*, *тшысло́*, нетшы́сто, звутшы́т—Свіяж. уѣздъ и др. и под.

7) Смягченіе задненебныхъ звуковъ *г, к, х* въ положеніи ихъ послѣ мягкаго гласнаго или согласнаго. Это явленіе, хотя и очень распространено въ разсматриваемой группѣ нарѣчій, но всетаки оно здѣсь *діалектическое*, а не повсемѣстное. Напр., *чяйкю, ру́ч'кя, хозяйкя, Ма́н'кя, Ва́р'кя, Аку́л'кя, шо́йкя, О́л'гя, (Во́л'гя,) Ду́н'кя, вал'хя́, (ольха́), све́р'хю, вер'хё́м, ка́чяр'гё́й, сер'гя́* и мн. др. под. Это явленіе извѣстно въ свр. говорахъ Ярославской, Вологодской, Костромской, Вятской, Новгородской губерній. Въ юврр. говорахъ Калужской, Тульской, Орловской, Рязанской, Курской губерній. Но *непремѣнное условіе* этого звукового явленія *наличность* предшествующаго *мягкаго* гласнаго или согласнаго звука: этимъ предшествующимъ *мягкимъ* и обусловлено *смягченіе задненебнаго*, вопреки мнѣнію *Соболевскаго*, который до 3-го изданія (1903 г.) своихъ „Лекцій" не признавалъ въ данномъ фонетическомъ явленіи рѣшающаго значенія за предшествующимъ мягкимъ согласнымъ или j (į). Срв. „Лекціи" *Соболевскаго* 1903 [3]. Стр. 130—131 и мое изслѣдованіе: „Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій". Варшава. 1892 г. Вообще, это фонетическое явленіе у Соболевскаго изложено неправильно (ib. Стр. 130): др. русскія *легонке, Степанкя, Володке, толке, Наскя, Ивашкя*,—въ грамотахъ, а равно и современные Вологодскіе, въ Кадниковскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ, въ потомкахъ древняго двинскаго говора,—*матушкя, матушкю, наверьхю́*, и друг. предполагаютъ предшествующіе *мягкіе* звуки: *легоньк*я, *полего́ньк*ю, *потихо́ньк*ю (Казан., Симбир., Самар. губ.), *Степанькя* срв. *Степа́ня* и *Степани́да*, срв. *ба́нькя, Ва́нькя* при *Ва́ня; Во-ло́дькя—Воло́дя, то́лькя, ско́лькя*, (далѣе: *то́льки, ско́льки*), *На́ськя* срв. *На́с'т'а, Ива́шькя, Яшькя* (срв. фамилію *Яш'ина* съ рѣзко означеннымъ въ говорѣ Свіяж., Лаишев. у.у. Казан. губ. и въ Котельнич. у. Вят. губерніи звукомъ *ш* мягкимъ). Равно и *матушькя, матушькю* и др. Срв. здѣсь же: *Ма́ш'я, Са́ш'я* почти *Са́ш'ш'а* и под. Такимъ образомъ, *независимо*

отъ современной ореографіи, вовсе не передающей часто собой живого произношенія, всѣ *мягкіе, смягченные задненебные* предполагаютъ собой въ указанныхъ выше и подобныхъ случаяхъ предшествующіе имъ *мягкіе* звуки, *подъ вліяніемъ которыхъ* и произошло смягченіе задненебныхъ согласныхъ въ концѣ словъ. Это смягченіе, очевидно, развилось еще въ то время, когда звуки *ш, ж, ц* были еще *мягкими* въ означенныхъ выше говорахъ. На это же указываютъ и современные Вологодскіе говоры, въ которыхъ мы находимъ: *замо́ръскёй, молоде́цъкёй, купе́цъкюю* и друг. (Литературу по діалектологіи означеннаго выше района см. въ концѣ настоящей книги, моего курса). См. также *О. Брокъ.* Говоръ Вологод. г. Тотем. у. Сборникъ II отд. А. Н. Т. 83. Срв. *ку́чъкя* и *ку́цъкя, ку́чъкю, бо́чкю* и под. Звукъ *ч* остался мягкимъ, а въ цокающихъ говорахъ и звукъ *ц* былъ въ чередованіи съ *ч*.

8) Смягченіе губныхъ звуковъ передъ мягкими задненебными согласными. Срв. *ла́ф'ки, ла́п'ки, дѣ́ф'ки, ша́п'ки, про́п'ки, рюм'ки, су́м'ки* и друг. под. (*Брокъ.* ibid.).

Въ области формъ.

1) Полное сближеніе твердыхъ и мягкихъ основъ. Отсюда—утрата мѣстнаго пад. ед. ч. на-*и* и на-*ю* въ мягкихъ основахъ и замѣна его окончаніемъ на-*ѣ*. Напр., *на конѣ, въ лицѣ, при концѣ* и друг. Здѣсь лишь въ словахъ на-*ъе́* сохранилось окончаніе мѣстн. п. ед. числа—*ъй* (обыкновенно *только* при *ударяемомъ* окончаніи въ *литературномъ* нарѣчіи и произношеніи). Напр., *въ забытъй*, но: *въ уче́нъѣ* и *въ уче́нъи* и проч. Срв. однако въ бѣлор. *на коні́, ў по́лю, на караблі́, при цару́* и друг.—выше. Однако въ Ряз.-Скоп. *при каньцу́* и др. Отсюда же и переходъ мягкихъ основъ въ твердыя: *у сестрѣ, ăт жанѣ, ăт вадѣ* и др. При отсутствіи ударенія на окончаніи въ этомъ случаѣ слышится на концѣ *и* съ предшествующимъ *мягкимъ* согласнымъ. Напр.,

„*с Вѐр'ди* лёд". (*Вѐрда*—рѣка въ г. Скопинѣ Ряз. губ.). Это—изъ: *съ Вѣрдѣ*, откуда конечное неударяемое *ѣ=и* вмѣсто: *съ Вѣрды*. Срв. *с ъіви* вм. *с ъівѣ—съ ивы*. У *звяздѣ*, *ăт зимѣ*; срв. въ дат. ед. *г зѝми=къ зимѣ*. Такому вторженію окончаній мягкихъ основъ ѣ въ твердыя основы (*а*): *у сестрѣ* вм. *у сестры* по аналогіи съ род. падежомъ ȥємлѣ, волѣ, доушѣ и проч. содѣйствовало и способствовало тождество окончаній род.-дат.-мѣстн. п. ед. числа въ именахъ прилагательныхъ жен. рода. Сравните бывшую *древнюю* форму род. п. ед. числа жен. рода именъ съ мягкою основою ȥємлѣ въ то время, какъ дат. и мѣстн. падежи ед. числа отъ этого слова еще были ȥємлн, и эту же форму ȥємлѣ въ эпоху сближенія твердыхъ и мягкихъ основъ, когда твердыя основы, оказавъ воздѣйствіе на мягкія, при старой еще формѣ родительнаго падежа ȥємлѣ, дали уже въ дат. и мѣстн. падежахъ этого слова по аналогіи съ водѣ тоже ȥємлѣ, т. ч. получилось тождество трехъ падежей ед. числа этихъ основъ въ формѣ ȥємлѣ для род., дат. и мѣстн. падежей ед. числа. Это тождество трехъ формъ для трехъ разныхъ падежей одного и того же имени въ одномъ и томъ же ед. числѣ, вѣроятно, и послужило ближайшей причиной *полнаго* сближенія твердыхъ основъ съ мягкими, въ силу котораго род. падежъ долженъ былъ принять окончаніе *ы* (воды), которое послѣ *г*, *к*, *х* уже въ эпоху непосредственно *передъ* распаденіемъ русскаго языка стало замѣняться звукомъ *и*, вслѣдствіе измѣнившагося качества задненебныхъ согласныхъ *г*, *к*, *х*, а потому рядомъ съ формою воды мы видимъ род. п. ед. ч. *книги*, *рѣки*, *ухи* и под., откуда и въ мягкихъ основахъ ȥємлн, доушн, волн, ноужн и проч. при дат. и мѣстномъ п. ед. ч. тоже по твердому склоненію: ȥємлѣ, доушѣ, волѣ, ноужѣ, которыя такъ и остались до сихъ поръ: *землѣ*, *душѣ*, *волѣ*, *нужѣ* (но вмѣсто этого церковнославянское слово—*нуждѣ*). Такимъ образомъ, род. п. ȥємлѣ *старая* форма, а дат. и мѣстн. п. ед. ч.

землѣ—уже формы сравнительно *новыя*. Замѣчательно, что *формы род. п. ед. ч.* типа ꙁемлꙗ вм. ꙁемлѧ появляются въ памятникахъ письменности *уже съ XI-го вѣка, и въ это же время* появляются въ помятникахъ *и формы дат.-мѣстн. п. ед. ч.* типа ꙁемлѣ вм. ꙁемли, такъ что памятники даютъ намъ доказательство *параллельнаго* существованія въ русскомъ языкѣ всѣхъ формъ (род.-дат.-мѣстн. ед. ч.) именъ мягкаго склоненія жен. рода по образцу именъ соотвѣтствующихъ твердаго склоненія, но *въ то же время* древній русскій языкъ вплоть до XIѴ вѣка включительно, какъ видно изъ тѣхъ же памятниковъ письменности, употребляетъ и *старыя* формы отъ этихъ же основъ, т. е. съ XI до XIѴ в. въ русскомъ языкѣ существовали *параллельно* и *формы* именъ жен. рода мягкаго склоненія въ род.-дат.-мѣстн. п. ед. ч. *стараго образца*: ꙁемлѧ—ꙁемли—ꙁемли, и соотвѣтственныя формы соотвѣтственныхъ падежей *новаго образца*, т. е. по твердому склоненію: ꙁемли—ꙁемлѣ—ꙁемлѣ Этимъ продолжительнымъ параллельнымъ существованіемъ въ языкѣ формъ типа мягкихъ основъ и типа твердыхъ основъ при склоненіи одного и того же слова съ мягкой основой на-*ja* женскаго рода объясняется и раннее *обратное явленіе*, т. е. вліяніе мягкихъ основъ на-*ja* жен. рода на твердыя основы, вліяніе, которое извѣстно уже памятникамъ XI вѣка: при форхахъ с ꙁемлѧ появились и формы с высотѧ, а при формахъ с ꙁемли появились и формы с рѣки и *с ызи* (=*съ ивы*); при формахъ дат. и мѣстн. ед. ч. (на) ꙁемли появились и формы *к ызбы*, *на воды* и проч. А вмѣстѣ съ этимъ существовали и формы въ родѣ *к ызбѣ, на водѣ, на землѣ, в ызбѣ, к водѣ, к землѣ* и *от земли, у воды, от ызбы, от души* и под. Вотъ почему мы и констатируемъ *полное сближеніе твердыхъ и мягкихъ основъ отъ именъ жен. рода въ ед. числѣ*. Такъ, въ Минеѣ 1095 г.: *преподобьныя Еѵфросиниі*—192. Въ Житіи Ѳеод. Печ. по сп. XII в. *отъ судии*—36 об. Въ Прологѣ 1270 г.

не створивъ воли—80. Но рядомъ съ этимъ мы еще въ Лавр. Лѣт. 1377 г. часто находимъ: ꙁемлѣ, доушѣ и др. Въ той же Минеѣ 1095 г. мы имѣемъ: *въ ветъсѣ одежѣ*—93. *святѣи госпожѣ Богородицѣ*—въ Записи. Въ Милятиномъ Ев. 1215 г. *на землѣ*—88. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: *по нуже*—13. Въ Духовной Сем. Гордаго: *дядѣ, даю своки княгинѣ* и др. Но рядомъ съ этимъ еще въ Духовной Ив. Калиты 1327 г.: *княгини*—форма дат. п. ед. числа. Въ Минеѣ 1096 г. мы находимъ: *съ высотѣ*—64. Въ Рус. Правдѣ по сп. 1282 г.: *по полу гривнѣ*. Въ Договорѣ Новгорода съ Тверью 1371 г.: *с ыноѥ сторонѣ*. Въ Двинской рядной записи XIV—XV в.: *до женѣ*. Въ Ипат. сп. Лѣтописи XV в. *изъ Москве*—407. При *неударяемомъ* же *ѣ* мы видимъ въ род. падежѣ *и*, и вліяніе мягкой основы на твердую дѣлаетъ форму род. падежа отъ твердой основы, испытавшей на себѣ вліяніе мягкой, по виду вторично похожей на форму род. падежа *твердой* основы. Напр., сравните: *из Москвé—из Москвѣ* (вліяніе мягкой основы), *с ѵівѣ* (вліяніе мягкой основы), откуда при неударяемомъ конечномъ *ѣ—и*: *с ѵіви* (по виду подобно формѣ *землй, вóли* и проч., т. е. вліяніе твердой основы). Срв. *у рыби, отъ мáми* изъ *у рыбѣ, отъ мамѣ* вм. *у рыбы, отъ мамы* и по аналогіи съ такими формами, какъ *кнйги, рѣкй, ухй*, а также съ такими, какъ *у няни, у Натальи, для Вани* и проч. При этомъ не надо забывать и тождества трехъ падежей въ склоненіи именъ прилагательныхъ жен. род. въ ед. числѣ: *доброй*—род., дат., мѣстн. п. ед. ч. и *синей*—тоже.

2) Исчезновеніе древнихъ формъ склоненія основъ на задненебные согласные, гдѣ вмѣсто *г, к, х* стояли прежде *з, ц, с*. Напр., *рукѣ, дорогѣ, ўхѣ, лавкѣ, ученикѣ, порогѣ, Богѣ* и др.

3) То же произошло и въ формахъ повел. наклоненія съ такими основами, гдѣ мы видимъ нынѣ средненебные согласные *к, г* вмѣсто старыхъ *ц, з*. Напр.; *пеки, береги, сте-*

реги, *бъги*, *теки*, и под. вмѣсто старыхъ: *пъии*, *березu*, *стерези*, *бъзи*, *теци* и под. Срв. въ блр. и млр. *печи*, *стережи* и др.

4) Формы *двойств. ч.* муж. рода на-*а* получаютъ *значеніе множ. числа*, когда отличаются удареніемъ отъ род. п. ед. числа. Напр., *города́* (при род. *го́рода*), *паруса́* (при род. *па́руса*), *глаза́* (при род. *гла́за*), *рога́* (при род. *ро́га*) и друг. У Пушкина въ раннемъ періодѣ однако есть еще и *ро́ги*. Срв. *бока́* (при род. *бо́ка*) и въ поговоркѣ: „руки *въ бо́ки*, глаза́ въ потоло́ки". (Изъ этой поговорки, между прочимъ, видно, что древнее потолокъ, имѣя послѣ л звукъ *о* полнаго образованія, должно было и въ другихъ падежахъ имѣть это *о*, т. е. когда то измѣнялось такъ: *потоло́къ*,—*потоло́ка*,—*потоло́ку* и т. д., *потоло́ки*, *потоло́ковъ* и т. д. Срв. *ледъ*,—*леда*,—*леду* и т. д. Въ надписи на Тмутороканскомъ камнѣ 1068 г.: *по леду*. Срв. *ровъ*, *рова*, *рову* и т. д. Вмѣсто этихъ старыхъ формъ нынѣ: *льда*, *льду* и т. д., *рва*, *рву* и т. д. по аналогіи съ *сна*, *сну* и т. д. или *льна*, *льну* и т. д., хотя въ словахъ ледъ и ровъ никогда не было ирраціональныхъ ъ и ь въ коренномъ слогѣ, между тѣмъ какъ въ словахъ льнъ, сънъ всегда были ирраціональные ь и ъ въ коренномъ слогѣ. Это смѣшеніе формъ произошло, какъ слѣдствіе исчезновенія *слабыхъ* ирраціональныхъ и перехода *сильныхъ* въ *о* и *е*, начавшагося еще въ эпоху до распаденія русскаго языка, когда и образовались новые ряды формъ косвенныхъ падежей съ исчезнувшими ъ и ь и съ звуками *о* и *е* при одинаковыхъ формахъ имен. падежа со звуками *о* и *е* изъ сильныхъ ирраціональныхъ ъ и ь. Срв. *сонъ* и *ровъ* въ им. падежѣ, но *сна* и *рова* въ род. и проч. падежахъ; или: *ленъ* и *ледъ* въ им. падежѣ, но *лна* и *леда* въ род. и прочихъ падежахъ. Отсюда могли образоваться новые ряды: *сона и рва (какъ нынѣ), съ одной стороны, и *лена и льда (какъ нынѣ),—съ другой. То же: *потоло́ка* и *потолка́*, или: *потоло́ки* и *потолки́*. Такимъ образомъ, мы видимъ въ *свр.* и *юվр.* говорахъ имен.

п. мн. ч. муж. рода на-*á* (ударяемое) въ отличіе отъ формы род. п. ед. ч. этихъ именъ съ тѣмъ же окончаніемъ-*а*, только *неударяемымъ*. Совпаденіе этихъ формъ *по ударенію* представляется крайней рѣдкостью въ разсматриваемыхъ говорахъ русскаго языка. Напр., *рукавá* и им. п. мн. ч., и род. п. ед. ч. въ одно и то же время. Въ блр. говорахъ и въ млр. мы не имѣемъ формъ множ. числа именъ муж. рода на-*а*. Въ Казанской губерніи, кромѣ обычныхъ и литературныхъ формъ, даже: *вѣтрá*, *мѣсяцá*, *возá*, *полá*, *гробá*, *ситцá*, *двóрá*. Въ связи съ разобраннымъ морфологическимъ явленіемъ, съ этимъ окончаніемъ *а* (*я*) въ им. п. мн. ч. муж. р. *простыхъ* именъ вмѣсто *ы* (*и*), паходится и то явленіе, что въ именахъ *собирательныхъ* это же окончаніе *а* (*я*) стало тоже служить окончаніемъ имен. падежа *множ. числа* въ муж. родѣ. Такое *а* (*я*) или восходитъ къ *древнему* звуку *а* (*я*) въ именахъ *женскаго рода*, напр., въ словахъ — именахъ собирательныхъ *единств. числа*: *господа*—им. п. ед. ч. имени собирательнаго (зват. падежъ — *господо*), *братиꙗ* (*братья моя* — им. п.; *братье*—зват. п. ед. ч.), *зятья*, *дядья*—им. п. ед. ч. жен. рода имени собирательнаго; срв. „съ *братьею* и съ *дядьею* и съ племянники“—въ Правой Грамотѣ 1584 г.—Акты Юридическіе № 24; или же такое *а* (*я*) восходитъ къ *древнему* звуку *е* въ именахъ *средняго рода*, напр., *листіе*, *колье*, *прутье*, откуда: *листья*, *колья*, *прутья* и проч. Послѣ появленія звука *а* (*я*) въ разсматриваемыхъ говорахъ въ качествѣ окончанія имен. падежа *множ. числа* именъ сущ. *муж. рода* такія формы, какъ древнія: *братья*—им. п. ед. ч. жен. рода, *господа*, *зятья*, стали приниматься языкомъ за формы имен. п. *множ. числа* отъ ед. числа *братъ*, *господинъ*, *зять*. А формы имен. ед. средняго рода *листіе* и под., фонетически измѣнившись въ *листиįе*, *листįе*, *листįä*, *листјä*, *листја* (см. выше), стали въ этомъ послѣднемъ видѣ *листья* (*листја*) тоже приниматься языкомъ за формы имен. п. *множ.* числа отъ ед. числа *листъ* и проч.

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени получилось, что формы: *колья, листья* и под. вытѣснили собой формы старыя ед. числа *колье, листье* и стали служить формами им. п. мн. числа не отъ имен. падежа ед. числа *колье, листье* и проч., которые *фонетически* исчезли, а отъ имен. надежа ед. числа *колъ, листъ* и проч. Формы же именъ собирательныхъ, оканчивающіяся въ им. падежѣ ед. числа на *ударяемое* окончаніе—*ье́,—ье́*, такъ и остались формами *единственнаго* числа со значеніемъ *собирательныхъ* именъ: экспираторное удареніе съ его особой природой спасло собой это окончаніе и эту форму, напр., *дубье́* (срв. *дубъ—дубы́*) и под. Что же касается формы *господа́*, то уже изъ того, что эта форма, имѣя нынѣ значеніе *множ.* числа, не имѣетъ формы для *един.* числа, т. к. форма *господинъ* совершенно иного образованія: въ ней *суффиксъ единичности—ин* приставленъ къ основѣ *господ-*, которая тождественна съ основою и въ формѣ *господ-а*, ясно видно, что *господинъ* и *господа*—два различныя слова, а древнее склоненіе слова *господа* по образцу *вода* (въ древнихъ грамотахъ), ясно показываетъ, что слово *господа* прежде было формою *единственна́го* числа имени сущ. жен. рода для означенія имени *собирательнаго*. Такъ, въ Правой Грамотѣ Снѣтогорскому монастырю на проѣздъ по рѣкѣ Перервѣ 1483 года мы имѣемъ: „Да и положили грамоты купчіе *передъ осподою*—Акты Юридич. № 2. Въ Духовной Грамотѣ Двинской области XIV—XV в.: „о *господо*, женѣ своей Ѳимьѣ" (приказываю....)—Акты Юр. ibid. № 409 и мн. др.

Такъ какъ окончаніе *а* (*я*) въ имен. п. мн. ч. именъ муж. рода получило значеніе флексіи именительнаго падежа *множ. числа именъ собирательныхъ*, восходя частью къ древнему *а* именъ *жен. рода* имен. падежа *един. числа*, а частью къ древнему *е* именъ *средняго рода* имен. падежа *единств. числа* въ обоихъ случаяхъ со значеніемъ *собирательнымъ*, то отсюда произошло склоненіе этихъ словъ, имѣющихъ значеніе *множ. числа*, уже по флексіямъ множественнаго числа. Напр. *друзья*,

друзьямъ, *друзей* и под., гдѣ *друзья* вмѣсто *дружья* подъ вліяніемъ *друзи*. Въ самомъ дѣлѣ, отъ слова *другъ* им. п. мн. ч. былъ *друзи* (наше позднее=*други*: „Вы, отроки-други, возьмите коня“—у Пушкина. Пѣснь о вѣщ. Олегѣ), но собирательное имя было: *дружье* (срв. *подружіе*=жена въ Послѣсловіи Остр. Евангелія 1056—1057 г., гдѣ читаемъ: даи ємоу гь бъ блнє.... самомоу ємоу и подроужию єго Өеофанѣ и чѧдомъ єю и подроужиємь чѧдъ єю), которое ясно видно изъ сложнаго слова *подружіе*, означающаго собственно *другъ*, а затѣмъ и *подруга*, *жена*; изъ *дружіе*, *дружье* фонетически образовалось *дружья* (см. выше), ставшее формою *множ. числа*, а затѣмъ—подъ вліяніемъ формы *друзи* и под. получилось: *друзья*. Форма *дружья—друзья* могла и не предполагать собой формы *дружіе—дружье* въ значеніи собирательнаго имени единств. числа, а просто стать формою множ. числа отъ един. числа *другъ* вмѣсто формы *друзи*, т. к. въ языкѣ уже были извѣстны формы имен. падежа множ. числа на-*я* изъ *е* и отъ именъ *мужескаго рода* (см. выше). Напр., *людья*, *гостья* (въ древности), *дворяня*, *татаровя* (въ болѣе новую эпоху. Въ былинахъ часто); а отсюда—подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей въ имен. п. мн. числа могло получиться и получилось *дѣйствительно* окончаніе—*а*: *бояра*, *мѣщана*, *татарова* (срв. позднѣйшее собират. *татарвá* и под.). *Неударяемое я* въ такихъ случаяхъ съ теченіемъ времени здѣсь часто исчезало въ великорусскихъ говорахъ, замѣняясь окончаніемъ—*ья́*: *сыновья́*, изъ *сыно́вя*. Срв. старое *сыно́ве*. Это происходило подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ: *князья́* изъ *княжіе—князіе* подъ вліяніемъ *князи*. Срв. *друзья́* выше. Срв. далѣе: *сыновемъ* подъ вліяніемъ древняго *княземъ* въ дат. п. мн. ч.; *сыновехъ* подъ вліяніемъ древняго *зятехъ*. А выше мы видѣли даже: *сѣнехъ* (*сянёхъ*), *рѣчёхъ* (*рѣчохъ*, отъ сл. *рѣчь*). Напротивъ того, *ударяемое а* и *я* распространилось даже на имена женскаго рода: *старостá*, *хлопотá*,

грядá, податя́, зеленя́, озимя́, вещá, пажитя́ и друг.—въ значенiи формъ *множ. числа.*

5) Въ склоненiи именъ числительныхъ вмѣсто окончанiя-*ма* (двойств. ч.) подъ влiянiемъ окончанiя-*ми* появляется окончанiе-*мя*: *двумя, тремя, четырьмя.* Дiалектически (срв.-вят.) это *мя* переходитъ и въ мѣстоименiя: *имя́*=имъ, дат. п. мн. ч., а также: *с ымя́*=съ ними—твор.п. мн. ч.

6) Дѣепричастiе на-*я* получаетъ особенное распространенiе и начинаетъ появляться также и отъ глаголовъ въ *совершенномъ* видѣ: *увидя, унеся, спустя́, замѣтя, придя́, уведя́* и друг. под., при этомъ въ нихъ сохраняется значенiе *прошедшаго* времени.

7) Окончательно исчезли формы звательнаго падежа.

Въ области синтаксиса.

1) Появленiе формъ *двойств. числа* на *а* въ именахъ муж. рода не только при числительномъ *два*, но также при числит. *три, четыре*: *три брата, четыре брата* вмѣсто *три браты, четыре браты.* При этомъ формы дв. числа *теряли* свое старое *ударенiе*, если оно приходилось на окончанiи, и переносили его на то мѣсто, гдѣ оно стояло въ формахъ *род. падежа ед. числа.* Вотъ почему произошло совпаденiе старыхъ формъ дв. числа съ формами род. п. ед. числа въ подобныхъ случаяхъ. Напр., *два глáза* вм. *два глазá*; *два рóга* вм. *два рогá.* Срв. у Пушкина: *два шагá* и *два шáга.* Род. п. ед. ч. *шáга*, но им. п. мн. ч. *шагú*, а могло быть и *шагá*, какъ: *стогá, бокá* при *стóги, бóки* и *стогú.* Срв. выше.

Подъ влiянiемъ этого переноса ударенiя въ формѣ дв. числа съ окончанiя на слогъ, гдѣ это ударенiе стояло въ формѣ род. п. ед. числа, форма род. п. ед. ч. замѣняла собой формы им.-вин. множ. числа въ именахъ жен. и сред. родовъ послѣ этихъ числительныхъ. Напр., вмѣсто *двѣ, три*

вёрсты стало: *двѣ, три верстѝ*; *два селá* вм. *два сéла*; *четыре губы́* вм. *четыре гу́бы* и проч. Срв. однако: множ. число *бáбы* и *четыре бáбы* и род. ед. *бáбы*. Діалектически это явленіе распространялось и на имена прилагательныя въ значеніи существительныхъ. Напр., *два малаго* вм. *двое малыхъ, два ловчаго* вм. *двое ловчихъ* и др.

2) Описательная форма будущаго времени образуется только съ помощью формы *буду* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ *несовершеннаго* вида. „Буду дѣлать", „будешь писать", „будутъ читать". Такія выраженія, какъ: „имѣетъ быть" вм. „будетъ", „имѣетъ сказать" вм. „скажетъ", „имѣетъ представить" вм. „представитъ" и под.—пережитки стараго времени, искусствено поддерживаемые въ канцелярскомъ и оффиціальномъ языкѣ актовъ или рѣчей, а также въ объявленіяхъ и афишахъ разнаго рода, и въ живомъ разговорномъ или литературно-художественномъ языкѣ вовсе уже неизвѣстны. Срв. франц. образованіе будущаго времени: *parler + ai*=имѣю говорить: j'ai=я имѣю, parler—неопр. п.=говорить, сказать. Срв. выше млр. *казати + му*=*казати + иму*=имѣю сказать.

3) Имена сущ. одушевленныхъ предметовъ всѣ образуютъ форму вин. п. множ. ч. въ муж. и жен. родѣ, употребляя форму *род. п.* вмѣсто формъ винительнаго. Напр., „я видѣлъ *трехъ лошадей*", „купилъ *двухъ коровъ*", „застрѣлилъ *трехъ куропатокъ*", „нанялъ *двухъ работниковъ*", „пригласилъ *четырехъ переписчиковъ*" и под. Но діалектически сохраняется въ такихъ случаяхъ и форма *вин.* падежа: „мужикъ купилъ *двѣ коровы*", „продалъ *три лошади*", „поставилъ за себя *три работника*" и под.

4) При глаголѣ *болѣть* лицо, у котораго что-либо болитъ, обозначается родит. падежомъ съ предлогомъ *у*, а не *дат.* падежомъ, какъ въ млр. и блр. говорахъ. (Гдѣ лицо стоитъ въ *дат.* падежѣ). Напр., „*у меня* болитъ голова". Срв. млр. „болыть *мені* γоловонька" или „що *вам* болыть".

5) Дѣепричастіе прош. времени употребляется въ значеніи прош. времени *изъявительнаго* наклоненія. Напр., „церковь *сгорѣвши* давно", „Староста еще не *уѣхатчи*", „онъ *ушодши*", „онъ *выспавшись* и можетъ долго сидѣть".

6) Тотъ же оборотъ мы видимъ и при глаголахъ *возвратныхъ* на-*ся*: „Лошадь *запряжомши*", „*я занямши (съ)*", „мостъ *сломившись*", „онъ *накушавшись*" и под. (См. мои „Основы синтаксиса рус. языка". Р. Ф. В. 1910 и 1913 г.г.).

Въ области ударенія.

Въ этой области мы замѣчаемъ *переносъ ударенія* на-*ся́* въ причастныхъ формахъ на-*лся* подъ вліяніемъ формъ жен. и сред. рода, а также—формы на-*ли́сь* во множ. числѣ. Напр., *взялся́*, *взяли́сь* вм. *взя́лся*, *взя́лись*; „*нанялся́—продался́*" и т. п.

§ 54. Перехожу теперь къ IV отдѣлу, къ послѣдней части своего курса, т. е. къ характеристикѣ отдѣльныхъ главныхъ нарѣчій русскаго языка.

До сихъ поръ мы слѣдили за судьбой русскаго языка въ теченіе его исторіи въ слѣдующіе періоды: въ періодъ его выдѣленія изъ общеславянской семьи, въ періодъ его отдѣльной жизни отъ общеславянскаго языка, но въ одномъ цѣломъ единствѣ, и здѣсь мы различали эпоху непосредственно передъ распаденіемъ русскаго языка на нарѣчія и эпоху послѣ распаденія, причемъ единство русскаго языка и въ эту эпоху еще не было утрачено, а потому діалектическія явленія русскаго языка могли принадлежать или всему русскому языку, или мѣстнымъ его нарѣчіямъ, а въ самыхъ этихъ нарѣчіяхъ еще чувствовалось единство русскаго языка, которое не было еще утрачено, хотя и были діалектическія явленія на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ территоріи русскаго языка, отличавшія

собой говоръ мѣстностей *діалектически* по отношенію ко всему русскому языку. Однако особенности этихъ діалектовъ русскаго языка еще не были сами по себѣ особенностями, развившимися въ отдѣльной жизни діалектовъ и обусловившими собой отдѣльные діалекты, не связанные общею судьбой, но эти же особенности въ теченіе времени, переставъ существовать, какъ діалектическія особенности всего русскаго языка при общемъ характерѣ его *единства*, стали въ теченіе исторіи объединять различныя группы русскаго языка по ихъ общей исторической судьбѣ и обусловили собой поэтому дальнѣйшія эпохи *единства* болѣе мелкихъ группъ діалектическихъ. Наконецъ, и эти болѣе мелкія группы разъединились и зажили отдѣльной жизнью, которую мы уже можемъ теперь наблюдать въ различныхъ частяхъ русскаго языка отдѣльно, причемъ одна часть нынѣ обособилась въ *малорусское нарѣчіе*, другая—въ *бѣлорусское*, третья—въ *южновеликорусское* и четвертая—въ *сѣверновеликорусское*. Вотъ мы и сдѣлаемъ краткую характеристику всѣхъ этихъ русскихъ нарѣчій и этимъ закончимъ свой курсъ, т. к. полная и подробная характеристика главныхъ русскихъ нарѣчій съ указаніемъ особенностей ихъ говоровъ по мѣстностямъ должна быть предметомъ не курса исторіи русскаго языка, а другого курса моего, *курса русской діалектологіи*, въ которомъ и должны разсматриваться особенности русскихъ *современныхъ* нарѣчій и говоровъ. Равнымъ образомъ въ этотъ *курсъ исторіи русскаго языка* не войдетъ *исторія литературнаго русскаго языка*, которая составляетъ у меня опять особый курсъ.

И вотъ почему. Я различаю языкъ русской *письменности*, памятники которой ни въ стилѣ, ни въ лексикологіи, ни въ синтаксисѣ не отражаютъ сколько-нибудь замѣтно индивидуальности автора и его творчества и потому, какъ матеріалъ, входятъ въ исторію русскаго языка до того историческаго момента, пока на Руси появились организованныя школы, которыя могли дать то или другое направленіе талан-

тамъ автора, могли дать ему возможность выразить подъ своимъ перомъ свое міросозерцаніе, которое вступаетъ въ извѣстное соотношеніе съ общечеловѣческими идеалами, а это, именно, и начинаетъ проявляться у насъ въ тотъ періодъ, когда русская письменность становится *литературой*, благодаря наступившему сознанію широкаго просвѣщенія подъ вліяніемъ культурныхъ сношеній съ западной Европой. Это и былъ XVIII-й вѣкъ, когда письменность смѣняется литературой, а языкъ начинаетъ искать новыхъ формъ для выраженія новыхъ идей подъ перомъ людей новой молодой культуры. Вплоть до XVII-го вѣка включительно нашъ языкъ въ произведеніяхъ письменности русской не могъ получать необходимыхъ элементовъ литературнаго развитія, т. к. въ самой русской жизни не было тѣхъ понятій, которыя внесла въ нее западная культура, а потому и языкъ нашей письменности до этого времени успѣлъ въ достаточной мѣрѣ исчерпать свои средства, съ одной стороны, въ дѣловыхъ бумагахъ и грамотахъ всякаго рода, съ другой,—въ церковно-богословскихъ сочиненіяхъ и назидательныхъ повѣстяхъ или путешествіяхъ и сказаніяхъ или посланіяхъ религіозно-нравственнаго характера. Другихъ родовъ письменности у насъ и не было до XVIII-го вѣка. Литература же несетъ съ собой самые разнообразные роды прозаической и поэтической мысли: на основахъ общечеловѣческой культуры она становится *дѣйствительно литературой* и требуетъ провѣрки и критики устарѣлыхъ формъ рѣчи. Народный элементъ въ ней получаетъ должное развитіе, а вмѣстѣ съ нимъ появляется цѣлый міръ новыхъ идей и чувствъ, которыми начинаетъ волноваться культурный умъ и культурная душа человѣка вообще: появляется лирика личнаго чувства, въ которомъ всѣ люди сливаются въ одно психологическое цѣлое. Поэтому и исторію русскаго литературнаго языка можно собственно начинать только съ XVIII-го вѣка, съ эпохи Петра Великаго. Послѣ этихъ руководящихъ замѣчанія я приступлю къ характеристикѣ

отдѣльныхъ *главныхъ* современныхъ нарѣчій русскаго языка въ связи съ ихъ предшествующей исторіей, которой мы занимались до сихъ поръ.

МАЛОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Малорусское нарѣчіе стало рѣзко отличаться отъ другихъ главныхъ русскихъ нарѣчій *послѣ перехода* звуковъ: *и*, *е*, *ä*, *ö*, въ гласные болѣе задняго образованія, передъ которыми *согласные* по ассимиляціи стали переходить изъ мягкихъ въ *твердые*:

1) Звукъ *и* перешелъ въ звукъ, близкій къ *ы*, откуда въ однихъ говорахъ—смѣшеніе *и* и *ы* древнихъ въ одномъ звукѣ *и средняго ряда*, въ другихъ—смѣшеніе ихъ въ одномъ звукѣ *ы*: *сыла* и *си^и ла*.

2) Звуки *е*, *ä*, *ö* совпали въ *одномъ* звукѣ *е средняго ряда*. Это среднее по мѣсту образованія *е* перешло затѣмъ въ звукъ *е*, *не смягчавшій предшествующей согласной*, а діалектически, въ неударяемыхъ слогахъ въ звукъ *и* средняго же ряда: *бэрэг*, *ви^и зла́* и др. Однако въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ согласная не могла отвердѣть *подъ вліяніемъ аналогичныхъ образованій*, звукъ *ö* переходилъ въ *о*; напр., *л'он* при родительномъ *л'на́*, гдѣ звукъ *л мягкій*, какъ и въ прочихъ падежахъ, а потому и въ имен. падежѣ звукъ *л* не могъ отвердѣть, и получилось не *лэн*, какъ мы ожидали бы, а *л'он* съ мягкимъ *л* и съ *о* изъ *ö* вмѣсто звука *е*, *не смягчавшаго* предшествующей согласной; но здѣсь звукъ *л* уже былъ смягченнымъ и поддерживался въ такомъ своемъ качествѣ формами прочихъ падежей, гдѣ *л* находилось въ положеніи передъ согласнымъ и было *мягкимъ*. Звукъ же *и* въ такихъ случаяхъ сохранялся *безъ измѣненія* въ среднее *и* или *ы*. Напр., *козий* имѣетъ звукъ *з* мягкій и *и* мягкое, т. к. въ прочихъ падежахъ мы имѣемъ тоже *мягкое з*: *козьему* и проч. Это явленіе началось въ *южномалорусскихъ* говорахъ и оттуда перешло въ остальные говоры малорусскаго нарѣчія. Съ юга же шло измѣненіе

дифтонгическихъ сочетаній: *іе*, *уо*, *ӥо* въ звукъ *і*, но это измѣненіе даже и до сихъ поръ не охватило всей малорусской области. Такъ, на югѣ малорусской территоріи древнее тѣсто, *тіесто* стало измѣняться въ *тісто*, а древнее домъ, откуда *дом*, стало измѣняться въ *дôм*, откуда *дуом*, потомъ *дуôм*, *дӥôм*, *дӥм* и наконецъ *дім*; или *волъ—вôл*, *вуол*, *вуôл*, *вӥôл*, *вӥл—віл*, и проч. Или: несъ, *нêс*, *нѣс*, *ніес*, *ніс*. Или: носъ, *нôс*, *нуос*, *нуôс*, *нӥôс*, *нӥс—ніс*. Древнее несъ, откуда *н'ôс—н'ос—нёс* изъ *нӥôс* черезъ *нӥс*, откуда въ свою очередь, также *ніс*. Однако въ произношеніи *ніс*=носъ и *ніс*=несъ есть разница въ степени мягкости согласнаго *н* и гласнаго *и*.

Напротивъ, съ сѣвера идетъ *отвердѣніе р*, которое теперь извѣстно уже на югѣ Украйны и въ Галиціи. Съ сѣвера же идетъ развитіе дифтонгическихъ сочетаній вмѣсто группъ: мягкая согласная + *а*: *сӏаду* вм. *с'аду*; *ӏа* переходило въ *е*, а при извѣстныхъ условіяхъ—въ *и*: *с'еду*, *ж'иль*, *ч'ис* въ *сѣверномалорусскихъ* говорахъ вмѣсто *сӏаду*, *ж'аль*, *ч'ас* южномалорусскихъ, такъ же и въ *угрорусскихъ* говорахъ у горцевъ Австрійской малороссіи.

Подобное измѣненіе сочетаній: мягкая *губная* + *а* оказалось общемалорусскимъ измѣненіемъ. Напр., *пјать*, *вјану*, *мјасо* и друг. вмѣсто: *п'ать*, *в'ану*, *м'асо*, какъ и выше *сјаду*, *сӏаду* вмѣсто *с'аду*. Діалектически въ малорусскомъ извѣстно *стяженіе оа*, *ое*... послѣ выпаденія между ними *ӏ*: они стянулись въ *а*, *е* и проч. Напр., *ма* вм. *моя* (*моӏа*), *мэ* вм. *мое* (*моӏе*), *добра, добрэ, добри*—им. п. мн. ч. (См. выше). А чередованіе формъ: *добрэ* и *доброе* вызывало собой появленіе формы *добрээ*, которая, какъ и форма *добрэ*, стала употребляться въ значеніи *нарѣчія*. Напр., *сильнэ*, *самэ*, *хорошэ*, *вірнэ* и т. п.

Въ именахъ жен. рода окончаніе *ы* въ имен.-вин. п. мн. ч. стало перетягивать *на себя* удареніе, т. е. удареніе стало переноситься въ такихъ случаяхъ на окончаніе *ы́*: *жинкы́*, *молытвы́*, *дівкы́* (*діўкы́*, *дійкы́*)=*дѣвки* и друг.

Въ области синтаксиса мы отмѣтимъ употребленіе *дат.* падежа *вм. мѣстнаго* послѣ предлоговъ: *в*, *на*, *об*, *по*, *при*. Напр., *пры ёму*, *у нашому роду*, *об тому*, на тім *боку* и под. Весьма вѣроятно, что это употребленіе дательнаго падежа вмѣсто мѣстнаго при предлогахъ можетъ намъ уяснить и переходъ древняго окончанія дательнаго падежа-*ови* въ окончаніе *овѣ* по образцу мѣстнаго падежа на *ѣ*: мы, напр., имѣемъ дат. п. *сынови* (*сыновi*, гдѣ *i* изъ *ѣ*) въ *современномъ* малорусскомъ нарѣчіи вмѣсто ожидаемаго *сыновы* (*сынови*[ы]), т. к. *ови* въ малорусскомъ должно дать, на основаніи предыдущаго, *овы* или *ови*[ы], а вовсе не *ов'и*, *овi*, что могло бы получиться только изъ *овѣ*, т. к. *ѣ* дало въ малорусскомъ *i* (*и*) со *смягченіемъ* предшествующей согласной. Слѣдовательно, надо предположить, что дат.—падежи въ родѣ *сынови* и под. заимствовали у мѣстнаго падежа *ѣ*, т. е. вмѣсто дательнаго сталъ употребляться мѣстный съ окончаніемъ *овѣ*: *сыновѣ*, откуда уже понятно современное малорусское *сыновi* и под.

СѢВЕРНОВЕЛИКОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Въ области этого нарѣчія послѣ *окончательнаго* распаденія языка мы замѣчаемъ слѣдующія явленія въ эпоху приблизительно XIII—XIV вѣка.

Въ области звуковъ.

1) Древнее *г*=*h* въ окончаніяхъ *ого*, *его*, а также и въ другихъ случаяхъ, *исчезало* между гласными; при этомъ гласные, оставшіеся послѣ исчезновенія между ними звука *h* (*γ*), т. е. *г*, именно, гласные *оо* и *ео* переходили въ *ово* и *ево*: *тово*, *доброво*, *моево*, но общерусское: *тоγо*, *доброγо*, *моеγо* и под. (См. выше). Въ южновеликорусскомъ діалектически извѣстно также *ово*, которое заимствовано изъ сѣверновеликорусскаго. Такъ обыкновенно объясняютъ окончанія *ово*, *ево*

изъ общерусскихъ *оуо*, *еуо* въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи; но почему же въ южновеликорусскомъ нарѣчіи это общерусское *оуо*, *еуо* такимъ и оставалось, не испытывая исчезновенія звука *у* между гласными, какъ въ сѣверновеликорусскомъ, и откуда тогда звукъ *в* между гласными, среди которыхъ былъ звукъ *у*? Это явленіе *свр.* *ово* при *ювр.* и *блр.* *оуо* и проч. слѣдуетъ объяснять совсѣмъ иначе, я думаю. Именно, если мы вникнемъ въ то, что звукъ *в* въ окончаніяхъ *ово* и под. мы имѣемъ только въ тѣхъ говорахъ, гдѣ извѣстенъ звукъ *у* вмѣсто звука *г*, а также и въ то, что въ окончаніи *оуо* и под. звукъ *у* былъ уже извѣстенъ (см. выше) въ эпоху общерусскаго языка до его рападенія, то мы поймемъ, что звукъ *у* въ окончаніи *оуо* и под. или долженъ былъ оставаться (*ювр.*, *блр.*-*млр.*), или переходить въ *в* различнаго качества (см. выше), какъ это мы видимъ въ окончаніи *ово* и под. въ сѣверновеликорусскомъ нарѣчіи. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ въ *свр.* нарѣчіи звукъ *г*, единственно здѣсь извѣстный (здѣсь нѣтъ *h*=*у*), не переходитъ въ звукъ *в*, напр., *огонъ*, *иго*, *судорога*, *тревога* и проч. Слѣдовательно, звукъ *г* звонкій мгновенный не переходитъ въ звукъ *в*, а звукъ *у* звонкій фрикативный могъ переходить въ *в*. На это же указываютъ и тѣ звукосочетанія, которыя извѣстны нынѣ въ говорахъ Рязанской губерніи, въ основѣ которыхъ лежатъ сѣверновеликорусскіе говоры; такъ, здѣсь въ Касимовскомъ уѣздѣ мы слышимъ вм. *в воду*—*у воду*, вм. *в вядро́*—*увядро́* и проч. Срв. также въ малор. *уусениця* и *вусениця* при *усениця* и под. (см. выше). Ясно, что незачѣмъ предполагать сначала *исчезновеніе у* между *о* и *о* въ окончаніи *оуо*, а затѣмъ новое *появленіе в* между этими же двумя *о* въ этомъ же окончаніи *ово* и под., которое существуетъ въ говорахъ рядомъ съ окончаніемъ *оуо*, *ауо* и под. Независимо отъ всего, звукъ *у*=*в* могъ исчезать между гласными и передъ гласнымъ въ началѣ слова, какъ это мы видѣли въ *млр.*: *усениця*, *ужъ*, *узелъ*, *усъ* и др., какъ это мы видѣли со звуками *į* и *w* выше, и поэтому

мы должны и въ этомъ звукѣ *γ*=*в* видѣть не губнозубное *в*, а билабіальное *w*, съ которымъ чередовался звукъ *γ* въ окончаніяхъ *оγо* и под. Этимъ же объясняется и выпаденіе этого звука *γ*=*в*, *w* въ окончаніи *оγо*, какъ это мы видимъ иногда (однако довольно рѣдко) и въ древне-русскихъ памятникахъ письменности. (Срв. мои изслѣдованія: „Къ исторіи великорус. говоровъ" и „Къ діалектологіи великорус. нарѣчій". Passim).

2) Замѣна конечнаго *я* черезъ *ё* по вышеуказанной причинѣ (см. III. Б. б. Въ области звуковъ. 5). Діалектическое: *дру́жьё*, *спи́тё*, *за́втрё*, *напи́всё* (=напился), *ко́льё*, *коло́сьё* и друг. Этотъ же звукъ *ё* извѣстенъ здѣсь *діалектически* и вмѣсто звука *е* на мѣстѣ ударяемаго стараго ѣ: *телёга*, *колёно*, *крёсла* и под. Этотъ же звукъ *ё* извѣстенъ здѣсь въ окончаніи им.-вин. падежа ср. рода именъ сущ. вмѣсто *я*, и этотъ звукъ *ё* въ этихъ случаяхъ явился *не фонетически* (иначе было бы *я*), а *подъ вліяніемъ* окончанія *о* средняго рода: *селе́ньё* вм. *селе́нья* подъ вліяніемъ *лицо́* и под. Или: *уче́ньё*, *одно́ньё*, *терпи́ньё* и под.

3) Выпаденіе звука *ị* между гласными: діалектическое: *дѣ́лаэт*, *игра́эм*, *до́браа*...

4) Группы гласныхъ предшествующаго пункта подверглись здѣсь стяженію послѣ выпаденія среди нихъ звука ị и послѣ ассимиляціи: *игра́ат*—*игра́т*, *дѣ́лаат*—*дѣ́лат*, *гуля́т* (*гул'а́т*), *пуска́т* и под. Діалектически (вятск.) здѣсь замѣчается *а долгое* послѣ стяженія, но въ другихъ діалектахъ—*краткое*. Такъ же: *до́бра* съ *а долгимъ*, *уме́т* съ *е* долгимъ (*умѣетъ*—*умѣэтъ*—*умѣѣт*—*умѣт*—*уме̄т*). Или: *хозя́ва* (*хозяева*—*хозяэва*—*хоз'аэва*—*хоз'аава*—*хоз'а̄ва*).

5) Діалектическая замѣна неударяемаго *а* черезъ *о*: *трова́*. Срв. при этомъ заимствованныя сюда слова изъ южновеликорусскаго, которыя здѣсь подъ вліяніемъ *о́канья* приняли произношеніе: *коре́та*, *моля́ръ*, *торе́лка*, какъ: *коры́то*, *мо-*

лѣтъ, *товáръ* и проч., между тѣмъ какъ въ *ювр.* эти слова звучатъ: *карéта*, *малярз*, *тарéлка*.

Въ области формъ.

1) Замѣна окончанія *ми* въ твор. п. мн. ч. окончаніемъ *м* и *мы*: въ именахъ существительныхъ: *с ногáм*, *достáла рукáм*, *сидѣла с людьмы*, *идём горáм* (=сухимъ путемъ, берегомъ. Въ Приволж. губ. и въ Вятской). Въ бѣлорусскомъ мы имѣемъ въ этомъ же случаѣ *м*, которое сюда заимствовано изъ *свр.* нарѣчія, проникло и сюда.

2) Замѣна окончанія *ми* въ твор. п. мн. ч. именъ прилагательныхъ и мѣстоименій черезъ *ма*: *слезам горюцима*, *рукам крѣпкыма* и под. Это окончаніе *ма* проникло изъ *двойств.* числа. Отсюда и *смѣшеніе дат. и твор. п. мн. ч.* также *подъ вліяніемъ двойственнаго числа*, гдѣ оба падежа имѣютъ *одну* форму. Срв. выше: *ногáм*, *рукáм*, *с кренделям*, *за яйцам* и под. Это явленіе проникло отсюда и въ нѣкоторые *ювр.* говоры.

3) Окончаніе-*ы* род. п. ед. числа именъ жен. рода переносится и въ дат. и мѣстн. п. ед. ч. тѣхъ же именъ: *на травы́*, *к воды́* и под. Срв. выше о сходныхъ явленіяхъ.

4) Сравнительная степень оканчивается на *яя* и *яе* вмѣсто *ѣе*: *полняя*, *скоряе*, *глупяе*, *красняе*, *бодряе*, *сильняе* и под. (Еще у Тредьяковскаго и Сумарокова, которые гордились своимъ *московскимъ* произношеніемъ, а также у Ломоносова, у котораго это было *роднымъ* произношеніемъ. Слѣдовательно, Москва еще въ XVIII вѣкѣ говорила болѣе по сѣверно великорусски, чѣмъ теперь; а когда-то въ древности она болѣе принадлежала по говору къ *свр.*, чѣмъ къ *ювр.* нарѣчію. См. объ этомъ мои спеціальные труды: „Нѣкоторые выводы изъ трудовъ по діалектологіи“, „Опытъ грамматики

языка А. С. Пушкина“ и мой трудъ по исторіи русскаго литературнаго языка XVIII-го и XIX-го вѣка въ 12-мъ вып. Энциклопедіи слав. филологіи). Эти формы сравн. степени могутъ быть скорѣе объяснены *фонетически*, чѣмъ какъ результатъ вліянія на нихъ формъ дѣепричастія, на-*ая,—яя*: *читáя, теряя* и под. Срв. сравнит. степень въ Лаишев. у. и другихъ Каз. губерніи: „*иди ско*ʸ*р'ā̈*“! Но: *потéпл'а*ᵉ, *ра́ньшэ*ⁱ*ɛ̨е*ᵃ и *добрѣ* изъ *добрѣэ*. Понятно, что подъ вліяніемъ такихъ формъ, какъ *скоря́*, съ одной стороны, и *тéпле*,—съ другой, мы въ формахъ въ родѣ *добрѣе* имѣемъ комбинацію *добряе* и под. (См. говоръ Каз. губ. Лаишев. у. Дер. Кармачи). Срв. *ювр. лъвѣючи, сърѣючи*—сравн. степень подъ вліяніемъ дѣепричастія на-*учи,—ючи*. (Шахматовъ).

Въ области синтаксиса.

1) Употребленіе *члена*: *домо-т, баба-та, бабу-ту, бабуй-ту, глаза-тѣ, глазáм-тѣ* и друг. (Особенно вятскій говоръ. См. также Житіе прот. Аввакума).

2) Страдательное причастіе употребляется для выраженія прошедшаго времени изъявит. наклоненія съ род. п. *лица* съ предлогомъ *у*. Напр., мы имѣемъ слѣдующіе *описательные* обороты: *у отца на другой жененось, у всѣхъ уѣхано изъ дому, у меня вездѣ рабóтывано, у ёго въ наймиты было нанятось, у меня много бито, граблено* и под. Отсюда и обороты, подобные выше изложеннымъ, но только съ дѣепричастіемъ прош. вр. на-*вши,—тши* (*тчи*): „*у нёго за коньми ушетци*“ и мн. друг. под.

БѢЛОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Спеціально бѣлорусскія явленія новѣйшаго сравнительно происхожденія были слѣдующія:

Въ области звуковъ.

1) Діалектическое распространеніе звуковъ *ŏ*, *ĕ*, т. е. звуковъ *неполнаго* образованія (см. выше), на счетъ звука *а* (*я*) и переходъ ихъ въ *ы* и *и*: именно, эти звуки *ы* и *и* появляются *при условіи ихъ неударяемости и слѣдующаго ударяемаго звука а.* Напр., *выдá*, *дычкá*, *гылывá*; однако: *вадé*, *дачкóю*, *гáлавé*. Или: *лисá*, *нислá*, *рикá* при: *ý лясý*, *нясли́*, *рякý* и проч. Это *ы* переходитъ въ *у* въ положеніи *послѣ губныхъ и слога съ у*. Напр., *пупá* вм. *попá*, но: *папý*; *дурукá* вм. *дуракá* (послѣ слога съ *у*) изъ *дурыкá*. Такъ же: *гусукá* вм. *гусакá* (послѣ слога съ *у*) изъ *гусыкá*, гдѣ *ы* вм. *а* вслѣдствіе фонетическаго положенія этого *а* внѣ ударенія, причемъ удареніе стоитъ на звукѣ *а* слѣдующаго за *ы* (*а*) слога. (См. выше). Такъ же: *судукá* изъ *судыкá* вм. *судакá* отъ слова *судóкъ;* въ этомъ словѣ мы имѣемъ собственно *судŏкá* съ *ŏ* *неполнаго* образованія, вмѣсто котораго должно бы было въ силу *аканья* быть *а* (см. выше): *судакá*, но звукъ *ŏ* перешелъ въ *ы*—*судыкá*, откуда въ положеніи этого *ы* послѣ слога *у* само *ы* перешло въ *у*: *судукá*. Такимъ образомъ, произношенія: *гусукá*, *дурукá*, съ одной стороны, и *судукá*,—съ другой, хотя въ звуковомъ отношеніи по своимъ гласнымъ звукамъ и тождественны, но восходятъ къ словамъ съ *различными* гласными: первые два имѣютъ въ предударномъ слогѣ *а* этимологическое (въ суффиксѣ *ак*) послѣ слога съ *у*, а третье слово имѣетъ въ предударномъ слогѣ *о* этимологическое (если принять діалект. форму *судóкъ*, а не литературную *судáкъ*). Такимъ образомъ, въ одномъ случаѣ мы имѣемъ *ы* изъ *а*, но не изъ *ŏ*, а въ другомъ—изъ *ŏ*, которое могло дать и *а* при *аканьѣ*, въ говорахъ, и *ы* въ бѣлорусскомъ.

Въ области формъ.

1) Потеря различія въ ударени̇и им. и вин. п. ед. ч. именъ женскаго рода съ подвижнымъ удареніемъ и замѣна

разнаго ударенія *однообразнымъ* ударенiемъ именит. падежа ед. числа этихъ именъ. Такъ, слово *вода́* жен. рода съ *подвижнымъ* ударенiемъ (срв. удареніе этого слова въ формахъ: *во́ду, во́ды* и проч.), и вин. п. ед. ч. имѣетъ въ немъ *другое* удареніе сравнительно съ имен. падежомъ, именно, *во́ду*, но съ потерею различія въ удареніи въ блр. мы имѣемъ *ваду́, душу́, зямлю́, на уару́* и под.

2) Подъ вліяніемъ чередованія звуковъ *э* и *ы* въ именахъ прилагательныхъ (см. выше) звукъ *э* вытѣсняетъ собой звукъ *ы* *діалектически* и въ окончаніяхъ именъ существительныхъ. Напр., *воз травэ́* (=*воз травы́*), им. п. мн. ч. *валэ́* (=*валы́*), *дварэ́* (*сварьі*) и под. Припомнимъ чередованіе звуковъ *э* и *ы* въ именахъ прилагательныхъ: *маладэ́й* и *малады́й, нашнэ́я* и *нашньіи, партнэ́я* и *партньіи* и под.

3) Конечное *о* въ зват. п. ед. числа именъ жен. рода въ неударяемомъ положеніи *исчезаетъ*, и получается характерное образованіе зват. падежа такихъ именъ: *мам* (вм. *ма́мо*), *баб, маладу́х, тёт* и под.

4) Въ глагольныхъ образованіяхъ вм. *иваешь, иваетъ*... употребляются сокращенныя: *аетъ, уетъ*... *ӑбӑрача́итца, выгава́руешъ, спра́шую, запи́суетъ, запи́сую* и под.

Нѣсколько особенную діалектическую группу говоровъ представляютъ собой *бѣлорусскіе говоры на востокѣ* (въ восточной части бѣлорусской области, гдѣ послѣдняя примыкаетъ къ области южновеликорусскихъ говоровъ). Въ этой группѣ говоровъ мы наблюдаемъ воздѣйствіе южновеликорусскихъ говоровъ при посредствѣ сѣверновеликорусскаго вліянія на бѣлорусскую группу. Такъ, въ *дзекающихъ* говорахъ *Смоленской губерніи* является окончаніе-*ой* вмѣсто и при *эй* и *ый* въ им. п. ед. ч. именъ прилагательныхъ. Напр., *сухой, кривой, сядой, якой*. Далѣе, здѣсь же мы имѣемъ *в* вм. (*γ*): *прежнява, майво, сяводни* и друг.

Въ *Калужской* губерніи еще болѣе замѣтна великорусская окраска, хотя бѣлорусское происхожденіе этихъ гово-

ровъ видно изъ такихъ фактовъ, какъ: *саття, свиння, пакрый, памыюся*—въ Мосал. и Жиздр. уѣздахъ. Равнымъ образомъ бѣлорусскія черты видны въ сохраненіи формъ мѣстн. п. ед. ч. на *у*: *ў сарáю, на большакý* и др., въ окончаніяхъ им. п. мн. ч. именъ муж. р.: *рукавы́, луги́, поводы́* и под. Однако и *лугá, городá* и под. формы, которыя проникли сюда въ соединеніи съ числительными *два, три, четыре*. Эти формы въ соединеніи съ числительными здѣсь не во всѣхъ случаяхъ утратили ударенія мн. числа, слѣдовательно, отличались въ этомъ отношеніи отъ великорусскаго нарѣчія, утратившаго удареніе мн. ч. (см. выше), и сходились съ бѣлорусскимъ нарѣчіемъ. Напр., здѣсь, въ Калуж. губ., возможны соединенія: „*два барскихъ домá*“, „*я яго училъ годá три*“ и под. Такимъ образомъ, восточная часть области бѣлорусскихъ говоровъ, прилегающая къ южновеликорусской и отчасти къ сѣверновеликорусской области, представляетъ собой нынѣ область *смѣшанныхъ говоровъ*, образовавшихся на фонѣ древняго бѣлорусскаго нарѣчія (западно-среднерусскаго).

ЮЖНОВЕЛИКОРУССКОЕ НАРѢЧІЕ.

Въ области этого нарѣчія нынѣ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить слѣды стараго вліянія сѣверновеликорусскаго нарѣчія, вліянія черезъ Москву. Историческія подробности этого вліянія будутъ изложены въ другомъ моемъ курсѣ—по исторіи русскаго *литературнаго* языка, гдѣ эти подробности исторіи и должны найти себѣ мѣсто. Обстоятельная же характеристика южновеликорусскихъ говоровъ съ выдѣленіемъ въ ней старыхъ чертъ среднерусскихъ говоровъ и новыхъ *сравнительно* вліяній на эти говоры со стороны сѣвернорусскихъ нарѣчій составляетъ часть моего курса *по русской діалектологіи*. Здѣсь же я отмѣчу только *общія черты* юявр. нарѣчія.

Собственно ювр. явленія: окончанія дѣепричастій прош. вр. дѣйств. залога—*мши* вмѣсто—*вши*: *выпимши*, *уѣхамши*, *взямши*, и под. Это явленіе, вѣроятно, *не фонетическаго* происхожденія, а обязано вліянію такихъ образованій, какъ: *веземъ* отъ гл. *взяти*, основа котораго въ формѣ наст. вр. изъяв. накл. дѣйств. залога въ 1 л. ед. числа: *вземл-*. Срв. *вземлю*, стрсл. въʒемлѭ и т. д. Прич. прош. вр. отъ этого глагола было: *вземъ—вземъши—вземъ*, т. е. формы им. п. ед. ч. *муж.*, *жен.* и *сред.* родовъ. Вотъ форма ед. ч. им. падежа жен. рода *вземъши* при неопр. наклоненіи *взяти* породила собой *новообразованіе взямши*, въ которой звукъ *м* собственно этимологически, какъ мы видимъ, стоитъ на своемъ мѣстѣ. Что же касается формъ такихъ, какъ: *украмши*, *знамши*, *выпимши* и под., то въ нихъ *м* не фонетическаго происхожденія и не можетъ быть оправданъ этимологіей, т. к. старыя формы отъ этихъ и подобныхъ глаголовъ, въ основѣ которыхъ *не было носового звука* ѧ—*ъм*, *ем*, были безъ звука носового *м* въ причастіи прош. вр. дѣйств. залога въ им. п. ед. ч. жен. рода. Именно: пи-ти при основѣ на *гласную* имѣло: пи-в-ъ, пи-в-ъш-и; ʒна-ти тоже: ʒна-в-ъ, ʒна-в-ъш-и; крас-ти изъ крад-ти должно было имѣть эту форму безъ вставочнаго в; ꙋкрад-ъ, ꙋкрад-ъш-и. Поэтому, наши: *укравъ*, *украв-ши* образованы со звукомъ *в* по аналогіи съ глаголами на *гласную* основу, какъ *знавъ*, *знавши*; *пивъ*, *пивши*. Отсюда получились формы причастія прош. вр. дѣйств. залога съ *однообразнымъ* окончаніемъ на *вши*, какъ: *знавши*, *укравши* и даже *взявши*, откуда въ *ювр.* нарѣчіи получилось *однообразное мши*: *знамши*, *украмши*, *взямши* (или отъ основы *взя-*, или отъ основы *вгем-*). Срв. *ѣмши* и даже *пришóмши*, *вёмши* и под. вм. *ѣдши—ѣвши* (по аналогіи съ *знавши*)—*ѣмши*; *пришодши—пришовши—пришомши*; *ведши—вёвши—вёмши* и под. образованія.

Рядомъ съ собственно *ювр.* явленіями однако мы находимъ здѣсь и слѣды вліянія западно-среднерусскихъ говоровъ. Это вліяніе распространилось вплоть до Рязанской губерніи, причемъ При-Окская область (см. курсъ р. діалектологіи) носитъ на себѣ слѣды и *свр. основы.* Западно-среднерусское (*блр.*) вліяніе мы видимъ въ говорахъ Рязанской губерніи въ слѣдующихъ особенностяхъ.

1) Окончаніе *эй* вм. *ой* въ род., дат. и мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій.

2) Ударенія вин. п. ед. ч. именъ сущ. жен. рода съ подвижнымъ удареніемъ *на окончаніи*, а не на основѣ: *ваду́*, *галаву́* и под.

3) Ассимиляція *j* съ предшествующимъ согласнымъ: *свиння́*, *суддя́* и друг. даже въ Ряз. и другихъ *ювр.* губерніяхъ.

Рядомъ съ этимъ мы видимъ въ *ювр.* нарѣчіи и явное вліяніе *сѣвернорусскихъ* говоровъ, въ особенности, въ области звуковъ. Такъ, *свр.* особенности здѣсь слѣдующія: 1) Распространеніе звука *в* вмѣсто *г* въ окончаніи род. п. ед. ч:—*го*: *до́брӑва* и под. 2) Звукъ *г=g* латинскому вмѣсто *γ* (*h*), рядомъ съ звукомъ *х* въ концѣ словъ: *год*, *гусь*, но: *друх*, *паро́х* и под. вм. *друк*, *паро́к*, какъ это въ *свр.* говорахъ и въ Москвѣ. По *ювр. друх—друга́*, по *свр. друк—друга*, но южнѣе, гдѣ *не было вліянія* московскаго литературнаго произношенія (на югѣ Ряз. губ., въ Тул., Орлов., Курской, Тамб., Калуж. и проч.): *друх—друγа—друγу...* Срв. въ Москвѣ: *Бох—Боγа* (по церковному произношенію въ род. и проч. падежахъ); но: *тваро́к—тво̆рага́* и проч. 3) *Т твердое* въ окончаніяхъ 3-го лица ед. и множ. ч. наст.-буд. времени глаголовъ изъяв. накл. дѣйств. залога или средняго. Напр., *идёт*, *иду́т*; *несёт*, *несу́т* и проч. Все это—черты *сѣвернорусскія*; по *ювр.* было бы: *идёть*, *иду́ть*, *несёть*, *несу́ть* и проч.

Говоръ города Москвы и ея окрестностей въ подробностяхъ принадлежитъ къ предметамъ изложенія въ курсѣ исторіи р. литературнаго языка и частью—въ курсѣ русской діалектологіи. Въ ювр. нарѣчіи мы отмѣтили, такимъ образомъ, *собственно ювр.* явленія, *бѣлорусскія* и *сѣверновеликорусскія* явленія. Это вполнѣ понятно въ виду *центральнаго* положенія *ювр.* области говоровъ и въ виду той исторической роли, которая выпала на долю главнаго города этой области—Москвы, лежавшаго почти на рубежѣ двухъ діалектическихъ областей.

Изъ литературы предмета.

1) *Ф. Ө. Фортунатовъ.* Сравнительная фонетика индоевроп. языковъ. Лекціи 1901—1902 акад. года. Москва. 1901.

2) *Его-же.* Сравнительное языковѣдѣніе. Общій курсъ. Лекціи 1901—1902 ак. года. Москва. 1902 г.

3) *Его-же.* Лекціи по фонетикѣ старославянскаго (церковнославянскаго) языка. Неокончено. Напечатано 12 листовъ: 192 страницы.

4) *Его-же.* Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprache. Archiv für sl. Phil. IV.

5) *Brugmann u. Delbrück.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 1. Band. Einleitung und Lautlehre. Erste nnd zweite Hälften. Zweite Bearbeitung. Strassburg. 1897.

6) *Brugmann.* Kurze vergleichende Grammatik. Strassb. 1904.

7) *А. А. Шахматовъ.* Русскій языкъ. Лекціи, читанныя въ Импер. Моск. У-тѣ. 1890—1891 ак. г.

8) *Его-же.* Русскій языкъ. Статья въ 55-мъ полутомѣ Энц. Словаря Брокгауза и Ефрона.

9) *Его-же.* Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава. 1893.

10) *А. А. Шахматовъ.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Изв. Отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ. 1901 г. Томъ VI. кн. 4.

11) *Его-же.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Спб. 1903. (Оттискъ изъ Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ. 1903 г. Т. VII. кн. 1. 2. Т. VIII. кн. 1 и 2).

12) *Его-же.* Нѣкоторыя особенности Ельнинскихъ и Мосальскихъ говоровъ. (Смол. и Калуж. губ.). Варшава. 1903 (1896).

13) *Его-же.* О различеніи іота и неслогового *i* въ исторіи слав. языковъ. Варшава. 1904.

14) *Его-же.* Юрій Крижаничъ о сербско-хорватскомъ удареніи. Варшава. 1895 г.

15) *Его-же.* Русское и словенское аканье. (Сборникъ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова. Варшава. 1902 г.).

16) *Его-же.* Изслѣдованіе о Двинскихъ грамотахъ. Спб. 1903.

17) *Leskien.* Handbuch der altbulgarischen Sprache. (Рус. переводъ *Щепкина* и *Шахматова.* Москва. 1890 г.).

18) *Томсонъ.* Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1910 г. 2 изд.

19) *Ягичъ.* Критическія Замѣтки по исторіи русскаго языка. Спб. 1889. (См. № 20).

20) *Соболевскій.* Лекціи по исторіи р. языка- 4-е изданіе. М. 1907. (Сравнительно съ 3-мъ изданіемъ. Изъ этой книги мы брали примѣры, которыхъ не хватало въ нашихъ записяхъ и карточкахъ).

21) *Его-же.* Очерки по исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1884 г.

22) *Крымскій.* Филологія и Погодинская гипотеза. Кіевъ. 1904.

23) *Соболевскій.* Древне-Кіевскій говоръ (Изв. р. яз. и слов. Академіи Наукъ. 1905 г. Т. X. кн. 1).

24) *Крымскій.* Древне-Кіевскій говоръ. (Изв. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. 1906. Т. XI. кн. 3).

25) *Его-же.* Деяки непевні крітерії для діялектольогічної клясифікації старо-руських рукописів. Львів. 1906.

26) *Ляпуновъ.* Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка I-ой Новгородской Лѣтописи. Спб. 1900.

27) *Его-же.* Формы склоненія въ старославянскомъ языкѣ. Одесса. 1905.

28) *Его-же.* Лингвистическія замѣтки. Р. Ф. В. 1906 г. №№ 1 и 2.

29) *Козловскій.* О языкѣ Остр. Евангелія. (Изслѣдованія по русскому языку. Т. I. Спб. 1885—1895. Здѣсь же ст. *Шахматова* о языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII и XIV вѣковъ).

30) *Богородицкій.* Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань. 1884.

31) *Его-же.* Общій курсъ русской грамматики. Каз. 1904.

32) *Его-же.* Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Каз. 1901.

33) *Васильевъ.* Гласные въ слогѣ подъ удареніемъ въ моментъ возникновенія аканья въ Обоянскомъ говорѣ. Спб. 1904.

34) *Некрасовъ.* Замѣтки о языкѣ „Повѣсти временныхъ лѣтъ" по Лавр. списку лѣтописи. Спб. 1897 г.

35) *Потебня.* Къ исторіи звуковъ русскаго языка. Воронежъ 1876. Варшава. 1880—1884.

36) *Его-же.* Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Харьковъ. 1889 и 1899 г. Т. I и II.

37) *Карскій.* Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. М. 1886.

38) *Его-же.* Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. Варш. 1893.

39) *Карскій.* Бѣлоруссы. Т. I. Варшава. 1903. Т. II. Вып. 1 и 2.

40) *Будде.* Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Варш. 1892.

41) *Его-же.* Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Казань. 1896 г. См. критику *Шахматова* въ „Отчетѣ о присужденіи Ломоносов. преміи“ за 1897 г.

42) *Его-же.* Изъ занятій по языку Лавр. списка начальной лѣтописи. Воронежъ. 1891.

43) *Его-же.* Русскій глаголъ сравнительно съ церковно-славянскимъ. Варш. 1891.

44) *Его-же.* Объ источникахъ для исторіи русскаго языка и о методахъ изученія ихъ. Каз. 1893.

45) *Его-же.* Къ вопросу о народности русскаго населенія въ Вятской губерніи. Каз. 1897.

46) *Его-же.* О нѣкоторыхъ говорахъ въ Тульской и Калужской губ. Спб. 1897 г.

47) *Его-же.* О народныхъ говорахъ въ Тульской губ. Спб. 1898 г.

48) *Его-же.* Учебникъ грамматики русскаго языка. 2-е изд. Казань. 1902.

49) *Его-же.* О говорахъ Тульской и Орловской губ. Спб. 1904.

50) *Его-же.* О слѣдахъ сѣверской колонизаціи въ уу. Орлов. и Влад. губ. Варш. 1905.

51) *Его-же.* Къ какому изъ русскихъ нарѣчій принадлежитъ говоръ современныхъ жителей Брянскаго уѣзда Орловской губерніи? Спб. 1906. (См. *Карскаго.* Отчетъ о поѣздѣ въ Бѣлоруссію въ 1903 г. Спб. 1905 г. См. *его-же*: Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. 1902 г. *Его-же.*

Къ вопросу о границѣ бѣлорусскихъ говоровъ. Р. Ф. В. 1905. № 1. *Его-же*: Къ вопросу о народномъ говорѣ Брянскаго у. Орлов. губ. въ Сборникѣ *Ламанскаго*. Срв. *Соболевскаго* отзывъ о соч. *Карскаго*: „Бѣлоруссы". Изв. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. 1904 г. Т. IX. кн. 2. См. *Тихановъ*. Брянскій говоръ. Сборникъ II Отд. Ак. Наукъ. Т. 76).

52) *Томсонъ*. Фонетическіе этюды. Р. Ф. В. 1905 г. № 2.

53) *Буслаевъ*. Историческая грамматика р. языка. М. 1875 г. (2 тома).

54) *Волковъ*. О не-новгородскомъ происхожденіи дьякона Григорія, писца Остр. Евангелія. Ж. М. Н. Пр. 1897 г. № 12.

55) *Владимировъ*. Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверновеликорусскаго нарѣчія въ XVI и XVII ст. Казань. 1878.

56) *Головацкій*. Пѣсня Галицкой и Угорской Руси. М. 1878. (Въ І-мъ томѣ: „Карпатская Русь". Очеркъ этнограф. и статистическій).

57) *Житецкій*. Очеркъ звуковой исторіи малор. нарѣчія. Кіевъ. 1875. (См. рец. *Потебни* въ „Отчетѣ о 20-мъ присужденіи Уваровской преміи").

58) *Ogonowski*. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880.

58) *А. Крымскій*. Укр. Грамматика. I. II. Мск. 1907.

60) *Потебня*. Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Ворон. 1871.

61) *Колосовъ*. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст. Варш. 1876.

62) *Его-же*. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка. Варш. 1878.

63) *Срезневскій*. Мысли объ исторіи русскаго языка. Спб. 1849 г. 2-е изданіе. Спб. 1887.

64) *Шимановскій.* Очерки изъ исторіи русскихъ нарѣчій. Варш. 1893.

55) *Hirt.* Akzentstudien. (Indogerm. Forschungen. VIII Band. 3 und 4 Heft и IX Band. 3 und 4 Heft. Strassburg 189[illegible] *Его-же*: Der Indogermanische Akzent. 1895).

6[illegible] *W. Vondrák.* [illegible]kirchenslavische Grammatik. Berlin. 1900.

67) *Его-же.* Vergl. slavische Grammatik. I. Göttingen. 1906.

68) *Флоринскій.* Лекціи по славянскому языкознанію. Кіевъ. 1895 и 1897 г. 2 тома.

69) *Brugmann*: Zum heutigen Stand der Sprachwissenschaft Strassburg. 1885.

70) *Sievers.* Grundzüge der Phonetik. 5-te Auflage. Leipzig. 1901.

71) *Bell.* The Principles of Speech and Vocal Physiology. London. 1865.

72) *Его-же.* Sounds and their Relations. London. 1882.

73) *Его-же.* A popular Manual of Vocal Physiology and Visible Speech. London. 1889. (Для физіологической классификаціи гласныхъ и согласныхъ звуковъ. См. № 2).

74) *Sweet.* A Handbook of Phonetics. Oxford. 1877.

75) *Его-же.* A Primer of Phonetics. Oxford. 1890. (Срв. № 17).

76). *Его-же.* Russian pronunciation. (Transactions. 1877—79).

77) *Н. Дурново.* Очеркъ исторіи р. языка. Вып. 2. Исторія формъ склоненія и спряженія. Харьковъ. 1913 г.

———

Здѣсь мною не указаны изданія памятниковъ въ ихъ полномъ объемѣ или въ частяхъ, не указаны также христоматіи или снимки съ памятниковъ, (напр. христоматіи *Буслаева*, *Каринскаго*, снимки *Срезневскаго*, *Соболевскаго* и др.), не указана и старая литература предмета. Нѣкоторыя же сочиненія, пропущенныя въ 1-мъ изданіи и вновь вышедшія послѣ выхода его въ свѣтъ, указаны выше въ самомъ текстѣ лекцій.

Казань. 1913 г.
Іюня 10-го дня.

Оглавленіе.

стр.

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано на стр. 269 „§ 47", а слѣдуетъ читать „§ 46" и такъ далѣе до конца на одинъ параграфъ *менѣе*.

Напечатано на стр. 194 „Глава IX-ая", а слѣдуетъ читать „Глава X-ая" и такъ далѣе до конца на одну главу *болѣе*.

— Гай Юлій Цезарь. Записки о Галльской войнѣ. Кн. II, съ введеніемъ и примѣчаніями. Текстъ и комментарій, съ картою Галліи. (Одобр. М. Нар. Просвѣщ.) Казань, 1912 г., ц. 60 к., въ перепл. 75 к.

— То же. Кн. III-я, съ введеніемъ и примѣчаніями. Текстъ и комментарій, съ картою Галліи. (Одобр. Мин. Нар. Просвѣщ.) Казань, 1912 г., ц. въ перепл. 75 к.

Отголоски славянской поэзіи. Переводъ профес. М. П. Петровскаго. Казань, 1913 г., ц. 1 р. 70 к.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова, заслуженнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета. По поводу 40-лѣтія его ученой и 50-лѣтія учено-литературной дѣятельности. Большой томъ 20+526 стр., съ портр. Корсакова, К. 1913 г., ц. 3 р. 90 к.

Селищевъ, А. Взгляды Карла Гавличка на Россію. Къ исторіи славянскихъ взаимоотношеній въ половинѣ XIX вѣка. Каз. 1913 г., ц. 85 к.

Спасскій, Н. А. Очерки по родиновѣдѣнію. Казанская губернія. Изд. 2-е, исправл. и дополненное, съ рисунк. и картою Казанской губ. (Въ первомъ изданіи одобр. М. Нар. Просв. и во второмъ одобр. Гл. Упр. Военно-учебн. завед.) 1913 г., ц. 1 р. 25 к.

Сотонинъ, К. Словарь терминовъ Канта. (Къ тремъ критикамъ). Каз. 1913, ц. 50 к.

— Таблицы по исторіи философіи. Казань, 1914 г. въ перепл. 1 р. 05 к.

Травинъ, К. Русская исторія въ разсказахъ для двуклассныхъ и городскихъ училищъ и для младшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Съ 29 рисунк. въ текстѣ и двумя портретами. Казань, 1913 г., ц. 40 к.

Печатаются и выйдутъ въ свѣтъ въ Мартѣ 1914 г.

Ковалевскій, М. О. Древній Востокъ и первобытная Греція. Курсъ II-го класса мужскихъ гимназій (по учебнымъ планамъ 1913 г.) съ 108 рисунк.

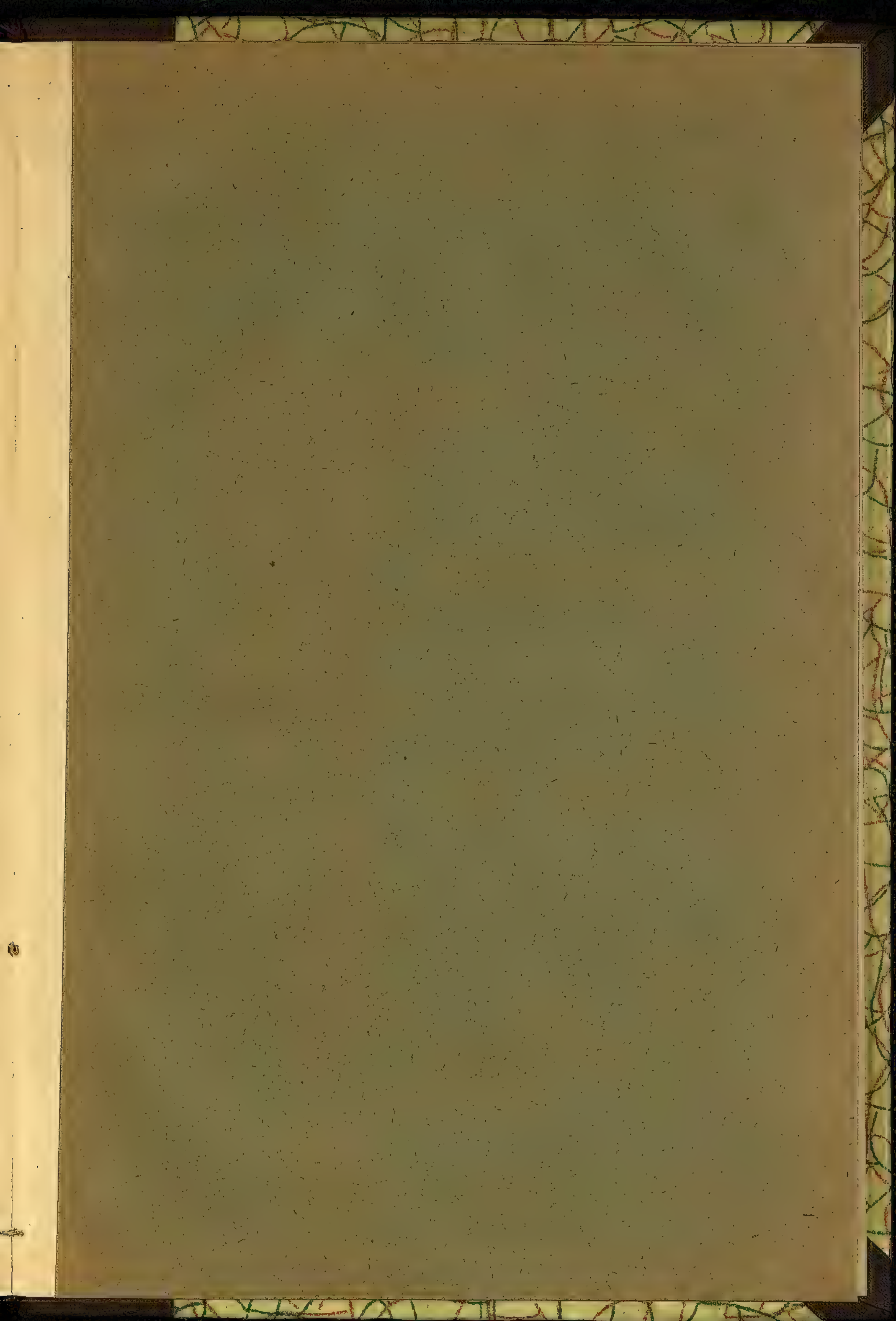
— Исторія Греціи и Рима. Курсъ III-го класса мужскихъ гимназій (по учебнымъ планамъ 1913 г.) съ 55-ю рисунк.

— Исторія древняго міра. Для реальныхъ училищъ и женскихъ гимназій. Съ 90—100 рис.

Харламповичъ, К. проф. Малороссійское вліяніе на Великорусскую церковную жизнь (XVI—XVIII вв.) т. I-й. Казань, 1914 г., ц. приблизительно 5 р. (выйдетъ въ началѣ января 1914 г.).

ДОСОКРАТИКИ.

Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Историко-критическій обзоръ и переводъ фрагментовъ, доксографическаго и біографическаго матеріала, прив.-доц. **А. О. Маковельскаго.** Ч. 1-я.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Казань, въ книжномъ магазинѣ

М. А. ГОЛУБЕВА

Воскресенская ул., д. Матвѣевскаго.

С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**
(влад. **И. П. Мазурецъ**).

Продается во всѣхъ лучшихъ столичныхъ и провинціальныхъ книжныхъ магазинахъ.

Цѣна 3 рубля.

